КАПИТАНЫ ФАНТАСТИКИ

БРАЙАН ОЛДИСС

Больше чем смерть

АЗБУКА-ФАНТАСТИКА

КАПИТАНЫ ФАНТАСТИКИ

БРАЙАН ОЛДИСС

Больше чем смерть

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО "АЗБУКА"
Книжный клуб "Терра"
1997

ББК 84.4 Вл
О 53

Иллюстрация на обложке
Copyright © by David Cherry / via agentur Schluck

Перевод с английского
Натальи Самариной и Бориса Конского

Олдисс Б.

О 53 Больше чем смерть: Романы, рассказы / Пер. с англ. — СПб.: Азбука — Терра, 1997. — 496 с.

ISBN 5-7684-0255-1

В настоящее издание включены романы знаменитого английского фантаста Брайана Олдисса «Сад Времени» и «На белой полосе».

© Н. Самарина, перевод, 1997
© Б. Конский, перевод, 1997
© «Азбука» — «Терра», 1997

ISBN 5-7684-0255-1

САД ВРЕМЕНИ

Роман

КНИГА ПЕРВАЯ

I. Постель из красного песчаника

Уровень моря медленно, незаметно для глаза понижался последнюю тысячу лет. Море лежало поблизости, и воды его были так спокойны, что трудно было сказать, откуда на нем мелкая рябь волн: из глубин ли к берегу они двигались или, построившись у береговой линии, неспешно отправлялись к центру. Впадавшая в море река нанесла сюда горы красного песка и гальки, образуя каменистые отмели и то и дело меняя русло. А в стороне от нового русла оставались окна-заводи; их зеркальная неподвижная поверхность поблескивала на солнце.

На берегу одного из таких озерков сидел человек. Берег вокруг него был пуст и безжизнен, как кость, иссушенная солнцем.

Человек этот был высок, строен и светловолос. В чертах его даже сейчас, когда он, казалось, отдыхал, сквозила угрюмая настороженность. Вся одежда его состояла из некоего подобия скафандра, только без шлема; за спиною — ранец, где помещался запас воды, пищевые концентраты, кое-какие материалы художника и несколько звуковых блокнотов.

Вокруг шеи расположился кислородный фильтр, для краткости иногда называемый «дыхалкой». Состоял он из обруча, на котором позади шеи было прикреплено моторное устройство, а из трубки спереди лицо человека обдавал свежий воздух.

Этому одинокому Страннику по имени Эдвард Буш можно дать лет сорок. Как часто случалось в последнее время, он был мрачен.

Уже несколько лет он пребывал в состоянии, подобном полному штилю. Жизнь его потеряла всякое направление, как не направлены были воды лежавшего в двух шагах моря. Временная работа в Институте Уинлока не помогла заглушить подсознательного ощущения, что он подошел к некоему перекрестку — и остановился. Выходило так, будто все движущие им физические механизмы встали, оттого что истощились силы, приводившие их в действие.

Охватив колени руками, Буш оглядывал поверх холмов из гальки необозримое пространство моря с его мертвой зыбью. Откуда-то издалека донесся стрекот мотоциклетного мотора.

Буш обеспокоенно вскочил и поспешил к своему мольберту: он не терпел, когда его видели за работой. Однако, мельком взглянув на незавершенную картину, он невольно поморщился: работа ни к черту не годилась. И это доказало еще раз, что как художник он был человек конченый. Возможно, именно от этой мысли искал он спасения в прошлом и страшился возвращения в «настоящее».

А Хауэлс, конечно, ждет не дождется его отчета... Теперь и Хауэлс присутствовал в картине. Буш попытался изобразить исходившее от моря ощущение бесконечности и пустоты при помощи сырого листа бумаги и акварели — приходилось обходиться лишь этими скудными средствами.

За кистью тянулась расползавшаяся по сырому полоса насыщенного цвета. Буш предоставил краске полную свободу действий и через мгновение расхохотался: над угрюмой гладью моря вставало пурпурное солнце-лицо с чертами Хауэлса.

Так. А тут, у левого края листа, приземистое деревцо. И тоже кого-то напоминает... Он направил к нему кисть.

— Это ты, мама, — проговорил он. — Вот видишь, я не забыл о тебе.

Неясные черты его матери обозначились в древесной кроне. Он увенчал ее короной: отец частенько называл ее королевой — любя и иногда в шутку. Так и отец его попал в картину.

Буш отстранился немного, рассматривая акварель.

— А что, не так уж и плохо, — обратился он к туманному женскому силуэту, что маячил позади него в отдалении.

Он снова обмакнул кисть в краску и подписал акварель: «Семейный портрет». Ведь и сам он в нем присутствовал — вернее, все это находилось в нем.

Буш снял лист с мольберта, захлопнул этюдник и пихнул его в ранец. Солнце одарило его последними тусклыми лучами, прежде чем отойти ко сну за пологие холмы. Они были угрюмо пустынны, и лишь кое-где вдоль реки пробивались чахлые псилофиты. Длинные тени от них прочертили песок; однако Буш не отбрасывал тени.

Отдаленный рокот моторов — единственный звук, нарушавший великое девонийское безмолвие, — раздражал его до крайности. Уголком глаза он уловил неясное движение и невольно подскочил. Четыре костистых плавника черкнули поверхность заводи, спеша к мелководью. Существа карабкались на берег. Они забавно поворачивали головки, защищенные роговыми пластинками, — ни дать ни взять средневековый рыцарь в шлеме. Буш потянулся было к фотоаппарату, но затем передумал: он уже снимал таких.

Амфибии — по суше они передвигались на коротеньких ножках — безмятежно рыли носами ил в поисках пропитания. Когда-то, на гребне своего гения и славы, Буш использовал идею этих панцирных голов в одной из лучших своих композиций.

Стрекот моторов внезапно прекратился. Буш обозрел окрестности, для чего пришлось взобраться на ближайший галечный холм. Ничего нового не бросилось в глаза, но, похоже, дальше по берегу все же были люди.

Темноволосая Леди-Тень не исчезала, но и не приближалась. Она, как всегда, составляла какую-никакую компанию.

— Надо же — все точно по учебникам! — горько-насмешливо обратился к ней Буш. — Этот берег... эволюция... недостаток кислорода в гибнущем океане... Рыбы, разгуливающие по суше. Отец бы сейчас на моем месте не преминул произнести глубокомысленную тираду.

Ободренный звуками собственного голоса, он начал вслух декламировать (подражая отцу — тот был сам не свой до стихотворных цитат):

— «Весна... вода... Гонгула...» И все такое. Чертовски длинно все это.

Ну право же, надо хоть иногда посмеяться, иначе тут попросту слетишь с катушек. Он набрал полные легкие свежего воздуха из фильтра, косясь украдкой на своего опекуна-соглядатая. Леди-Тень все еще была здесь, бесплотная и недосягаемая, как всегда. Охраняла она его, что ли. Буш протянул к ней руку, сам зная, что бесполезно это: он не смог бы коснуться ее, так же как и красного песка или воды мертвого моря.

Конечно, разглядывать сквозь кого-то холмы — занятие не из приятных. Буш прилег на склоне прямо на гальку, снова обратив взор к угрюмому морю. Может, подсознательно он ждал, что вот сейчас с шумом и фырканьем выпрыгнет из воды доисторическое чудище — и разлетится осколками давящее на уши безмолвие, затопившее все вокруг и его самого.

Берега... Все они похожи и переходят один в другой. Над ними не властно время. Вот этот плавно перетекал в берег его детства, и в памяти возникал тот хмурый воскресный день, когда родители ссорились уж очень бурно и жестоко. А он, дрожа, жался к задней стене дома, невольно принимая и на себя частицу этого шквала горечи и ненависти. Буш даже почувствовал ногой камешек, что забился тогда в его сандалию. Если бы он способен был вычеркнуть из памяти свое детство, можно было бы начать сначала жизнь — творческую жизнь!.. Может, включить в композицию очертания того дома, или...

Вот так всегда — он мог сколько угодно праздно валяться, глядя в небо и создавая (в мыслях) новый пространственно-кинетический группаж, не решаясь на деле

приняться за его исполнение. Но лавры его искусству (ха!) достались слишком рано и слишком легко — возможно, оттого, что он был первым художником, отправившимся в Странствие Духа. А его дар и строгие, почти монохромные композиции из подвижных блоков, труб и лесенок, символизировавшие для Буша пространственные отношения и сам ход Времени, сыграли тут роль второстепенную.

Все это было слишком просто, слишком прозрачно — и, может, поэтому стяжало ему такую славу пять лет назад. Но теперь — теперь все будет не так. Вместо того чтобы оживлять и наполнять смыслом мертвую материю, он должен извлечь уже живое, значимое, осмысленное изнутри. Насколько ближе оказался бы он тогда к высшему разуму и к истинному макрокосмическому Времени!.. Вот только он не знал, с чего начать.

Опять приглушенно стрекотнули моторы — песок гасил все звуки. Но Буш отмел назойливый стрекот в сторону, не позволяя своей мысли уклониться от выбранного русла. В его мозгу выстраивались замысловатые комбинации, которые, он это знал, никогда не воплотятся в материале. Он, Буш, бросился с головой в Странствия Духа, пытаясь разомкнуть круг, в который сам себя загнал. Здесь обострялось ощущение и менялось восприятие времени — в этом была главная проблема его эпохи. Но, вопреки ожиданиям, в девонийской пустыне он не нашел ничего, что можно было бы воплотить в произведение искусства.

Старик Моне выбрал правильный путь (правильный для его века, разумеется), сидя у себя в Гиверни, преобразуя водяные лилии в цветовые композиции и поймав таким образом ускользающее время — свое. Моне и думать тогда не думал о девонийской или там палеозойской эре.

Поле деятельности человеческого сознания настолько расширилось, оно настолько было поглощено преобразованием всех и вся по своему усмотрению, что искусство не могло существовать в стороне от всего этого — иначе оно бы просто не воспринималось. Нужно было изобрести нечто совершенно новое — даже биокинети-

ческая скульптура прошлого столетия была уже пройденным этапом.

Новое искусство дало корни и ростки в его собственной жизни. Она, эта жизнь, была подобна водовороту: его чувства и эмоции низвергались к центру бытия, стремясь вперед, как лавина, но затем неизменно возвращаясь к точке исхода.

Превыше всех художников Буш ставил Джозефа Мэллорда Уильяма Тёрнера. Его жизнь, пришедшаяся на период, подобный нынешнему, — тогда наука и техника тоже пытались изменить понятие о времени — также развивалась водоворотом. Последние его работы прекрасно это отражают.

Итак, водоворот: символ того, как каждый предмет или явление Вселенной вихрем проносятся вокруг человеческого глаза — точно так же вода стремится в отверстие раковины.

Снова эта мысль в сотый, тысячный раз вернулась к нему. На этот раз ее спугнули моторы.

Недовольно ворча, Буш сел на песке и еще раз оглядел округу. Мотоциклы уже показались, безупречно ровный строй их был виден очень отчетливо. Предметы его собственного измерения казались глазу намного темнее, чем если бы они существовали по ту, а не по эту сторону энтропического барьера, — барьер скрадывал до десяти процентов света.

Десяток мотоциклистов приближался. Девонский пейзаж казался в сравнении с ними блеклой театральной декорацией; и это еще раз доказывало, что мотоциклисты и их окружение непостижимо друг от друга далеки.

Мотоциклетки были специальной, облегченной модели — для удобства транспортировки. В обычных условиях их колеса подняли бы тучи песка, но здесь не шевельнулась и песчинка. Что не дано, то не дано. Мотоциклисты спешились у ближнего холма.

Буш наблюдал, как они суетились и копошились, натягивая палатку. Все вновь прибывшие были облачены в зеленые комбинезоны — видимо, подобие униформы. У одного из зеленых комбинезонов пряди соломенных

волос волной спускались к талии. Надо ли говорить, что после этого интерес Буша к Странникам заметно возрос.

Возможно, они уже углядели Буша на расстоянии, потому что четверо вдруг поспешили в его сторону. Буш не пошел им навстречу — притворился, будто не видит, а сам решил сначала составить о них впечатление, украдкой поглядывая на диверсантов.

Все пришельцы были рослыми, кислородные фильтры свободно болтались вокруг их шей. У одного на комбинезоне красовалась нашивка — голова рептилии. Как обычно бывает в таких группах, возраст ее участников колебался от тридцати до сорока; таких в шутку называли «молотками». Они были самыми молодыми из тех, кому по силам совершить Странствие Духа. Среди них были и женщины.

Хотя Буша и раздражало присутствие чужаков, один взгляд на девушку — ту самую, с соломенными волосами — зажег в нем обычный костер вожделения. Волосы эти, кстати заметим, при ближайшем рассмотрении оказались грязны и неухоженны, а на лице девушки не оказалось привычного слоя косметики. Черты ее лица были чуть заострены, но это не придавало ее облику решимости; сложения она была легкого и изящного. Разум Буша не нашел в этой девушке ничего исключительно привлекательного, но где-то в подсознании прочно засел ее образ и мысль о ней.

— Эй, друг, какого черта ты тут забыл? — вежливо поинтересовался один из вновь прибывших, все еще на расстоянии глазея сверху вниз на сидящего Буша.

— Отдохнуть вот дома забыл; присел было здесь — а вы тут как тут со своими тарахтелками. — Буш решил все-таки встать, чтобы получше разглядеть собеседника. Первое, что бросилось ему в глаза, — глубокие впадины под каждой щекой, которые язык бы не повернулся назвать ямочками. Короткий туповатый нос, сам худощавый, взъерошенный, хваткий — в общем, неприятный тип.

— Ты что — устал или как?

Буш расхохотался — так забавно было наигранное участие незнакомца. Все его смущение вмиг улетучилось, и он ответил:

— Скорее, «или как» — в космическом масштабе: от размышлений и бездействия. Видите эту рыбу в доспехах? — Он чуть переместил ногу, и она прошла как раз сквозь тулово рептилии, которая продолжала сосредоточенно рыться в водорослях. — Вот, лежу здесь с самого утра и наблюдаю за их эволюцией.

Аудитория схватилась за животы в приступе хохота. Один, чуть оправившись, с едкой ухмылочкой бросил:

— А мы было подумали, что ты сам тут эволюционируешь! — При этом он оглядел слушателей с апломбом актера, ожидающего аплодисментов.

Несомненно, он был записным остряком группы, но успеха не имел. Реплика его осталась без внимания, а предводитель группы адресовался к Бушу:

— У тебя, похоже, мозги той рептилии, тебя здесь за будь здоров смоет приливом, попомни мои слова!

— Это море мелеет уже миллион лет. Читайте газеты!

Когда все отсмеялись, Буш продолжил:

— Может, у вас найдется что-нибудь съестное в обмен на концентраты?

Девушка впервые заговорила:

— Жаль, что мы не можем вот так запросто сграбастать вашу эволюционирующую рыбину и сварить уху. Никак не привыкну к этой странной штуке — изоляции.

Зубы ее были ровные и крепкие, хотя давно стосковались по пасте и щетке — как, впрочем, и она сама.

— Давно вы здесь? — поинтересовался Буш.

— Только что из две тысячи девяностого — неделю как тут бродим.

— А я здесь уже года два. Во всяком случае, в настоящем я не бывал два года, а может, с половиной... Послушайте, а вам легко верится в то, что скоро эта рыба-пешеход заляжет в вечную спячку на красный песчаник, и к нашему времени...

— Сейчас мы направляемся в юрский период. — Предводитель, видимо, из тех, кто слышит только себя и себя касающееся. — Приходилось тебе там бывать?

— Еще бы. Тамошняя пустыня постепенно превращается в ярмарочную площадь или что-то вроде того.

— Ну, мы-то себе место найдем, а не найдем — так расчистим.

К палаткам группа возвращалась уже в компании Буша. Там выяснилось, что худощавого предводителя с ямочками-рытвинами звали Лэнни, остряка — Питом, а девушку — Энн (она, как считалось, принадлежала Лэнни). Буш представился фамилией и этим ограничился.

Всего в отряде было шесть мужчин, все на мотоциклах, и четыре девушки — они, очевидно, Странствовали по девонийским пустыням на задних сиденьях тех же машин. Все они, кроме разве Энн, были весьма неброски. Публика занялась мотоциклами; один Буш праздно присел в сторонке. Он огляделся, ища Леди-Тень; она исчезла. Возможно, она яснее других поняла причину, в силу которой Буш пристроился к группе.

Единственный из вторженцев, кто показался Бушу хоть сколько-нибудь интересным, был куда старше остальных. Волосы его были что-то уж слишком неестественно черны — очевидно, крашеные. Под длинным носом кривился рот, и выражение его невольно привлекало внимание. Человек этот пока не раскрывал своего примечательного рта, но обозревал Буша спокойно-сосредоточенно.

— Говоришь, уже третий год Странствуешь? — спросил Лэнни. — Ты миллионер или как?

— Художник. Живописец и группажист. Я делаю пространственно-кинетические группажи — если вы представляете, что это такое. А официально работаю в Институте Уинлока, куда вскорости и вернусь.

Лэнни хмыкнул и вызывающе сощурился:

— Дудки. Не можешь ты работать в Институте. Я что, не знаю? — они посылают только статистов, да и тех самое большее — месяцев на восемнадцать. А ты туда же — два с половиною года! Нечего со мной шутковать — говори прямо!

— Я и говорю прямее некуда. Верно, меня послали на восемнадцать месяцев, но я — я просто остался тут на год подольше, вот и все.

— М-да. Пустят тебя тогда на шнурки для ботинок — прямо на Стартовой.

— Да ничего подобного! Если хочешь знать, я — один из опытнейших Странников. Мне однажды даже удалось приблизиться к историческим временам, чего пока еще никто не может. Так что меня ценят, а для шнурков полно другого материала.

— Ну, сейчас-то ты к ним не ближе нас, разгуливая по девону. Так я тебе и поверил.

— Да не верь, пожалуйста, кто тебе мешает. — Буша передергивало от этого переливания из сита в решето, а потому он вздохнул с облегчением, когда Лэнни сердито отвернулся.

В разговор встрял один из «молотков»:

— Весь год работали, как проклятые, на «зеленькие», потом тренировки и все такое; вот прибыли сюда... И надо ж такое — до сих пор не верится, что мы — тут.

— И правильно не верится: практически нас тут нет, в этом измерении и времени. Вселенная — здесь, а мы — нет. В Странствиях Духа еще много такого, до чего пока не дойти своим умом. — Буш произнес это тоном воспитателя, объясняющего несмышленышу, как держать ложку за обедом. Сам он все еще не стряхнул с себя неловкости, вызванной предыдущим разговором.

— Может, ты нас нарисуешь? — вставила Энн. Единственная реакция на род его занятий.

Буш заглянул ей в глаза и, как показалось ему, правильно расценил их выражение.

— Если вы будете мне интересны — пожалуйста.

Ему было все равно, что ответят. Он разглядывал Энн, которая отвела взгляд. Ему показалось, что он физически ощущает ее присутствие — здесь ни до чего не дотронешься, это верно; но ведь она была из его времени.

Кто-то все-таки решил ответить на давний вопрос о роде занятий:

— Мы все, кроме Энн и вот Джози, пробавлялись на Бристольской Станции временных исследований. Знаешь такую?

— Угу. Там мой группаж в фойе. Может, помните — при входе, с подвижными лопастями, называется «Траектория Прогресса».

— А, та самая адская штучка! — Процедив, как сплюнув сквозь зубы, эту рецензию, Лэнни швырнул недокуренную сигарету в море. Она так и лежала на волнах (вернее, над волнами), помигивая, пока не погасла за недостатком кислорода.

— А мне нравится, — ввернул Пит. — Похоже на пару будильников, которые врезались друг в друга по ночному времени и подают сигнал SOS! — Он начал было хихикать, но его не поддержали.

— Нечего над собой смеяться — на это есть другие, — резко оборвал его Буш.

— А ты давай, крути педали, — неожиданно возник и рявкнул Лэнни. — Тоска берет от твоих сахарных речей. Так что тикай, пока ноги на месте.

Буш не спеша поднялся с земли. Не много удовольствия получить взбучку — от кого бы то ни было; а все в этой шайке-лейке, исключая Лэнни, были как на подбор здоровяки.

— Если вам не нравятся мои темы для разговора, могли бы предложить собственные.

Да ты нам уже вконец мозги сквасил. Один твой «вечно красный песчаник» чего стоит.

Все, что я тогда сказал, — чистая правда. — Буш указал на человека с окрашенными волосами, что стоял чуть поодаль. — Спроси у него, у своей подруги... Все, что вы видите здесь, к две тысячи девяностому году спрессуется в несколько футов красного камня. Все: галька, рыбы, растения, солнечный и лунный свет, сам здешний прозрачный воздух — все вберет в себя красная глыба, кажущаяся мертвой. Если вы впервые об этом слышите, если вас не трогает поэзия всего этого — зачем же тогда годами копить деньги на Странствие сюда?

— Ничего такого я не говорил, не заедайся. Сказал только, что ты мне до чертиков надоел.

— Уж чего-чего, а относительно друг друга наши мысли совпали.

Оба зашли слишком далеко, чтобы остановиться без посторонней помощи. Пришлось Энн на них прикрикнуть.

— Он говорит как художник, ведь правда? — встряла толстушка Джози, обращаясь в основном к крашеноволосому человеку постарше.. — В том, что он сказал, и вправду что-то есть. Мы не замечаем здесь даже того, что постоянно перед глазами.

— Увидеть и познать чудо может каждый, — был ответ. — Только многие этого боятся.

— Я хотела сказать: вот море, с которого все началось, а вот мы. — Джози с трудом продиралась сквозь дебри абстрактных понятий, которые не так-то просто постичь с ее интеллектуальным багажом. — Ну и вот. Стою я, смотрю на воды моря и никак не отделаюсь от мысли, что это — конец мира, а не его начало.

Буш с изумлением констатировал, что нечто подобное уже приходило ему в голову несколькими часами раньше. Просто замечательная идея; Буш подумал было, не переключиться ли ему с той девушки на эту. Все остальные насупились — попытались принять глубокомысленный вид. Лэнни вскочил в седло, дернул ногой стартер, и машина рванулась прочь.

То, что ни песчинка не шевельнулась под колесами, повергало в прах все физические законы. Их маленькую группку ограждала невидимая, но непреодолимая энтропическая стена. Четверо товарищей Лэнни тоже оседлали мотоциклы, и двое из девушек заняли места позади них. Ни слова не говоря, сорвались они с места к пустынной равнине, над которой птица-ночь уже простерла свое крыло. Темнело; прибрежный ветерок ерошил листья растительности. Буш остался на холме со Странником постарше, Джози и Энн.

— Вот вам и ужин, — мрачно подытожил он. — Если кому-то не нравится мое общество — пожалуйста, я уйду. Я обосновался тут неподалеку. — Он неопределенно махнул рукой, поглядывая в то же время на Энн.

— Не бери ты в голову, что там говорит Лэнни, — попыталась успокоить его Энн. — Он человек настроения.

Буш подумал про себя, что не встречал еще такой фигуры; она была давненько не мыта, что правда, то правда, — но и это соображение не помогло ему унять

внутреннюю дрожь. В энтропической изоляции до Странников не доходили звуки, запахи, ощущения внешнего мира. Другое дело — человек из твоего собственного времени: тут все в порядке. Ну а эта девушка... Появилось даже полузабытое ощущение, вернее предвкушение, — такое случается, когда вдруг приглашают на банкет. И было что-то еще, смутное и непонятное, чему он, Буш, еще не подобрал названия.

— Ну вот, теперь все нелюбители серьезных разговоров нас оставили, присядем же и поговорим, — предложил тот, постарше. Конечно, может, рот его и всегда так кривился, но Буш интуитивно заключил, что над ним издеваются.

— Да нет, я, пожалуй, задержался дольше, чем следовало. Пойду.

К изумлению Буша, чернокрашеный незнакомец подошел и пожал ему руку.

— Странная вы публика. — Буш передернул плечами и пошел вдоль берега к своему одинокому лагерю. Какая-то темная жуть приближалась со стороны моря, размахивая призрачными крыльями.

У Буша все не шла из головы мысль о том, что девушка для него потеряна навсегда. И тогда он подумал: какой же смысл поместить человека в этой гигантской бесконечной Вселенной, а затем позволить ему дерзко бросать ей вызов? Зачем наделен он стремлениями, которые не в силах ни контролировать, ни исполнить?..

— ...А я все никак не привыкну к тому, что здесь ни до чего не дотронешься.

Энн брела рядом с ним. Теперь он даже слышал поскрипывание ее высоких ботинок.

— Я уже привык; а вот запаха этого места мне недостает. Кислородные фильтры черта с два пропустят. — Тут он остановился, как будто до этого разговаривал сам с собой и только теперь обнаружил ее присутствие. — А что, так необходимо меня преследовать? В хорошенькую же историю я влипну по твоей милости! Нет уж, все колотушки пусть останутся при твоем дружке Лэнни. Во всяком случае, я тебе не пара.

— А это мы еще посмотрим.

Они глянули друг на друга одновременно и умолкли — как будто что-то важное должно было решиться в молчании. И побрели бок о бок. Буш, наконец, решился — вернее, разум покинул его. Они спустились в долину реки и направились вверх по течению, крепко держась за руки. Лишь на мгновение сознание того, что происходит, озарило его мозг; но вспышка тут же погасла.

Теперь они шли по самому берегу, по россыпям огромных расколотых раковин. Буш как-то видел такие в одной заумной научной книжке. С первого взгляда они напоминали скорее челюсти какого-то животного, чем покинутый дом живого существа. Все-таки было противоестественно, что они не похрустывали под ногами. Случайно опустив глаза, он увидел, что ноги его брели не по ракушечнику, а, скорее, сквозь него. Видимо, грунт их измерения пролегал ниже девонийского.

Они остановились в нишеобразной долине, окаймленной со всех сторон холмами, — и буквально вцепились друг в друга. Пристально глядя в глаза другому, каждый видел в них разгорающийся огонь. Буш не смог бы сказать, долго ли они стояли так и ни о чем не говорили. Помнил он одну только фразу, сказанную Энн:

— До нашего рождения — миллионы лет, а значит, мы вольны делать все, что вздумается. Разве не так?

Ответа своего он не помнил. Припоминалось потом, как он уложил ее на песок, что не был для них песком, стащил с нее высокие ботинки и помог снять брюки. А она восприняла все как должное, полностью и безропотно подчинившись ему.

Далеко за песчаными холмами глухо рявкнули мотоциклетные моторы. Это немного отрезвило Буша.

— Мы должны быть наги, как наши дикие предки... Мы ведь дикари, правда, Буш?

— О да. Тебе не представить, насколько я обычно далек от дикарства. Сорокалетний ребенок, запуганный матерью, весь в сомнениях и страхах... Не то что твой Лэнни.

— Этот-то? Да брось. Он тоже в постоянном страхе. Говорил, что от своего старика ему в детстве крепко доставалось, вот он и...

Лица их были совсем рядом. Вечерняя мгла полустерла их черты, и оба в потемках блуждали по запутанным лабиринтам собственного сознания.

— Я сам его побаиваюсь. Вернее, испугался, как только впервые увидел. Решил, что он меня непременно поколотит... Эй, в чем дело, Энн?

Она села, внезапно посуровев.

— Я не для того пришла, чтобы выслушивать истории о том, каким слабаком ты оказался. Все вы, мужчины, одинаковы — не одно, так другое не на месте!

— Вовсе мы не одинаковы! Но ладно, давай поговорим о чем-нибудь. Я ведь долгие месяцы ни с кем не говорю, не вижусь. Я замурован в этом безмолвии, как в стене. И дотронуться ни до чего нельзя... Знаешь, меня уже преследуют призраки. Конечно, надо бы вернуться назад в две тысячи девяностый, повидать мать; но стоит мне показаться в Институте... Ох, даже подумать мерзко.

— Слушай-ка, я вовсе не собираюсь распускать нюни с тобой за компанию.

За мгновение до этого Буш не чувствовал ничего, кроме любви к ней. Теперь же волна гнева захлестнула его с головой; он швырнул ей обратно раскиданную по песку одежду.

— Вот что, напяливай штаны и катись обратно к своему распрекрасному кавалеру. Какого дьявола пошла ты со мной, если была такого обо мне мнения?

А она будто не заметила его вспышки.

— Ну, я ошиблась. Сначала ты представлялся мне несколько другим... Но не волнуйся, я даже рада этой ошибке.

Буш вскочил, натягивая брюки, разъяренный на весь мир — но больше на себя. Он обернулся — и на гаснущем небе вычертился неподалеку силуэт Лэнни. Тот, завидев Буша, просигналил рукой остальным: «Эй, тут он!»

— Я тут, — подтвердил Буш. — Ну, что же вы там замешкались — в песке застряли? Подходите. — На самом деле он здорово перепугался: ведь, если ему повредят глаза или пальцы, он никогда не станет снова художником. Полицейские патрули здесь пока не додумались поставить. А их целая шайка, и они сделают с ним все, что

пожелают. Но затем на память вдруг пришли слова: ведь Лэнни тоже был знаком страх. И он сделал несколько шагов вперед. Лэнни сжимал в кулаке какой-то инструмент, вроде гаечного ключа.

— Эй, Буш, я уже почти до тебя добрался! — крикнул он не совсем уверенно и оглянулся через плечо — где там сподвижники. Буш не стал дожидаться, пока противник решится атаковать, — наскочил, обхватил и тут же завладел инициативой. Это оказалось вовсе не трудно. Только Лэнни воздел свой гаечный ключ, как Буш ухватил его за запястье, свалил с ног, и оба покатились по земле. Наконец Бушу удалось так удачно пнуть противника, что тот сник и жестом заявил о капитуляции.

Буш поднялся; остальные храбрецы, числом четверо, уже стояли рядом.

— Ну, кто следующий? — подбоченился Буш. Такого желания никто не изъявил. Тогда он махнул рукой в сторону их поверженного предводителя: можете, мол, забрать.

«Молотки» вяло повиновались. Один из них бросил угрюмо:

— Ты первый начал. Мы вообще не собирались тебя трогать; но ведь Энн — девушка Лэнни, так?

Бойцовский дух мигом слетел с Буша. По-своему они были совершенно правы.

— Ну, я ушел, — объявил он. — А Лэнни пусть забирает свою девушку.

Пора было снова отправляться в Странствие; куда — неважно, только скорее отсюда, в другое время, другое пространство. Он быстро зашагал в обход холмов к палатке, время от времени оглядываясь: не преследуют ли? Немного погодя он услышал рев моторов, оглянулся и следил, как огоньки их фонарей уходили цепью вдаль. Леди-Тень возникла снова; он наблюдал за исчезавшими огоньками сквозь ее бесплотную оболочку. Она снова заняла свой пост; Буш теперь не сомневался, что она явилась из далекого будущего — далекого даже для него самого. В зрачках ее зажглись первые звезды.

Рядом послышался шорох — Энн таки не отстала.

— Что, не принял назад хлипкий кавалер?

— Да побудь ты самим собой хоть немного! Я хотела поговорить.

— О небо! — Он снова взял ее за руку и повел за собой через пески. Не сказав друг другу больше ни слова, они взобрались к палатке и нырнули вовнутрь.

II. Вверх по энтропическому склону

А когда он проснулся, ее уже не было.

Потом он долго лежал, уставившись в брезентовую палаточную крышу, и размышлял: стоило сожалеть или нет. Он остро нуждался в обществе, хотя оно его часто угнетало. Он стосковался без женщины, хотя ни с одной из них не бывал счастлив. Он жаждал бесед, хотя знал, что разговор есть признак неспособности к общению.

Он оделся, плеснул в лицо водой и выбрался наружу. Энн и след простыл. Впрочем, какой след можно здесь оставить?..

Солнце уже палило. Это вечное неутомимое горнило изливало потоки жара на землю, где еще не залегали угольные пласты и многого, многого пока еще не было... У Буша разболелась голова. Он остановился и, почесывая в затылке, стал прикидывать, с чего бы это: может, из-за треволнений вчерашнего дня или давления свободных ионов? Решил остановиться на последнем. Он, и те горе-мотоциклисты, да и все остальные Странники и не жили по-настоящему в этом незаселенном пространстве и времени. Да, они сюда прибывали, но их контакт с реальной, по-ту-сторону-барьерной девонийской эпохой происходил лишь на уровне экспериментов — через барьер. Человек покорил себе мимолетное время — похоже, это удалось-таки интеллектуалам из Венлюкова Института. Но поскольку это мимолетное время — не более чем тиканье часов, Вселенная оставалась совершенно безразличной к чванливым заявкам человека.

— ...Так ты когда-нибудь сделаешь с меня группаж?

Буш обернулся. Энн стояла в нескольких шагах поодаль, выше по склону. То ли случилось что-то с его

глазами, то ли со спектром, но ее силуэт показался ему необычно темным. Он не мог даже различить черт ее лица.

— А я решил было, что ты вернулась к друзьям.

Энн спустилась наконец и подошла ближе. Длинные волосы ее по-прежнему были неприбраны и лохматились, так что она еще больше напоминала озорного сорванца.

— Ты *надеялся* или *боялся*, что я вернулась к ним?

Буш хмуро на нее покосился. Человеческие отношения его утомляли; возможно, поэтому он и задержался так надолго в этой пустыне.

— Я все никак тебя не разгляжу, — щурился он. — Это все равно что смотреть сквозь две пары темных очков. И вообще, все мы на самом деле не те, кем кажемся.

Она снова бросила на него свой рентгеновский взгляд, но теперь взгляд этот был явно сочувственным.

Что тебя все мучает? Наверняка что-то серьезное.

Ее участие ломало в нем плотину, преграждавшую выход целой волне эмоций.

— Все как-то не соберусь рассказать тебе. Не знаю, что со мной. В голове полный хаос.

— Расскажи, если от этого станет легче.

Он понурил голову:

То самое, что сказала вчера Джози. Что все это — не начало, а конец мира. И если это правда, если я смогу начать жизнь сначала, то... то можно будет наконец распутать ненавистный клубок, что так мешает мне...

Энн рассмеялась:

— А потом — назад во чрево, да?

Буш почувствовал себя худо. Надо бы сообщить в Институт, а то в этих проклятых немых лабиринтах недолго и рассудок потерять. Он не мог сейчас ответить Энн. Тяжко вздохнув, он побрел к палатке и вытащил затычку, чтобы выпустить воздух. Палатка съежилась и повалилась наземь, несколько раз судорожно дернувшись. Его никогда не занимал этот процесс, а сейчас движение странно отдалось у него внутри.

Но ни один мускул не дрогнул в лице Буша, когда он складывал палатку. По-прежнему игнорируя стоявшую неподалеку Энн, он достал из ранца свой скудный

запас провизии и начал нехитрые приготовления к завтраку. Обычно Странники Духа брали с собою запас пищевых концентратов — как говорится, и дешево и сердито. Он уже несколько раз пополнял свои запасы, в основном у встречных коллег, которые возвращались в свое «настоящее» раньше срока — не выдерживали непроницаемого безмолвия. И потом, у его друга был магазинчик в юрском.

Когда на сковороде зашипела говяжья тушенка с салом, Буш поднял глаза, пока не скрестил шпагу-взгляд с Энн.

— Может, присоединишься, перед тем как убраться отсюда?

— Как отказать, когда так галантно приглашают. — Она присела рядом, улыбаясь. «Благодарит, что составил ей какую-никакую компанию», — подумал он.

Да ну же, Буш! Я не хотела тебя обидеть. Ты такой же недотрога, как Стейн.

— Это еще кто?

— Да тот, с крашеными волосами, он был старше нас всех. Помнишь, он еще пожал тебе руку.

— Ну да. Как это он к вам затесался?

Ему собирались устроить темную, а Лэнни его спас. Он страшно нервный. Знаешь, стоило ему тебя увидеть, как он решил, что ты — шпион. Он из две тысячи девяносто третьего и говорит, что там сейчас несладко.

Бушу вовсе не хотелось сейчас думать о девяностых и о вялом мирке, в котором жили его родители. А Энн продолжала:

Послушать Стейна, так к Странствиям на всю жизнь охота пропадет. Нет, подумать только: он утверждает, что Уинлок кругом не прав и что мы думаем, что мы здесь, а на самом-то деле нас здесь нет, и много всего другого. Еще он говорил, что в подсознании осталось много уголков, еще не исследованных нами; и в таком случае никто не знает, чем могут обернуться наши Странствия.

— Что ж,, возможно. Концепция подсознания была разработана в две тысячи семьдесят третьем, а первое Странствие Духа совершено года через три, не раньше.

Так что вполне может открыться еще что-то новое... Но что Стейн мог об этом знать?

— Может, просто хорохорился, старался произвести впечатление.

Она сняла стрелявшую маслом сковородку с походной плиты.

— Знаешь, этот Девон у меня уже в печенках сидит. Может, отправишься со мной в юрский?

— А разве не там Лэнни со товарищи?

— Так что с того? Ведь период же огромный...

На мгновение что-то странное овладело им; он вспомнил о собственном намерении и сразу согласился:

— Хорошо. Отправляемся вместе.

— Чудесно! Знаешь, я страшно боюсь Странствовать одна. Мою маму, например, ты никаким калачом не заманил бы на такую авантюру, хотя бы и в компании. Режьте меня, ешьте, говорит, я и с места не сдвинусь, да и тебя одну не пущу. Да, людям ее поколения никогда на такое не решиться. Эх, почему мы преодолеваем такие пласты времени, а заглянуть на три-четыре десятилетия назад — никак? Ничего не пожалею, ей-же-ей, чтобы посмотреть, как наш старик ухаживал за мамой. Держу пари, вот была бы сценка из дешевого фарса — в который они, впрочем, превратили всю свою совместную жизнь.

Буш промолчал, и Энн недоуменно ткнула его кулачком в бок:

— Эй, что же ты не отвечаешь? Вот уж не поверю, что не хотел бы подглядеть своих предков за этим!

— Энн, это кощунство!

— Да брось ты! Сам сказал бы то же, случись тебе меня опередить.

Буш покачал головой.

— О своих родителях я знаю достаточно и без таких экспериментов. Но, боюсь, большинство того же мнения, что и ты. Уинлок как-то проводил опрос среди сотрудников Института, который обнаружил у Странников — скажем так, у большинства — определенную склонность к кровосмешению. Отчасти это — главный, хотя неосознаваемый повод заглянуть в прошлое. Результаты опроса

только подтвердили лишний раз правоту психоаналитиков в их выводах о человеческой природе.

Согласно общепринятой теории, человек считается разумным существом с того момента, когда был наложен запрет на эндогамию — браки внутри семьи. Неродственные брачные союзы были первым шагом вперед, сделанным человеком вопреки его природе. Насколько я знаю, у других млекопитающих эндогамия — обычное явление.

А теперь смотри-ка, что получается. Человек провозгласил себя венцом природы и двигателем эволюции; но трещинка между ним и природой, пробежавшая тысячелетия назад, теперь стала пропастью. И пропасть эта ширится неотвратимо. Под природой я разумею истинную человеческую природу, конечно.

Если верить Уинлоку и его последователям, подсознание и есть наше истинное сознание. То же, что считают таковым все остальные, — позднейшее напластование, атрибут «человека разумного». Задача его — манипулировать временем, как детским конструктором-игрушкой, и подавлять животные порывы подсознания. А сторонники радикальной теории и вовсе убеждены, что мимолетное время — чистое изобретение нашего искусственного сознания.

Энн все думала о своем.

— А знаешь, почему я пошла за тобой вчера? Стоило тебе появиться, как я поняла, что мы... мы были очень близки когда-то в прошлом.

— Но тогда и я должен был почувствовать то же!

— Ну, значит, это мое подсознание барахлит. Занятные вещи ты тут говорил. Но сам-то ты во все это веришь?

Он рассмеялся:

— А как иначе? Ведь оказались же мы в девонийской эре!

— Но если Странствиями управляет подсознание, помешанное на кровосмешении, что же получается? Значит, мы должны легко попадать в населенные времена и можем встретиться с нашими родителями и родителями родителей. Но выходит наоборот: легче попасть сюда, в эпоху юности мира, а в ближайшие, мало-мальски населенные эпохи — почти невозможно!

— Ну, если представить себе вселенское Время в виде гигантского энтропического склона, где наше настоящее — в высшей точке, а самое отдаленное прошлое — в нижней, то все объясняется просто: легче некуда скатиться без усилий к самому подножию, чем сделать вниз несколько осторожных шагов.

Энн не ответила. Буш подумал было, что ей наскучил этот разговор, заведомо ведущий в никуда. Но вскоре она заговорила:

— Ты сказал как-то, что я «настоящая» — любящая и добрая. Если во мне сидит такая личность, то где именно — в сознании или в подсознании?

— Ну, наверное, эта «сидящая» личность — соединение и того, и другого, если только...

— Сейчас опять втянешь меня в свои рассуждения.

— Уже пытаюсь. — Они взглянули друг на друга — и расхохотались. Буша обуяло веселье. Он обожал споры; а стоило ему оседлать любимого конька в обличье структуры подсознания — и тут уж его нельзя было ни остановить, ни обогнать.

Итак, если им предстояло новое Странствие, то сейчас было самое время в него отправляться, — пока штиль согласия между ними не сменился штормом.

Они упаковали и навьючили на спину ранцы. Потом крепко взялись за руки; не сделай они этого, легко можно было потом оказаться за несколько миллионов лет и сотни миль друг от друга. Затем каждый достал по коробочке ампул КСД — химического состава наподобие наркотика-галлюциногена. Обычно бесцветная, на фоне палеозойского неба жидкость засветилась вдруг зеленоватым огоньком. Энн и Буш открыли ампулы, переглянулись, Энн состроила кислую мину — и оба одним глотком проглотили содержимое.

Буш почувствовал, как жгучая волна пробежала по телу сверху вниз. Эта жидкость была символом гидросферы и воплотила в себе океаны, из которых вышло на сушу все живое; океаны, что циркулируют и посейчас в артериях человека; океаны, что и по сей день регулируют жизнь сухопутного мира, что поставляют пропитание и управляют климатом, а значит, они — кровь и жизнь биосферы.

И биосферой сейчас был сам Буш. Он вобрал в себя весь опыт предыдущих жизней его предков, иные формы жизни, сотни еще сокрытых пока возможностей — одним словом, жизнь и смерть.

Теперь он был подобием великой Системы мира. Только в таком состоянии можно уловить мгновенное колебание, волну, посылаемую Солнечной Системой. А эта Система — капля в море космических течений, что не имеет границ ни во времени, ни в пространстве. И эта банальнейшая истина стала сюрпризом для человека только потому, что он сам отгородился от нее — точно так же, как ионосфера прикрыла его своим щитом от радиоактивных излучений. Таким щитом и оказалась концепция мимолетного времени. Она «помогла» человеку создать вполне удобоваримую картину Вселенной; и вот сейчас люди с изумлением открывают для себя не только бесконечную протяженность ее, но и длительность. Длительность — вселенское Время — мы для своего удобства поделили на жалкие отрезки, с горем пополам впихнули в песочные часы, ходики, будильники, хронометры, и из поколения в поколение переходило искаженное восприятие времени. Так прошли тысячелетия, пока Уинлок и его единомышленники не сделали попытку раскрыть глаза человечеству.

Но, с другой стороны, было даже необходимо, чтобы истина какое-то время оставалась сокрытой. В противном случае человек и по сей день не поднялся бы выше животного, бродил бы в стаде себе подобных по берегам немых безымянных морей. Это если верить теории.

Теперь пелена с сознания спала. Мозг освободился от смирительной рубашки и со свежими силами бросился в атаку на все и вся, круша и уничтожая, что ни попадется.

Странствие Духа протекало считанные секунды. Со стороны это даже казалось совсем пустяковым делом, хотя этому «делу» предшествовали месяцы, а иногда годы тяжелых тренировок. Черты девонийского пейзажа стали вдруг размыты и смазаны, вот они совсем перестали различаться, спрессовавшись в нечто, похожее на подвижный костяк времени. Буш рассмеялся было, но не вырвалось

ни единого звука, ибо почти все физические составляющие человека исчезали на время Странствия. Однако чувство направления оставалось. Сейчас Странники ощущали себя пловцами, борющимися с течением. Так всегда бывает, когда Странствуешь в направлении своего «настоящего». Скатиться по склону в далекое прошлое сравнительно легко; но неопытные и неосторожные, случалось, погибали от удушья на этом пути. Рождающемуся младенцу, наверное, тоже приходится выбирать: либо мучительно прорываться вперед, к свету, либо по проторенной дорожке вернуться назад — и навеки остаться в небытии.

Буш не знал, долго ли длилась эта борьба с течением. Находясь в странном, слегка отстраненном гипнотическом состоянии, он лишь ощущал подле себя огромный сгусток Чего-то, реально существующего; и это Что-то было так же сродни Всевышнему, как и Земле.

Теперь он недвижно парил, а под ним бурлящим потоком проносились эпохи, тысячелетия. Вскоре он — впервые за долгое время — почувствовал присутствие рядом постороннего существа; и вот уже он и Энн стояли на твердой земле, окруженные буйной темно-зеленой растительностью. Их окружал привычный юрский лес.

III. Амниотическое Яйцо

Буш, по правде говоря, юрский период всегда недолюбливал. Слишком уж здесь было жарко, влажно и облачно; все слишком напоминало один невыносимо длинный и мрачный день его детства. Тогда, в наказание за какую-то невинную проделку, мать на весь день заперла его в саду. В тот день тоже парило немилосердно, и низкие свинцовые облака своей тяжестью, казалось, все пригибали к земле.

Буш и Энн материализовались в юре у подножия мертвого дерева. Оно совсем оголилось, и его гладкие в солнечных бликах ветки-ручищи будто нарочно поблескивали в укоризну Энн. Буш, казалось, только и заметил, с какой грязнулей он связался. Теперь он сам себе ди-

вился: Бог знает сколько слоев грязи не меняют его чувств к ней.

Ни словом не обмолвившись, оба направились туда, куда несли ноги. Пока они не могли узнать ничего о своем место- и времянахождении; но подсознанию все было известно, и вскоре оно должно было «выйти на связь». В конце концов, оно же забросило их сюда — и, похоже, из своих собственных соображений.

Забросило их, как оказалось, на холмы, предваряющие горы и сплошь заросшие древним непричесанным лесом. Вершины гор таяли в облаках. Ни ветерка, ни звука; даже листья в кронах деревьев уснули под действием здешней дремотной тишины.

— Надо бы спуститься в долину, — заговорил Буш. — У меня там друзья — старина Борроу с женой.

— Они тут надолго осели?

— Не знаю, они содержат магазинчик. Роджер Борроу был когда-то художником — в молодости. И жена у него приятная.

— А мне они понравятся?

— Н-не думаю.

Буш зашагал вниз по склону. Он сам не знал как следует, что чувствует к Энн, и потому боялся, как бы ее знакомство с Роджером и Вер не подвело прочный фундамент под нежелательные отношения.

Ранец за спиною, язык на плече — так они и бродили по холмам чуть не целый день. Спускаться оказалось втройне тяжело потому, что не было подходящей опоры ногам. И опять невидимая стена превратила их в одинокий островок на этих холмах, в этой эпохе. Для всего «застенного» мира они были лишь едва различимыми спектрами, неспособными сдвинуть и камешка с дороги. Кислородные фильтры поддерживали единственный хрупкий мостик к «потусторонней» действительности, втягивая воздух сквозь энтропический барьер.

В лесу они легко проходили сквозь древесные стволы. Но перед иными деревьями они интуитивно останавливались и обходили их стороной. Видимо, им отведен куда больший жизненный срок, чем их собратьям, а потому, будучи ближе к нашим путникам во времени, эти

деревья были на их пути хоть минимальной, но преградой.

Отяжелевшее солнце клонилось к закату. Буш объявил о привале, поставил палатку, и спутники вместе поужинали; после этого Буш — скорее демонстративно, чем ради пользы — умылся.

— Ты вообще когда-нибудь моешься? — осведомился он.

— Угу. Иногда. Ты, наверное, делаешь это в свое удовольствие?.. Ну а я хожу в свое удовольствие замарашкой. Вопрос исчерпан?

— А причины?..

— Это всегда бесит чистюль вроде тебя.

Он уселся подле нее на траву.

— Тебе и правда нравится бесить людей? Но почему? Может, ты думаешь, что это пойдет на пользу им — или тебе?

— Я уже давно оставила попытки делать людям приятное.

— Странно. Мне всегда казалось, что людей ублажить — проще некуда.

Много позже, восстанавливая в памяти разговор, он клял себя за то, что не обратил должного внимания на последнюю ее фразу. Без сомнения, это была приоткрывшаяся на мгновение дверца в ее «я». Заглянув в щелку, Буш наверняка нашел бы потом к этой двери нужный ключ. Но шанс был упущен, и до своего ухода Энн оставалась для него лишь кем-то вроде исповедника: ты каешься зарешеченному окошку и получаешь советы, совсем не зная того, кто их дает.

Проснувшись на следующее утро — Энн еще спала, — Буш выполз из палатки полюбоваться рассветом. Он снова невольно поразился немому величию этого зрелища; занимался день, от которого Буша отдаляли миллионы лет. Миллионы лет... возможно, когда-нибудь человечество изобретет новую шкалу ценностей, согласно которой этот огромный отрезок времени будет значить не больше, чем секунда. Чего только не изобретет человечество!..

...Когда они свертывали свой лагерь, Энн снова поинтересовалась, собирается ли он сделать с нее групшаж.

Буш теперь радовался даже и такому интересу к его работе.

— Мне сейчас нужны новые идеи. А пока я зашел в тупик — такое часто случается с художниками. Сейчас на наше сознание обрушилась новая концепция времени, и мне хочется как-нибудь отразить это в моем творчестве. Но я никак не могу начать — не знаю, в чем тут дело.

— А группаж с меня ты сделаешь?

— Я же сказал, что нет. Группажи — не портреты.

— А что — абстракции?

— Как тебе объяснишь... Ты ведь и о Тёрнере впервые от меня услышала, так? Ну ладно. Уже начиная с Тёрнера — а он жил в середине Викторианской эпохи, — мы пытаемся воспроизводить в своем творчестве творения природы согласно ви́дению каждого, с помощью разных технических средств. Абстракция — не копия объекта, но ви́дение его художником, идея, облеченная в форму. Так что создавать абстракции может только человек — существо мыслящее. Отсюда вывод: вся компьютерная живопись и графика — ерунда на постном масле.

— Почему? Мне нравятся компьютерные картины.

— Я их не выношу. С помощью группажей я пытаюсь... ну, скажем, запечатлеть сам дух момента или эпохи. Когда-то я использовал в работах зеркала — тогда каждый видел одно и то же произведение на свой лад. Представляешь, смотришь на работу постороннего человека, а в нем нет-нет да и промелькнут твои черты. Наверное, так же мы воспринимаем и Вселенную; ведь одного, объективного, образа Вселенной и быть не может: мы отражаемся в ней, как в зеркале.

— На набожного человека ты не похож!

Буш покачал головой и мгновение спустя ответил, глядя в сторону:

— Хотел бы я быть набожным. Вот мой отец очень религиозен, а я... Правда, временами, когда я парил как на крыльях и идеи буквально струились из-под пальцев, мне казалось, что во мне есть частичка Бога.

При упоминании о Всевышнем оба вдруг замкнулись и замолчали. Хрупкий мост искренности между ними

исчез. Помогая Энн навьючить рюкзак, Буш бросил отрывисто:

— Так ты не видела картин Тёрнера?

— Нет.

— Вопрос исчерпан.

Только после полудня, спускаясь в небольшую котловину, они увидели первое живое существо за все время их пути. Первым инстинктивным побуждением Буша было скрыться за ближайшим деревом. Но вспомнив, что они — лишь тени для всех, смотрящих из-за барьера, путники решительно направились вперед на виду у целого стада необычных зверей.

Стегозавры, числом восемнадцать, запрудили тесную проплешину между холмами. Гигант самец был не меньше двадцати футов длиною — настоящая гора мяса. Спина его была украшена зубчатым гребешком бледно-зеленого цвета, а чешуя отливала оранжевым. Он мирно пожевывал травку и листья, но в то же время, скосив бусинку-глаз, чутко следил за происходящим.

Неподалеку бродили две самки, а вокруг них сновали детишки. Всего их было пятнадцать, и все — не старше пяти-шести недель. Защитный панцирь еще не окостенел; они резвились, толкая матерей в бока и прыгая через их ощеренные пиками хвосты.

Буш и Энн стояли в самом центре стада, глядя на забавы юных рептилий, а те и знать не знали об их присутствии.

Лишь через некоторое время люди заметили чужака, хотя старина стегозавр уже давненько косился назад. За семейной идиллией, оказывается, наблюдал ревнивый соперник. Он выломился из кустов, размахивая тяжелым хвостом; это был стегозавр поменьше и помоложе.

Если самки и молодежь и обратили хоть сколько-нибудь внимания на визитера, то его хватило ненадолго; самки продолжали жевать, молодежь — резвиться. Глава же стада сразу бросился навстречу чужаку: вызов был брошен серьезный, и ему вполне могла грозить потеря стада.

Самцы сблизились, оба с заносчивым видом, и сшиблись. Они набрасывались друг на друга, кусаясь, пиха-

ясь, толкаясь; хвосты вращались, как два пропеллера, однако в качестве оружия в ход не шли. Наконец хозяин стада, будучи погрузнее соперника, начал одерживать верх. Подмятый под объемной тушей, чужак, видимо, запросил пощады. Высвободившись и оглянувшись на стадо, он поспешно нырнул назад в заросли — только его и видели.

Еще более раздувшись от чванства, вожак стада вернулся к самкам. Те глянули на него пустыми глазами и вновь принялись жевать.

— Сильно же они о нем беспокоятся! — заметил Буш.

— Просто они уже давно поняли, что все самцы одинаковы.

Он бросил быстрый взгляд на Энн: она ухмылялась. Буш смягчился и улыбнулся в ответ.

Когда они поднялись на взгорье, цепью окаймлявшее котловину, взорам открылась широкая панорама: гладкие пологие холмы-волны (точь-в-точь то нахмуренное море), блестящая лента далекой реки. В миле-другой к северу снова начинались леса. А у подножия скалистого взгорья обнаружилась палатка Борроу и прочие признаки человеческого жилья.

— О! Прекрасно. Тут и поужинаем, — заявила Энн, когда они приблизились к пестрой стайке палаток.

— Ты давай иди вперед, а я догоню. Посижу, подумаю тут.

Динозавры все никак не шли у него из головы. Двое мужчин, повздоривших из-за женщины, вряд ли бывали когда-нибудь так же великодушны и незлопамятны, как эта парочка вегетарианцев в доспехах. Но побуждения у тех и у других всегда общие. Хотя что смыслит в красоте рептилия о двух извилинах в мозгу?.. Выходит, что-то смыслит. Во всяком случае, у этого громоздкого детища юной природы была своя собственная, непостижимая логика. Буш впервые вспомнил тогда о Лэнни; но тут же его мысли перенеслись к играм и забавам юных рептилий.

Он присел на корточки — так удобнее думать, — поглядел вслед Энн и едва удержался от искушения сорвать и пожевать лист ближайшего растения.

Странникам Духа обычно приходилось долго привыкать к недостатку света, всегда испытываемому в чужом времени. Энн и отошла-то на несколько шагов, но очертания ее фигуры уже расплылись, как акварель на влажной бумаге, и смешались с тенью. Белая палатка — бакалейная лавка Борроу — выглядела еще мрачнее.

Но были здесь и другие тени — сгустки тьмы, которые превращали это место из просто угрюмого в мрачное и зловещее. Буш придерживался на счет них общепринятой точки зрения. Похоже, будущие поколения Странников тоже облюбовали — или облюбуют? — эту долину. Может, здесь возникнет первый юрский поселок. Это уже очевидно: туманные очертания будущих зданий и людей проступали тут и там, и чем отдаленнее были они во времени, тем призрачнее и прозрачнее они казались.

Буш, оказывается, приткнулся прямо у стены одного из таких загадочных зданий. Строение, видимо, очень далекого будущего: пейзаж виден сквозь него, как сквозь слегка затемненные стекла очков. Однако они в своем будущем разрешили чуть ли не все проблемы, над которыми мы сейчас головы ломаем, подивился Буш про себя. Переправили же они как-то тяжелые материалы, и даже электричество здесь провели. Словом, пришельцы из будущего жили туг на манер далекого (даже для них) прошлого. Отсюда пропорция: Буш и его современники тоже жили тут на манер далекого (но уже для себя) прошлого — в палатках, по-дикарски.

Из будущего здания выходили и входили люди. Их силуэты были так неясно прорисованы в воздухе, что непонятно, кто из них мужчина, кто — женщина. Снова, как когда-то, ему показалось, что их глаза светятся — чуть ярче, чем должны бы. Они видели его не яснее, чем он — их; но все же неуютно себя чувствуешь, когда за тобой подглядывают.

Буш обвел взглядом окрестности, отмечая про себя количество теней грядущего. Две прозрачные фигуры прошли сквозь него, поглощенные беседой, — но, как водится, до Буша не долетело ни звука. Леди-Тень появилась тут уже давненько; интересно, что она себе думает об Энн? Тень

тенью, но мысли и чувства у нее все же должны быть (ибо сомнительно, чтобы в будущем человек лишился этой привилегии). Все пространство, похоже, постепенно заполняется чувствами. И опять припомнился Моне, его водяные лилии: они могли заполнить весь пруд так, что не оставалось и окошечка воды, но в то же время никто никогда не видел (и не увидит), чтобы они выползали на берег или обвивали склонившиеся над водою деревья.

Затем ему вспомнилось, что Борроу в юности был художником. С ним всегда можно отвести душу, хоть характер тяжеловат.

Буш наконец встал и направился к апартаментам старого друга. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дела у того, видимо, пошли в гору. К двум уже знакомым палаткам добавилась третья: в одной размещался собственно магазинчик, в другой — бар, в третьей — кафе. Надо всеми тремя громоздился транспарант с надписью: «Амниотическое ЯЙЦО».

Вокруг толпились здания невиданного архитектурного стиля, на некоторых из них можно было разобрать такую же вывеску — все тени разной степени ясности — согласно их отдаленности во времени. Это настолько явные признаки будущего процветания, что Борроу ни на мгновение не колебался в выборе места для «дела», как он говорил.

— Амниотическую яичницу и жареный картофель, — провозгласил Буш, ввалившись в кафе.

Вер стояла за прилавком. В ее пышной шевелюре явно прибавилось седины со времени их последней встречи; ей было около пятидесяти. Но улыбка все та же, и походка, и жесты. Пожимая ее руку, он почувствовал, что рука эта стала... ну, вроде стеклянной, что ли. Похоже, они с Роджером так и остались в том году, в котором он их тогда покинул. Так, значит, не седина посеребрила ее волосы; и лицо ее немного посерело, затенилось. Даже голос ее звучал глуховато сквозь тонкий временной барьер. «Значит, и предлагаемые кушанья будут такими же стеклянистыми», — подумал он с тоской.

Но как бы там ни было, встретились они тепло и сердечно.

— Держу пари, ты и знать не знаешь, что такое Амниотическое Яйцо, — заметила Вер. Родители окрестили ее Вербеной, но она всегда предпочитала сокращение.

— В любом случае, для тебя это — солидный навар.

— Вот гляжу я на тебя, и мне сразу припоминается чье-то утверждение: мол, гармония души и тела — непременное условие жизни. А ты своим видом как раз иллюстрируешь обратное. С телом твоим, вижу, все в порядке. А с душой — нелады?

— Беда мне с ней.

Буш когда-то хорошо знал эту женщину — еще в те дни, когда они с Роджером были честолюбивыми художниками-конкурентами. Не было тогда еще Странствий, как и многого другого тоже. Где на ленте времени затерялась эта точка? Что-то сто тридцать миллионов лет назад — или вперед, поди разбери. Прошлое смешалось с будущим, они непостижимым образом перетекли друг в друга.

— ...Так как там Роджер?

— Да так — живет, хлеб жует. В общем, неплохо. Бродит где-то неподалеку. А ты? Как твои новые композиции?

— Понимаешь... У меня сейчас вроде переходного периода. Я... да, черт возьми, не то, — я совершенно потерян. — Он сказал ей почти правду; из женщин она была единственной, кто справлялся о его работе с искренним и живым интересом.

— Чувство потерянности иногда необходимо. Ты совсем не работаешь?

— Да так, написал пару картинок, чтобы убить время. Наши мудрые психологи даже дали научное определение сему роду занятий — конструирование времени. Теперь говорят, что человек более всего озабочен конструированием времени. И даже войны никак не развеют его забот.

— Ну, значит, Столетняя война чуть не разрешила эту проблему.

— Угу, значит. А еще значит, что музыка, искусство, литература — составные той же категории. Лир, Страсти по Матфею, Герника — все времяубийство, сиречь преступление.

Оба обменялись улыбками и понимающими взглядами. Буш обернулся — вошел Борроу. Он пока даже не вошел, а остановился в дверном проеме. Как и его супруга, за последние годы он слегка раздобрел, но одевался и по сей день с иголочки и даже щегольски. Борроу радушно пожал руку старому приятелю.

— Ну как ты, Эдди, старина? Почитай миллион лет не виделись. Рекорд в Приближении — по-прежнему твой?

— Похоже, что так. Как твои дела?

— ...Какой год из тех, где ты был, ближе всего к нам?

— Факт, что людей там я видел. — Он недоумевал, зачем другу понадобился ответ на такой вопрос.

— Здорово. А все-таки что это было?

— Думаю, бронзовый век.

Борроу от души хлопнул его по плечу.

— Молодчина! Заходил тут к нам на днях один, так он все заливал про каменный век — был, мол, там. Может, и не про все соврал; но рекорд в любом случае твой.

— Да, говорят, надо вконец разрушить свою личность, чтобы забраться так далеко, как я!

Их взгляды встретились, и Борроу первым опустил глаза. Возможно, он вспомнил: Буш не выносил вылазок в свою душу. А последний тотчас пожалел о своей вспышке, постарался взять себя в руки и продолжить беседу.

— Рад снова видеть тебя и Вер... Погоди-ка, Роджер, ты что — снова принялся за старое?! — Он заметил пластины, прислоненные к стенке, и вытащил одну на свет.

Всего пластин было девять. Буш оглядывал их одну за другой, и изумление его все возрастало.

— Боюсь, я опять вторгся на твою территорию, Эдди.

Да, Борроу снова вернулся к творчеству. Но увиденные им композиции не являлись группажами в его, Буша, понимании. Это был отход назад, к Габо и Певзнеру, но с использованием новых материалов; и эффект оказался совершенно неожиданным.

Все девять работ были вариациями на одну тему, воплощенными в стекле и пластмассе с вращающимися

металлическими вставками на электромагнитах. Все это расположено так, что создавалась иллюзия больших расстояний — они менялись в зависимости от того, откуда смотришь. Буш тут же понял, что имел в виду художник: то были напластования времени, что залегли причудливыми складками вокруг «Амниотического Яйца». Редкое единство ви́дения и материала, которое создает шедевры.

Но восхищение Буша быстро сменилось жгучей завистью...

— Очень мило, — бросил он тоном обывателя.

— А я-то надеялся, что ты поймешь меня. — Борроу устало и пристально глянул на него со вздохом.

— ...Я пришел сюда за одной девушкой, и еще — промочить горло.

— Ну, второе у нас всегда найдется; а девушку поищи в баре.

Он пошел вперед, а Буш — молча — следом. Он был слишком зол, и ему не до разговоров. Работы-пластинки ярки, свежи, индивидуальны... От этой мысли у Буша закололо между лопатками — такое всегда случалось с ним при виде чужого гениального творения, которое могло бы — и должно — быть произведением его рук. И теперь его заставляет завидовать себе — кто бы вы думали? — Борроу, который забросил творчество много лет назад и превратился в бакалейщика, Борроу со своими мещанскими воротничками! И вот этот такой-растакой Борроу уловил послание свыше и воплотил его в материале — да еще как!

А хуже всего, что Борроу осознавал, что́ сделал. «Так вот почему он умасливал меня с моим рекордом», — осенило наконец Буша. В искусстве ты, мол, давно уже пустое место, но не расстраивайся — зато в Приближении ты рекордсмен, какого не переплюнешь! Итак, Борроу предвидел, что Буш сразу и по достоинству оценит его работы, и в душе жалел его, потому что он (Буш) более не способен создавать вещи такого уровня.

Магазинчик и без того цвел пышным цветом, а теперь еще обнаружился такой капитал! Недурное изобретение художника-бакалейщика: материализуешь вдохно-

вение в гамбургеры и газированную воду и забот не знаешь!

Буш всячески ругал себя за такие мысли, но на них это не действовало: они продолжали появляться. Те пластины... Габо... Певзнер... У них были предшественники, но и сами они оригинальны. И если то не новый художественный язык, то — мост от старого к новому. Мост, который должен был построить он, Буш! Ну так что ж! Он найдет другой. Но старик Борроу... ведь он как-то осмелился зубоскалить над шедеврами самого Тёрнера!

— Двойной виски, — отрывисто бросил Буш. Он так и не смог выдавить из себя «спасибо», когда Борроу пристроился рядом, поставив на стол два стакана.

— Так здесь твоя девушка? Как она выглядит — блондинка?

— Черт ее разберет. Чумазая, как трубочист. Подобрал в Девоне. Толку от нее никакого — рад только, что освободился от лишней обузы.

Но он явно говорил не то, что думал; а думал он о композициях Борроу. Его уже тянуло снова взглянуть на них, но попросить об этом было немыслимо.

Борроу помолчал с минуту, как бы соображая, насколько следует верить высказыванию друга. Затем он сказал:

— Ты все еще горбатишься на старого ворчуна Уинлока?

— Ну да. А что?

— Да то, что был тут вчера один малый — Стейн, кажется. Он как-то тоже там работал.

— Впервые слышу. — «Тот Стейн и Институт? Чушь собачья».

— Тебе, наверное, негде ночевать? Оставайся, мы тебя как-нибудь пристроим.

— У меня своя палатка. К тому же я, может, и на ночь не останусь.

— Но ты, конечно, поужинаешь с нами?

— Не могу. — Он уже с трудом держал себя в руках. — Объясни мне лучше, что за чертова штуковина, это ваше Амниотическое Яйцо? Новое блюдо?

— В каком-то смысле, может, и так. — Борроу объяснил, что Амниотическое Яйцо — чуть ли не величайшее новшество мезозойской эры, которое и привело к господству на Земле больших рептилий на сотни миллионов лет.

Амнион — оболочка в яйце рептилии, которая позволяла зародышу пройти стадию головастика внутри яйца и тем самым выйти на свет Божий уже почти сформировавшимся существом. Это давало рептилиям возможность откладывать яйца прямо на землю и таким образом заполонить все окрестные континенты. Амфибиям — прародителям рептилий — повезло меньше: их яйца были мягкими и студенистыми, и их детеныши могли вылупиться и развиваться только в жидкой среде. Отчасти поэтому амфибии и были так привязаны к водоемам.

Вот так рептилии порвали извечную связь амфибий с водой, как человечество разорвало когда-то точно такую же связь первобытных людей со Вселенной. И ведь, наверное, поэтому человечество стояло на месте Бог знает как долго.

— Твое «Амниотическое Яйцо» сослужит тебе точно такую же службу.

— Да на какой гвоздь ты сел сегодня, Эдди, старина? Тебе следовало бы вернуться в «настоящее».

Буш залпом осушил бокал, рывком встал и заставил себя посмотреть другу в глаза.

— Наверное, я вернусь, Роджер... Я забыл сказать: мне очень понравились твои работы.

Вихрем вылетая из бара, он заметил на полотняной стене одну из пластин-композиций.

Колесики и молоточки в его мозгу бешено работали. «Тебе бы радоваться надо, что кто-то сделал такое. Вдвойне радоваться, что этот кто-то — твой друг. Но все же... мои мучения, поиски... Может, и он тоже старался и мучился, или до сих пор — кто знает? Да ничего он такого не создал... что?.. ах, это? Дешевка, приманка для туристов... Я — идиот, и сила воли на нуле. Этот приступ самобичевания — только прикрытие, маскировка. А что под ней? Множество таких же слоев: если снимать их один за другим, как листья с кочана капусты, то эти пласты всегда противоположно заряжены — самолюбование и самобиче-

вание; и так — дальше, одно сменяя другое, пока не обнажится гнилая сердцевина... Господи, я так устал от самого себя! Укажи мне выход, дай мне выйти!»

Только теперь, казалось, он прозрел и увидел в своем прозрении, как растерял и опустошил себя. За пять лет до этого мгновения он занимался настоящим делом. А теперь он стал Странником Впустую, и не мог уже без Странствий, как наркоман без своей травки.

Впереди показались мужчина и девушка, идущие в том же направлении, что и он. Их силуэты были так отчетливы, что стало ясно: они прибыли из того же года, что и Буш. При виде девушки внутри у Буша что-то вспыхнуло, и теперь его, как назойливый комар, преследовало желание увидеть ее лицо.

В нем снова проснулся азарт игрока, как почти всегда в таких случаях. Но теперь нет повода подойти — раньше-то он отговаривался поисками натурщицы. У него был свой сложившийся стандарт женской красоты, и искра тут же гасла, если найденная «модель» чем-то не удовлетворяла. Где-то по задворкам его мозга пробежала мысль, что Энн была вполне, и даже очень...

Буш теперь неотступно следовал за парой, заходя то справа, то слева в надежде разглядеть профиль девушки. Кругом торчали грибы-палатки, а вокруг них слонялись лохматые и растерянные Странники-одиночки, отчаянно соображавшие, с чем же едят это прошлое.

Буш завернул за угол палатки вместе с преследуемой парой — девушка стояла уже одна. Она обернулась — и сердце его упало. Ну и образина. И тут же Буш почуял в воздуха неладное. Он резко повернулся на каблуках, но из палатки вылетел спутник девушки с занесенным над головой тяжеленным ломом.

Эта доля мгновения вдруг непостижимым образом растянулась в уйму времени. Буш вглядывался в лицо нападавшего, а в мозгу неслась целая вереница мыслей: «Эх, надо было сначала хоть мельком взглянуть на него», а потом: «Кажется, я его знаю: тот малахольный из компании Лэнни, волосы крашеные, и зовут его — ах, черт, Роджер ведь тоже о нем упоминал, что ж я, садовая голова, не запомнил? Чем все время заняты мои мысли?

Собой, только собой, и солоно же мне придется... стоп: Стоун? Нет — Стейн! Ну-ка...»

Тут лом опустился наконец, да еще как — частью скользнув по лицу и шее и обрушившись на плечо. Буш мешком рухнул навзничь. Падая, он вцепился в ногу Стейна, но схватил только брючину. Стейн пихнул его куда ни попадя, высвободился и бросился наутек. А о спутнице своей даже не вспомнил.

При всем этом ни одна песчинка с юрской равнины не сдвинулась с места.

Двое ражих парней помогли Бушу подняться. Как сквозь вату в ушах слышал он их соболезнования и предложения довести до «Яйца». Вот уж чего ему сейчас меньше всего хотелось. Отделавшись от них, он потащился прочь от палаток, сжимая горло руками; все его ощущения свились внутри в один гигантский смерч.

Палатки остались позади, но вокруг толпились туманистые строения вторженцев из будущего. Буш проскользнул сквозь них и нырнул в пышную насыщенно-зеленую растительность.

Поблуждав немного и выйдя к свету, он оказался на берегу широкой тихоструйной реки — той самой, что они с Энн видели со взгорья. Он уселся у самой воды, все еще не отнимая рук от пылающей шеи. Мрачный среднеюрский лес насупленной бровью наступал на правый берег, тогда как по левому простирались болота и тростниковые заросли.

Буш тупо глядел на этот пейзаж; затем ему пришло в голову, что он почти точь-в-точь совпадает с картинкой из учебника естественной истории. Да, той самой, из его школьного детства — как давно это было! До Странствий тогда еще было далеко, но уже начиналось всеобщее помешательство на прошлом. Стоп, когда же это было?.. Где-нибудь в две тысячи пятьдесят шестом — отец как раз тогда открыл собственное врачебное дело. Тогда же все с ума сходили по Викторианской эпохе. Ведь викторианцы впервые открыли доисторический мир; может, и сам Уинлок в ту пору был подхвачен этой волной.

А на картинке точно так же размещались река, болота, заросли экзотических растений; а еще там подобралась

симпатичная компания рептилий начала эпохи. Слева, как въяве, припомнился аллозавр, с деликатной гримасой гурмана склонившийся над опрокинутым на спину стегозавром. Тут же рядышком прогуливался совсем по-человечьи комптозавр; его короткие передние лапки были воздеты горе: ни дать ни взять доисторический священник, молящийся за упокой души собрата-стегозавра. Дальше — птеродактили, археоптерикс на ветке — словом, полный набор.

Как прост этот нарисованный мир, как похож и не похож он на мир настоящий! Настоящая юрская долина никогда бы не была так наводнена живностью. К тому же Бушу ни разу не приходилось видеть здесь птеродактиля. Может, они были редки или обитали лишь в противоположной части Земли. А может быть, они — лишь плод ошибки изобретательного палеонтолога девятнадцатого века, который собрал из костей разных существ одно. Занятно: птеродактили — попросту измышления Викторианской эпохи наравне с Питером Пэном, Алисой и графом Дракулой.

Было облачно и душно — хоть одно это совпадало с картинкой: никто из чудищ не отбрасывал тени. Снова припомнился еще один похожий день: тогда мать сказала, что больше не любит его и подтвердила слова тем, что заперла его на весь день в саду. Буш все ждал, что вот-вот старый миляга бронтозавр высунет голову из-под мощных медленных струй: это помогло бы ему развеяться. Но водную гладь никто не потревожил. Потому что Эпоха Рептилий никогда не была так перенаселена, как Эпоха Людей.

Боль стихала, словно уходила в прибрежный песок. Буш попытался собрать разбегавшиеся мысли и прояснить для себя кое-что из последних событий.

Ясно, что Стейн решил, будто Буш преследовал именно его. Но если Стейн ошивался здесь, значит, Лэнни со товарищи тоже где-то поблизости. Их присутствие объясняло и исчезновение Энн: Лэнни, вероятно, изловил ее и держит под замком... Да нет же, старая перечница, все не так: она, чуть завидев, понеслась к нему со всех ног, радуясь, что наконец избавилась от его, Буша, брюзгли-

вой болтовни. Что ж, скатертью дорожка! И все же, и все же...

Но одно стало совершенно ясно: здесь ему больше ни до кого и ни до чего нет дела. Он огляделся — даже Леди-Тень покинула его. Все, пора домой, хоть там и ждет хорошая взбучка в Институте. Его старое доброе «настоящее» уже давно дожидалось его.

IV. Лишь нечто большее, чем смерть

Странствия Духа были сравнительно легким делом — для освоивших Теорию Уинлока. Но возвращение в «настоящее» — процесс столь же болезненный и трудоемкий, как появление на свет. Ведь, по сути, это второе рождение, и человеку грозили те же, что и при рождении, опасности. Какая-то еще не исследованная часть мозга вела Буша в кромешной тьме по бесконечному лабиринту.

Но вскоре в сознание его ворвался свет. Он лежал на кушетке, и мерное спокойствие растекалось по его телу. Снова дома. Буш медленно открыл глаза: да, так и есть. Он возвратился на Стартовую Станцию, с которой когда-то начал свой путь.

Он находился в своего рода коконе, в изолированной комнатке, которая не отпиралась с того зимнего дня две тысячи девяностого года, когда он отправился в прошлое. Прямо над его головой помещалась капсула, в которой поддерживалась жизнь кусочка ткани его тела и четверть пинты его крови. Они, как якорь, привязывали его к «настоящему» и обеспечивали его возвращение домой.

Буш сел, разорвав пластиковый кокон, — точно так же, не правда ли, вылупляются рептилии из своих (пропади они пропадом) Амниотических Яиц? — и оглядел комнатку. Часы-календарь тут же заявили, что сегодня вторник, второе апреля две тысячи девяносто третьего года. Вот так приехали! Буш и не подозревал, что отсутствовал так долго. Всегда чувствуешь себя ограбленным, вернувшись и увидев, сколько набежало времени в твое отсутствие. Ибо прошлое — не реальность; это — воспо-

минания, иллюзия, если угодно. Реально настоящее, настоящее по той системе мимолетного времени, что изобрело человечество себе же во вред.

Выбравшись наконец из кокона-яйца, Буш оглядел себя в зеркало. Среди стерильного окружения он выглядел настоящим бродягой и оборванцем. Он скормил свои мерки автопортному, и через минуту новехонький комбинезон выпрыгнул из недр машины. Буш разделся, взял с решетки-обогревателя чистое полотенце и пошлепал в душ. Какое все-таки блаженство, этот водопад горячих струй! Бушу кстати припомнилась Энн, давно не мытая, затерянная где-то в дальней, давней эпохе, что обратилась в плиту песчаника. Теперь придется привыкать к мысли, что она была лишь одной из точек на линии его жизни — пройденной и полустершейся в памяти. Поскольку нет никакой надежды на то, что он встретит ее снова.

Через четверть часа Буш был вполне готов покинуть комнатку. Он позвонил, и явился служащий — отпереть дверь и, кстати, вручить счет за комнату и услуги. Буш тихо присвистнул, подсчитав количество нулей; но об этом пусть болит голова у других: Институт оплачивал все расходы. Надо бы явиться туда с отчетом — оправданием в том, что не впустую потратил два с половиной года. Но сначала — домой, исполнять сыновний долг. Все что угодно, лишь бы оттянуть щекотливый момент подачи отчета.

Навьючив на спину ранец, он направился к выходу по коридору. По обе стороны его мелькали двери — два бесконечных ряда дверей, за которыми сотни таких, как он, искали спасения в прошлом от настоящего. В фойе, на потолке, расположился один из его группажей. Буш гордился им когда-то; теперь он был ему отвратителен — Борроу превзошел все. Запретив себе смотреть вверх, он вышел на улицу.

— ...Такси не желаете, сэр?

— Подарок домашним, сэр, посмотрите!

— Цветы! Цветы! Только что с клумбы!

— Дядь, дай десять центов!

Вот он и дома; уличные крики и шум вернули его к реальности. Казалось, все осталось по-прежнему. Пожа-

луй, из всего этого вышла бы неплохая картинка для учебника. Итак, слева направо: мальчишка-нищий, затем бродяжка, таксист, торговец-разносчик с лотком игрушек, отгоняющий прочь оборванного малыша. А на заднем плане — чистенькое здание Стартовой Станции, откуда он только что вышел, — инородное тело среди обшарпанных домов и разбитых дорог.

Буш протолкался сквозь толпу и пошел было пешком, затем передумал и вернулся к таксисту — тот скучал и плевал в окно. Буш назвал адрес отца, спросил о цене. Ему тут же ее и назвали.

— Вы в своем уме?! Да на это же всю страну объехать можно!

— Теперь нельзя: цены подскакивали несколько раз, пока вы там мотались по прошлому.

Всегда так. И всегда — правда.

Буш взгромоздился на сиденье, шофер дал газу, и они тронулись.

О небо, какой воздух! Ароматный, густой, насыщенный. Кислородные фильтры — хитроумные штуки, этого у них не отнять; но они начисто выветривают из памяти чудесные ощущения, и каждый раз открываешь их заново. Не только волна запахов, но и целая симфония звуков обрушилась на опьяненного всем этим Буша. Даже самые резкие из них казались в тот момент музыкой. И так отрадно ощущать тепло каждого предмета через его особенную, шероховатую или гладкую, поверхность!

Он сознавал, что, раз попав в прошлое, никуда оттуда не денется и новое Странствие неизбежно. Но невозможность чувствовать мир прошлого всегда угнетала его и заставляла стремиться домой. Вот такой парадокс. И ведь однажды он уже пресытился этим сияющим, грохочущим, осязаемым миром...

Когда эйфория прошла, Буш увидел, что «настоящее» две тысячи девяносто третьего года куда как далеко от совершенства — намного дальше даже, чем теперь прошлое две тысячи девяностого. Но, может, он просто слишком давно здесь не был и мир рептилий стал ему ближе? Глядя на развешанные где попало лозунги, которые он

силился понять, Буш подумал, что на самом деле он был чужим и в прошлом, и в настоящем.

Остановка: пришлось пропустить колонну марширующих солдат.

— А что, в городе беспорядки? — осведомился Буш.

Шофер ответил туманным жестом.

Буш долго не мог понять, почему улица его детства показалась вдруг у́же, мрачнее и пустыннее, чем когда-либо. Не оттого, что окна кое-где были разбиты, кое-где заколочены, а на рассевшемся асфальте прибавилось мусора, — к этой картине он уже привык. Только расплатившись с таксистом и обернувшись к родительскому дому, он понял причину: все деревья перед ним были срублены под корень. В садике перед домом, сколько Буш помнил себя, всегда шелестели раскидистые вишни: Джеймс Буш посадил их, когда только открывал практику. Сейчас они стояли бы в цвету. Плиточная дорожка, по которой Буш шел к крыльцу, могла бы служить отцу вывеской: рассевшиеся замшелые плитки торчали, как гнилушки во рту.

Однако кое-что осталось без изменений. Медная табличка у двери все еще гласила: «Джеймс Буш, Хирург-Стоматолог». Под ней в пластиковом кармашке все так же торчала карточка — почерк матери: «Звоните и Проходите». Когда дела пошли скверно, ей пришлось исполнять обязанности регистратора при отце. Еще одно доказательство того, что время движется по кругу: она и познакомилась впервые с отцом, работая в той же должности. Дернув на себя дверную ручку, Буш просто Прошел Без Звонка.

Прихожая, она же комната ожидания, была пуста. На круглом столике в кучу свалены журналы, стены увешаны всевозможными таблицами и диаграммами.

— Мама! — позвал Буш, скользнув взглядом вверх по лестнице. Голос его гулко отразили стены. Ни ответа, ни движения.

Он хотел крикнуть еще, затем раздумал — постучал в дверь кабинета и вошел.

Отец, Джимми Буш (он же Джеймс Буш, Хирург-Стоматолог), сидел в зубоврачебном кресле, глядя в сад через

раскрытое окно. На нем были домашние тапочки, белый халат расстегнут — под ним обнаруживался потасканный свитер. Он медленно обернулся, будто его тяготило любое общество, кроме своего собственного.

— Привет, папа! Это опять я — я вернулся!

— Тед, мой мальчик! А мы совсем было тебя потеряли! Какое чудо! Нет, ты и вправду вернулся?

— Да, папа. — При некоторых обстоятельствах просто невозможно говорить разумно.

Джимми Буш вылез из кресла, и отец и сын обменялись рукопожатием. Буш-старший был примерно одного сложения с сыном. Правда, с годами и в силу привычки он стал как-то виновато сутулиться, и что-то застенчивое и нерешительное появилось в его улыбке. Джеймс Буш не из тех, кто много о себе воображает.

— Я уж побаиваться начал, что ты не вернешься. Такое нужно отметить. Есть тут у меня чуть-чуть на донышке кое-чего. Шотландское — погибель дантиста.

Он громыхнул дверью белого шкафа, отодвинул стерилизатор и пузырьки и извлек початую полушку виски.

— Прикинь-ка, сколько это теперь стоит, а? Пятьдесят фунтов шестьдесят центов. И ведь всего пол-литра! Цены ползут и ползут. Они ползут вверх, а мы катимся вниз. Ох, чем же все это кончится, ума не приложу. Как там:

Отчаявшись познать истоки мира,
Необратимо вязнем в суете...

Счастье всех великих поэтов, что они не дожили до этого дня!

Буш успел уже отвыкнуть от привычки отца вставлять излюбленные цитаты кстати и не к месту.

— Я только-только вернулся, папа, даже отчета в Институт еще не посылал... А мама дома?

Отец смешался, а затем лихорадочно занялся стаканами.

— Твоя мать умерла, Тед. В прошлом году, десятого июня. Она до этого несколько месяцев была больна. Она часто вспоминала о тебе. Мы очень жалели тогда, что тебя нет с нами, но что могли поделать?..

— Да ничего... Ничего. Мне очень жаль. Я никогда... Что-то серьезное? — Понял, что несет чушь, и поправился: — То есть от чего она...

— Да обычное дело. — Джеймс Буш произнес это так, как будто его жена и раньше умирала частенько; он был поглощен своими стаканами. — Бедняжка умерла от рака. Но, благодарение Господу, рак кишечника не причиняет страданий... Ну — все равно, выпьем за здоровье!

Пораженный и подавленный, Буш не мог подобрать слов для ответа. Мать никогда не была счастлива вполне, но воспоминания о редких часах ее счастья вдруг нахлынули, зароились вокруг, и это было особенно мучительно. Он разом опрокинул стакан.

— Мне... мне нужно время, чтобы это уложилось в голове. Я до сих пор не верю. — Буш произнес это ровно и спокойно, не позволяя себе дать волю истинным чувствам.

Он оставил стакан и вышел вслед за отцом через маленькую оранжерею в сад. Его старая мастерская помещалась тут же, во флигеле; он опрометью бросился туда и запер за собою дверь.

Она умерла... Нет, не так, так нельзя... Она не могла уйти, оставив столькое невыясненным и нерешенным между ними! Господи, если бы он вернулся вовремя... Но с ней было все в порядке, когда он уезжал. Нет, никогда он и помыслить не мог, что его мать может умереть! К чему эти треклятые законы природы, если...

Он до боли сжал кулак — это часто помогало удерживать эмоции внутри себя, как в сосуде. Его бесцельно блуждавший взгляд упал на стену: Гойя, «Сатурн, пожирающий своих детей». Боже, как мерзко. Рядом — Тёрнер, «Дождь, пар и скорость»: растворение — оно же разложение — тоже невыносимо. Одна из электрических скульптур тосковала на полке, покрываясь десятым слоем пыли, — поломанная, позабытая. Собственные потуги Буша к самовыражению выглядели еще плачевнее: оконченные и неоконченные холсты, наброски, зарисовки, проволочные каркасы и группажи — из последних. Болото, стагнация, и выхода нет.

Буш бросился на гору этого хлама, яростно молотя руками, ломая и круша; он не слышал собственных хриплых выкриков и сдавленных рыданий. Затем все поплыло в сторону и рассыпалось на мириады кусочков.

Придя в сознание, он обнаружил, что полулежит в зубоврачебном кресле. Отец сидел тут же, рядом, рассеянно потягивая виски.

— Как я сюда попал?

— ...Ну, как ты — молодцом?

— Так как я сюда попал?

— Ты все бродил, бродил, потом, кажется, вышел... Надеюсь, виски тут ни при чем.

Буш поленился отвечать белибердой на ерунду. Отец никогда не понимал его. Но в конце концов пришлось-таки собраться с поверхностными мыслями.

— Как же ты живешь все это время, отец? Я хотел сказать, кто ведет твое хозяйство?

— Миссис Эннивэйл, соседка. Она — прелесть.

— Что-то такой не припомню.

— А она въехала только в прошлом году. Вдова — мужа убили в революцию.

— Вот так приехали. Что еще за революция такая?

Отец подавленно стрельнул взглядом назад, по сторонам и в окно (на заброшенный сад, голый и безлистный, где изливались потоками лучи холодного апрельского солнца). Не приметив и там шпионов, отец несмело начал:

— Страна разорилась катастрофически. Все ваши Странствия Духа — это ж какие расходы. Соломонова сокровищница, а доходов — никаких. Число безработных давно переросло миллион. Армия перешла на их сторону, и вместе они хорошенько дали правительству коллективным коленом под зад. Ох, что тут творилось полгода назад — Содом и Гоморра. Твое счастье, что ты был там, а не здесь.

Бушу припомнилось «Амниотическое Яйцо», процветавшее как никогда.

— Но ведь новое правительство не запретит Странствия?

— Куда ему! Теперь все прочно сидят на этой удочке, словно наживка на крючке. Ведь это — как виски или

травка — само держит. Ну да тебе ли объяснять... Теперь у власти — военные, но, говорят, Уинлоков Институт здорово ими помыкает. Говорят, говорят, а мне-то что? Пришли тут раз, хватили кулаком по столу — приказ, мол: ступай в казармы ковыряться в гнилушках этих бутылей в хаки. Ну я и скажи: надо вашим солдатам — сами придут, коли ноги носят; а мне, говорю, уж восьмой десяток и потому начихать на вашу карманную артиллерию. Больше и носу не казали.

— А что с вишнями у дороги?

— Это все прошлая зима. Холодина жуткий. Данте и тот своих грешников так не морозил. Вот и пришлось пустить деревья на дрова — а что оставалось? Миссис Эннивэйл жила тут со мною — у нее совсем нечем было топить. Из чистого альтруизма и сострадания — ты ничего такого не подумай, Тед. В моем возрасте бутылка заменяет и секс, и многое другое. К тому же памятью твоей матери я дорожу.

— Да, тебе ее очень недостает.

— Ну... Мы не замечаем многих вещей, пока они не станут частью далекого прошлого, и совершаем многое, осмысливая свои действия позже. Твоя мать, что ни говори, умела причинить мне боль. Ты многого не знаешь!

Когда Буш не ответил, отец продолжил свой монолог — так, будто вторая часть его естественным образом вытекала из первой:

— А однажды, когда вся эта заварушка была в самом разгаре, городом хлынули войска. От половины квартала остались только угли да головешки. Миссис Эннивэйл спряталась здесь, у меня. Двое солдат поймали молодую девушку тут же, на нашей улице. Никогда ее раньше не видел — тут столько народу сменилось за последний год, да и нам с ними друг до друга дела мало. Так вот, один из этих пустых касок сгреб девушку в охапку и уложил прямо вот здесь, у стены нашего дома, в *нашем* саду! Был чудесный летний день, и вишни тогда еще были целы. Но это чудовище, это животное! Она, конечно, сопротивлялась, бедняжка... Мы с миссис Эннивэйл все это наблюдали из окна.

Его глаза тускло мерцали — как будто кто-то раздул в их глубине угольки. Буш попытался представить, что́ могло произойти между ними, пока они наблюдали.

Итак, здесь, как и повсюду, — злоба и насилие, которые неотвязно преследуют его. Как связать это изнасилование с воспоминаниями отца о матери? Может, он вообразил все, пытаясь выплеснуть в этой истории свои вожделения, страхи и ненависть ко всему женскому? Бушу вовсе не хотелось вплетать в свой мозг новый клубок; но теперь почему-то с некоторым облегчением он узнал, что не его одного мать обделила любовью. Теперь он уже отбивался от назойливых звуков и голосов и жаждал поскорее окунуться в безмолвие далекого прошлого.

Он встал, чтобы наконец уйти; но отец тут же очнулся от дремоты.

— Люди — скоты, — сказал он. — Просто грязные животные.

Когда-то существовал негласный запрет на все споры с отцом. Но для Буша он растворялся, как и многое, во времени, когда он бродил по гулким берегам доисторических морей. Не вспомнил он о нем и теперь.

— Никогда не слышал о животных-насильниках, отец. Это уж привилегия человека! Воспроизводство оставалось самым обычным делом наряду со сном и едой — пока это было делом животных. А человек обратил его в орудие любви — и ненависти.

Отец осушил стакан, грохнул им по столу и произнес со льдинкой в голосе:

— А ты ведь этого боишься, да? Секса, я имею в виду.

— Вовсе нет, и незачем переносить свои страхи на других. Но так вполне могло случиться — вспомни, как ты всякий раз трунил надо мною, будто над ребенком, стоило мне привести девушку в дом!

— А, старик Тед, так и будешь всю жизнь иметь на меня зуб. Точь-в-точь мать.

— Но ведь сам же боишься. Боишься? Нет? Почему же тогда у меня нет ни сестер, ни братьев?

— Вопрос не ко мне.

— Ха! Ну и троица же мы — все равны, как на подбор!

— Не троица, а пара — только ты да я. Теперь. А поэтому будь ко мне снисходителен.

— Нет, все-таки троица! Лишь нечто большее, чем смерть, может избавить от воспоминаний.

— Они — все, что у меня теперь осталось, сынок, — я не могу, как ты, возвращаться в прошлое, когда захочу... У меня тут наверху еще кое-что припрятано. — Джеймс Буш встал и зашаркал вверх по темной лестнице. Буш поплелся за ним следом. Они оказались в маленькой гостиной, где изрядно попахивало сыростью.

Отец с трудом нащупал вилку и розетку электрокамина.

— У нас тут дыра в крыше. Заделали все на живую нитку — латка чуть ли не на пластыре держится. Так что поосторожней размахивай руками.

Он извлек из комода непочатую бутыль. Отец и сын уселись друг напротив друга на отсыревшие стулья — и горько улыбнулись.

— Как бы то ни было — за наше дряхлое человечество, — поднял стакан отец. И продолжил, уже глотнув и поморщившись: — Теперь вся страна — под кованым башмаком генерала Перегрина Болта. Так, диктатор средней руки, но пользуется доверием у населения. В конце концов, при нем на улицах стало спокойнее.

— Он в ладах с Институтом?

— О, Институт процветает — так говорят. Я, опять же, в эти дела не влезаю; но, кажется, его перестраивают на казарменный манер...

— Мне нужно отчитаться. Завтра и пойду.

— А ты не улепетнешь опять в прошлое? Теперь столько народу туда мотается, что дошло уже до преступлений, — это в доисторические-то времена! Двоих подстрелили на прошлой неделе в меловом — так мне сказал бакалейщик. Генерал Болт организует Полицию Прошлого, чтобы поддерживать там порядок.

— Странно, мне не приходилось видеть там преступлений. Несколько человек, разбросанных по миллионам лет, — какой вред от этого?

— Ну, ведь люди не так уж и разбросаны... Что ж, если ты не можешь не вернуться туда, мне тебя не удер-

жать. Почему бы тебе не осесть здесь, делать свои группажи или что там еще — зарабатывать, наконец? В мастерской у тебя порядок, а жить мог бы здесь.

Буш нервно мотнул головой — задевало за живое любое упоминание о творческой работе. Наверное, лучше всего было бы сейчас завалиться спать. Хоть это-то здесь можно сделать: отца, видимо, особо не беспокоили посещениями.

Но едва краешек стакана коснулся стола, кто-то оглушительно замолотил в дверь.

— Разве там не написано: «Звоните и Проходите»?

Но отец вдруг стал бледнее виски.

— Это не пациент — так стучат только военные. Лучше спуститься и поглядеть. Пойдем, а, Тед? Наверное, за тобой. Я ничего плохого не делал. Погоди, я спрячу бутылку... Да что же это, в самом деле? Я ничего не совершил. Я и из дома-то выхожу редко...

Растерянно бормоча, он сошел вниз вслед за Бушем.

Град ударов снова обрушился на подгнившую и осевшую дверь. Буш снял щеколду и распахнул ее. Двое шлемоголовых, вооруженных до зубов, отскочили в сторону, и вид у них был весьма недружелюбный. Зарешеченный фургончик злобно тарахтел на улице, поджидая их с добычей.

— Эдвард Лоунсдейл Буш?

— Я самый. Что вам угодно?

— Вы не подали отчет в Институт Уинлока, самовольно продлив срок пребывания в Странствии. Такое чревато неприятностями — и мы их вам устроим, будьте покойны. А сейчас — марш в фургон!

— Эй, послушайте, сержант! Я как раз иду в Институт.

— В таком случае вы здорово сократили себе путь, а? Эй, вы кого пытаетесь провести? Глушит виски бутылками и решил, что я за ярд запаха не чую. Поторапливайтесь, все равно ведь в компанию не пригласите.

Буш в отчаянии хлопнул себя по карману.

— Вот все мои записи! Я как раз...

— Без фокусов! А то пришьем дело о неподчинении властям и государственной измене — мигом окажетесь по какую не надо сторону Поля Казней. Марш, кому говорят!

Буш обреченно оглянулся, но отца не увидел — тот под шумок нырнул в темень. Шлемоголовые эскортировали Буша к машине по дорожке вдоль стены — описанная отцом сцена тут же возникла в памяти, — турнули вовнутрь и с лязгом захлопнули дверцы. Фургон дал газу и тронулся с места.

V. Новости разного рода

По дороге Буш сам себе дивился: он думал об отце не с раздражением, а с любовью и сочувствием. Старик теперь действительно вызывал лишь сострадание и жалость; дни его могущества канули в Лету. Сейчас отец и сын поменялись ролями. Так и будет продолжаться — конечно, если ему, Бушу, суждено когда-нибудь вернуться в этот тесный подслеповатый домик.

Буш думал теперь о смерти матери, все еще разбираясь в своих чувствах. Мысли его были поглощены этим, когда фургон вдруг резко, с визгом тормознул и остановился — как бы перед невидимой стеной. Буша мотнуло назад, к дверям; они распахнулись, и он чуть ли не кубарем выкатился наружу.

Отряхивая пыль с ладоней, он бегло огляделся кругом. Его фургон только что въехал в железные ворота в глухой стене — их теперь запирали двое стражей. Дворик вокруг был сер, угрюм и донельзя замусорен. Тюремщики-солдаты провели Буша через двор ко входу в серое бесформенное здание — так Бушу показалось сначала. Но потом он с ужасом, все еще не веря, признал в нем Институт Уинлока.

Странное ощущение — однако обычное для всех, кто, Странствуя во Времени, привык принимать вчера за завтра и наоборот, — всплыло наружу и совершенно захватило его. Некоторое время он даже отказывался верить, что попал в нужную эпоху. Ведь не изменяет же ему память: Институт помещался на тихой зеленой улочке, его окружала стайка жилых домов, а перед входом всегда была автостоянка... И только уже внутри этого гриба-здания он, припомнив кое-что, сам дал себе ответ. Под-

чиняясь режиму досточтимого генерала Болта, Институт был повышен в ранге — об этом говорил еще отец. А посему для расширения и солидности снесли весь прилежащий квартал и обнесли весь караван-сарай стеною — так легче обороняться в случае чего, и (преимущество!) мог быть зарегистрирован и допрошен всякий входящий и выходящий.

Внутри, правда, Институт почти не изменился. Он явно процветал: тут уже успели усилить освещение, перестелить полы и (кстати) вмонтировать в каждую щель глазки телепередатчиков. Регистрационный стол (раньше просто дежурка) удлинили чуть ли не втрое. За ним торчали форменные фуражки четверых служащих; их одолевала зевота, но они крепились что было сил — сказывалась палочная дисциплина. Напряженность и тоска, наполнявшие воздух и вытеснившие прежнюю дружескую атмосферу, были, пожалуй, самой разительной переменой.

Конвоиры Буша предъявили на вахте пропуск и бумажку с печатью. Служащий пошептался по телефону, кивнул и каркнул: «Третий бокс!» Солдаты довели Буша до двери с «тройкой» — за ней оказалась тесная каморка шага в три длиной — и исчезли, повернув ключ в двери.

В комнатке не было ничего, кроме двух шатких стульев. Буш так и остался стоять посредине, вслушиваясь и приглядываясь. Похоже, он еще легко отделался (а в голове уже роились тычки, зуботычины, стволы между лопаток — приметы всех без исключения тоталитарных режимов). Может, у тех двух солдат был приказ только доставить его сюда с докладом. Буш надеялся, что Хауэлс еще тут; Хауэлс всегда принимал его отчеты и — Буш-то это давно приметил — втайне им восхищался и беззлобно ему завидовал.

Однако что-то долго за ним не шли. Что за неприятности они имели в виду?.. Эх, только бы они забыли напомнить об этом лишнем годе — как им объяснишь, что ведь собирался вернуться, работать как следует, сдать отчет, наконец... Нет, не могли с ним обойтись совсем уж круто: как-никак, он — Странник-рекордсмен, лучший и опытнейший...

Другой вариант (ведь возможен и другой): вместо старины Хауэлса там сидит новый человек, и он не знает об его, Буша, опоздании. Но ведь человек этот тогда — посаженный Режимом болтовский прихвостень...

Буш представления не имел о том, что творится в стране, если не считать туманных намеков отца, а потому воображение рисовало ему картины одну кошмарнее другой. Еще и этот клубок вплелся в его мозг, где и без того уже не было свободного местечка. Все последние события: Лэнни; поединок со Стейном; потрясение от того, что Борроу шутя выкрал и воплотил его сокровенные мысли; и, наконец, известие о смерти матери — это было уж слишком. Он боялся, что разум его не выдержит тяжесть могильной плиты. Буш почти повалился на стул и схватился за голову.

Внезапно он вскочил, как пораженный электрическим разрядом. Дверь была распахнута, и в проеме стоял кто-то. Наверное, что-то случилось с глазами: Буш никак не мог его разглядеть.

— Вы можете принять мой отчет прямо сейчас? — осведомился Буш, подавшись вперед.

— Да, если вы последуете за мной.

На лифте они поднялись на третий этаж, куда Буш обычно сдавал отчеты. И вдруг дрожь ужаса пробрала его, и явилось предчувствие непоправимой и большой беды. Ему на миг показалось, будто все вокруг словно заострилось и стало зловещим: двери, стены, и больше всего — лифт, со злорадным клацаньем прихлопнувший его при выходе когтями-дверьми.

— А что, в отчетной все еще работает Реджи Хауэлс?

— Хауэлс? Кто такой? Впервые слышу.

В отчетной все осталось по-прежнему; хотя нет, подлый глазюка-телепередатчик и тут выглядывал из стены. Это осложняло дело: не все любят каяться при лишних свидетелях. В комнате помещался стол со стульями по обе стороны, проектор и магнитофон. Буш так и стоял у стола, сжимая и разжимая кулаки, когда вошел Франклин.

Буш всегда помнил этого подслеповатого полукабана-получеловека с крохотными глазками помощником Хауэлса. Буш его всегда недолюбливал и никогда не искал его расположения — что могло изрядно повредить ему сейчас. Однако он приветствовал вошедшего почти тепло — приятно все-таки увидеть знакомое лицо, пусть и поросячью физиономию Франклина. А тот со времени их последней встречи явно попышнел, покруглел и (вещь неслыханная!) даже как будто вырос.

— Присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее, мистер Буш. И давайте сюда этот ваш сверток.

— Сожалею, что не смог отчитаться тут же, по прибытии. Видите ли, моя мать...

Знаю. Мы куда лучше информированы, чем вам кажется. Вот вам на будущее: впредь отчитывайтесь немедленно. Блюдя инструкции, вы обезопасите себя от разного рода неприятных неожиданностей. Усвоили?

— Да, вполне. Следует запомнить. Я слышал, будто Реджи Хауэлс уволился или что-то в этом роде...

Угольки-глазки за круглыми очками слегка мигнули.

— Застрелили его, по правде-то говоря.

Это «по правде-то говоря» привело Буша в смятение: уж очень не вязалась почти панибратская вторая часть фразы со скорбным содержанием первой. Он решил, что на всякий случай о Хауэлсе пока стоит молчать. В то же время его так и подмывало сделать самую неуместную сейчас вещь: хорошенько двинуть кулаком по носу-пятачку.

Пытаясь воздержаться от исполнения сего намерения, Буш поспешно достал плоскую старенькую сумку и начал было расстегивать «молнию».

— Дайте, я открою. — Франклин резко дернул язычок замка, и горстка разных вещиц вывалилась на стол.

Цепкий холод сжал все у Буша внутри. Опять что-то случилось со временем — или с ним самим, — как тогда, во время удара Стейна. Франклин потянулся к предметам на столе, и рука его двигалась будто бы сама по себе. То была сложная многомерная конструкция, управляемая запутанной нервной и мышечной системой, а также гравитационными силами, с поправками на давление атмосферы

и оптические искажения. Настоящая картинка из учебника анатомической механики.

Буш с отвращением взглянул в лицо собеседнику. Крошечные глазки как впились в него, так и не отпускали; но лицо... Какое там лицо — схематическое изображение черепа с анатомического наглядного пособия! Часть кожи была намеренно снята, чтобы продемонстрировать все до одного зубы, а также каким-то непостижимым образом было видно нёбо и лабиринты внутреннего уха. Пучки красноватых стрел вылетали из клацающих челюстей, изображая процесс дыхания, и, проникнув в уши, сложились во фразу: «Семейный портрет».

Оно (по-другому и не скажешь) прочло эти слова-подпись на листке бумаги. Это был акварельный этюд: пустынный пейзаж, натянутая, мертвая гладь моря. На солнце и из кроны дерева проступали черты лиц. Буш только сейчас припомнил эту свою девонийскую работу. Он крепко зажмурился и потряс головой. Когда он снова открыл глаза, Франклин предстал перед ним в своем обычном обличье. Он брезгливо взял акварель за уголок и отбросил в сторону, как мерзкое животное. За ним последовал целый блокнот зарисовок. Тому, что́ они изображали, почти невозможно было дать логического объяснения и уж тем более подогнать их под какую бы то ни было узнаваемую форму.

— А это что такое? — вопросил Франклин.

Буша выводила из себя натянутость. Господи, ну не объяснять же... Он откашлялся — и почувствовал некоторое облегчение. Какое устойчивое заблуждение, однако! Ведь с незапамятных времен считалось, что Пространство и Время можно, заключив в символы, перенести на бумагу. Так, со времен наскальных рисунков и по сей день, человечество стояло на месте. Нужно изобрести другой способ... Но ведь и без того кто-то постоянно что-то изобретает.

— Мои заметки...

Франклин кивнул — видимо, удовольствовался и таким ответом. Он уложил блокнотик на поднос — и Бушу снова показалось, что Франклин превращается в наглядное пособие. Усилием воли он прогнал это чувство.

Теперь все встало на свои места. Буш уже чуял затхлый воздух комнатки, слышал шорохи и копошение Франклина в его вещах.

А тот закончил осмотр на пяти звуковых блокнотах и мини-телекамере, что всегда помещалась у Буша на запястье.

— Личные вещи вам вернут позже. — Он вставил блокнот в щелку настольного прибора-ящика и нажал кнопку. Голос Буша — точнее его запись — заполнил каморку, а магнитофон позади Франклина тут же перехватывал его и чутко вбирал в себя.

Франклин слушал, точно гигантская статуя кабана, — ни жеста, ни выражения в лице. Пальцы Буша сами собой начали отбивать по столу (а затем — спустившись на колено) нервную дробь. Каждый блокнот был рассчитан на двадцать пять минут; и эти пять книжечек вобрали в себя долгие месяцы его пребывания в небытии. Когда заканчивала рассказ одна, Франклин вставлял в прибор-глотатель следующую; и — ни слова.

Отчет предназначался для ушей Хауэлса, который принимал любую болтовню. Буш добавил к общеизвестному совсем немного новых сведений о прошлом, хотя отчет и содержал результаты его долгих исследований долготы первобытных лет; согласно им, она уменьшалась с течением времени. Буш установил, что год кембрийского периода состоял приблизительно из четырехсот двадцати восьми дней. Он также внимательно изучил воздействие КСД и Странствий на организм. Так-то оно так; однако львиная доля этого отчета состояла из чисто спонтанных размышлений и замечаний, мало связанных с наукой; описаний людей, встреченных им во время странствий. И все это было пересыпано обычными (но для людей непосвященных — весьма туманными) заметками и наблюдениями художника.

Так что, когда докрутился последний блокнотик (а все заслушивание растянулось на два часа с лишним), Буш уже не мог заставить себя поднять повинных глаз на Франклина. Ему казалось, что все эти два часа Франклин разрастался и раздувался, податливой массой заполняя комнату; тогда как он сам, наоборот, съеживался и врастал в стул.

Франклин заговорил на удивление ровно и мягко:

— Вы вот что мне скажите: чем, по-вашему, занимается Институт?

— Ну... я... я, знаете ли, не ученый и к точным формулировкам не привык. Энтони Уинлок и его соисследователи открыли неизвестные дотоле свойства КСД, получив тем самым доступ в новые коридоры сознания — те, что позволили преодолеть барьер, которым человечество отгородилось от вселенского Времени. Отсюда и Странствия Духа. Вот, в самой упрощенной форме... В общем, сейчас Институт — генератор всей Странственнической деятельности, и задача его — глубокое научное исследование прошлого. Как я уже сказал...

— То, что вы сказали, к сожалению, не ново. А теперь будьте так любезны, покажите, где же это именно ваше «глубокое научное исследование прошлого»?

Магнитофон тихо урчал в углу, консервируя для потомства неверный голос Буша. Он понял, что его заманивают в ловушку, и немного собрался:

— Я не занимаюсь чистой наукой, поверьте — я художник. Сам доктор Уинлок лично беседовал со мной. Он считал, что ви́дение художника полезно для его исследований почти в той же мере, что и... что и точка зрения ученого. Ну и потом... считается, что я по всем параметрам идеально подхожу для Странствий. Я перемещаюсь во времени быстрее многих, и рекорд в приближении к «настоящему» пока тоже мой. Да что объяснять — все это есть в вашей Картотеке.

— Но все-таки как же *вы* содействуете «глубокому научному исследованию», о котором уж скоро полчаса как распространяетесь?

Как об стенку.

— И в третий раз объясняю — вам и вашему магнитофону: я не ученый. Меня куда больше интересуют... меня интересуют люди, если вы понимаете, о чем я... Черт побери, я исправно выполнял работу, за которую мне платят. И раз уж об этом разговор, вы мне кое-что должны.

Франклин мигнул, как перегорающая лампочка.

— По вашему отчету судя, вы начисто игнорировали научную сторону дела. Да что там! Признаемся начистоту:

вы провели два с половиной года, пролеживая бока и прохаживая подошвы в свое удовольствие.

Про себя Буш, хоть и весьма неохотно, сознавал правоту его слов. «Хорошо еще, — подумал он, — что этой горе мяса и дела нет до моих рассуждений».

А Франклин вдруг перегнулся через стол (насколько позволяло брюшко), и глазки-лампочки замигали прямо перед носом Буша.

— Назначение и задачи Института изменились, да будет вам известно. Ваши сведения устарели — теперешние наши заботы куда важнее ваших «глубоких научных исследований». Так что выкиньте их поскорей из головы, если есть что выкидывать. Вот видите — мы на вашей стороне.

Франклин с любопытством гурмана ожидал реакции Буша на это отрадное известие. А Буш, напротив, был потрясен, пристыжен, подавлен. Считая себя художником, он в своей гордыне противопоставлял себя науке, как бы защищая этим частное от общего. И вдруг он осознал, как мелка и самонадеянна была эта бравада. Теперь выходило, что его прежнее заблуждение поддерживало новоявленную оппозицию науке в жирном лице Франклина, которая (это Буш чувствовал в самом воздухе душной каморки) противопоставила себя и всем человеческим ценностям. И если Франклин, пусть даже в шутку, причислил его к своим сторонникам, тогда все последние годы его, Буша, жизни были сплошной ошибкой.

Мужество вернулось к нему. Он встал и заявил веско и решительно:

Да, вы правы: я отстал от времени. Выходит, вы не нуждаетесь более в моих услугах — прекрасно! Я увольняюсь, и заявление подам сейчас же.

Надутая резиновая перчатка-пятерня шлепнулась о стол:

— Сядьте, Буш, я не закончил. Да, вы и вправду отстали от времени! Согласно действующему Закону на период чрезвычайного положения — уж об этом-то вы, надеюсь, слышали? — никто не вправе уволиться с работы. Неподчинение грозит тюрьмой, а может, и кое-чем

похуже. Так что будьте любезны сесть, а не то я кликну охрану... Вот так оно лучше. К делу! Наш капитал лопнул, как мыльный пузырь, и брызги от него разносит ветер, А все — из-за пристрастия к Странствиям. Тысячи, сотни тысяч людей ежегодно ныряют в прошлое. Эти люди неуправляемы, непредсказуемы; они — прямая угроза Режиму, то есть мне и вам, Буш. Вот поэтому нам нужны опытные агенты в прошлом, которые следили бы за обстановкой и поддерживали порядок. Талантов и опыта вам не занимать, что верно, то верно, — вот и займитесь подходящим делом. Месяц специальных тренировок — вот вы уже опытный агент... И оставьте, ради Бога, эти ваши копания в себе и в других. Забудьте, что были когда-то художником. С этим покончено, слышите? Спрос на искусство давно прошел, и потом — вы ведь многое порастеряли, верно? Борроу только еще раз вам это доказал.

Голова Буша все никла и никла. Титаническим усилием он заставил себя поднять на Франклина несчастные глаза.

— Хорошо, — только и смог он сказать. Это означало подпись под собственным приговором, признание своей негодности ни к чему, кроме роли шпиона-марионетки, или как это у них там называется. Но как раз тогда, когда он признал враждебную власть над собой, в нем вспыхнула давно погасшая искорка решимости. Он понял вдруг, что его последняя возможность возродить в себе художника — новое Странствие; что именно на этом, новом витке жизни ему откроется неизвестный прежде способ выражения так круто поменявшегося взгляда на мир.

Теперь поднялся Франклин.

— Если вы подождете внизу, туда доставят ваши личные вещи.

— И жалование, разумеется.

— Разумеется — частично. Теперь отправляйтесь домой. Курс подготовки начнется в понедельник, так что до десяти утра понедельника вы свободны. За вами пришлют фургон.

Буш напоследок не удержался и запустил-таки шпильку в грузное брюхо собеседника:

— Весьма приятно было видеть вас снова. Кстати, что там себе думает доктор Уинлок обо всех этих переменах?

Франклин-лампочка снова характерно помигал:

— Вы слишком долго отсутствовали, Буш. Уинлок уж полгода как повредился в уме и (по правде-то говоря) содержится теперь в психиатрической клинике.

VI. Циферблат

Под первыми каплями дождя Буш миновал ряд подгнивших вишневых пеньков, взбежал на крыльцо, где обнаружилось, что отец его не только запер, но и исправно забаррикадировал дверь. Пришлось еще расшатать ее пинками и кулаками, оборвать входной звонок и наполовину сорвать голос, чтобы убедить отца разобрать свое оборонительное сооружение.

Отец к тому времени уже почти уговорил початую им бутыль виски. Буш тут же обратил полученное жалование еще в несколько, и к вечеру оба были пьяны в дым. За весь следующий день собутыльники положили немало сил и огненной жидкости, чтобы поддержать в себе то же блаженное состояние. Хмельные пары установили наконец между отцом и сыном доверительно-дружеские отношения — в прежние времена им этого никак не удавалось. И те же пары придавили, загнали на время в угол овладевавший рассудком бессильный страх.

В четверг Джеймс Буш повел сына к могиле матери. Оба к тому времени протрезвели, но головы налились свинцом и клонились к земле. В общем, настроены были угрюмо — под стать тому месту, куда направлялись.

Древнее заброшенное кладбище спускалось с одинокого холма; его окружала цепь безлистных в эту пору дубов. Совсем не подобало это место для упокоения Элизабет Лавинии, Возлюбленной Жены Джеймса Буша. Здесь впервые Буша кольнула мысль: интересно, что она чувствовала в тот день, в доме, когда он был заперт в саду? Теперь она заперта от него навсегда, и душа ее нашла

вечное пристанище на причале под самым отвесным берегом из всех, существующих в мире.

— Ее родители были ревностными католиками; а она разуверилась в религии, когда ей исполнилось шесть лет.

Всего-то? Едва ли возможно разувериться в чем бы то ни было в таком нежном возрасте. С тем же успехом отец мог сказать «в шесть утра».

— Что-то произошло с ней тогда и убедило в том, что Бога нет. Она не рассказывала, что́ именно.

Буш промолчал. Отец не проронил о религии ни слова (вещь небывалая!) с тех пор, как Буш вернулся от Франклина. Теперь он снова взгромоздился на любимого конька — благо место к этому располагало. Буш принялся раздраженно насвистывать: даже от самой мысли о религии ему становилось худо.

Рассказу отца он не поверил. Случись такое, у него давно бы застряла в ушах эта история, потому что родители пересказывали бы ее всякий раз по поводу и без повода.

— Пойдем домой, папа, уже пора. — Буш нетерпеливо пошаркал ботинком, но отец не шелохнулся.

Он не сводил глаз с могильной плиты, рассеянно барабаня по ляжке пальцами. Такие состояния обычно заканчивались у него фразой типа «что-же-мне-и-Теду-и всему-дрянному-человечеству-все-таки-делать-с-этой-жизнью». Буш надеялся, что религиозно-философские настроения отца давно «умерли, похоронены и обратились в прах», и воскрешение их было бы очень нежелательно.

— Похоже, собирается дождь.

— ...Она так и не разъяснила своих отношений с Богом, но хотела быть похороненной здесь. Почему? Не понять. «Наш разум действует, не спрашивая нас» — так у Скеллета.

— Может, поедем автобусом?

— Да, пожалуй... Странно — совсем сейчас туго с надгробиями. Это вот — видишь? — я сделал сам. Как ты его находишь?

— Вполне.

— Может, лучше было написать «Э. Лавиния»? Про «Элизабет» даже она частенько забывала.

— Хорошо и так, папа.

— Ну, я рад, что тебе понравилось.

Вот так окончилась ее жизнь — под холмом, подтачиваемым грунтовыми водами, и в этом вот обмене пустыми фразами между ее мужем и сыном. Уходя, Буш знал: ни он, ни отец никогда больше сюда не вернутся.

— Как все это бессмысленно, правда? Кем была она? Я не знаю. И ты не знаешь. В чем суть и смысл прожитой ею жизни? Может, в той точке на линейке с делениями с отметкой «шесть лет»? Раз так (допустим, я поверил), то ее жизненный путь шел не в гору, а под гору; раз так, то ей стоило прожить жизнь в обратном направлении: исцелиться от рака, снова вступить в пору юности и вновь обрести свою наивную детскую веру!

Буш опомнился и оборвал свой монолог; они пошли прочь от могилы.

— Мы не задавались таким вопросом, когда решили пожениться, — чуть слышно проговорил отец.

— Извини. Какой я идиот...

— *Ты* был смыслом ее жизни — так же как и я.

— Ерунда. Неужели назначение человечества — воссоздаваться и воспитывать следующие поколения?

Отец быстро зашагал вниз по холму.

Был серый промозглый денек; дом так и напитался сыростью. Пообедали скудно: жареной картошкой с солью, но и такой обед влетал в копеечку. Отобедав, Буш уселся в приемной и раскрыл первый попавшийся пожелтевший журнал из неряшливой стопки.

Разрозненные строки — первые, бросившиеся в глаза, — постепенно сложились в его мозгу в грандиозную картину происходящего. Весь маршрут своей жизни он проехал транзитным пассажиром — проездом ссорился, мирился, вел случайные беседы, писал картины, надолго не останавливаясь нигде. Так и вышло, что все глобальные события происходили себе где-то там, за пределами станционных строений, где ему никогда не приходилось бывать.

Теперь, остановившись и призадумавшись, он многому находил объяснение. Так, вспышка викторианомании в

начале века была естественной реакцией на всеподавляющий поршень технического прогресса. Правда, викторианские печальные фонари — слабые искорки протеста — вскоре угасли; но на смену этим причудам быстро пришли другие.

Развлечение, уготованное затравленным людям к началу семидесятых годов двадцать первого столетия, превзошло, однако, все дотоле виденное и слышанное. Первые Странствия Духа вызвали небывалый взрыв всеобщей ностальгии. И вот уже вскоре самые развитые цивилизации мира поменяли ориентацию, обратившись к прошлому, к далекому доисторическому прошлому, в которое (почему — осталось загадкой для многих) легче всего было попасть. Вот так очередное поколение целиком и полностью посвятило себя спасению от своего собственного времени.

А последствия оказались много страшнее, чем могло предвидеть (но не дало себе труда) беспечное человечество. Удар был нанесен по всем сферам его деятельности, и, пораженные этим ударом, на глазах обращались в руины торговля, промышленность, философия, культура...

На фоне назревающего мирового кризиса один Институт Уинлока цвел пышным цветом. Здесь за умеренную плату любой мог изучить Теорию Уинлока, получив таким образом ключ к извечно потайным дверцам сознания. Тут же можно было приобрести наркотик-галлюциноген и с его помощью оказаться на берегу доисторического моря или посреди стада рептилий.

Но и этот невиданных размеров конгломерат, изначально созданный исключительно из соображений гуманности, был уязвим. Кое-где он был объявлен преступной монополией, в некоторых государствах тут же не сошелся во мнениях с правительством. И, конечно, нашлись проныры, кто, используя доверие и благие намерения Института, вызнал секреты Теории и КСД. Все это тут же было брошено в жаждущую толпу, и число Странников-самоучек с каждым днем обрастало нулями.

Даже в самой империи Уинлока не все шло гладко. Прошлогодний январский «Мир Дантиста» познакомил

Буша с неким Норманом Силверстоном. Как утверждал автор статьи, вся Теория Странствий Духа основывалась лишь на нескольких точных фактах и массе предположений и догадок, сделанных еще Фрейдом. Разумеется, никто не отрицал Странствия как факт; однако, по мнению группы людей весьма компетентных, Уинлок трактовал их не так, как следует. Душою этого союза и был Норман Силверстон, в прошлом близкий друг и коллега Уинлока. Силверстон утверждал: да, несомненно, нужно высвободить человеческое сознание из прокрустова ложа мимолетного времени. Однако очень многое еще предстояло открыть и исследовать. Ну разве не доказывает это тот факт, что Странствия таки сильно ограничены — ведь исторические, или населенные, времена пока оставались недоступны!

Сам Силверстон, видимо, был человек нрава сурового и сдержанного. Фотографироваться он отказывался, интервью почти не давал. Правда, изредка он все же встревал в споры и делал заявления, но смысл его речей был столь туманен, что, не понимая, многие просто не воспринимали его всерьез. Но как бы то ни было, Силверстон и его почитатели изрядно пошатнули некогда монолитную глыбу Института, вынув камешек из-под его основания.

С началом всеобщей неразберихи «Мир Дантиста» почил в бозе в компании сотен подобных ему журналов и газет; так что вряд ли где можно было отыскать информацию посвежее.

Однако Буш уже составил для себя примерную картину происходящего, и ему казалось, что он предугадывает грядущие события.

Такое неопределенное состояние не могло долго продлиться. Народы мира должны скоро стряхнуть с себя сонное оцепенение — ведь подобные случаи известны истории. Припомнилось только сейчас: ведь ему уже было знамение о недолговечности Режима генерала Болта. Когда он сидел взаперти в третьем боксе, явилась Леди-Тень — впервые за долгое время. Тогда мозг его был слишком перегружен иным, чтобы придать значение этому визиту. И только сейчас его озарило: та бесплотная

тень слегка светилась. Означать это могло только одно: в своем измерении и времени — в будущем — она находилась в открытом пространстве. Значит, здание Института (будет?) срыто в ее время, а значит, сень отеческого крылышка Болта уже не будет на него распространяться. Так-то оно так; но сколько лет может отделять Буша от его призрака-соглядатая? Возможно, что и все пятьсот, а это многовато. Но по крайней мере, можно было надеяться.

Буш обвел глазами приемную, но призрака не увидел. «Верно, все-таки призраки иногда тоже отдыхают, — подумал он. — А может, она — всего лишь игра моего больного воображения? Ведь все механизмы у меня внутри разом вышли из строя и работают каждый в свое удовольствие, а мне остается лишь наблюдать и дивиться».

Но нет, здесь нечто большее. Она была будущим, следившим за каждым шагом Буша из каких-то своих соображений. В этом «настоящем» будущее было повсюду — может, эти люди-тени принимали живое участие в происходящем; и, может, с их помощью все, наконец, встанет на свои места?

Буш поразмышлял еще немного, но это утомило его вконец. Он потихоньку выскользнул из дома, и невидящие глаза повели его куда-то. Он, похоже, совсем потерял способность мыслить здраво с тех пор, как кукловод Франклин привязал ниточки к его рукам и ногам. Жизнь как будто перевернулась вверх дном, и реальность как-то отдалилась. По ночам ему то и дело слышался голос матери.

Он подумал было об Энн, но она казалась такой же полуреальной, как девон, где они встретились. Мысль его метнулась к отцу, но тут ничего нового не наблюдалось. Подумал о миссис Эннивэйл, которую только что мельком увидел, и ему стало не по себе. Она, как говорится, и близко не стояла к той старой вешалке, которую раньше рисовало его воображение. Миссис Эннивэйл была примерно его лет, но держалась весьма бодро. Она была естественна, дружелюбна, приятно улыбалась и, похоже, симпатизировала его отцу. Но уж ему-то (Бушу то есть) не пристало о ней думать.

Идти никуда не хотелось: пустые захламленные улицы почему-то пугали. Буш припомнил, что в старой мастерской был таз с глиной. Может, это как-нибудь увлекло бы его; хотя все искры вдохновения давно угасли.

Когда кусок глины, который он бесцельно мял, начал походить на голову Франклина, Буш бросил эту затею и вошел в дом.

— Как прошел день? — осведомилась миссис Эннивэйл с верхней ступеньки лестницы.

— Превосходно! Утром ходили на кладбище, а в обед я развлекался чтением макулатуры двухлетней давности.

Она усмехнулась, спускаясь.

— Как ты все-таки похож на отца! Кстати, он уснул — лучше его не тревожить. Я сейчас иду к себе захватить кое-что из продуктов — приготовлю пудинг к ужину. Может, составишь мне компанию? Ведь ты еще не был у меня дома.

Буш угрюмо поплелся следом. Домик ее оказался светлым, чистеньким и странно легким. Уже в кухне Буш спросил:

— Почему вы не переедете к отцу, миссис Эннивэйл? Ведь так можно сэкономить на ренте и многом другом.

— А почему ты не зовешь меня Джуди?

— Потому что впервые слышу ваше имя. Отец всегда называл лишь вашу фамилию.

— О небо, какие формальности! Но ведь мы-то не будем вести себя, как на официальном приеме, верно?

Она стояла, опираясь на дверной косяк, слегка улыбаясь, и не сводила с него глаз.

— Я спрашивал, почему бы вам не переехать к отцу.

— А что если меня привлекают мужчины помоложе?

Выражение ее глаз успокоило Буша: нет, он не ослышался. Итак, все было приемлемо и пристойно, говорил он себе. Ее постель свободна, она знает, что ему уезжать на следующей неделе. Его тело все решило само и теперь доказывало разуму, что это замечательная идея.

Он поспешно отвернулся.

— Значит, просто очень мило с твоей стороны заботиться о нем, Джуди.

— Послушай, Тед...

— Ты уже все отыскала? Тогда пойдем к нам, посмотрим, как он.

Он первым направился к выходу, чувствуя себя круглым болваном. Наверное, то же испытывала и она — судя по тому, как она пыталась заполнить пустоту болтовней. Но в конце-то концов... это ведь тоже кровосмешение. Все-таки есть граница, которую даже самый морально разбитый человек не смеет преступить.

Видимо, Джуди Эннивэйл вообразила, что обидела Буша смертельно, потому что с того момента она старалась быть с ним подчеркнуто мила. Несколько раз он пробовал искать убежища — от нее, от обстановки, от себя — в компании глиняного Франклина-полуфабриката, в своей мастерской. И однажды, в день назначенного прибытия фургона, она неслышно прокралась за ним во флигель.

Буш обернулся — и скроил досадливую гримасу, увидев ее.

— Да не будь ты таким дикарем, Тед! Мне просто хотелось взглянуть на твои художества. В прошлом я и сама пробовала...

Но тут Буш взорвался:

— Если тебе не терпится поиграть с моей глиной — пожалуйста; но перестань ты повсюду ходить за мной хвостом! Решила окружить меня материнской заботой?

— А разве я подавала к этому повод?

Буш рассеянно пожал плечами. Он чувствовал: может, вот сейчас из-под пальцев его уходит единственная и неповторимая возможность и уже завтра ничего поправить будет нельзя...

Голова Джеймса Буша явилась в дверном проеме.

— А-а, вот вы где оба угнездились!

— Я как раз восхищалась художественным талантом Теда, Джимми. Мне это интересно — я ведь тоже в юности хотела стать художницей. Уверена, что картины прошло-

го, виденные Тедом во время Странствий, помогли ему во многом.

Вероятно, подозрение шевельнулось в мозгу Буша-старшего, потому что он с раздражением бросил:

— Дудки. Дырку от бублика он видел, а не прошлое. И ты туда же, куда все. Да поймите же наконец, что пройденный Землей путь во Времени неизмеримо велик, и даже Странники Духа видят лишь микроскопическую его часть!

— Ох, ради всего святого, давайте на этот раз обойдемся без аналогий с циферблатом! — простонал Буш. Излюбленный пример отца уже давно вызывал у него оскомину.

Но отец, раз заведенный, остановиться уже не мог. Он пустился объяснять с нудными подробностями старую схему из книжки (специально для миссис Эннивэйл). Согласно этой схеме, Земля сотворена в полночь. Затем следовали долгие часы беспросветного мрака; то было время огня, разряженной атмосферы и долгих дождей — докембрийская или криптозойская эры, о которых мало что известно. Кембрийский период — период первых ископаемых находок — соответствовал часам десяти. Амфибии и рептилии явились на свет Божий около одиннадцати часов и без пятнадцати минут двенадцать уже исчезли. Человек появился за двенадцать секунд до полудня, и громадный отрезок времени с каменного века до наших дней не занял на этом циферблате и доли секунды.

— Эти бахвалы Странники бросаются миллионами лет, как будто рассказывают о поездке за город. А между тем, все, что им дозволили увидеть, не займет и последних пятнадцати минут на циферблате. Человек — существо мелкое и жалкое.

— Твой циферблат никуда не годится, — возразил Буш. — Потому хотя бы, что на твоих часах совсем не осталось места для необъятного будущего, которое, может, в сотни раз превзойдет прошлое по долготе.

— Но ведь о будущем-то еще ничего не известно. Что на это скажешь?

Сказать было нечего — во всяком случае пока.

VII. Десятый взвод

Фургон доставил Буша в Центр подготовки к десяти утра. К полудню он сам с трудом узнавал себя: его обрили наголо, засунули, как в мешок, в хаки, искупали в дезинфекционной ванне, привили от всех известных болезней, а под конец сняли отпечатки пальцев и накормили в столовой какой-то мерзостью.

В час дня начался курс всевозможных тренировок, который почти без передышки продолжался целый месяц.

Буша приписали к Десятому взводу под началом сержанта Прунделя. Этот Прундель заготовил для новобранцев целый список умений и навыков (труднодостижимых и попросту невозможных), которые он ревностно вколачивал в их бритые головы.

Их учили маршировать часами — на выносливость; взбираться вверх по кирпичной стене; правильно падать из окон; продираться сквозь колючий кустарник и брести по болотам; а также стрелять, пырять, душить, крушить и даже есть отбросы.

Первое время разум Буша оставался как-то в стороне и саркастически наблюдал за тем, что вытворяло тело. Время от времени он повторял себе: «Цель этих дурацких приказов — истребить индивидуальность и превратить человека в аппарат для исполнения приказов. Пройди по веревочному мосту, не сверзившись вниз, на скалы, — и ты уже меньше личность, чем был до этого. Срубаешь миску вонючей каши — и вот в тебе уже осталось меньше художника, чем накануне».

Но саркастический разум сперва притупился, а потом и вовсе на время отключился под прессом тупых ежедневных натаскиваний. Он был слишком измотан, чтобы критиковать и оценивать, и скоро громовое карканье сержанта Прунделя вконец заглушило робкий шепот его интеллекта.

И все же у него хватало душевных сил на наблюдение за товарищами по несчастью. Большинство, как и он, страдали покорно, отставив в сторонку свое «я» до лучших времен. Те, кто оставался в меньшинстве, поделились на две группы. Одна состояла из несчастных, кто ну

никак не мог (или не хотел?) расстаться со своим «я». Они опаздывали на утреннюю перекличку и понуро брели, уткнув нос в носки нечищеных сапог. Они давились пищей, не в силах проглотить ее, и частенько плакали по ночам.

Члены же другого меньшинства войдут в нашу историю под общим заголовком (он им очень льстил): «Бравые Вояки». Эти, казалось, наслаждались оскорблениями Прунделя, чувствовали себя как дома в вонючем и склизком бараке — похоже, они и рождены-то были только для того, чтобы палить и крушить. В свободные часы они вусмерть накачивались виски, колотили представителей другого меньшинства, усеивали плевками пол и вообще вели себя геройски. Они поддерживали во взводе воинственный и бравый дух, и Буш после сам себе дивился: как это у него не явилось тогда желания показать себя таким же молодцом?

Он таки тоже не сплоховал и перещеголял всех на стрельбище, куда их таскали спозаранку по понедельникам и четвергам. Тут их обучали стрельбе из лучевых ружей, которые впоследствии должны были стать постоянным атрибутом их арсенала. Но Буша ружье привлекало не как изощренное орудие убийства; нет, в нем он как художник углядел нечто родственное. Легкий ствол ведь тоже орудовал основным материалом художника — светом: он направлял его и организовывал. Так что, поражая мишени, Буш занимался единственной художественной практикой, возможной в то смутное время.

Кроме муштры, в обязательный курс входили и лекции. В те благословенные минуты покоя Десятый взвод рассаживался по скамьям, и Буш, бывало, очнувшись от полудремы, пытался определить, о чем же толк.

Вся программа была поспешно надергана по кусочкам из разных курсов армейских учений; однако Буш долго не мог усмотреть связи между этим отупляющим натаскиванием и его будущей ролью агента-соглядатая. Он отмечал про себя и как бы со стороны, что медленно, но верно деградирует — даже более исправно, чем Бравые Вояки (но этим уже просто некуда было катиться). Но для чего же все это?

Скоро он понял: все это действовало на подсознание. После успешного прохождения курса, подавленное и затравленное, оно куда легче погибнет согласно приказу.

Да нет, чепуха все это, потому что... Потому что не для того их дрессировали, чтобы они мерли по-мушиному. Злоба, которую изо дня в день вкачивал в них сержант Прундель, должна была помочь им переносить испытания, а не умирать. Подсознанию под шумок скармливали опаснейший яд — и никто и не думает это остановить! Там, наверху, похоже, у всех поехала крыша. Но нет: ни при чем здесь генерал Болт и его Режим. Так происходит всегда и повсюду. Люди всю жизнь занимаются самоотравлением, забивая себя, как пустую кладовку, пороками и привычками и вытесняя ими индивидуальность.

Как это всегда бывает с художниками, жизнь Буша прошла в одиночестве. И сейчас он впервые так тесно окружен собратьями-людьми. Ему казалось, что сквозь отверстия-окна в их грудных клетках он глядит вовнутрь. Там что-то шевелилось, волновалось, дышало. Окна запотели, и на затуманенной внутренней поверхности стекол выведена пальцем надпись из дрожащих букв. Это был вопль отчаяния, призыв о помощи; и это доказывало, что разум еще не покинул человечество. Но написанные с *той* стороны строки бежали в обратном направлении, и Буш тщетно силился разобрать слова.

Буш уже расшифровал было одну из надписей, когда...

Гаркнули имя — он сел в постели.

Гаркнули снова — уснул как убитый!

— Буш, даю вам десять секунд на то, чтобы обдумать ответ.

Некто краснолицый Стенхоуп — кажется капитан — стоял у доски и вращал глазами на Буша. Весь взвод тоже вылупился на него как один, а Вояки нехорошо хихикали и пихали друг друга локтями.

— Морить клопов, — услужливо шепнул кто-то сбоку.

— Морить клопов, сэр! — отчеканил Буш, вытянувшись в струнку.

Взвод так и повалился со скамей, схватившись за животы. Вояки истерично гоготали, колотя по полу пудовыми сапожищами.

Стенхоуп оглушительно рявкнул — и порядок вскоре восстановился.

— Буш, я спрашивал вас, для чего мы употребляем морковь. Вы корчили из себя шута. После занятий я с вами разберусь.

Буш послал ему в спину взгляд, исполненный презрения.

Он промаршировал от галерки к кафедре, когда после занятий его товарищи понуро вытекали из класса, и встал, ожидая, пока лектор-офицер удостоит его внимания.

— Вы развлекали аудиторию за мой счет.

— Ни в коем случае, сэр. Я просто спал.

— Спал?! То есть вы хотите сказать, что спали, пока говорил я?!

— Я измотан до чертиков, сэр. Этот курс так и напичкан беготней.

— Чем вы занимались до Революции?

— Я художник, сэр. Делал группажи и тому подобное.

— А... Так как вас зовут?

— Буш, сэр.

— Это я знаю. Ваше полное имя.

— Эдвард Буш.

— Ну, тогда я видел ваши работы. — Стенхоуп, казалось, слегка смягчился. — Я сам был архитектором до того, как нужда в архитектуре отпала. Право слово, я восхищался некоторыми из ваших работ — особенно той, что на юго-западной Стартовой Станции. Кое-что явилось для меня настоящим откровением. У меня даже есть — то есть был — ваш каталог... В общем, я счастлив познакомиться с вами, даже в таком окружении и обстановке. Ведь вы, я слышал, опытнейший Странник?

— Да, я давно этим занимаюсь.

— О Господи, а *здесь*-то вы почему? Ведь вы — поверенный самого Уинлока!

— Как раз поэтому я и здесь, вероятно...

— Да... правда. Я и забыл. Что вы там себе думаете о конфликте Силверстона и Уинлока? Разве не кажется

вам, что многие идеи Силверстона очень здравы, хотя и необычны?

— Я не знаю, сэр. Не знаю.

Стенхоуп улыбнулся:

— Здесь больше никого нет; со мной вы можете быть откровенны. Ведь правда, не дело это — ну то, что Режим преследует Силверстона? Как вы думаете?

— Я уже говорил вам, сэр: вы составили весьма основательный курс. Я не могу думать больше. И своих суждений у меня не осталось.

— Но у вас, у художника, в таком деле должны быть весьма определенные суждения!

— Нет, никак нет, сэр! Волдыри на руках и мозоли на ногах, и никаких суждений.

Стенхоуп рывком встал:

— Вы свободны, Буш. И учтите: еще раз замечу, что вы спите на моих лекциях, — разделаю под орех!

Буш зашагал прочь с каменным лицом. Но только он вышел за порог, как это выражение сменилось злорадным и самодовольным. Нет, шалишь: голыми руками меня взять не так-то просто!

Однако мысль о том, что Режим преследует Силверстона, все не шла у него из головы. Это было действительно похоже на правду. Зачем только, интересно, им понадобилось *его* суждение об этом?

Прошло еще две недели, прежде чем он получил ответ на свой вопрос. И эти недели, как и предыдущие дни, были заполнены бессмысленной стрельбой, беготней и козырянием. Но наконец взвод впитал последний поток словоблудия на последней лекции, поразил последнюю мишень, пырнул ножом последнее соломенное чучело, пробежал последнюю милю. Они бодро промаршировали заключительные испытания, за которыми последовали личные собеседования с каждым. Так и Буш вскоре очутился в лекционном бараке, с глазу на глаз с лысым, как бильярдный шар, капитаном Хауэсом и капитаном Стенхоупом.

— Присядьте, — начал Стенхоуп. — Мы немного поспрашиваем вас — проверим ваши знания, а заодно и быстроту реакции. Итак, что неверно в утверждении:

Мир первозданный, тьмой окутан,
был скован вечной ночи сном.
Сказал Господь: «Да будет Ньютон!» —
и осветилось все кругом.

— Это точная цитата — из кого? — из Поупа, наверное. Да, так. Но утверждение неверно целиком: Бога нет, а Ньютон осветил куда меньше, чем вообразило его поколение.

— Что вы думаете о противостоянии Уинлок — Силверстон?

— Я ничего не думаю, сэр. Я не знаю.

— Что неверно во фразе: «Власти продолжают несправедливые гонения Силверстона»?

— «Гонения на».

— А еще? — Стенхоуп насупился.

— Еще? Не понимаю.

— Быть такого не может!

— Что за власти, сэр, что за Силверстон? Я ничего не понимаю.

— Вопрос следующий... — И они погнали Буша по лабиринтам подобной чепухи, чередуясь с вопросами. Но и у этой трагикомедии оказался какой-никакой конец.

Капитан Хауэс прокашлялся и произнес:

— Курсант Буш, мы рады сообщить, что вы успешно прошли испытания. Ваш результат — восемьдесят девять очков из ста, и вы, как нам кажется, идеально подходите для Странствий Духа. Мы надеемся заслать вас в прошлое с особым поручением в ближайшие дни.

— Что за поручение?

Хауэс натянуто рассмеялся:

— Хватит с вас на сегодня. Ваше обучение окончено. Расслабьтесь, отдохните! Капитан Стенхоуп и я объясним вам все завтра утром. Так что до половины десятого утра вы свободны — радуйтесь и празднуйте!

Он выудил из-под кафедры бутыль и торжественно вручил ее Бушу.

Когда оба наставника ушли, Буш с некоторым любопытством оглядел бутылку. Броская наклейка гласила: «Черный Тушкан Особый: Настоящий Индийский

Виски. Изготовлено в Мадрасе по Запретному Рецепту». Буш открутил металлическую пробку, осторожно потянул ноздрями воздух, и его бросило в дрожь. Спрятав бутыль под форменной тужуркой, он понес ее в жилой барак.

Бравые Вояки уже вовсю кутили, опрокидывая в глотки кружки мутной мерзости. Буша встретил громогласный хор приветствий и тостов. Все они были уже зачислены бойцами новой, наспех испеченной Полиции Прошлого; всем положен был недельный отпуск — его они, по всем приметам, намеревались в прямом смысле ухнуть в бутылку.

Буш презентовал им «Тушкана по Запретному Рецепту». Усевшись с ними на пол, он приметил тут же сержанта Прунделя, чьим самым деликатным обращением к ним было — «грязное стадо верблюдов». Сейчас тот же Прундель, паря в облаке винных паров, обрушил ручищу Бушу на плечо.

— Парни! Вы — мой лучший взвод! Куда ш мне без вас? Завтра — опять к-куча вонючих новобранцев... шморкать им носы, и все такое... Вы — мои товариш-ши, настояш-шие дрруз-зя!

Буш потихоньку плеснул «Тушкана» в его кружку.

Буш! Ты — мой луч-чий друг! — возгласил Прундель в очередной раз — и тут же грянули оркестр и хор какофонической музыки: гремели и бряцали кружками, ложками, жестяными банками, а также свистели, вопили и горланили песни (каждый — свою). Буш сам не заметил, как глотнул «Тушкана» — и в тот же момент был пьян, как сапожник.

А через час весь барак сковало холодное оцепенение. Прундель вывалился в черный проем двери и исчез в ночи. На полу и на нарах в причудливых позах застыли бражники; кое-кто оглушительно храпел. Только одинокий силуэт маячил в дальнем углу; человек этот полустоял, опершись на стену, и в руке его каким-то чудом держалась бутылка. Он гнусавил, запинаясь, разудалую песню:

...Он поймал того малька,
Дал под зад ему пинка...

Скоро в бараке воцарилась тьма и тишь. Буш лежал на нарах, уставившись в потолок. Он понимал, что не спит, но ледяной ужас уже оцепенил его; и в этом состоянии смутно различалось что-то знакомое.

Рядом послышались голоса, а затем показались четверо в белом. Они окружили его постель, и кто-то из них произнес:

— Он все равно не понимает ни слова из того, что ты говоришь. Он воображает, будто находится совсем в другом месте, может, и в ином времени. Ну разве он не законченный тип кровосмесителя?

Мысль о кровосмешении встрепенула его: он приподнялся — и тут же стены призрачной комнаты, усеянной безжизненными телами, поплыли во все стороны, увеличив ее до неимоверных размеров. Но четверо никуда не делись. Сам потешаясь в душе над разыгравшимся воображением, он спросил:

— Ну и где же, по-вашему, я нахожусь?

— Тсс! — увещевал один из призраков. — Тише, а не то разбудите всю пехоту. У вас — анемия и галлюцинации, разумеется, это как у всех.

— Но ведь окно раскрыто, — запротестовал Буш. — Где же мы, в конце концов?

— В Карфильдской психиатрической больнице. Мы давно наблюдаем за вами, ведь вы — Амниотическое Яйцо.

— Ну вы даете, — буркнул Буш в ответ, снова опустился на подушку — и тут же погрузился в сон.

Наутро он минута в минуту явился в лекционный барак, хотя в голове молоты без устали стучали по наковальням. Вскоре прибыли Хауэс и Стенхоуп — оба в штатском. Курс был окончен. На плацу тусовались разрозненные осколки бывшего Десятого взвода — незнакомые в незнакомой одежде, обмениваясь на прощание сальными словечками.

Оба офицера уселись напротив Буша на скамью.

— Мы не сомневаемся, что вы почтете за честь миссию, которую возлагает на вас правительство. Но перед тем как посвятить вас в ее суть, мы сочли необходимым разъяснить кое-что.

Наша страна, и с нею весь мир, вступила в эпоху великого разброда и хаоса — это вам должно быть известно. Новая теория времени вынула стержень из всего миропорядка. Это касается в основном Запада — Европы и Америки. На Востоке почти все осталось по-прежнему; это и понятно — у них совсем другое восприятие Длительности.

Генерал Перегрин Болт просто обязан был взять страну в железный кулак. Крепкая вожжа необходима еще долгие годы, пока мы не адаптируемся к новым условиям... А поэтому нужно в самом корне пресекать возможные посягательства на здание нового порядка, так старательно нами возводимое.

— Что это за посягательства?

Хауэс (говоривший все время) заметно смешался:

— Ну... Идеи часто оказываются опаснее, чем вооруженный бунт. Вам, как интеллектуалу, это должно быть известно.

— Я уже не интеллектуал.

— Да, простите. Но вы представьте себе: а вдруг появится некая новая идея о сущности времени и жирным крестом перечеркнет общепринятую? Это же мигом отбросит нас в пропасть — туда, откуда мы чудом спаслись несколько месяцев назад!

Буш тут же все понял. Все сказанное могло пролить свет на тайные страхи Режима, а значит, и самую болезнь эпохи... Что-то в лице Хауэса навело его на эту мысль. Офицер откровенен настолько, насколько было возможно. Но он явно запрятал в глубь себя что-то значительное и, видимо, за спиной у Стенхоупа намекал на это Бушу — правда, туманно.

Заговорил Хауэс:

— Видите ли, все дело во времени. Все, чем жив человек, и все созданное им основано на идее, что время направлено, и направлено совершенно определенным образом. Идея эта явно изобретена человеком в те времена, когда истина была загнана в потайной угол нашего подсознания и там тщательно скрыта. Верна она или нет, не нам судить, но она — основа всего миропорядка, а значит, и порядка у нас в стране. А потому (цитирую) «развитие

любых зловредных теорий должно пресекать, дабы не вернуться назад к Хаосу».

— Но, как я догадываюсь, зловредные теории все же существуют.

Буш наперед знал ответ и мог бы предугадать фразу Стенхоупа слово в слово.

— Вы верно догадываетесь. Ренегат Силверстон, в прошлом коллега Уинлока, сеет в умах наших граждан семена опасного вздора.

— Начинается охота на ведьм?

— Не шутите с этим, Буш, это вовсе не весело. Силверстон — не столько еретик, сколько изменник. Он уже обвинен заочно в измене и посягательстве на государственный строй. А потому его, как вы понимаете, необходимо обезвредить.

Буш гадал, что же за этим последует. Из всего услышанного он заключил, что Силверстон — тоже Странник хоть куда, и если скрывается, то... Значит, властям нужен некто, искушенный в Странствиях, чтобы выследить Силверстона и, возможно, убить. Нужно ли говорить, кем будет этот некто?

Хауэс прочел что-то по глазам Буша, понял, что разъяснения излишни, и продолжил:

— Вот ваша миссия, Буш, — я надеюсь, вы будете достойны такой чести. Ваша задача — разыскать и уничтожить Силверстона. По нашим сведениям, сейчас он скитается где-то во Времени, возможно, под ложным именем. Мы, со своей стороны, окажем вам всяческую поддержку.

Он вспомнил наконец о папке, которую все это время мусолил в руках, и протянул ее Бушу.

— Вам будет предоставлено увольнение на сорок восемь часов, после чего получите обмундирование, снаряжение, достаточное для того, чтобы не возвращаться лишний раз с пустыми руками. Мы позаботимся о вашем отце: «Черный Тушкан Особый» он непременно оценит. Вам следует изучить досье и ознакомиться по возможности подробнее с делом Силверстона — конечно, не забивая себе головы его бреднями.

Буш уловил в голосе Хауэса что-то — легкий намек на двусмысленность; но перед глазами маячило все то же

каменное лицо. Буш сосредоточился на объемистой папке. Одним из первых документов в ней было чуть ли не единственное фотоизображение Силверстона. Оно являло человека с носом несколько удлиненным и крючковатым, длинными же седыми космами и грязно-белыми усами. И хотя глаза позировавшего были серьезны и устремлены в никуда, губы едва заметно кривила усмешка. При их последней встрече волосы этого человека были коротко пострижены и окрашены, усы сбриты. Но Бушу не стоило труда узнать в портрете Стейна.

— Постараюсь сделать все возможное, господа, — скрепил договор Буш, вставая. Оба офицера по очереди тряхнули его руку.

VIII. Напутствие Вордсворта

Знакомый фургон доставил Буша к отцовскому дому и сгрузил у калитки. В ранце его, кроме необходимых вещей, бултыхалось несколько бутылей «Черного Тушкана» — подарок благодарного правительства.

Буш постоял на тротуаре, провожая взглядом удалявшийся фургон. Весна в его отсутствие сменилась душным пыльным летом. Из-за вздымаемых колесами вихрей пыли фургон вскоре превратился в мутное облако. Если срочно не восстановят муниципальные службы, подумал Буш, эта улица скоро станет хуже проселочной дороги. Из водосточных канав пробивались космы травы и чертополоха. Вишневые пеньки в отцовском саду скрылись за плотной стеной крапивы (чем не пример единонаправленных перемен?).

Буш теперь вслушивался в себя и решал: чувствует ли он облегчение, вырвавшись из смрадного вихря Десятого взвода. Да, это было похоже на избавление от смирительной рубашки. Он чувствовал, что не может пока войти в отцовский домик; нужно было подвыветрить из себя всю эту мерзость... Буш вдруг рассмеялся, поскольку на ум ему пришла одна штука, которую он мог бы сконструировать. Она состояла бы из неровных металлических пластин (изображающих, понятно, минуты

и секунды), продетых сквозь пару птичьих клеток. Можно было бы заняться этим, пока его дар не возвратится к нему.

Запрятав в зарослях ранец с виски, он бесцельно побрел по пустой улице — туда, где только что исчез фургон. Все в округе было блекло, мрачно, безжизненно. Он подумал вдруг о сексе и постарался воскресить в памяти образы Энн и даже миссис Эннивэйл, но обнаружил, что не помнит их лиц. За последний месяц его, похоже, покинули все желания — в том числе и это. Оголтелость и сумасшествия военных с их муштрой Буш воспринял как симптом серьезнейшей болезни человечества. В противном случае, как могло оно допустить такое явное и безнаказанное уничтожение личности и воли?

Буш блуждал по близлежащим улочкам; в конце одной из них обнаружился старый заросший пруд, которого он никак не мог припомнить. Невидящими глазами смотрел он на полузатонувшие старые ботинки, шины и пустые банки из-под консервов. Но в мозгу его не запечатлевалось все это, ибо мысли его были далеко.

Голоса, раздавшиеся где-то поблизости, нарушили ход его раздумий. Доносились они, по-видимому, из полуразрушенного домика у самого пруда. Буш не разбирал слов, пока ухо его не уловило имя Болта; тогда он стал слушать внимательно.

— ...Нам стоит поспешить, чтобы упредить Болта!

— Да, чем скорее, тем лучше. Сегодня же, если удастся наладить связь с подкреплением. Вся загвоздка была только в деньжатах, но теперь...

В дальнейшем обрывочном разговоре часто упоминалось и другое имя... Глисон не Глисон, но похоже.

Буш на цыпочках прокрался к развалюхе и заглянул в окошко сквозь мутное стекло. В полумраке проступили профили двух негров и двух белых; они оживленно спорили. Ледяной страх вдруг сжал в кулак сердце Буша; он почувствовал, что *очень* не хотел бы быть сцапанным этой четверкой. На цыпочках же обойдя пруд, он припустился бежать и не останавливался до самого домика с зубоврачебной вывеской. К тому времени он уже не был вполне уверен в том, что все виденное им не игра больного,

затравленного воображения. Ну, понятно: смерть матери расстроила его, вот он и...

Выдрав из зарослей ранец с виски и поклажей, он поспешил в дом.

Джеймс Буш со смаком откупорил бутылку подаренного индийского, плеснул в стакан миссис Эннивэйл, Бушу и себе и, тяжело уставившись в бутыль из-под нахмуренных бровей, слушал рассказ сына; а тот расписывал новую деятельную жизнь, которую собирался начать. Упоминать о Силверстоне ему строго-настрого запретили. Однако он объявил, что отправляется эмиссаром в прошлое, что дни его праздности миновали и что отныне он — человек действия. Вся эта восторженно-возбужденная тирада сопровождалась нервной жестикуляцией.

— О небо, что они с тобой сделали! — воскликнул Буш-старший. — Всего за месяц так обработать человека! Они обрили твою голову, а заодно и выветрили из нее разум. Ну и что ты теперь такое? Ты, *ты* разглагольствуешь о действии! Твое действие и суета — одно и то же.

— Ну еще бы! Всегда удобнее напиться в кочергу, чем действовать.

— Само собой! И при случае я так и поступлю. Напьюсь как мне угодно и чего угодно — только не этой твоей индийской мерзости. Ты всегда был неучем, а то припомнил бы сейчас, что́ сказал Вордсворт по этому поводу.

— К черту Вордсворта!

— Прежде чем он пойдет к черту, я таки скажу тебе! — Джеймс в гневе поднялся, опершись руками о стол; встал и Буш. Так они и стояли, меча друг в друга молнии горящими угольями-глазами, и старик взволнованно и торжественно продекламировал:

Я понял: тщетно действие — шаги, слова,
Движения, эмоции — все втуне,
Ведь следствие его — все та же неизвестность.
И мы, обманутые, убеждаемся опять:
Да, мы уйдем; страдание — пребудет,
Скрывая тайну Вечности от нас.

А теперь послушаем, что ты сможешь возразить.

— Вздор! Это заблуждение старо как мир! — Буш сердито оттолкнул стол и быстро вышел из комнаты.

«Я еще покажу, я еще докажу вам», — вертелось в его хмельной голове. Все происходящее было ступенькой к новому обретению себя-художника. У Вордсворта должно было хватить здравого смысла перечеркнуть эту строфу жирным крестом и признать: и действие, и бездействие — равные части страдания.

В ближайшие два бездеятельных дня он нашел себе новый повод для страданий и терзаний. Он, Буш, не сопротивлялся течению событий (повторял он себе) не только из соображений собственной выгоды, но и потому что таким способом он обеспечивал отцу некоторую безопасность. Правда, если благосклонность правительства выливалась только в виски, толку от нее немного. Более того, он тем самым толкнул отца на неверную дорожку, оканчивающуюся в топком болоте.

Однажды, когда все уже изрядно поднагрузились из второй бутыли «Черного Тушкана», Джеймс Буш решил включить телевизор. Сначала на экран выплыл сельский пейзаж, на фоне которого красовалась во весь экран надпись: «Экстренное сообщение». За кадром наяривал военный оркестр.

— Государственный переворот! — крикнул Буш; он тут же устроился на полу перед телевизором и прибавил звук.

На экране явился некто о двух головах. Буш сначала протер глаза, потом отрегулировал что-то в телевизоре — и головы соединились в одну. Объединенный рот выплюнул следующее:

— Принимая во внимание беспорядки в разных регионах страны и общее состояние нашего государства, постановлено ввести военное положение во всех крупных городах. Действие его началось сегодня в полночь. Правительство генерала Болта оказалось несостоятельным. Сегодня утром, в результате непродолжительных боев, его место заняли представители партии Всенародного Действия. Судьбы и будущее благополучие нашей страны находятся теперь в надежных руках адмирала Глисона; вооруженные силы и правительство отныне контролиру-

ются им. Через несколько секунд адмирал Глисон будет говорить с народом!

Под барабанный бой объединенного диктора сменила комната с кафедрой, за которой помещался пожилой человек в военной форме и с лицом каменной статуи. Выражение его наспех рубленных черт не сменилось ни разу в продолжение всей речи. Тяжелая квадратная челюсть и манера говорить живо напомнили Бушу сержанта Прунделя.

— Мы живем в сложное время переходного периода. Поэтому необходимы жесткие ограничения и меры, чтобы пережить следующий год — он будет критическим. Партия Всенародного Действия, которую я представляю, взяла власть в свои руки, дабы обеспечить скорейший выход страны из кризиса. Свергнутый нами преступный режим долго скрывал от всех нас истинное, катастрофическое положение вещей. Достоверно известно, что предатель Болт намеревался бежать в Индию, захватив с собой крупную сумму денег и бесценные произведения искусства. Вчера вечером мне пришлось присутствовать при казни генерала Болта, совершенной от имени и на благо народа.

Я убедительно прошу вас, сограждане, оказать нам посильное содействие. В такое тяжелое время мы не можем позволить себе роскошь иметь оппозицию.

Все изменники -- прихвостни Болта — должны вскоре предстать перед судом. Мы ожидаем от вас помощи в их поимке и аресте. За границей у нас множество врагов, злорадно смакующих наши неудачи; они с удовольствием сыграют на нашей слабости. Поэтому чем скорее мы избавимся от врагов у себя в отечестве, тем быстрее установим прочный мир в стране и за ее пределами.

Помните: действуя сообща, мы выстоим и возродим нацию.

Последние слова адмирала потонули в рокоте барабанов. Глисон, ни разу не моргнув, тупо глазел в камеру, пока кадр не сменился другим. Джеймс Буш тут же выключил телевизор.

— М-да... При Болте, похоже, были только цветочки, а ягодки пойдут сейчас, — мрачно суммировала речь миссис Эннивэйл.

— Да, Болт был из умеренных, — поддакнул Джеймс. — Ну а этот-то выпинает взашей своим кованым сапогом все ваши Странствия, это уж будьте уверены.

Тон предупреждения обидел Буша-младшего всерьез.

— Будем надеяться, что Действие тщетно и преходяще, как утверждает твой поэт.

Атмосфера в доме вконец задавила его своей тяжестью, а в мастерской царил им же учиненный хаос. Пойти было некуда. С тяжелой во хмелю головой Буш снова пошел прочь куда глаза глядят. Кто бы ни заправлял всем этим муравейником, данное ему поручение оставалось в силе — разве что Хауэсу и Стенхоупу придет в голову его отменить. Слоняясь бездумно по улицам, он вдруг с изумлением обнаружил, что ноги принесли его все к тому же заброшенному пруду. И домик-развалюха был на месте, но теперь вокруг повисла звенящая тишь. Наяву ли он подслушал сговор тех четверых против Болта — или, может, он наделен даром предвидения?

Буш застыл у склизкого берега, наблюдая, как пара лягушек барахтается в прибрежной ряске. Ни дать ни взять, те девонийские амфибии — движения наверняка те же. В голове у него уже зрел новый, невероятных размеров группаж под общим заголовком «Спираль Эволюции». В нем движущиеся плавники обращались в конечности, конечности — в крылья, а крылья в конечном счете — снова в плавники. Но вскоре мысли его потекли по другому руслу.

Вернулся фургон; отпуск закончился. Буш попрощался с миссис Эннивэйл и с отцом и забрался вовнутрь. Но все это — и прощания, и крыльцо родительского дома — теперь отдалилось и подернулось дымкой. Он уже понемногу входил в гипнотическое состояние, необходимое для перемещения во Времени.

Когда фургончик въехал на недоброй памяти бетонированный задний двор Института, Буш впервые заметил здесь туманные очертания наблюдателей из будущего. Значит, это место было под надзором. Интересно только, как они относятся к новому Режиму?

Выбравшись из кузова, Буш остановился на минутку, потому что внимание его привлекло прелюбопытное зрелище — марширующий взвод новобранцев. Завербовали их, видимо, буквально на днях — пингвины лучше держали бы строй, чем эта кучка запуганных бритоголовых солдат. Сержант Прундель с искренним усердием громовым карканьем выдувал из их голов всякий намек на интеллект и индивидуальность. Болт, Глисон или сам Господь Бог управлял бы государством — Прундель оставался бы на своем посту и ревностно «вносил посильный вклад».

Взвод неуклюже остановился — после того как на их головы был выплюнут соответствующий приказ. С головы одного из новоиспеченных рекрутов слетела фуражка, и Буш воззрился на него в изумлении. Это слегка помятое лицо было ему как будто очень знакомо. Невероятно, конечно, — но, в конце концов, новобранцев отлавливали и в прошлом... Да, теперь сомнений не осталось: то был Лэнни, с которого Прундель сгонял по семь потов в день.

Буш при встрече не преминул шепнуть об этом Хауэсу. Тот кивнул, рявкнул приказание двоим в хаки — и через пять минут Лэнни, изрядно спавший с лица, уже стоял перед ними и бросал недоумевающие взгляды то на Хауэса, то на Буша.

Его выловил патруль в раннем юрском за «нарушение спокойствия». Пойманного доставили сюда, а вся его компания успела вовремя разбежаться.

Лэнни клялся и божился, что о Стейне впервые слышит. Хауэс кликнул Стенхоупа, поскольку дело было серьезное. Оба офицера, Буш, Лэнни и двое его охранников проследовали по коридору в пустую комнатушку. Лишь мельком взглянув вовнутрь, Лэнни начал отчаянно протестовать. И было из-за чего: стены и пол этой камеры запятнаны кровью. В углу располагались видавшие виды клюшки для гольфа. Хауэс извинился и вышел, а охранники остались за дверью.

Черты Стенхоупова лица заметно ожесточились. Он взял одну из клюшек и продемонстрировал Бушу ее назначение; Лэнни со стоном повалился на пол. Буш сжал

обеими руками клюшку и с размаху съездил ею Лэнни по боку. Это было совсем нетрудно и даже приятно. Вот, наконец, и настоящее действие!

Лэнни не сообщил им ничего особенно важного — кроме того разве, что со Стейном они разругались в пух и прах и тот переместился в другую эпоху. А Буш чувствовал себя обманутым, хотя Вордсворту все равно пока не верил.

Часом позже он уже был полностью экипирован для миссии наемного убийцы. Ему выдали новое обмундирование, заполнили ранец всякой необходимой снедью, снабдили лучевым ружьем, газовым пистолетом и двумя кинжалами — один болтался в ножнах на поясе, другой был пристегнут ремнями к голенищу сапога.

Затем Буша отправили для рапорта к полковнику, ведавшему учениями. Скинув ранец у стены, он терпеливо ждал под дверью разрешения войти. Но прошло пятьдесят нескончаемых минут, прежде чем прибывший сержант сопроводил его в резиденцию полковника.

Полковник этот, непривычно мягкий и обходительный для военного, был едва виден из-за кип папок и бумаг, загромождавших его рабочий стол. Он, похоже, поспешно перестраивался согласно системе Режима Действия — в противном случае он сидел бы сейчас в другом месте.

Он не сообщил Бушу ничего нового или ободряющего, а только снабдил напутствием — примерно следующим:

Адмирал Глисон ценит преданность и рвение. Силверстон — угроза государству, ибо его идеи направлены на то, чтобы сбивать нас... вернее, тех, кто слаб, с толку. Если ваша миссия увенчается успехом, Адмирал не оставит это без должного внимания — уж я позабочусь. И последнее: вы — не убийца, а уполномоченный государством исполнитель приговора. Вы свободны!

Знакомый потрепанный фургончик поджидал Буша, чтобы отвезти его на Стартовую Станцию. Наконец-то

можно бежать из этого ада! Буш уже взялся за ручку дверцы, как откуда-то возник Хауэс. Лицо капитана на мгновение скривила болезненная гримаса. Буш припомнил то же выражение на его лице в тот момент, когда он, извинившись, покидал камеру пыток.

— Чувствуете вы, что способны на убийство? — спросил он.

Бушу вдруг остро захотелось быть с ним откровенным, раскрыть все, что лежало на душе. Но в том-то и штука, что раскрывать было нечего. Он таился даже от самого себя.

— Да, способен.

— Тогда посмотрим. От вас многое зависит.

— Да, конечно.

Буш забрался в крытый кузов. Последнее, что он увидел, прежде чем захлопнулись железные ворота, был взвод сержанта Прунделя, маршировавший сквозь группку теней из будущего.

На Стартовой Станции Буш снова стал другим человеком — иначе говоря, из вояки превратился в пациента. Врачи и медсестры (тоже подчиняясь приказу) окружили его всевозможным вниманием. Ему выдали новый запас КСД — только на этот раз в форме таблеток. Его поместили в специальную комнату — с расчетом, что на этот раз ему не удастся вернуться незамеченным. Последовала обычная процедура со взятием крови и полоски кожной ткани. Буш повторил про себя основные положения Учения и проглотил две таблетки.

И снова он стал кем-то другим — ни живым ни мертвым, в безвременье — там не происходило никаких перемен. Сознание его раскрывалось, как будто навстречу солнцу; распахнулись и потайные дверцы, опечатанные тысячелетия назад, впуская вовнутрь часть Вселенной. Впервые за долгое время Буш был счастлив, потому что ощущение радостного спокойствия вдруг заполнило его, а мозг заработал легко и ясно. Уплыли прочь клюшки для гольфа, квадратные челюсти, бутыль с индийской наклейкой; он вымел их из сознания — и освободился.

Однако у пути его была своя цель. Наркотик и Учение работали теперь сообща; Буш почувствовал нечто, помогавшее ему выбирать направление. Он оказался вдруг в положении пловца, нырнувшего в бурную реку и почувствовавшего, как мощное течение сносит его в бездну, к огромному водопаду. Так и Буша течение несло вниз по энтропическому склону, которое (не сопротивляйся он ему) забросило бы пловца неизвестно куда, к самому началу мира. Так что Буш изо всех сил карабкался по склону вверх, пока усталость не одолела и он не уверился в том, что можно всплыть на поверхность.

КНИГА ВТОРАЯ

I. В чужом саду

Домишки взбирались вверх по холму, лепясь друг к дружке, по обеим сторонам дороги. Все они были совсем крохотные — с одной-двумя комнатками в верхнем этаже, — но солидности ради сложены из камня, хотя и жались друг к другу, спасаясь от пронизывающих восточных ветров. При каждом домике имелся палисадник; располагался он всегда выше дома по холму так что его вполне можно было засевать из окон второго этажа.

На гребне холма, где помещался последний каменный дом, находилась почти плоская площадка. Пройдя мимо этого дома, который оказался лавкой бакалейщика, Буш обернулся и посмотрел вниз. Весь поселок отсюда как на ладони. «Какое странное, однако, поселение», — без конца думал Буш.

По противоположному склону лепились весьма странные домики. Они были кое-как сляпаны из кирпича и располагались, окно в окно, ровными рядами. Из их окон не было другого вида, кроме как на болота, мокнущие под тяжелым облачным небом, — они простирались ок-

рест, насколько хватало глаз. За гребнем холма маячил конек крыши бакалейной лавки.

Буш стоял и наблюдал. Масса дождевой воды вместе с порывами ветра обрушивалась на поселок, но на Буша, само собой, не падало ни капли. Между ним и этим неизвестным ему островком человеческой истории не могло быть никакой связи, кроме хрупкого, как перекинутый через бурный поток ствол дерева, мостика эмоций. Он чувствовал, что над жителями этого поселка тяготело что-то — как и над ним самим. Буш не заметил здесь до сих пор ни одной бесплотной тени из будущего, ни одного призрачного строения. Видимо, стремление вырваться из осьминожных лап нового режима забросило его в необычайно поздний (для Странников) период человеческой истории — ведь попасть сюда оказалось не так уж и сложно!

Стена дождя таяла понемногу, но контуры окружающих предметов не стали от этого четче — на поселок опускалось плотное покрывало сумерек. В домах постепенно зажигались огоньки. Но впереди, у подножия холма, громоздилась темная бесформенная масса, и вокруг нее ни души, ни проблеска света. Буш направился прямо туда.

Чуть ниже по склону располагались несколько домов подобротнее и побольше, несколько лавок и церковь. Неподалеку обнаружилась железнодорожная станция какой-то древней конструкции Буш впервые увидел такую наяву. А то, что так угрюмо маячило в отдалении, распалось на несколько скучковавшихся слепых строений. И надо всеми ними в сгущающемся мраке очертилось громадное неподвижное колесо, венчавшее деревянную башню.

Где-то здесь, неподалеку, бежали от станции в никуда невидимые рельсы. В одном из станционных бараков мигал неверный огонек; но в остальном эта глухая часть поселка тонула в угольно-черной темноте.

Почитай что вся жизнь поселения в этот час сконцентрировалась внутри и в окрестностях пивной. Заведение помещалось вверх по склону от церкви, так что ее видавший виды порог был на одном примерно уров-

не с желобом церковной крыши. Скромная дощечка над крыльцом гласила: «Молот и Наковальня (Эми)». Видимо, эта таверна, как крепкий коренной зуб, прочно вросла в свой клочок земли и переживет не одно поколение ее завсегдатаев — жителей поселка. По крайней мере Буш не мог проникнуть сквозь ее стены и должен был, как примерный любитель пива, войти через дверь.

В общем зале было сумеречно из-за плотной завесы сигаретного дыма. Мужчины группками сидели за столами и на скамьях; курили почти все, но пили на удивление мало. Одеты неброско и одинаково — в наглухо застегнутые темные плащи и кепки. Даже на лицо они как будто похожи; во всяком случае на их пепельно-серых лицах застыло одинаковое выражение безысходности.

Один из тех, кто потягивал-таки из кружки, одиноко сидел в углу за отдельным столиком. С ним здоровались и прощались входившие и выходившие, но за стол к нему не подсаживались. Одет этот человек так же бедно, как и остальные, — разве что в лице его было чуть побольше краски. Именно на него Буш обратил все свое внимание, потому что им вдруг овладела странная уверенность: этот человек носил его, Буша, фамилию.

Отшельник осушил свой стакан, встал, обвел глазами зал, будто что-то ища. Но отвлечься было не на что и не на кого. Тогда он поставил стакан на барную стойку и бросил в публику обращенное ко всем пожелание доброй ночи. Наверное, ему ответили тем же, хотя ни звука не проникало в изолированный мирок Буша.

Он последовал за своим однофамильцем. А тот ссутулился, вобрал голову в плечи и побрел, продуваемый промозглым ветром (которого не чувствовал Буш), по склону вверх.

Дойдя до бакалейной лавки на вершине, человек обогнул ее и постучался у черного хода. Конечно, он не мог заметить тут же, в саду, палатки Буша — тот по странному наитию установил ее именно здесь. Дверь открыли, выбросили трап — световую дорожку. По ней

человек вошел в дом, а Буш скользнул туда же за его спиной.

Почему-то только сейчас припомнилась ему вывеска на фасаде: «Эми Буш, Бакалея и проч». Он решил пока не ломать голову над тем, почему именно сюда доставили его непредсказуемые волны сознания — в надежде, что все само разрешится в скором времени. Но мысль о том, что эти Буши, возможно, его дальние предки, его весьма позабавила.

Комната, в которой Буш тут же и очутился, была переполнена до невозможности. Трое ребятишек разного возраста челноками носились взад-вперед с радостными воплями, хотя Буш, конечно, не слышал ни звука. Самый младший — кожа да кости — был совсем раздет и оставлял за собой дорожки воды и мыльной пены. Видимо, он спасался бегством от старшей сестры, которая тщетно пыталась отловить его и водворить назад в большое корыто. Галопируя таким образом по комнате, малыш то и дело натыкался на грузную женщину в тапочках (она стирала в другом корыте белье), а иногда и на древнюю старуху, тихо сидевшую в уголке с клетчатым пледом на коленях.

Выслеженный Бушем человек, войдя в комнату, изобразил на физиономии праведный гнев и, видимо, принялся метать громы и молнии, потому что в комнате немедленно воцарился полный порядок. Младший мальчик походкой мученика вернулся к сестре и был тут же погружен в корыто. Его старшие братья в изнеможении повалились на деревянные ящики у стены, составленные в ряд и служившие скамьей, и затихли. Грузная женщина распрямилась и продемонстрировала мужу прозрачную, как решето, и заплатанную рубашку, которую стирала, — очевидно, с комментариями. И тут Буш заметил, что женщина уже на сносях.

Возраст старшей дочери на глаз определить было трудно; может, ей лет пятнадцать-девятнадцать. Она была миловидна, хотя зубы уже плоховаты; сам вид ее и манеры напоминали акварельный пейзаж, где тона искусственно сближены и приглушены. Все это наводило на тягостную мысль, что не бесконечное число лет отделяло ее от кле-

вавшей носом в углу сморщенной старухи. Тем не менее улыбка играла на ее лице, пока она купала братца, заботливо обтирала и одевала его, а затем (частично с помощью отца) препровождала всю веселую троицу наверх, в спальню.

До сих пор Бушу не приходилось видеть спальни беднее этой. Младший из мальчиков спал на одной кровати с родителями; рядом на матрацах ютились оба его старших брата. То была самая просторная из двух спален; в комнатке поменьше едва умещалась одна-единственная кровать, где вместе с бабушкой спала старшая дочь.

Отец выплеснул воду из ванны-корыта в сад. Когда дочь вернулась, уложив братишек, он ласково усадил ее на колени, пока жена собирала на стол. А девочка с улыбкой обвила руками шею отца и прижалась щекой к его щеке.

Вот так семейство однофамильцев Буша коротало свои дни. За последующие несколько недель Буш успел до тонкости изучить их характеры и привычки, узнал и их имена. Мать семейства и хозяйка бакалейной лавки прозывалась Эми Буш, что явствовало из вывески. Когда пожилой леди случилось побрести на почту, Буш, глядя в ее пенсионную книжку, прочел и ее имя: «Алиса Буш, вдова». Однажды призрачный Буш, стоя позади Буша во плоти в очереди за пособием, заглянул через его плечо в персональную карточку — и так познакомился и с ним. Полустертые буквы на карточке гласили: «Герберт Уильям Буш». Старшую девочку звали Джоан, ее непоседливых братьев — Дерек и Томми. Как звали младшего, Буш так никогда и не узнал.

Поселок, как он тоже вскоре выяснил, назывался Всхолмьем. На обрывке газеты, который носил по улице ветер, значилась дата «Март, 1930». Итак, от его собственного времени Буша отделяло сейчас всего лишь сто шестьдесят два года. Здесь, понятно, нечего было и искать Силверстона; но и агенты Глисона не смогли бы также добраться до Буша, вздумай они пуститься по его следу. Тут он чувствовал себя безопаснее, чем где-либо; но мысль о таинственной силе, доставившей его сюда, не давала ему покоя. Буш все еще не мог подчинить себе ту

часть мозга, которая выбирала направление его Странствий. Функции его во всяком случае очень напоминали миграционный инстинкт у птиц.

Однако не его цель и не его безопасность доминировали в мыслях Буша. О чем бы ни думал он, какую бы сцену ни наблюдал, память неизменно возвращала его в ту глухую комнатку-камеру с кровавыми пятнами на полу и стенах, где он, повинуясь какому-то животному инстинкту, ударил Лэнни клюшкой для гольфа. Та комната не шла у него из головы, превратившись постепенно в навязчивый кошмар. Ему припоминался сверкавший в упоении взгляд Стенхоупа и одновременно — пригашенная молния презрения в глазах Хауэса в тот момент, когда он покидал камеру пыток. Буш и сам понимал, что изрядно деградировал (спасибо сержанту!), и процесс этот сейчас всего лишь замедлился, но не прекратился. Впервые в жизни он начал мыслить теологическими категориями; он пришел к выводу, что совершил тяжкий грех, и сюда, во Всхолмье, направился в добровольное изгнание.

Весь этот сгусток мыслей висел камнем на его шее, но он, как ни странно, не сделал ни единой попытки его сбросить. Содеянное было худшим из его проступков. Буш начал уже склоняться к такой мысли: а не правильнее ли было бы, если бы это изгнание оказалось высшей и крайней точкой его жизни, — тогда тот день детства, проведенный в саду взаперти, оказался бы самым подходящим наказанием за такой проступок. Стоило только представить, что жизнь его вдруг потекла в обратном направлении, и все логически вставало на свои места! В призрачной палатке в саду тысяча девятьсот тридцатого года он иногда пытался плакать, чтобы вышло наружу все, гнетущее душу. Но затем ему казалась лицемерной мягкость в человеке, который мог с наслаждением ударить слабого, — и глаза его стекленели, слезы испарялись.

А тем временем перед глазами-стеклами одна за другой проходили сцены из жизни посельчан. Буш не сразу понял, чем зарабатывают свой хлеб местные жители; он это выяснил, только разглядев при дневном свете сонмище угрюмых строений по ту сторону железной дороги. С тру-

дом он убедил себя, что это была угольная шахта. В его «настоящем» такие шахты еще работали кое-где, но выглядели они куда симпатичнее.

Сразу за шахтой начиналась тропинка. В один из весенних дней Буш пошел по ней вслед за Джоан. С ней шел юноша, такой же, как она, — без кровинки в лице. Скоро они оставили позади мертвую громаду шахты (там не видно было ни души). Кончилась унылая болотистая равнина, и тропинка вывела к реке. Декорации на сцене вдруг поменялись: вокруг возникли деревья в дымке проклевывавшейся листвы. Показался и горбатый мостик — опора, как будто специально подведенная под перекинутую через реку тропинку. Здесь Джоан как бы нехотя позволила молодому человеку себя поцеловать. Любовью и надеждой светились их взгляды; но затем, внезапно смутившись, влюбленные быстро пошли вперед. Они оживленно беседовали о чем-то, но Буш не слышал (и рад был, что не слышал) их разговора. Дорожка вилась вдоль кирпичной стены. Молодые люди задержались около нее ненадолго, а потом, все так же не сводя друг с друга сияющих взоров, повернули назад, к поселку. Буш не пошел за ними дальше: его давно уже покинула юношеская уверенность в будущем.

Заглянув за каменную ограду, Буш обнаружил опрятный дом, утопавший в мареве одевающегося зеленью сада. Без затруднений проникнув в сад сквозь стену, Буш обошел усадьбу кругом. Из своих наблюдений он заключил, что это было крупнейшее поместье в округе и хозяева его, несомненно, владели и шахтой. Это никак не укладывалось у Буша в голове: в истории он разбирался слабо и никак не мог убедить себя, что кто-то может владеть углем — продуктом, принадлежащим только земле, и никому другому.

А тем временем летели и летели дни. Целиком погруженный в себя, Буш очень поздно понял, что весь район скован затянувшейся забастовкой. И действительно, парализованным казалось все, что могло двигаться. Хотя жизнь вроде бы и шла своим чередом: мягчали ветры над болотами, и передник Эми Буш оттопыривался все больше

и больше, но все дела мужчин теперь сводились к ничегонеделанию. Бушу уже казалось, что он знает цель своего пребывания здесь: ему предстояло научиться сочувствию и состраданию.

Буш так и жил в саду за бакалейной лавкой, по-спартански растягивая свой запас пищевых концентратов. Тем временем огородные посадки бодро пошли в рост — им нисколько не мешала неосязаемая палатка Буша.

Место для лавки выбрано лучше некуда: ее покупателями являлись все обитатели каменных построек на склоне, которым лень было лишний раз сбегать вниз-вверх по холму к магазину у таверны. Однако сейчас покупали мало: деньги у завсегдатаев кончались, а вот конца забастовке пока не видно. Эми Буш не в состоянии и дальше продавать в кредит: поставщики требовали платы.

Буш понял наконец, что Герберт в лучшие времена работал на шахте, а лавка была суверенной епархией Эми. В первые дни пребывания Буша во Всхолмье Герберт с удовольствием торчал в лавке дни напролет, помогая жене и коротая дни безделья в разговорах и пересудах с покупателями. Но шли недели, покупатели становились все более замкнутыми и угрюмыми, а то и досадовали открыто, что ничего не продается в кредит. А Герберт улыбался все реже и реже и вскоре из магазина исчез. Теперь он то и дело упрашивал дочь сопровождать его в долгих прогулках по болотам. Буш частенько смотрел им вслед — два темных силуэта брели к горизонту на фоне яркого весеннего неба. Но Джоан эти прогулки не доставляли удовольствия, и она вскоре от них отказалась. Герберт тогда тоже забросил прогулки и торчал теперь день-деньской на улице в группе других мужчин — таких же неопрятных, небритых и раздраженных.

Однажды поутру огромная толпа собралась у церкви, и владелец шахты, стоя на возвышении, произнес эмоциональную речь. Буш мог только догадываться о ее содержании, но шахтеры так и не согласились приступить к работе.

Буш был искусственно огражден от всего окружающего. Но эмоции его постепенно настраивались по камертону

этих людей, и он открыл одно крупное преимущество своего нынешнего состояния перед своим «настоящим»: там он мог быть в центре событий и влиять на их ход, но тем не менее чувствовал себя эмоционально изолированным от происходящего.

У Эми уже почти подошел срок. Все свое время она проводила теперь в лавке, постепенно приходившей в запустение. Она совсем забросила семью; за детьми смотрела Джоан. На мужа она тоже перестала обращать внимание, а тот, в свою очередь, все реже и реже показывался дома. Герберт всегда возвращался только к вечеру, чтобы застать дома дочь. Краски весны играли теперь на ее щеках, хотя работать приходилось вдвое против прежнего, — скорее всего, то была заслуга ее молодого человека. С тех пор как жена его наглухо затворилась в себе, Герберт все больше нуждался во внимании дочери. Он даже иногда помогал ей купать ребятишек и сам готовил завтрак — чай с бутербродами. Эми ложилась рано, и по вечерам Герберт, обняв дочь за талию, увлекал ее за собой по каким-то делам в лавку. А иногда, бросив все дела разом, просто подолгу сидел, держа ее за руку и не сводя с нее глаз. Однажды в подобный момент Джоан что-то горячо возразила и попыталась вскочить и уйти. Герберт тоже вскочил, поймал ее и поцеловал — как будто для того, чтобы успокоить. Но только он попробовал ее обнять, как она выскользнула с ужасом в глазах и опрометью бросилась наверх. А Герберт еще очень долго стоял на том же месте, в беспомощном страхе обводя взглядом комнату; Буш уже испугался было, что тезке каким-то непостижимым образом удалось его заметить. Но нет, Герберта испугало что-то другое, и это что-то глубоко залегло в нем самом.

А сыновья его между тем росли, как трава в степи, весь день околачиваясь на улице с такими же оборванными и покинутыми детьми. Эми только разве не ночевала в своем магазинчике, частенько обращаясь к мужу так, словно впервые его видит. Нездоровый интерес Герберта к дочери напомнил Бушу чье-то давнее высказывание о кровосмешении: что табу, издревле наложенное на него, и дало толчок изоляции первобытного человека от себе

подобных и побудило к развитию индивидуального сознания; а оно, как известно, породило цивилизацию. Если бы эндогамия, вопреки истории, сохранилась к тысяча девятьсот тридцатому году, Эми и Герберт могли бы быть двоюродными, если не родными, братом и сестрой; тогда, прожив вместе столько лет, они не были бы сейчас такими чужими друг другу.

Одна из причин семейной драмы Бушей всплыла на поверхность в один прекрасный день, когда Буш-привидение прогуливался с раннего утра по поселку. Он уже знал всех жителей в лицо, и ему доставляло живейшее удовольствие наблюдать за ними.

Вернувшись к полудню к бакалейной лавке, он заметил во дворе фургон, обычно подвозивший сюда товары. Буш вошел через парадную дверь в лавку — она была пуста. Тогда он зашел с черного хода (теперь, совсем сжившись с этой эпохой, Буш уже не проходил сквозь объекты, кроме экстренных случаев).

Эми и Герберт обнаружились в общей комнате в компании незнакомца — толстяка в строгом, с иголочки, костюме. Он как раз поднимался из-за стола, засовывая во внутренний карман сложенный лист бумаги. Буш отметил про себя, что гость улыбался натянуто и отстраненно, а Эми спрятала лицо в ладонях, и плечи ее едва заметно сотрясались от рыданий. Герберт, совершенно потрясенный, стоял рядом, беспомощно вцепившись в край стола.

Другой лист бумаги — видимо копия документа — все еще лежал на столе. Бушу удалось взглянуть на него одним глазком, прежде чем Эми убрала его. Из нескольких урванных строк он заключил, что Эми вынуждена продать магазинчик более крупной фирме — в той ситуации единственно разумный выход. Буш еще раз взглянул на Эми — и ее потрясение и скорбь тут же передались ему.

Толстяк отыскал выход без провожатых. Эми утирала рукавом слезы, а Герберт растерянно мерил шагами комнату.

Наконец Эми овладела собой, встала и бросила что-то резкое в адрес мужа, на что он ответил так же эмоцио-

нально. Мгновенно вспыхнула перепалка, переросшая в скандал — наверное, самый страшный за всю их совместную жизнь. По тому, что Эми в пылу ссоры часто указывала вниз по холму, Буш понял намеки на шахту — косвенную виновницу беды.

Скандал вскоре сменился потасовкой. Эми схватила со стола увесистый фолиант и швырнула в Герберта, задев его подбородок. А он, как разъяренный пулей зверь, ринулся на нее, наскочил и схватил за горло. Буш, сам не сознавая, что́ делает, налетел на них, размахивая руками, скользнул сквозь клубок сцепившихся и с разбегу ударился головой о камин. Герберт в пылу борьбы бросил Эми на пол и выбежал, хлопнув дверью.

Буш прислонился к камину, на который только что налетел. Он был полупрозрачным и едва ощущался, как и все вещи, сквозь энтропический барьер; однако ударился Буш довольно сильно. Голова гудела как колокол, но он был почти счастлив оттого, что инстинкт толкнул его на помощь женщине. Он приоткрыл глаза и увидел, что у Эми уже начались родовые схватки.

Вмиг забыв все собственные горести, Буш вылетел на улицу. Было два часа пополудни, и весь народ сидел либо по домам, либо в баре. Все дети Бушей куда-то исчезли; Герберта тоже нигде не было видно. И только тут Буш осознал, что, как ни старайся, все равно не сможет привлечь ничьего внимания, позвать на помощь. Ему изначально была отведена роль стороннего наблюдателя.

Дерек и Томми нашлись у железной дороги: они забавлялись со старой дрезиной в компании двух приятелей. Бабушка сидела на кухне у соседей.

Но Джоан он нашел только час спустя. Она сидела наверху в маленькой спальне, беседуя с подругами. Такая кроткая, бесцветная, — так далека она была от мысли, что мать в этот момент лежит в муках агонии тут же, в доме. Девушки все говорили и говорили, бледные губы их мерно шевелились. Изредка они улыбались или хмурились, иногда оживляли речь вялым жестом. Но о чем же они могли говорить? Буш знал жизнь Джоан вдоль и поперек, подглядывал за ней в ванной, в спальне, был свидетелем ее первого поцелуя. Ей было

не о чем, совершенно не о чем рассказать — не было в ее жизни ничего, достойного запоминания. Так к чему же все это?..

Вопрос этот, если вдуматься, был актуален на протяжении всей истории человечества. Но Бушу казалось, что сам он задавал его себе слишком часто, в то время как остальные — гораздо реже. Его исколотая память воскресила один солнечный день на заре его собственной жизни... да, тогда ему было не больше четырех. Отец устроил для игр сына маленькую песочницу. Сын построил из песка большую крепость с тоннелем и окружил ее рвом. Он наполнил ров водою из ведерка (красного с желтой? — да, кажется, с желтой ручкой). Тут как раз под руку попался черный жук-рогач. Сын посадил его в игрушечную лодку с парусом. Легкий толчок — и лодку понесло течением в темный тоннель, а жук притом выглядел капитаном до кончиков его зазубренных рогов. Вот и вопрос — на него не было ответа тогда, нет и сейчас: чем был на самом деле жук? А сын? Кто назначил им эти роли?

И это «на самом деле»: что́ оно — свидетельство наличия чего-то, управляющего сознанием извне? Может быть, одно из проявлений Бога? Бог — всепоглощающее чуждое нечто из другой галактики, вобравшее в себя всех жуков, червей, кошек, сыновей и прочее, чтобы в своем эгоистическом стремлении попробовать жизнь во всех ее формах? Это было более-менее традиционным объяснением таинства жизни в его время. Было свое объяснение и у ученых, и у атеистов (то самое — со слепым случаем), и сотни других. И похоже, из них — ни одного верного.

На секунду все смешалось перед глазами Буша. Ему показалось, что он наконец-то нащупал ключ к потайной двери. Такие ощущения случались у него и раньше, но сейчас он был ближе к истине, чем когда-либо...

Он покинул беседовавших подруг, так ничего от них не добившись. А за порогом дома все залили лучи совсем уже летнего солнца.

В некоторых садах соседних домиков предпринимались попытки сформировать грядки для посадок, но тя-

желая почва всячески этому противилась. Буш поднялся на самый гребень холма, осмотрелся, как он уже привык, — и увидел Герберта Буша.

Герберт брел, спотыкаясь, наверх, к дому. Буш тут же отметил, что тот был вусмерть пьян. Он ринулся к нему, бежал с ним рядом, забегал вперед — но он был лишь тенью, сгустком воздуха — ничем. А Герберт к тому же и не способен был в тот момент ничего замечать. Его лицо пылало, как раскаленный горн; видимо, эти несколько часов он пьянствовал в таверне с друзьями. По его несвязному бормотанию Буш заключил, что тот намеревался поддать жене еще, «чтоб неповадно было». Через минуту Герберт рванул на себя дверь лавки — и увидел ее распростертой на полу.

Герберт захлопнул за собой дверь, и Буш остался снаружи. Теперь он мог лишь подглядывать за происходившим через окно — изгнанный, беспомощный и потерянный.

Эми не пошевелилась. Ее мертвый ребенок лежал тут же — он так и не успел полностью появиться на свет. Герберт всплеснул руками и бросился на пол подле нее.

— Нет! — вскрикнул Буш, но только он сам и мог себя услышать. Он отстранился от окна и прислонился гудевшей головой к полуосязаемой стене. Нет, не могла она умереть! Ведь никто не сдается смерти легко. Умирают от голода, от злокачественной опухоли, с помощью падающего на голову кирпича... да мало ли как. Да, умереть все-таки несложно. Но *она* — она не была рождена для такого ужасного конца! Мечты ее юности... замужество... да что там — всего лишь несколько недель назад она казалась, несмотря ни на что, счастливой... Но теперь все потеряло смысл.

Буш в ужасе отпрянул: лицо Герберта появилось в окошке, и тяжелый взгляд пронизывал Буша насквозь. Лицо это, за минуту перед тем пунцовое, вмиг стало пепельно-серым; казалось, что изменилась и сама его форма. И Буш понял, что Герберт не видел и не мог видеть его. Он не видел вообще ничего, кроме разброда и хаоса в собственной жизни. Рука его потянулась к полке над умы-

вальником, и скоро кулак его сжимал большую обоюдоострую бритву.

— Герберт, стой! — Буш в бессильном отчаянии барабанил по стеклу — все напрасно. Но он, забыв об этом, все равно кричал, размахивал руками... Герберт на его глазах перерезал себе горло, полоснув бритвой от левого уха почти до правого.

В следующую секунду он появился в дверях, все еще сжимая в руке лезвие. Кровь ручьем лилась по его рубашке. Он сделал три шага в сад и повалился в грядки с буйной растительностью, прямо посредине призрачной палатки.

Буш, схватившись за голову в немом ужасе, бросился прочь.

Вероятно, трагедия семьи Бушей была исторической необходимостью. Все жители поселка пожертвовали, что смогли, для сирот, весь поселок собрался на маленьком кладбище за церковью. Даже владелец шахты прислал своего представителя присутствовать на похоронах: видимо, Герберт был в шахте на хорошем счету. Тут же представителя окружила группка мужчин, и после долгого перерыва возобновились переговоры. Ужасное событие хорошенько встряхнуло всех, люди сбросили с себя полусонное оцепенение. Они жаждали деятельности — и вскоре соглашение было достигнуто.

Эми и Герберт Буш были погребены, а уже через три дня потоки рабочих в спецовках спешили с холма, спускались в недра земли и извлекали оттуда спрессованные древние деревья, что в незапамятные времена шелестели кронами на поверхности.

Буш все еще оставался во Всхолмье, наблюдая, как Джоан пробует себя в роли продавщицы. Фирма, перекупившая бакалейную лавку, поставила над ней нового начальника — безупречно выбритого, вечно улыбающегося молодого человека; он приезжал каждое утро на велосипеде из соседней деревни. За младшими детьми при-

сматривала соседка. Бабушка бóльшую часть солнечных дней проводила теперь на крыльце в кресле-качалке, как все соседские старушки.

А Буш сосредоточил все свое внимание на Джоан. Уже через год возраст позволил бы ей выйти замуж за парня, который продолжал ухаживать за ней и на днях впервые спустился в шахту. Буш ясно видел, что девушка и думать забыла о родителях. Интересно, задумалась ли она хоть раз о том, что отец ее покончил с собой не от горя, но под давлением тяжкой вины?

Так или иначе, но эта история обрела свое логическое завершение. Теперь пора было разобраться в себе самом, и Буш не без удивления обнаружил, что его «я», полуразрушенное смертью матери и военной муштрой, полностью возродилось вновь. Но появилось и что-то новое — силы и стремление делать добро; он вволю навидался здесь зла, чтобы без труда потом отделять его от добра.

Буш был теперь твердо уверен: его предназначение — всеми способами пытаться ниспровергнуть Режим Действия; потому что, как бы ни хороши были его благие намерения, без практического применения они — ничто.

Буш сделал такой вывод, и в нем крепла решимость; ему казалось теперь, что это — истина, облеченная в словесную форму, истина, что приоткрылась ему во Всхолмье. Она отождествлялась и с древним библейским изречением: «Узнают вас по плодам вашим» (его в шутку любил повторять преподаватель живописи, включая в новый учебный натюрморт груши и яблоки).

Душа его вырвалась из тесной грязной хижины и парила теперь в неописуемой красоты и размеров хрустальном дворце. Здесь Буш впервые почувствовал, что и в нем заключена микроскопическая частица Всевышнего.

Драма во Всхолмье дала Бушу возможность найти себя. Он прошел через собственные сорок дней пустыни. Заново открыв в себе преображенную душу, он несколько дней провел в молитве; но молитвы эти в видоизмененной форме возвращались назад к нему. Значит, именно в себе

предстояло ему раскрыть божественность, раскрыть для самого себя — и для остальных.

В тот нескончаемо долгий день в другом саду, когда мать доказала ему свою враждебность, Буш впервые осознал, что в моральной ткани Вселенной зияет огромная прореха. Теперь же он почувствовал в себе способность починить ткань, наложив заплату.

Буш часами вслушивался в себя. Ему было такое видение: сам он — в вакууме, в несозданной пустоте, а зачатки мира лежали у кончиков его пальцев. И он, только он должен придать ему форму. Это совершеннейшее произведение искусства, предмет его заслуженной гордости. Теперь Буш смог бы убедить мать в том, что он — творец, он способен им быть. По крайней мере он стоял куда выше ее примитивных методов поощрения и наказания.

Буш готов был снова пуститься в Странствие. Но кое-что он все еще для себя не выяснил; например, оставаться ли ему и дальше в тысяча девятьсот тридцатом — не во Всхолмье, а в Лондоне, скажем. Откуда ни возьмись явилась формула: все дороги ведут в Рим, а тропы Странников так или иначе сходятся в Букингемском дворце. Говаривали, что Странников влекла роскошь, многолюдные балы, чопорные рауты — в общем, сам дух снобизма. Но к тридцатым годам двадцатого века, насколько было известно Бушу, дворец совсем опустел и поскучнел.

Однако что-то подсказывало ему, что его цель — жертва — обитала именно там, но глубже во времени, в эпохе более доступной. Буш решил, что надо наметить точную дату.

В последние дни пребывания Буша во Всхолмье случилось нечто, поставившее последнюю точку в уже завершенной, как казалось, истории. Новый директор бакалейной лавки, который не пробыл в этом качестве и десяти дней, постучал одним погожим вечером в дверь жилой части дома и сделал Джоан предложение. Это Буш заключил по ее скромно потупленному взору, смущенной улыбке и по тому, как он взял ее за руку — официально и нежно в одно и то же время. Наутро сей кавалер при-

катил велосипедом на работу как обычно и вручил Джоан кольцо, достав его из потайного кармана своего чистенького аккуратного жилета. Когда он надел кольцо ей на палец, ее печальные, с поволокой, глаза улыбнулись, а рука обвилась вокруг его шеи.

Буш все дивился на нее — и не верил глазам! Разве задумывалась она когда-нибудь об этом молодом щеголе? Была ли она жестокосердна — или безразлична? Да, не все можно предугадать...

— Это моя собственная драма, разыгранная здесь для меня, — сказал он себе. — Когда улажу все дела, можно будет вернуться сюда и посмотреть, что с ней станется, — если захочу, конечно.

Да, можно — ведь они всегда останутся здесь, на клочке твердой земли, окруженном великими болотами. А значит, Герберт Буш будет снова и снова делать три последних шага в сад. Возможно, вернувшись, он здесь что-нибудь изменит благодаря вновь обретенной способности изменять.

Но вот палатка уложена, ранец упакован; Буш зашел на минутку попрощаться с Джоан. Она, сидя в общей комнате за столом, проверяла накладные. Древняя бабушка сидела тут же — живая иллюстрация к извечному memento mori.

Буш поднял руку в знак прощания. Он уже успел принять дозу КСД. Ему не хотелось исчезать прямо перед ее невидящими глазами, устремленными на него, а потому он вышел на крыльцо. Последнее, что он увидел: какая-то пичужка, сорвавшись с конька крыши, порхнула в сторону болот. Еще секунда — и тень Буша развеял ветер.

II. Великий Викторианский дворец

Материализовавшись под сенью вековых вязов, Буш уже знал, что попал по адресу. Леди-Тень маячила неподалеку — сквозь нее уже успели пройти десятки прохожих. В конце вязовой аллеи огромный фонтан изливал в бассейн потоки воды, над ним зависло радужное марево.

Буш и без подсказок знал о своем время- и местонахождении: все-таки после всеобщего викторианского помешательства что-то застряло в его голове. То был год тысяча восемьсот пятьдесят первый, год Великой Выставки — помпезной демонстрации богатства и могущества Британской империи.

Буш прошелся немного по аллее, и тут его остановило одно необычное зрелище; оно привлекало и прохожих. Разинув рты, они столпились вокруг гигантской цинковой статуи. Представляла она собой фигуру всадницы-амазонки. Она застыла, нацелив копье на тигрицу; а та (видимо, имея на то веские причины) пыталась достать добычу, вцепившись в бок лошади.

Всему искусству Викторианской эпохи можно было дать общий заголовок: «А что же будет дальше?» Эти викторианцы были мастера в превращении мгновений в вопросы. И правильно делали, что спрашивали: все их десятилетиями накопленное мастерство было осмеяно и развеяно по ветру под натиском новых корифеев: фотографии, кино, телевидения. И они еще настойчивее требовали разрешения замучившего всех вопроса.

Сейчас жизнь Буша тоже зависела от выбора ответа на этот вопрос. Леди-Тень все наблюдала за ним. Со своей колокольни ей, разумеется, замечательно видно, а-что-же-будет-дальше-с-Эдди-Бушем. Мысль, что ни говори, не из приятных; и он с удовольствием заключил, что она не больше его знает, кто победит в поединке тигрицы и амазонки.

Еще одно а-что-же-будет-дальше повисло в воздухе, и касалось оно Силверстона (он же Стейн). Буша долго натаскивали на убийство этого последнего. Видимо, Силверстон держит за пазухой что-то опасное для самих основ режима Глисона, а для преображенного Буша это было великим достоинством. Теперь его задача, стало быть, — разыскать Силверстона и предупредить его, если он жив еще, конечно. Ведь хотя Буш и был на собственном опыте убежден, что тот себя в обиду не даст, у него на хвосте теперь, возможно, висело несколько Глисоновых агентов. Странники, верные Режиму, сновали теперь во Времени, разыскивая Силверстона и прочих нарушителей общест-

венного спокойствия; теперь в их ряд следовало включить и Буша.

Вот почему после возвышенных размышлений во Всхолмье Бушу пришлось тут же спуститься на землю.

Силверстона надо искать в Букингемском дворце, в этом не было сомнений.

Проталкиваясь сквозь толпу, Буш поминутно восхищался тем, как эти люди разнообразны, ярки и эксцентричны — прямая противоположность его современникам, словно выровненным под линейку. У въезда в парк стояли экипажи — личные и наемные, и кругом — лошади, в упряжи или ведомые под уздцы ливрейными лакеями. Было там и множество верховых. Буш решил, что без соседства этих странных животных портрет викторианца был бы неполным. Он уже сожалел, что не мог оседлать одну из них, — это сэкономило бы уйму времени.

Блеснул великолепием фасад Хрустального дворца, когда Буш быстрым шагом пересек Гайд-парк и направился дальше по улице. По ней сновали кабриолеты, и, хотя они не причинили бы Бушу ни малейшего вреда, он предпочитал держаться от них подальше.

Где-то здесь, в этой безмолвной человеческой пустыне, брел Тёрнер по своим делам — великий Тёрнер, чьи мысли были подобны багряно-желтым всполохам огня; тот художник, каким Буш так жаждал стать. Где-то здесь глубокий старик Тёрнер (то был год его смерти) бродил, пытаясь вникнуть в новинки века — фотографию и технику; и, если случилось ему оказаться на Великой Выставке, он, несомненно, улыбнулся металлической всаднице.

В один прекрасный день, пообещал себе Буш, он полностью возродится как художник; но историческая необходимость стояла пока на первом месте.

А между тем дворец уже — вот он, и нужно держать ухо востро. Тут наверняка сновали его современники-шпионы; но будь они хоть сто раз переодеты, заметить их легко. Их силуэты гораздо темнее и плотнее всего окружающего — как будто *они* были здесь реальностью, а все остальное — декорациями на театральной сцене.

У въезда гарцевали конные стражи; их лошади высокомерно поглядывали сквозь Буша. А тот, озираясь и прячась, пробирался короткими перебежками к черному ходу. Там слуги разгружали крытые телеги, разнося их содержимое по дворцовым кухням. К вертелам, в частности, тащили во множестве замороженные тушки рябчиков, фазанов, куропаток и индеек. Бушу, в его теперешнем настроении, было настолько противно это зрелище, что он отвернулся: любая смерть, пусть и этих жалких созданий, угнетала его.

Букингемский дворец стоял на этом месте столетия, а потому даже Странникам приходилось проникать в него через двери. А раз так, то уж двери-то наверняка просматривались соглядатаями на совесть. Буш скользнул взглядом по кучке слуг в передниках, разгружавших телеги. Среди людей, уносивших очередную партию фазанов, Буш заметил человека, темным пятном выделявшегося среди прочих. Но как только Буш повернулся к нему, тот мигом исчез в лабиринте здания. Так, вот уже один проныра из его «настоящего» — шпион Глисона, без сомнения. А может, Силверстона? Буш раньше как-то не думал о том, что и у Силверстона может быть разветвленная сеть агентов и телохранителей. Но это не радовало: ведь и его сторонники заведомо не приняли бы Буша с распростертыми объятиями. Буш наметил своей ближайшей целью спрятаться во дворце, пока его не заметили соглядатаи.

Он крался по запутанным полутемным коридорам; тут помещались бесчисленные каморки для слуг и судомойной братии. Хрупкая женщина, заправлявшая этим домом-муравейником и землями на тысячу миль окрест, вряд ли бывала здесь чаще, чем в своих дальних индийских владениях. Хотя... был уже тогда воздушный транспорт? Кажется, нет. (С историей, как мы уже знаем, у Буша были нелады.)

Буш с трудом поднялся по черной лестнице — в Странствии любой подъем был тяжел. Оказавшись на площадке второго этажа, он поспешно вжался в стену, ища укрытия: откуда ни возьмись появилась группка женщин. Три горничные в чепцах и передниках почти маршировали под

началом внушительных объемов дамы — согласно здешней иерархии, видимо, экономки или кастеляншы. Они по очереди заглядывали в комнаты, располагавшиеся по коридору, — наверное, чтобы удостовериться, что все прибрано как следует. В коридорах царил полумрак, и Буш, как ни пытался, не мог определить, были эти женщины «местными» или «пришелицами».

Он скользнул за их спинами и прошел сквозь приоткрытую дверь в соседний коридор. Тут было гораздо просторнее, и обстановка куда богаче: на полу уже обнаружились ковры, на окнах — тяжелые портьеры, вдоль стен — деревянная мебель, изукрашенная резьбой. Час был еще ранний, ведь, согласно здешним обычаям, завтракали около половины одиннадцатого, а иногда и позже; а потому этажи были пока пустынны. Буш, блуждая по ним, совсем заплутал.

Его беспокойство все росло. Агенты Глисона, без сомнения, уже вычислили его и выследили. Теперь нужно было готовиться к худшему; однако лучевое ружье до сих пор лежало в ранце и, кажется, даже на самом дне. Буш, внезапно вспомнив это и обругав себя за беспечность, нырнул в один из темных коридоров.

Оттуда как раз выходила горничная. Буш резко повернулся и почти побежал обратно, но горничная догнала его и схватила за рукав.

— Эдди, не удивляйся слишком громко. Это я!

Когда же в последний раз он слышал человеческий голос, кроме своего собственного?..

Эта странная горничная носила кислородный фильтр вместо броши, закалывающей фартук. Соломенные волосы были подоткнуты под чепец, который казался вдвойне белым в контрасте с замурзанным лицом.

— Энн! Да неужели?!

Он судорожно схватил ее за запястья, не уверенный, впрочем, в том, что́ чувствует к ней. Это, наверное, будет зависеть от ее чувств к нему. Рука ее была слегка стеклянистой, и голос казался чуть тоньше, доносясь до него сквозь еле ощутимый энтропический барьер.

— Что ты тут делаешь? — был первый ее вопрос.

— А ты?

Вместо ответа она потащила его к ближайшей двери. За ней оказалась комнатка с камином. Спиной к огню сидела дородная дама со связкой ключей на поясе; она была поглощена составлением какого-то списка.

— Для чего ты меня сюда затащила?

— Видишь — это кастелянша. Тут рядом — покои мажордома, где бездельничают сейчас лакеи и горничные... Эй, послушай-ка, Эдди, с тобой что-то не так. Можно подумать, ты мне не рад!

Не нравилось ему все это. Энн никогда раньше не интересовалась окружающей обстановкой, и в ее манерах, в слишком бурной веселости было что-то напускное и пугающее. Ниточки подозрений мгновенно сплелись в клубок, и Буш полез в ранец за оружием.

— Итак, ты покинула меня в юрском. А потом?

— Ничего я тебя не покидала. Возвращалась туда, где ты остался, добрый десяток раз и у всех спрашивала — но ты исчез, как не бывало.

— Это ничего не объясняет. — Он нащупал-таки ружье и потихоньку переправил его в глубокий карман, надеясь, что Энн не заметила этого маневра.

— А потом я наткнулась на Лэнни и еще кое-кого из наших. Мне не сразу удалось от них удрать.

— Ну, уже горячее — чуть-чуть смахивает на правду.

— Да это и есть правда — правдивее не бывает... И потом, тебе до меня не было дела — я ведь твое очередное приключение, не больше, — разве не так? А Лэнни я была нужна.

— Ты была нужна мне тогда, — отрезал Буш. — Теперь же, как мне показалось, тебе понадобился я. Что ты все-таки забыла в тысяча восемьсот пятьдесят первом?

Упоминание о Лэнни разбередило старую ноющую рану — та комната с окровавленным полом. Что бы подумала она обо мне, если б узнала?..

И тут в Энн проснулось что-то давнее, полузабытое. Она швырнула чепец на стол:

— Только давай не будем играть в Звездную палату, хорошо? Я не обязана отвечать на твои вопросы — слава Богу, мы не на суде. Не хочешь мне помочь — ладно,

только незачем засыпать меня вопросами, если не веришь ни одному моему слову.

— А я всего-то спросил, что ты делаешь в тысяча восемьсот пятьдесят первом.

— Ты сам знаешь, что творится у нас в «настоящем». Новое правительство закручивает гайки, отлавливая всех Странников до единого и возвращая их назад в свои времена. В юрском всех сгребли подчистую. Лэнни и его товарищей отконвоировали в «настоящее», но мне удалось их запутать, замести следы — и вот я здесь. Мне казалось, что так безопаснее. Ну, теперь-то твоя душенька довольна?

Буш выхватил оружие и навел дуло на Энн:

— Нет, пока недовольна. Ты явно что-то скрываешь. Откуда тебе известно, что я побывал в две тысячи девяносто третьем?

Вопрос привел ее в замешательство, граничившее со страхом, — во всяком случае, глаза ее растерянно забегали по сторонам.

— Откуда... Да с чего ты взял, что я знаю? Вот впервые от тебя же и услышала.

— Ты говорила, что знаешь, как там обстоят дела.

— Вовсе незачем возвращаться в две тысячи девяносто третий, чтобы знать, что́ там творится. Ведь знаю же я — хотя в «настоящее» не Странствовала.

Надо признать, это звучало убедительно. Но кое-что все-таки оставалось невыясненным.

— Ты сказала, что взяли Лэнни и его товарищей. Кого именно?

— Ну, Пита, Джека, Джози... — Она перечислила почти всех.

— А Стейн?

Она нервно облизнула губы:

— Эдди, ты пугаешь меня!

Он взвел курок.

— Я не видела его в юрском. А ты?

— Где он сейчас?

— Эдди, да откуда мне знать?!

Он тисками сжал ее запястье, его глаза метали молнии.

— Энн, ты знаешь, на что я способен. Отвечай быстро — здесь Стейн?

— Эдди, ради Бога! Я знаю, ты человек жестокий, но ведь я не заслужила...

— Здесь он, я спрашиваю?!

— Да, да, под настоящей фамилией.

— Силверстон?

— Да, Силверстон.

Он решил обыскать ее на всякий случай. Под фартуком обнаружился газовый пистолет. Что-то подкатило к горлу, когда он ее ощупывал, но разум заставлял его следовать избранному курсу. В этот момент кастелянша прошла сквозь них и выплыла в коридор.

— Ты здесь, чтобы убить его, да? Ты — наемный убийца?..

Она опустила глаза, страшась его ответа. Она — такая хрупкая, почти как Джоан Буш, хоть в остальном они и несхожи. Она, как и Джоан, была всецело подчинена времени. И хотя Буш знал, что никогда не смог бы полюбить ее, он пожалел о сказанном.

— Да, так. И ты должна доставить меня к нему или его — ко мне. Ведь ты знаешь, где он сейчас?

Она была в явном замешательстве — глаза ее всячески избегали его взгляда.

— Послушай, я и правда знаю, на что ты способен, но... ты не доверяешь мне, однако постарайся положиться на меня хоть на пять минут. Подожди здесь, ладно? Я обещаю, что вернусь. Обещаю.

— Но ведь Силверстон здесь?

— Да, да.

— Ладно, даю тебе пять минут — приведи его сюда. Обо мне ни слова — ни ему, ни кому другому. Все поняла?

— Да, Эдди, поняла. Но ты доверяешь мне?

— Как своей матери.

Она пристально сощурилась, подозревая скрытый намек в его словах, затем повернулась и побежала прочь.

А Буш, в свою очередь, почувствовал, что она затевает что-то недоброе. Была в ней какая-то новая, до предела натянутая струна, — как будто кто-то заложил в нее свою

программу, как в компьютер. Если держиморды нового режима поймали вместе с Лэнни и ее, она наверняка прошла обязательный учебный курс. А обнаружив ее необычные способности и опыт в Странствиях, институтские вояки могли обучить *ее* для роли убийцы Силверстона. Вот поэтому Буш и не раскрыл ей своих истинных намерений. Итак, паутина из настоящего опутывала своими липкими нитями и прошлое.

Наверное, власти, потеряв его след, послали ее взамен — и, скорее всего, не одну. Ведь говорила же она когда-то, что боится Странствовать без провожатых... Вывод: возвратится она сейчас не одна. Ведь по дворцу снует шайка резидентов режима, это ясно; значит, она обязательно приведет на хвосте кого-нибудь, даже если с ней и будет Силверстон. Может, они подождут, пока он выстрелит в Силверстона, а потом... Но у Буша имелось преимущество: его намерения не были известны никому. А сейчас надо делать то, в чем себе поклялся, — спасать Силверстона.

Буш здраво рассудил, что не стоит торчать здесь и ждать, пока его сцапают. Энн он не доверял, конечно. Все так же держа ружье наготове, он прошел сквозь дверь и оказался в коридоре.

Дверь в комнату напротив была распахнута. Там гладили белье, поминутно меняя подогреваемые тяжеленные утюги. Буш мельком разглядел на белье монограмму «К. В.» и короны по углам простыней. Он прислонился к косяку и, напряженно щурясь, наблюдал за темным провалом коридора.

Минуты ожидания растянулись на годы, и мерзкий холодок страха начал расползаться внутри. Конечно, всегда можно было вернуться в две тысячи девяносто третий, но ведь там ждали его с отчетом. А если навеки нырнуть в Прошлое — в девонский или кембрийский? Ведь вновь обретенное ощущение цели и осмысленности никуда не денется и составит ему там лучшую компанию. О, как необъятно и неизмеримо время — даже человеческое!

Кто-то не таясь бежал по коридору — Буш *слышал* скорые шаги. Он поспешно нырнул в тень.

Появился запыхавшийся человек; он был высок, светловолос. Он знал, куда бежал и кого искал. Он протянул Бушу руку, и в жесте этом было столько дружелюбия, что Буш, улыбаясь, уже подавал руку в ответ. Сразу он не понял, кто был перед ним, но этот человек казался ему самым близким из всех чужих!

— Ты?

— Я!

И это был он сам; его будущее «я» вынырнуло из потока времени, чтобы поддержать и укрепить Буша в его намерении. Это было похоже на объяснение в любви. Целое наводнение чувств переполняло Буша при виде собственного повторения в шаге от него, и слова застряли в горле. Но видение длилось лишь секунду: тут же коридор опустел — Буш будущего растворился во мраке.

Рыдание сжало его горло, и неуправляемые слезы побежали по щекам. Но едва он собрался и взял себя в руки, снова послышался шум.

То были шаги не одной пары ног. Буш попятился от светового прямоугольника раскрытой двери.

Он, злорадствуя, представил, как наскочит на Силверстона из-за угла, внезапно — не это ли самое тот проделал в юрском? Заметим, правда, что в тот раз Силверстон, должно быть, принял его за агента Стенхоупа, Хауэса и прочей компании.

Из темноты вынырнули двое, остановившись в ярде от невидимого Буша. Буш уже по шагам догадался, что оба принадлежали к его времени, так что его не обманули их наряды. Одним, вернее, одной из прибывших оказалась Энн; ее сопровождал джентльмен в смокинге. Буш не мог разглядеть его лица, но ему тут же стало ясно: человек этот — не Силверстон.

Двое, все еще не видя Буша, вышли в комнату. Буш последовал за ними, наведя на их спины ружейное дуло.

— Руки вверх! — приказал он.

Оба в недоумении обернулись. Теперь лицо спутника Энн было отчетливо видно. Фальшивые бакенбарды и парик не ввели Буша в заблуждение: перед ним стоял тот, кто однажды пытался умаслить его бутылкой «Черного Тушкана», тот, кто самолично отдал при-

каз охотиться на Силверстона; и он же первый покарал бы Буша, не выполни он свою миссию. Одним словом, Хауэс.

За долю секунды в мозгу Буша пронеслась целая вереница мыслей: Энн привела сюда Хауэса, — значит, она предала его, — поделом тебе, старый дурак, кто ж доверяет женщине, — она не любит его и никогда не... Он спустил курок. Выстрел пришелся почти в упор. Тонкая спица света пронзила Энн, и она, как сломанная тростинка, упала к его ногам.

Буш перевел дуло на Хауэса и увидел, что зрачок капитанского пистолета уже смотрит на него... И тут что-то снова случилось со временем. Буш видел неторопливо нацеливающееся дуло, как при замедленном прокате кинопленки. Хауэс не спеша примостил палец на курке, а в это же время рука Буша с пистолетом плыла вверх ужасающе медленно, как если бы к ней была подвешена гиря.

Пистолет Хауэса глухо рявкнул, и Буш, погружаясь в темноту, повалился на пол подле Энн.

III. Под кринолинами королевы

— ...Вы цитировали Вордсворта! — ледяным тоном отчеканил Хауэс. — Потрудитесь встать!

Окрик вырвал Буша из сумеречного и муторного забытья. Он со стоическим усилием сел, сжимая голову побелевшими пальцами. Хауэс стрелял в него из газового пистолета — действие он оказывал препротивное, но не смертельное. Буш, пытаясь не дать голове разлететься на кусочки, почти искренне жалел, что не получилось наоборот.

Хауэс, оказывается, перетащил его в гигантскую спальню весьма эксцентричного убранства; все здесь было просто подавляющих размеров. Сам Буш возлежал на шкуре белого медведя, которой все равно коснуться не мог.

— О Господи, я убил Энн! — сказал он сам себе, проведя рукой по глазам.

Хауэс так и стоял у него над душой.

— Буш, я разыскивал вас. Что скажете вы в свое оправдание?

— Я буду говорить с вами только после того, как смогу встать.

Хауэс схватил его за руку и дернул вверх, подняв его на ноги. В этот момент Буш занес кулак, но газ действовал надлежащим образом — у него совсем не осталось сил, чтобы вложить их в удар. Хауэс шутя отразил его.

— Ну, вот вы и встали, теперь разберем все по порядку. Мне необходимо знать, где вы пропадали с тех пор, как покинули две тысячи девяносто третий. Я весь внимание.

— Мне нечего сказать вам, равно как и кому другому из сторонников Режима.

— Боюсь, вы не знаете, на чьей я стороне, да и о себе не больше того.

— В своих убеждениях я тверд.

— Замечательно, тогда с вас и начнем. Зачем вы стреляли в Энн?

— Вы все отлично знаете! Я стрелял потому, что она предала меня! Привела вас, чтобы вы меня пристрелили, — и не возражайте, я не поверю.

— Так что ж вы не стреляли в *меня*, раз я был опасен для вас? — Видя замешательство Буша, он продолжал: — Да я знаю и так. Я читал ваше досье в Институте задолго до того, как послал вас на охоту за Силверстоном. У вас болезненная страсть к женщинам оттого, что ваша мать якобы предала вас когда-то; с тех пор вы всегда пытаетесь предать женщину до того, как она проделает это с вами.

Подстегнутый жгучим желанием оправдаться, Буш возразил:

— Вы не знаете всего, что произошло за последнее время, Хауэс. Не мог я выполнить ваш приказ, будь он неладен. Я скрылся из поля досягаемости ваших цепких лап; размышлял и стал свидетелем невзгод одной семьи из прошлого...

Физиономия Хауэса перекосилась, как если бы он насыпал в рот пригоршню клюквы.

— Может быть, может быть. Богу ведомо, какая каша у вас в голове. Я сейчас разуверю вас кое в чем. Вы

жестоко ошиблись насчет Энн и насчет моей роли во всем происходящем.

— Вам бы в ад с вашими проповедями! Пристрелите меня прямо здесь — и с концами.

Хауэс прислонился к дубовому шкафу.

— Очень мне нужно было перетаскивать вас сюда, чтобы пристрелить. Послушайте, поговорим, наконец, серьезно. Я сейчас в большом затруднении — и я не враг вам, хоть от вас я и не в восторге. Итак: Энн любила вас. Считайте, что она пожертвовала ради вас жизнью. Я послал ее в тысяча восемьсот пятьдесят первый, чтобы разыскать вас и убить, пока вы не добрались до Силверстона. Но когда вы с ней столкнулись в коридоре, она не смогла — хотя была вправе — выполнить приказ. Она нашла меня и...

Буш язвительно рассмеялся:

— Ну а вы, значит, щадя мои чувства, исполните собственный приказ за нее. Вы очень щепетильны!

— Надеюсь, что так. Но вы многого не понимаете. Последнее время я и думать о вас забыл — голова была занята другим. Но когда прибежала Энн и сообщила, что видела вас здесь, я тут же понял: вы переменили мнение и решили предупредить Силверстона об опасности. Не протестуйте! Я сам прибыл сюда ради его спасения. Я надеялся обрести в вас союзника — вот для чего Энн привела меня к вам. Я думал, мы сразу же все обсудим. А вы — тут же за пистолет...

— Боже, какую ахинею вы несете! Кто, как не вы, заслал меня сюда с заданием убийцы! Ведь смешно было бы предположить, что вы переметнулись в другой лагерь за одну ночь!

— Одна ночь здесь ни при чем. Я всегда был и буду в одном лагере — в том, что стоит против Болта, Глисона и всего, что они несут с собой.

Буш потер шею ладонью.

— Смешной вы человек. Думаете, я хоть единому слову поверил? Да, как же. И для чего вы все это затеяли?

— Силверстон знает нечто, способное свергнуть диктатуру партии Действия, да и любой тоталитарный режим. Уинлок, как вы знаете, заперт в сумасшедшем доме

под надежной охраной. Но, конечно, он в самом что ни на есть здравом уме. Силверстона он когда-то считал своим оппонентом, но последние события многое изменили: теперь они союзники, потому что враг у них общий. Мы сумели подставить в охрану Уинлока своих людей. Вот увидите, они оба станут опорными точками надвигающейся революции. Я работаю на нее — а значит, и на них.

Буш посматривал на него все еще недоверчиво:

— Докажите!

— Так вы же и есть мое доказательство! Моя обязанность, как вы знаете, — обучать и засылать в прошлое агентов. Я замечательно использовал эту возможность, подбирая на эти роли самых неподходящих людей. А вы — убийца Силверстона — шедевр, предмет моей профессиональной гордости!

И оба непроизвольно расхохотались.

Буш все же не до конца поверил в сказанное. Он мучительно соображал, на чем бы еще подловить Хауэса, но в следующий же миг что-то в лице капитана развеяло все его подозрения.

— Ну, положим, я поверил. Что нам делать дальше?

Хауэс со вздохом облегчения спрятал пистолет в карман и протянул ему руку:

— Теперь мы — союзники, и главная наша задача пока такова: забрать Силверстона и бежать отсюда побыстрей.

— А как с телом Энн? Мне хотелось бы забрать его с собой в «настоящее».

— Это подождет; Силверстон пока — на первом месте.

Хауэс вкратце обрисовал картину происходящего: Новое правительство все крепче сжимало страну в железных тисках; были разогнаны профсоюзы, закрыты университеты. Всюду насаждались новые драконовы законы и правила, невыполнение которых жестоко каралось. Кто-то из руководства пронюхал о связях Хауэса с «бунтовщиками», и тот поспешил скрыться в прошлом в компании Энн — революционным силам там очень пригодилось бы его присутствие.

Разыскать Силверстона оказалось делом непростым. Известно было, что он покинул юрский во время облавы на «подозрительных личностей». Потом он блуждал по разным эпохам, пока не оказался в тысяча девятьсот первом году — это был «потолок» его приближения к «настоящему».

— Тысяча девятьсот первый поверг его в уныние, — рассказывал Хауэс. — Он был один-одинешенек, и это здорово его угнетало. Он избрал своей резиденцией Букингемский дворец. Однако он неудачно подгадал время: тогда всего лишь месяц прошел после смерти королевы, и все вокруг казалось обернутым единым куском черного крепа. Силверстон долго не вынес этого и перебрался сюда в поисках соратников. Тут мы его и встретили... А это еще кто? — Хауэс с круглыми от изумления глазами мотнул головой в сторону исполинской кровати. За нею маячил туманный женский силуэт; сквозь него был виден рисунок обоев.

— Мы не единственные призраки здесь, — ответил Буш.

— Она за нами шпионит. Откуда она взялась?

— Точно не знаю. Она преследует меня уже многие годы.

Хауэс вплотную приблизился к этому сгустку мрака и с удивлением его разглядывал. Буш ни разу еще не посмел взглянуть на нее *так;* она была, вероятно, частью его личности, и части этой он всегда стыдился посмотреть в глаза. Надо ли говорить, что Бушу совсем не польстило резюме Хауэса:

— А она похожа на вас.

— К делу! Где сейчас Силверстон?

— ...Не выношу, когда за мной подсматривают.

— Тогда сделайте что-нибудь — если сможете.

— Да, вы правы — тут ничего не поделаешь, — и Хауэс отвернулся.

— П-послушайте: Энн действительно любила меня? — Этот вопрос, оказывается, давно не давал Бушу покоя.

— Ну, так я понял. — Хауэс пожал плечами, как будто собираясь продолжать, но передумал и завел речь о дру-

гом: — Нам надо бы переправить Силверстона в безопасное место. Дворец уже наводнен шпионами режима. К сожалению, безопасных мест совсем немного. И потом... видите ли, Силверстон — человек до странного осторожный. Он постоянно дрожит за свою жизнь, и теперь главная его забота — передать свои знания в надежные руки и голову... Мои руки и голову он надежными не считает — вообще не доверяет военным... Погодите-ка... Ох, голова моя садовая! Да вы же, Буш, вы тот самый человек, кто ему нужен! Ведь вы художник, а у него, похоже, сдвиг на почве искусства. Скорее к нему!

Оба поспешно шагнули к двери — и недоверчиво переглянулись.

— Ну же, вперед, показывайте дорогу, — поторопил Буш. — Если мне приходится верить вашему рассказу, то вам — убеждать себя, что я не выстрелю вам в спину!

Бушем снова овладела неуютная мысль о том, что его собственное сознание скрывает что-то от него самого. Но размышлять об этом он тогда не мог — все внутри было придавлено горем и сознанием вины в смерти Энн.

Пока оба Странника, колеблясь, изучали друг друга, Леди-Тень не спеша вышла из комнаты. Это заставило Хауэса встрепенуться.

— Ну, вперед! — скомандовал он.

Выйдя снова в коридор, Буш почувствовал, что задыхается, и лихорадочно втянул струю через фильтр. Возмездие за Энн и Лэнни уже пустилось за ним в погоню, и он боялся представить, какую форму оно примет.

Хауэс дорогой давал какие-то инструкции; Буш едва слушал его. Приближался обеденный час, и коридор теперь был полон. Если бы Хауэсу сейчас взбрело в голову пристрелить Буша прямо здесь, эти люди и знать бы не знали о случившемся и преспокойно проходили бы сквозь его тело.

— Силверстон сейчас в Западной гостиной, — бросил Хауэс через плечо.

А кругом сновали фраки, декольте, расшитые шелковые жилеты, и на каждого гостя приходилось по крайней

мере по одному ливрейному лакею. Буш внимательно вглядывался в них, разыскивая силуэты потемнее.

Тем временем наши путники оказались у нужной двери. Ее охранял важный человек в ливрее, и краски этой ливреи были куда гуще, чем на всем окружении. Но стоило Бушу вскинуть пистолет, как Хауэс перехватил его руку:

— Он — из наших. — И, обернувшись к стражу: — Все спокойно?

— Силверстон пока там; никто не входил, не выходил и не вламывался.

Хауэс недоверчиво нахмурился, затем кивнул и скользнул за полуоткрытую дверь. А Буш колебался, в упор разглядывая стража, — но, похоже, он совсем разучился делать различие между другом и врагом. Мрачные предчувствия не давали ему потянуть ручку двери на себя. Буш колебался; но тут же он представил себе, с каким облегчением сбросит с плеч гору нервного напряжения, когда закончится вся эта заваруха, — и, уже смеясь над своими страхами, прошел в комнату вслед за Хауэсом.

Оглушительный удар тут же свалил его с ног.

Буш не сразу понял, что лежит, перегнувшись пополам и уткнувшись лицом в узорчатый турецкий ковер. Он попытался хотя бы сесть — ему с трудом это удалось. И тут же у затылка ощутился холодок пистолетного дула.

— Это кто еще такой? — рявкнул кто-то сверху.

— Мой друг, — ответил голос Хауэса.

Буш оглядел комнату — насколько это возможно было сделать, не поворачивая головы. Иуда-охранник как раз закрывал за собой дверь. Его сподвижников в гостиной было пятеро. Четверо из них, видимо, прятались за дверью, когда входил Буш, и теперь составляли ему и Хауэсу почетную охрану. Все они были ни дать ни взять викторианские джентльмены. Один из них нагнулся и сорвал с Хауэса парик и фальшивые бакенбарды; и этот последний выглядел совсем уничтоженным и потерянным, лежа на полу под прицелом пистолета.

— Все вы виноваты, — шепнул он Бушу. — Не провозись я столько с вами, все могло бы обернуться иначе!

Хауэс принялся было распекать предателя привратника, но новый удар заставил его умолкнуть.

Пятый член шайки располагался у окна, изредка в него поглядывая. Возле него обнаружилось кресло, к которому был накрепко привязан человек с кляпом во рту. Буш догадался прежде, чем разглядел: это был Силверстон.

— Ну, видите — все оказалось легче, чем мы думали, — произнес тот, кто столбом возвышался над Хауэсом, — по всему видно, что предводитель шайки. На нем был серый плащ и цилиндр, и этот костюм явно не вязался с его злокозненным, хотя и умным лицом.

— Да, мне следовало бы знать тебя лучше, Гризли. Ну, действуй же! — едко процедил сквозь зубы Хауэс.

Гризли. Бушу уже приходилось слышать это имя. Где же... Ну да, конечно: лейтенант, один из былых приверженцев Болта. Сменил себе босса, вот и все.

— Мы отправим вас — тебя, Хауэс, и твоего прихвостня — назад, в две тысячи девяносто третий, — процедил тот, не клюнув на издевку. — Вы предстанете перед судом по обвинению в измене государству и правительству, которому я имею честь служить. Вам введут дозу КСД, и мы доставим вас, как миленьких, домой. Силверстону мы, разумеется, не предоставим большего комфорта на время Странствия.

Он кивнул стоявшему рядом, и тот вытащил из ранца шприц и ампулы. В тот же момент массивная дверь распахнулась, и в комнату вошли несколько ливрейных слуг. Гризли и компания встрепенулись было, но лакеи были у себя дома в этой эпохе: они прошли сквозь наших Странников и глазом не моргнув. До их прихода гостиная была пуста. Лакеи шли гуськом, раздувшись от важности, и поправляли тяжелые портьеры.

Это зрелище отвлекло всеобщее внимание, и Буш начал прикидывать, успеет ли он вырваться и скрыться за дверью. Такая попытка была обречена на провал при обычных условиях, но сейчас стоило попробовать. Буш уже собрал в себе силы для прыжка, когда произошло нечто.

Сквозь стену в комнату вплыли четыре тени из будущего — Леди-Тень и трое мужчин. Они, казалось,

висели в воздухе; каждый сжимал в бесплотных руках длинную трубку, и трубки эти были уже нацелены на гризлийцев.

Буш быстро поднял глаза на Леди-Тень; их взгляды встретились. Она слегка кивнула ему и прикрыла себе нос и рот ладонью, как бы побуждая Буша сделать то же самое. В следующее мгновение они уже окружили захватчиков и открыли по ним огонь из своего фантастического оружия.

Вещь неслыханная — заряды, выпущенные из оружия будущего, пробили энтропический барьер. Сжатые струи невидимого газа метнулись в поборников режима. Те с перепугу открыли беспорядочную (и бесполезную) стрельбу, но, втянув ноздрями едкий воздух, тут же мешками валились на пол.

Буш сам невольно глотнул газа, и в голове все смешалось и поплыло. Спешно зажав нос и рот ладонью, он, как смог, выбрался из комнаты.

Все ощущения его притупились, перед глазами стоял туман. Да, тщетно действие — всякое действие и это его действие. И никогда-то он не был свободен... и тайна Вечности.

Буш усилием воли собрал разлетавшиеся осколками мысли, как склеивают чашку. Только сейчас он обнаружил, что сидит на полу, вытянув ноги поперек коридора как шлагбаум. Коридор снова опустел — видимо, все приступили к трапезе. И только две фигуры, полные величавого достоинства, плыли по направлению к нему. Дама грациозно и истинно по-королевски опиралась на руку своего спутника, а он... Ну конечно! Не мудрено, что лакеи, кланяясь им, чуть ли не подметали париками пол! Буш, стиснув зубы, попытался отползти с дороги ее величества королевы Англии и принца — Консорта, но не успел — они прошли сквозь него, и голова Буша на миг утонула в пышных призрачных юбках.

Казалось, сама абсурдность этого происшествия возвратила Бушу рассудок и способность соображать. Он теперь почти без труда поднялся, глотнул свежего воздуха через фильтр и взвел курок газового пистолета. Наконец он собрался с духом и заглянул в щелку двери, через которую только что спасся.

Бесчувственные Странники лежали кучкой на полу. Лакеи-викторианцы, закончив свой обход, все так же невозмутимо, словно неся на головах наполненные сосуды, гуськом выплыли из комнаты. Четверо из будущего слегка поклонились Бушу и тоже выскользнули прочь.

Буш решил, что время никогда не ждет и даже в этом необычном случае ждать не будет. Он поспешно разоружил гризлиевцев — те и не шелохнулись. Потом, следуя только что пришедшей в голову мысли, повытаскал из их карманов и ранцев весь запас КСД — это могло хоть на время задержать их возвращение в «настоящее». Он выволок Хауэса, не подававшего признаков жизни, в коридор и снова вернулся в комнату за Силверстоном. Тот все еще был привязан к креслу и тоже временно отключился под действием газа. На полу обнаружилось лучевое ружье Буша — он выронил его, когда был сбит с ног, входя сюда впервые.

Нашарив в ранце нож, Буш разрезал путы Силверстона и, вытащив этого последнего в коридор, связал ими покрепче Хауэса.

— Сам знаешь за что, — бросил он.

А затем понесся по коридорам, не разбирая дороги, с отчаянными воплями: «Энн! Энн!»

IV. Луч, оказавшийся безвредным

Есть точки на кривой нашего жизненного пути — скажем, день в покинутом саду, строка из Вордсворта, клюшка для гольфа или долгие сумерки на девонийском берегу; они, подобно колышкам, держат нашу память в прочной сети.

Но сейчас Буш впервые прорвал эту сеть. Так сильно в нем было предчувствие, что Энн не умерла, что он, казалось, забыл все прожитое, сошел со старого пути и начал новый, с нуля.

Пробежав немного, Буш внезапно остановился: он понял, что ничего не выбегает; *так* искать Энн бесполезно. Времени в обрез: Гризли и его присные вот-вот придут в

себя. Необходимо предпринять новое Странствие, но на этот раз — недалекое.

Для начала он снова вернулся в гостиную. КСД еще не иссяк в его крови — ведь в тысяча восемьсот пятьдесят первый он прибыл совсем недавно. Усилием воли он привел в действие скрытые рычаги своего сознания и нырнул в мощный поток времени. Барахтаясь и отчаянно борясь с течением, он то и дело на короткий миг выныривал. Та же комната, но — разные времена, разные люди. Бушу необходимо было поймать и остановить то мгновение за несколько минут перед тем, как Хауэс и Энн нашли его в коридоре; то самое мгновение, когда *тот* Буш — несколькими часами старше Буша теперешнего — дожидался их у раскрытой двери гладильной. Но как отыскать этот безликий, безымянный день, не отмеченный для других ничем, — разве что педантичная королева занесла его в свой дневник как веху «одним днем меньше»...

Ага! А вот и Силверстон. В одно из «выныриваний» Бушу бросилось в глаза длинноносое лицо. Он спрятался за портьеру, приготовившись наблюдать; но затем ему припомнился рассказ Хауэса: ведь Силверстон прожил в тысяча восемьсот пятьдесят первом довольно долго до прибытия туда Буша. Значит, недолет; но направление взято правильно — цель была уже близка.

В конце концов инстинкт сам подсказал ему, где остановиться. Комната тонула в полумраке. Силверстон сидел, вытянув ноги, прямо на полу; подле него стоял Хауэс. Оба встрепенулись, когда в комнату пулей влетела Энн. Весь облик ее выказывал сильнейшее волнение.

— Дэвид! Я только что видела здесь Эдди Буша!

Она выжидающе воззрилась на Хауэса, все еще прерывисто дыша и нервно сплетая пальцы. Хауэс же вмиг посуровел, сложил кожу лба в глубокомысленные складки и даже подергал свои накладные бакенбарды разок-другой.

— Этого и следовало ожидать, — прокашлявшись, степенно изрек Силверстон. — Я видел его мельком в этой самой комнате пару месяцев назад. Он уже тогда строил против меня козни!

Хауэс, похоже, вовсе не слушал его.

— Ты, конечно, выполнила приказ? — адресовался он к Энн.

— Ну как я могла, Дэвид, подумай! Без горячки подумай: он изменил свое решение. Теперь он хочет и может помочь нам. Видит Бог, как нам нужна помощь!

— Ну, вот уж спасибо за новости! — Хауэс схватился за пистолет и бросился к двери. — Доверять или не доверять Бушу — все лишняя забота, а мы и сами, без него, прекрасно умеем осложнять себе жизнь. Веди меня сейчас же к нему!

Энн перехватила его руку с пистолетом:

— Ради Бога! Ты непременно пожалеешь о том, что́ совершил. Буш будет нам полезен. Прошу, веди себя с ним разумно, ведь он — «личность непредсказуемая». Узнаешь свои слова? К тому же у него лучевое ружье.

— Ха! С этим порядок, можно не беспокоиться: ружье безвредно, как детская игрушка. В свое время я все предусмотрел.

— Как обычно. Но я очень прошу, не причиняй ему вреда!

Хауэс в упор посмотрел на нее, и складки меж его бровей сами собой разгладились.

— Ты все еще вздыхаешь по нему?.. Ну что ж, придется с ним побеседовать. Но не забывай: мы многим рискуем... Профессор Силверстон, будьте любезны, подождите нас пару минут. Мы быстренько все закончим и тут же отправимся.

— Но как там с моим чемоданом? — забеспокоился Силверстон. — Я не могу отправляться без него. Энн, вы, по-моему, как раз за ним и...

— Я собиралась — и тут налетела на Эдди. Но не беспокойтесь, я мигом его принесу.

Бушу недосуг было дослушивать до конца их разговор — он, крадучись, выскользнул из комнаты.

Он изучал выражение лица Энн в тот момент, когда Хауэс спросил, вздыхает ли она по нему. До того мгновения Буш считал, что навсегда потерял дар любви, но взгляд Энн его сразу в этом разуверил.

И впервые он увидел ее лицо без той безразлично-циничной маски, которую принимал раньше за ее настоящие черты.

Но Хауэс — каков комедиант! Буш нашел в себе мужество признать, что этот последний, с его храбростью, трезвой головой и практической сметкой, мог бы поучить его многому. Ведь это Хауэс, заранее все продумав, вручил своим агентам совершенно безвредное оружие — так, как если бы он предвидел сегодняшний случай. И если его ружье вместо лазерного луча послало в цель безобидную струйку света, значит... значит, Энн он не убивал!

Надо ли говорить, что с этого момента у Буша отпали всякие сомнения в искренности и намерениях славного капитана!

Теперь Буш мог с легким сердцем вернуться в то мгновение, в котором Силверстон и Хауэс все еще полулежали в коридоре, оцепененные действием газа. Но Буш чувствовал не просто облегчение — он ликовал, торжествовал! Как все-таки приятно стряхнуть с себя дурной сон, в котором ты был убийцей, и вновь ощутить, что ты по-прежнему чист, добродетелен и никем не проклинаем! И Энн жила, как прежде.

Внезапная мысль клюнула Буша, и он, смеясь почти в открытую, стрелой полетел по коридору, повторяя путь, только что проделанный Энн.

Он вскоре нашел того, кого искал. Тот все еще прятался в тени у двери гладильной. Буш протянул к нему руку — и его зеркальное отражение пожало ее. Оба лица — или одно? — одновременно озарились улыбкой. Так все-таки странновато-непривычно и здорово видеть вот так себя самого!

— Ты?

— Я!

Это было похоже на взаимное признание в любви. Ну разве не идеальную любовь испытываешь к человеку, чьи мысли и желания тебе известны и так близки — все до единого! Чувства переполняли его, он не смог сказать ничего больше. Пора было возвращаться в покинутое мгновение недалекого будущего. Он оттолк-

нулся, как стартующий бегун, от момента, в котором находился, и...

...И снова оказался в полутемном коридоре, рядом с простертыми на полу Хауэсом и Силверстоном. Тут же вернулось сознание висящей в воздухе угрозы и стремление поторопиться.

Буш склонился над Силверстоном, тряхнул его плечо и позвал:

— Стейн! — но потом передумал и шепнул еще раз: — Профессор Силверстон!

Тот открыл глаза и пробормотал:

— Это оружие — вот вам доказательство! Я же говорил...

Буш уставился на него во все глаза. Неужели профессор знал, что его лучевое ружье... Силверстон тем временем уже сел, и его следующая фраза была уже не такой туманной:

— Оружие, что принесли с собой те четверо из будущего, — доказательство тому, что моя теория абсолютно верна. И мы найдем еще доказательства, вот увидите! Ведь впервые на моей памяти они преодолели энтропический барьер!

Буш, почему-то задетый тем, что Силверстон имел в виду не его случай, промолчал.

— А ведь это, должно быть, достаточно просто, — продолжал ликовать профессор. — Мы и сами, наверное, додумались бы до такого через несколько лет... Помогите-ка мне подняться. Я знаю вас, вы — Эдвард Буш. Нам уже доводилось встречаться, ведь так? Правда, не всегда эти встречи были дружескими... Надеюсь, я не слишком покалечил вас тогда, в юрском. Но вы должны меня извинить — ведь я принял вас за Болтову ищейку, а в моем положении...

Буш рассмеялся:

— Тогда я едва вас заметил — меня слишком увлекла ваша спутница.

Впервые черты Силверстона, до этого словно скованные заморозком, оттаяли. Он улыбнулся:

— Да, она увлекала тогда и меня. Женщины — моя слабость, и я охотно в ней признаюсь... Благодарю, что

вытащили меня из комнаты. Теперь развяжите-ка Хауэса — и в путь!

— Я связал его за дело. Он поступил со мной жестоко только для того, чтобы я, подавленный горем, повиновался без вопросов. А теперь поделом ему: я терпеть не могу быть орудием в чужих руках.

— А разве не все мы — чье-то орудие? Ведь на этом и стоит общество.

Каждый из нас — чье-то орудие... Не такая уж новая мысль, но она отлично поясняет одну из сторон человеческих отношений: человек использует — и используем. Вот он, Буш, использовал Энн. Хауэс, в свою очередь, использовал его. А теперь Буш заставит послужить себе Хауэса, да и Силверстона.

За ними обоими стояла сила, власть, в конце концов. Если Буш поможет им сейчас, то в две тысячи девяносто третьем они могут оказаться полезными ему. Он надеялся с их косвенной помощью снова обрести свободу и возможность творить. Значит, если он хочет сохранить жизнь своему искусству, придется на время забыть о некоторых сторонах своего «я».

Буш принялся освобождать Хауэса от пут. Пока он негодовал на собственноручно завязанные узлы, Силверстон поведал ему следующее:

— Нужно вам знать, что здесь, в Букингемском дворце, обреталась группа интеллектуалов — изгнанников из нашего с вами времени. Я передал им свое послание, и сейчас они уже в пути — распространяют его по миру.

— Послание? Давно ли вы ударились в религию?

— Вы не понимаете: речь идет о моем учении. Ах, как мне недостает сейчас Уинлока — наша ссора, разумеется, теперь улажена. Даже мне самому не постичь всего того, что я открыл. Мое открытие переворачивает весь миропорядок, я сам никак с этим не свыкнусь. Так что — в путь, немедленно, не мешкая!

— Но я и с места не сдвинусь без Энн!

— Знаю, что не сдвинетесь. Она сейчас вернется с моим чемоданом — без него я никуда. Я позабыл его внизу... А, утро доброе, капитан!

Распутанный Хауэс сел, ворча, тряхнул пару раз головой, чтобы привести в порядок мысли, беспокойно глянул на Буша:

— Вы знаете про Энн?.. Ну, то, что она жива?

Буш молча кивнул.

— Мне искренне жаль, что так вышло. Но виноват во всем только ваш буйный темперамент. Когда вы пальнули из своего игрушечного ружья, Энн бросилась навзничь; а после того как я усыпил вас газом, пришлось убедить ее не оживать еще несколько часов... Не сердитесь, но вам и вправду была необходима хорошая встряска.

— Да ну вас совсем! — Буш раздраженно отвернулся, и в этот момент из-за угла в коридор влетела Энн с пластиковым чемоданчиком под мышкой. Силверстон тут же сграбастал чемоданчик, а Буш — Энн. Она улыбнулась ему, слегка приподняв бровь — по-прежнему игриво-недоверчиво.

— Зачем ты так поступила?

— Нет, вы послушайте: это *он* меня спрашивает! А зачем ты принялся палить?.. Ни слова, я знаю ответ: ты мне не доверяешь. Вернее, не смеешь довериться, как не смеешь довериться себе.

— Тогда я просто помешался с горя, когда увидел с тобой Хауэса, ведь я решил, что ты выдала меня ему! И я выстрелил только потому, что любил тебя, Энн, видишь, я совсем потерял рассудок.

Она махнула рукой и опустила глаза.

— Пора бы покончить с разборками — так вы и до второго пришествия не наговоритесь, а наше время на исходе, — встрял Хауэс. — Гризли и его команда вот-вот оклемаются. Конечно, можно пристрелить их, пока они безвредны — может, Буш об этом позаботится? — но это тоже займет несколько лишних минут.

— Вы несправедливы к Бушу, — запротестовал Силверстон. — Он вызволил нас из когтей Режима, за что ему тысяча благодарностей. Но время не ждет! Мой чемодан со мной: возьмемся же за руки, доза КСД — и в путь, подальше от этого сумасшедшего дома! Мы отправимся в юрский.

— А я думал, что мы возвращаемся домой, — возник Буш.

— Слушайте, что вам говорят, — рявкнул Хауэс, вскрывая ампулу.

— У нас там дело: нужно подхватить еще одного человека, — поспешил вставить Силверстон, своим тоном и видом извиняясь за отсутствие у Хауэса хороших манер.

— Ну, все готовы? — профессор оглядел спутников. Хауэс уже крепко вцепился в него и сжал теперь руку Буша, в то время как тот взял за руку Энн.

— На старт, внимание — марш! — скомандовал Хауэс по старой привычке.

V. За гранью времен

Букингемский дворец — и юрская саванна. Для Странствия Духа они были едины в одном аспекте: оба лежали под непроницаемым покровом безмолвия и недосягаемости.

Вся четверка материализовалась в юрском одновременно, и Буша тут же охватила накопленная днями усталость и апатия. Он недобро глянул на Силверстона и Хауэса. Вся цепь происшествий в Букингемском дворце не оставила в его памяти ничего, кроме раздражения; и тут же в противовес вспоминалось ликование полета и божественный экстаз в тот момент, когда он покидал Всхолмье. Все его попытки встрять в события этого мира кончались раздражением и недовольством; так не лучше ли пребывать всю жизнь в безмолвном одиночестве?..

Они стояли на берегу мощной медлительной реки. Позади взлохмаченными вихрами косматились джунгли, а впереди простиралась холмистая равнина. На небе зависли свинцовые облака — в общем, приевшийся юрский пейзаж.

— Капитан Хауэс, — заговорил Силверстон. — Может, вы и Энн сходите за нашим другом, пока мы с Бушем передохнем тут немного?

— Хорошо, мы уже отправляемся. Это займет часа два-три, так что отдыхайте, профессор, сколько сможете. И вам, Буш, не мешало бы сделать то же самое.

Энн помахала рукой оставшимся, и скоро маленький отряд уже исчез за холмом.

Силверстон тут же достал из чемоданчика походную кровать, жестом пригласив Буша сделать то же.

— Нам здесь ничего не угрожает, ближайшее поселение в двух милях отсюда. Капитан и Энн сейчас подберут кое-кого, и мы двинемся к концу нашего пути.

— Профессор, объясните, пожалуйста, кого мы ожидаем здесь и в каком направлении тронемся дальше?

— Вы слишком размениваетесь на мелочи, мой друг, впрочем, как и я, и все мы... Вот, кстати: мои часы разбились, и я постоянно раздражен, потому что негде узнать время. Время! А ведь часы — дряхлый пережиток прошлого! Вы видите, я человек противоречивый.

— Как и я. Вы помните свое детство?

— ...Нам необходимо отдохнуть. Но на первый ваш вопрос я отвечу. — Силверстон раскрыл привезенный из Викторианской эпохи чемодан. — Ведь вы были когда-то художником, не так ли?

— Я художник! Нельзя перестать им быть.

— Значит, будем считать, что вы этого не афишируете.

Буш начал искать намек в этих словах, но вмиг забыл обо всем, когда Силверстон достал из чемодана небольшую пластину.

— Скоро здесь появится автор этого произведения. Он правильно воспримет мое открытие и тут же за него ухватится. Вы сами знаете, что все вновь открытое нуждается не только в научной, но и в художественной интерпретации. Это извечная задача художника, а этот человек идеально мне подходит. Вы только посмотрите на его работу! — (Буш уже и так смотрел.) — Это Борроу! Вот талант! Вы не находите?

Группаж Борроу изображал несколько разрозненных скоплений тьмы, перемежающихся трассирующей пылью цветных пятнышек. Кое-где они группировались так, что эти массы можно было принять за атомные ядра, или

города-муравейники, или звезды. Все двусмысленно и туманно. Кое-что было, на взгляд Буша, слабовато, но и эти штрихи являлись неотделимой частью целого, словно Борроу развернул в работе самого себя и обозревал эту развертку своей личности во всех ее проявлениях.

Группаж, с точки зрения техники исполнения, впечатлил Буша куда меньше, чем виденное им в «Амниотическом Яйце». Однако эта работа была содержательнее. Буш безошибочно определил, что это самое позднее произведение Борроу и что все предыдущие были своего рода эскизами к ней. Это был поздний Борроу — как поздний Тёрнер, поздний Брак, поздний Кандинский. Бушу все еще не до конца верилось, что его флегматичный друг мог создать подобное; однако подпись под работой отвергала все сомнения.

И вот теперь Борроу должен был присоединиться к ним.

Буш понял вдруг, что не отрывает глаз от работы уже очень долго. Некоторые ее части находились в медленном постоянном движении, другие — в движении воображаемом. Глядя на творение Борроу, Буш впервые зрительно представил то, что давно уже его смутно тяготило: время спластовалось вокруг него в складки, которые образовали гребень гигантской волны, готовой вот-вот поглотить его. Буш снова взглянул на Силверстона; у него уже отпало желание спрашивать, куда они отправятся вместе с Борроу.

— Давайте все-таки отдохнем, профессор.

В его сон ворвались голоса; потом возникло лицо Энн, склонившейся потрясти его за плечо. Буш сел и осмотрелся по сторонам. Казалось, только мгновение назад он закрыл глаза, но голова была на удивление ясной. Тут же припомнилось предшествовавшее этому событие; Буш встал и отправился пожать руку Борроу.

— Ты зря времени не терял, — заявил он с ходу.

— Это все «Амниотическое Яйцо», в подобной обстановке и не такое можно сотворить.

— Нет, за этим стоит нечто большее. Вер тоже это говорила.

Борроу поспешил переменить тему:

— Я оставил Вер временным комендантом крепости. Труба Нормана Силверстона позвала меня на приключения — я бросил все и прибежал на зов. Но все это для меня ново, и я дрожу от страха перед неизвестностью, как птенец перед первым полетом.

Странно, но Борроу выглядел необычайно спокойным. Он был, как всегда, безупречно одет (в наглаженный старомодный костюм), а ранец он небрежно перекинул через одно плечо. Интересный, однако, выходил из него глашатай нового миропорядка, хотя что это за порядок, никто пока толком не знал.

— Да мы все понемногу дрожим от страха, Роджер. Но, в конце концов, юрский безопаснее, чем Букингемский дворец.

— Ну, не скажите, — встрял Хауэс. — Поселок снова наводнен шпионами. Нас уже засекли и теперь обязательно выследят — это уже дело времени. Ведь голова Силверстона оценена.

— Но тогда... профессор, командуйте — и немедленно в путь!

Профессор проснулся чуть раньше Буша и уже сложил походную кровать. Взглянув ему в лицо, Буш увидел, как тот обеспокоен. Увидел он также, что Леди-Тень явилась снова; она стояла в сторонке и ничего не упускала из виду.

— Мистер Борроу, — сказал Силверстон. — У нас у всех, кроме вас, КСД еще циркулирует в крови. Будьте добры теперь принять и свою дозу. Я счастлив, что вы согласились нас сопровождать. Мне кажется, что вы — и мистер Буш, несомненно, тоже — окажетесь чем-то вроде Амниотического Яйца для грядущих поколений, и гарантией тому — ваше необычайное дарование.

— Капитан Хауэс уже сообщил мне, куда лежит наш путь.

— Прекрасно. — Силверстон обратился к Бушу: — Теперь только вам неизвестны наши планы. Возьмите же Энн за руку, Энн возьмет руку мистера Борроу, а вы, мистер Борроу, — капитана. Я присоединюсь к вам, Буш,

и мы немедленно отбываем. Мы переместимся туда, где нам гарантирована безопасность, — за пределы девона, в криптозойскую эру.

— А вы знаете, что состав воздуха в эпохах на заре мира...

— Знаю, конечно. Но мы постараемся проникнуть в криптозойскую эру так далеко, насколько это возможно. И потом, в самом крайнем случае у нас есть на кого положиться, — он указал на Леди-Тень, в то же время вежливо кивнув ей.

Все взялись за руки. Буш не проронил ни слова — не только потому, что Хауэс, видимо, все еще имел на него зуб и мог его подловить; нет, его занимало странное чувство, будто его выбросило волнами реальности на незнакомый берег и вода с отливом отступает, оставляя его на берегу.

И в то время как какая-то часть его мозга автоматически, пункт за пунктом, исполняла предписания Теории, из головы никак не шла дурацкая аналогия, с помощью которой отец однажды описывал миссис Эннивэйл возраст Земли. Тот самый циферблат; согласно ему, все зародилось в полночь. Стрелки его еле тащились вдоль делений — часов, за которыми стояли темень, грохочущие вулканы, магматические моря и нескончаемые ливни. Потом долго тянулся серый рассвет, и только к одиннадцати часам первый поликозавр-лежебока показался на чашечку кофе. Человечество просунуло ногу в дверь всего за несколько секунд до полудня — и в это самое время, как считает кое-кто, тьма снова пала на землю, и все началось сначала.

Когда Буш вынырнул, он погрузился почти в такую же темень, какую себе только что воображал. Остальные стояли тут же, судорожно дыша сквозь фильтры.

Стояли они не на земле как таковой, а на собственном, невидимом грунте — такое несоответствие в Странствиях случалось часто. Земля лежала футах в десяти под ними; странное было состояние.

Мир под ними бушевал и содрогался. На землю изливались мощные потоки дождя; они, скорее, напоминали реки, текущие вертикально.

— Да, это криптозойская эра; но день дождливый — мы выбрали не совсем удачно, — мрачно улыбнулся Силверстон.

Внизу простиралась огромная каменная глыба, а вокруг нее кружили мощные водовороты. Вода почему-то совсем не пенилась, хотя с высоты на ее поверхность обрушивались огромные жидкие массы. Базальтовый остров прочертила зигзагообразная трещина, и из нее тоже извергались фонтаны воды.

Вода, желтоватая повсюду, в черной пропасти казалась темно-коричневой. По небу носились далекие предки облаков, но на существование солнца не указывало ничто. Просто темные пятна на небе сменялись более светлыми.

Странникам так и не удалось определить, находились ли они над материком или формирующимся дном океана. А приподнятость их над Землей говорила, скорее всего, о том, что уровень поверхности метавшейся в горячечном бреду планеты постоянно менялся.

— Нам нечего здесь делать, — выразила общую мысль Энн. И цепь-пятерка снова отправилась в путь.

Мощный поток времени стремительно нес их к Точке Исхода. Пять раз они показывали головы на поверхность и осматривались. Зрелище непознанного (и непознаваемого) вселило в сердца Странников великий ужас и трепет — и было из-за чего. На их глазах планета Земля проходила стадии своего формирования; ее атмосфера представляла собой смертоносную для человеческих легких смесь метана и аммиака. Но и это было не все: ведь криптозойская эра составляет пять шестых геологического возраста Земли. А значит, в каждом из отрезков их пути помещалось около десяти миллионов лет! И даже сейчас они только едва-едва подбирались к началу эпохи.

На каждой из своих остановок они замечали, что уровень поверхности Земли по отношению к их «полу» все время менялся: однажды они оказались прямо в недрах огнедышащего вулкана. Бушу, конечно, припомнилось тёрнеровское полотно «Дождь, пар и скорость». Сейчас эта картина распространилась на три измерения, и они, пятеро, были одним из ее фрагментов.

Когда все вынырнули в пятый, и последний, раз, глазам их предстал пейзаж периода засухи — слоистые тучи не изливали теперь на землю своего содержимого. Неизвестно, длилось ли это затишье день или столетие. Бесспорно было одно: здесь не властвовало человеческое представление о Времени, здесь повелевали иные, свои законы. А Странникам осталась лишь роль скромных наблюдателей.

Несомненно также, что окружавшее их безмолвие точно воспроизводило состояние мира и за энтропическим барьером. Надо всем вокруг повисла великая тишь, и сами Странники смолкли, подавленные ею, чувствуя себя муравьями на развалинах гигантского собора.

Каменные обломки, окружавшие их, были размером с небольшую гору — ничуть не меньше, чем плиты Стоунхенджа. Они были разбросаны вокруг в беспорядке; и именно это отсутствие порядка наводило на жутковатую мысль о силе, забросившей их сюда.

Глыбы эти отбрасывали глубокие угловатые тени, и под желтоватым сетчатым покровом облаков они казались промежуточным звеном между органическим и неорганическим мирами, чем-то, не принадлежащим ни царству минералов, ни царству животных.

Лежащие за гранью времен, они словно вобрали все бесконечные формы жизни, которым только еще предстояло появиться на Земле. Эти аморфные глыбы заключали в себе слонов, тюленей, моржей, диплодоков, жуков, черепах, улиток, всевозможные яйца, летучих мышей, акул-убийц, пингвинов. И здесь же можно было найти отдельные фрагменты человеческих тел: позвоночники, тазовые кости, грудные клетки, зачатки костей рук и коленные чашечки. Все различимо — и вместе с тем сплавлено воедино, как воплощение агонии природы. Глыбы эти были разбросаны по всей равнине, насколько хватало глаз, и казалось, что вот так они покрывали всю планету.

Молча взирали на все это Странники, и ими овладел страх, граничивший с радостью. Никто так и не проронил ни слова. И понятно, ибо для этих глыб несозданного не было подходящего названия.

Буш заметил, что Леди-Тень снова явилась между ними.

— Так вот оно, начало мира, — проговорил Буш, первым нарушив молчание.

— Нет, это — его конец, — возразил Силверстон. — Не удивляйтесь, — упредил он их возражения. — Мы не ошиблись местом: это криптозойская эра. Только стоит она не в начале, а в конце ленты истории Земли.

И он поведал им следующее...

VI. Поколение Гималаев

— Я должен рассказать вам о революции в мышлении — столь небывалой, что вряд ли кто-нибудь из вас воспримет ее верно и свыкнется с ней. Поколение Эйнштейна было попросту неспособно вписаться в крутой поворот, предложенный им; а мы с вами стоим сейчас на пороге перемен куда более великих.

Заметьте: я сказал «революция в мышлении», постарайтесь иметь это в виду в течение моего рассказа. То, что я предлагаю, — не выворачивание наизнанку всех законов природы, хотя частенько будет похоже на то. Наши заблуждения до сих пор лежали в сознании человека, а не во внешнем мире.

Хотя то, о чем я вам поведаю, вы сочтете вначале абсурдным, скоро вы перемените мнение. Ведь всем известно, что мы воспринимаем внешний мир — будь то Вселенная, ноготь или капустная грядка — посредством чувств. Иными словами, мы знаем только внешний мир — плюс наблюдатель, Вселенную — плюс наблюдатель, капустную грядку — плюс наблюдатель, и так далее. Но ведь при любом чувственном восприятии неизбежны искажения. Человечество и не заметило, как возросла степень этого искажения, и водрузило на его основе целую глыбу науки и цивилизации.

Вот вам вступление к моей речи. А теперь вкратце и ясно расскажу, в чем же этот переворот в мышлении заключается.

Работая совместно с Энтони Уинлоком (в последнее время, правда, врозь), мы раскрыли истинную природу

подсознания. Подсознание, как вам известно, — древняя сердцевина и сущность мозга; оно существовало еще до превращения человека в разумное существо. Сознание же — образование куда более позднее. И у нас есть основания предполагать, что его прямым назначением было скрыть от человека истинную сущность Времени. Теперь у нас есть неопровержимое доказательство — да оно и всегда существовало — тому, что время движется в направлении, *обратном* тому, каким считаем его мы.

Вы, конечно, знаете, каким образом Уинлок вытащил опорный камень из-под теории единонаправленного времени. Мое же поле деятельности — человеческое сознание. Но, скажу вам еще раз, наши изыскания в этой области ясно показывают, что время движется «вспять», как сказали бы вы.

Уинлок и я отталкивались от одной и той же идеи, которая вовсе не нова. Идея эта начала зарождаться уже у Зигмунда Фрейда. Он упомянул где-то, что бессознательные процессы в мозгу лежат вне времени. То «бессознательное», по его определению, и есть пародия на то, что мы называем подсознанием. Цитируя Фрейда дальше, мы убеждаемся в следующем: «Насильно подавляемые нами чувства и инстинкты с течением времени остаются неизменными».

В следующем после Фрейда веке — двадцатом — трещина между сознанием и подсознанием переросла в пропасть неизмеримой глубины. И, как водится, об этой задавленности временем первыми заговорили художники — Дега и Пикассо, и писатели — Томас Манн, Пруст, Уэллс, Джойс и прочие. От них не отстали и ученые, открыв миру миллисекунды, наносекунды и аттосекунды. И в нашем с вами столетии мода на эксперименты со временем не прошла: нововведения — мегасекунды и гигасекунды — были приняты и тут же подхвачены на древко. Никто теперь не находит абсурдным утверждение, будто возраст Солнечной системы сто пятьдесят тысяч терасекунд. Помните роман нашего знаменитого Марстона Орстона — ну, тот, где в четырех миллионах слов описываются действия девушки, раскрывающей окно?

Все это — яркие примеры титанических усилий, которые сознание и разум затрачивают на подавление подсознания. Но результаты моих изысканий положат конец их господству. И это произойдет не вдруг: я лишь завершил то, что начали задолго до меня. Еще в четвертом веке святой Августин писал следующее: «In te, aime meus tempora metior» — «Тобою, мой разум, измеряю время. Но меряю не то, что оставляет след. Только этот след я измеряю, когда думаю, что измеряю время. Таким образом, либо след этот и есть время, либо я не измеряю время вовсе». Вот видите, Августин был всего на шаг от истины, как это часто случается с гениальными людьми: ведь гений ближе всего к подсознанию.

А теперь — внимание. Все, что вы только что слышали, я рассказал вам на старый манер — так, как все мы привыкли. Но теперь я перескажу то же по-новому, согласно нашей единственно верной концепции Времени. Привыкайте — ведь этому вы будете учить своих детей!

Итак, со дней Уинлока и Силверстона сознание истинной природы времени было утеряно, и постепенно установилось мнение, что оно направлено обратно. Оттого что истина пока еще лежала у самой поверхности, это была эпоха всеобщих волнений и поисков. Ученые забивали себе головы, изобретая новые временные единицы, а один из писателей того периода, Орстон, начинил свой роман в четыре миллиона слов сюжетом о девушке, раскрывающей окно. Прочие писатели вроде Пруста и Манна и художники типа Пикассо провозглашали концепцию-обман, которая уже довлела над обществом. Многие в то время, не в силах поверить в обратное течение времени, кончали дни в психиатрических лечебницах.

Темпы жизни общества постепенно замедлялись, выходили из употребления транспортные совершенства — самолеты и автомобили. В следующем, еще более праздном веке психоаналитик Фрейд сделал последнюю отчаянную попытку разорвать порочный круг и совсем близко подошел было к истине. Но после него сама идея подсознания подернулась дымкой и покрылась пылью забвения.

С веками численность населения планеты падает, и лишь изредка, может, раз в столетие, у кого-нибудь явится проблеск, намек на истину. Так было и с Августином.

Вот, друзья мои, так вкратце обстоят дела. Я еще не объяснил вам многого, очень многого — но я вижу, даже уже рассказанное пока не укладывается у вас в головах. Поэтому прежде чем продолжать, я буду рад ответить на ваши вопросы.

Во время речи все пристроились — кто где — на глинистых обломках. Силверстон говорил стоя, а слушатели все это время сидели, завороженно подняв глаза.

Хауэс заговорил первым:

— Да, крепкий орешек был этот святой Августин! — Он деланно рассмеялся — в одиночестве. — Так что же, выходит, мы из кожи лезли, спасали вас — и все для того, чтобы вы объявили миру, будто время все эти столетия было вывернуто наизнанку?!

— Именно. Единственное, в чем едины Болт и Глисон, — меня необходимо скорее убрать с дороги.

— Ну конечно. Такая теория скинет какое угодно правительство. — И он опять засмеялся.

Буш решил, что, судя по последним репликам (да и вообще) Хауэс — человек весьма недалекий, несмотря на все его замечательные качества. Но он, Буш, вместе с Борроу станет идеальным проводником открытия Силверстона в человеческие умы. Самого Буша ошеломляющий рассказ Силверстона не сбил с толку и даже мало удивил. Он отмечал про себя, что идея эта, пусть и не сформулированная, временами являлась и ему. И тотчас же Буш окончательно и бесповоротно принял сторону Силверстона, пообещав себе оказывать тому всякое содействие и донести до людей его идеи.

— Если так называемое будущее на самом деле оказывается прошлым, а прошлое — будущим, — сказал Буш, — выходит, что во всеобщем заблуждении повинны вы сами, профессор. Ведь тогда из великого первооткрывателя природы подсознания вы превращаетесь в ее великого первозабывателя.

— Вы совершенно правы. Только точнее было бы выразиться так: диктатор-сознание подает в отставку, и я — последний пострадавший от его руки.

Впервые заговорил Борроу:

— Да, я понимаю... понимаю. Так значит, на наше поколение придется главный удар! Значит, мы последнее поколение, мозг которого верно воспринимает время?

— Именно так. Мы — поколение Гималаев. Гигантская возвышенность, перевалив через которую, человечество скатывается вниз к будущему, нам уже известному; к упрощению общественного строя и отношений, в конце концов к тому, что последнее проявление разума растворится в растительной жизни ранних — ох нет, поздних, конечно! — приматов. И так далее в том же духе.

Все это было уже явно слишком. Силверстон понял и адресовался к Энн:

— Вы все молчите, Энн. Что вы обо всем этом думаете?

— Не верю ни единому слову, вот что! Кто-то из нас слетел с катушек — или я, или все остальные. Так вы пытаетесь доказать мне, что, просидев тут битый час, выслушивая подобные бредни, я стала *моложе*, а не старше?

Силверстон улыбнулся:

— Энн, я уверяю, что вы становитесь все моложе и моложе, как и все мы. Мне кажется, вам полезно было бы ознакомиться со строем Вселенной — в свете новой верной Теории, прежде чем мы заговорим о человечестве в целом. Ну как, готовы вы к нашему заочному Странствию?

Не знаю, как вы, а я никогда не Странствую на голодный желудок, — проворчал Хауэс.

«Мозг солдафона — складка от фуражки», — раздраженно подумал Буш.

— Присоединяюсь! — поспешил он загладить неприязненную фразу спутника.

Энн тут же вскочила:

— Давайте сюда все ваши запасы — я попытаюсь из них что-нибудь состряпать. Как-никак это отвлечет

меня от ваших разговоров и не даст совсем потерять рассудок.

Силверстон подсел к Борроу и Бушу:

— Но *вы*-то не совсем отвергаете мою теорию?

Ответил Буш:

— Как можем мы отрицать то, что реально и явно существует? Странно, но у меня нет ни малейшего желания воспринимать все по-старому. Ведь только подумайте жизнь скольких людей теперь станет осмысленной.

Силверстон в порыве благодарности с жаром и блеском в глазах пожал ему руку.

— Все эти секунды довлели над художниками больше чем вам кажется, — говорил Борроу. — Ведь раньше художники и занимались в основном тем, что останавливали, замораживали мгновения. Помните? Стрела, вонзающаяся в бок святого Себастьяна, балерины Дега; все это — застывшие секунды, нет, доли секунд. Но намеки на перемены можно заметить уже у художников периода детства Фрейда...

Бушу вовсе не хотелось говорить об искусстве. Он изо всех сил стремился, чтобы нахлынувшая вдруг идея нового миропорядка пропитала каждую его клеточку. Он вдруг обрел новую силу и увидел со стороны всю свою нерешительность и страхи. И они тут же покинули его — Буш был уверен, что навсегда. Во всяком случае, он очистился достаточно, чтобы воспринять поразительное открытие, расшатавшее все извечные основы мира. Буш видел также, что он лучше других к этому готов.

Неподалеку уже шипело и бурлило — Энн стряпала на трех походных плитках одновременно. Так она спасалась бегством в привычных женских заботах. Хауэс мерил шагами расстояние от одного валуна до другого — где были его мысли? Возможно, он вынашивал план свержения Глисона — ведь это куда проще и действенней, чем скинуть с пьедестала вековой образ мышления. А Борроу уже достал из пиджачного кармана блокнотик и что-то в нем черкал — этот, видимо, нашел убежище в искусстве.

И Силверстон — даже он! Может, он обретался в компании Лэнни, спасаясь не только от наемных убийц, но и от своей монструозной идеи?

Все эти догадки пронеслись в голове Буша за какую-то долю секунды. Он мотнул головой в сторону Леди-Тени и обратился к Силверстону:

— Мне нравится ваше определение нас как поколения Гималаев. Вот вам представитель населения другого склона этих Гималаев — того, который мы, как я понимаю, теперь должны называть прошлым. Мне почему-то кажется, что она еще не раз поможет нам.

— Я давно занимаюсь прошлым, — одобрительно кивнул Силверстон. — За мной ведь тоже долгие годы внимательно следят. Вы, наверное, не помните, — тот человек был одним из наших спасителей в Букингемском дворце.

— Мы их потомки... Мы Странствуем только в будущее и никогда — в прошлое. Интересно, сколько это прошлое продлится? — Буш размышлял вслух. — Мой отец, любитель метафор, всегда прибегал к циферблату, чтобы показать ничтожность человеческой цивилизации в пропорции ко времени. Ну помните, та идея, что человек появился за пять секунд до полудня. А теперь нам нужно крутить стрелки в обратном направлении; то, что считалось раньше памятью, называть предвидением. Значит, пять секунд в обратную сторону — и человечество выродится — или разовьется, если вам угодно...

— Разовьется в простейшие существа.

— Допустим, принимается. Но вы утверждаете, что следующий оборот стрелок — это прошлое; и, однако же, мы о нем ничего не знаем. По-вашему, памяти — в традиционном представлении — не существует?

— И да, и нет. Память действительно существует, но не совсем в той форме, как считаем мы. Возьмем, к примеру, наш выбор направления в Странствиях Духа: вас никогда не удивляло то, что вы останавливаетесь именно там, где вам нужно?

— Еще бы — сколько раз!

— В данном случае вами руководит память, и память унаследованная. Наши сны с падениями и проваливанием

в пустоты — возможно, унаследованные воспоминания наших предков-Странников. Я уверен, что наши истинные предки открыли возможность Странствий Духа миллиарды лет назад. А вы говорите — пять секунд! Что они по сравнению с предполагаемым прошлым человечества! Вы постигаете это, Буш?

— Стараюсь. — Буш обернулся к Леди-Тени — и, онемев от изумления, указал в ту сторону остальным. Теперь Леди была там не одна. Криптозойский ландшафт наводнился туманистыми силуэтами — пришельцами теперь уже не из будущего, но из загадочного прошлого. Многие сотни их стояли поодаль, безмолвно и неподвижно, выжидая.

— Момент... исторический момент... — бормотал Борроу.

А Буш краем глаза увидел, что намеревался предпринять Хауэс. Он молниеносно вскочил и навел на капитана дуло пистолета.

— Бросьте ампулу, Хауэс! Этот пистолет уж точно заряжен — я стянул его из вашего ранца, предвидя, что вы отколете нечто подобное.

— Вы все тут теряете время! — неистовствовал капитан. — Моя забота — свергнуть преступное правительство, но не все общество целиком. Послушал я, что вы тут затеваете, — и мне стало не по себе. Не хочу я ввязываться в эту свистопляску. Я возвращаюсь домой!

— Никуда вы не возвращаетесь, а остаетесь здесь и слушаете дальше. Бросьте ампулу, пока по-хорошему сказано!

Еще несколько мгновений они стояли так, сжигая друг друга взглядами. И Хауэс отступил: ампула КСД выпала из его руки, и Буш раздавил ее подошвой сапога.

— Теперь давайте сюда все, что у вас осталось. То, что рассказывает Силверстон, куда важнее, чем целая планета Глисонов. Мы вернемся домой, как только до конца осознаем великую идею, чтобы донести ее до других. Я прав, профессор?

— Да, Эдди, благодарю. Капитан Хауэс, я настоятельно прошу вас набраться терпения и выслушать меня.

Хауэс со вздохом Сизифа передал Бушу непочатую коробочку ампул.

— Я постараюсь, профессор. — Он присел на корточки возле своего ранца, меча в Буша молнии.

Разрядило атмосферу лишь приглашение Энн к трапезе.

Все уставились на Буша, как бы ожидая от него разрешения начать. Приняв от Энн миску с супом, он кивнул в сторону Силверстона:

— Ну а теперь, профессор, расскажите нам заново о строении Вселенной.

VII. Когда мертвый оживает

— Я не в полном смысле ученый, а поэтому не стану вдаваться в технические подробности дела — к общему, полагаю, удовольствию, — сказал Силверстон. — И до сих пор я не пытался переиначить существующие физические и прочие законы. Но, как только будет ниспровергнут тоталитарный режим (а я искренне верю в это), снова заработают научно-исследовательские институты и вся наука будет пересмотрена в свете новой глобальной теории.

А пока я просто приведу вам несколько примеров того, как мы теперь должны оценивать явления по макроскопической шкале.

Вы, конечно, знаете теперь, что все, относимое человеком к прошлому, на самом деле принадлежит будущему. Итак, будем теперь считать, что Земля с течением времени обратится в жидкую раскаленную массу, а затем разорвется на части, чтобы стать газом и межзвездной пылью, разносимой прочь во все стороны.

Все это происходит в постепенно сжимающейся Вселенной. Эффект Допплера только подтверждает наши утверждения о том, что отдаленные звезды и галактики сближаются с нами. И настанет момент, когда вся Вселенная спрессуется в единый предвечный атом. Таковым будет конец Вселенной. Вот вам и ответ на вопрос, который давно уже никому не дает покоя. Другое дело, что

мы теперь не знаем, как зародилась Земля, не говоря уже о жизни на ней.

Однако сколько крови попортили людям фундаментальные законы науки (точнее их выработка) — и все они ни к черту не годятся. Взять хотя бы, к примеру, столь превозносимый второй закон термодинамики: теперь-то мы ясно видим, что тепло распространяется от холодных тел к горячим, что все солнца — сборщики жара, а не его источники. Даже саму природу тепла нужно рассматривать иначе.

Но не спешите, рано еще ваять надгробие для науки. Некоторые ее законы все-таки останутся неизменными. Закон Бойля, скажем, — об объеме газа. А почему бы и нет? Не знаю, правда, как быть с теорией относительности. Но на всей классической механике пора поставить жирный крест. Припомните только этот первый закон Ньютона — о том, что тело остается в покое, пока на него не воздействует внешняя сила. А теперь сравните это с истинным положением вещей! Футбольный мяч лежит на поле, вдруг он начинает катиться, ускоряется, ударяет по ноге футболиста!

Лекцию прервал неистовый вопль Хауэса, схватившегося за голову:

— Да он безумен!

— И правда, поначалу мне казалось, что я схожу с ума. Уинлок нисколько не усомнился в этом, стоило мне начать излагать свою теорию, поэтому мы и поссорились. Но теперь я верю, что мозг мой работает на удивление здраво. С другой стороны, вся история человечества — сплошное сумасшествие.

Хауэс в отчаянии хлопнул ладонью по лысому черепу:

— Так. Вы хотите, чтобы я поверил, будто луч лазера выстреливает из уже мертвого тела, входит в дуло моего пистолета, когда я спускаю курок? Нет уж, дудки. Ну скажите мне, безумец, как можно убить кого-нибудь в этой вот вашей Вселенной наизнанку?!

— Признаться, я тоже этого никак не пойму, — поддержал его Борроу.

— Согласен, это представить трудно, — отвечал Силверстон. — Но всегда нужно помнить, что природа пови-

нуется и будет повиноваться все тем же законам. Изменилось и исказилось только наше восприятие. И всегда, всегда было так: луч выстреливал из тела в ваш пистолет, затем вы спускали курок, а затем у вас появлялось намерение сделать это.

— О Господи! Да почему никто не остановит его?! И вы, Буш, — вы так спокойно выслушиваете эту галиматью! Но ведь вы все видите своими глазами, что все происходит *не так*!

— Говорите за себя, Хауэс, — возразил Буш. — Я как раз начинаю видеть все так, как описывает профессор. Это кажется нам безумием только потому, что сознание наше искажает реальность. Поэтому Ньютон и вывел (точнее выведет) свой закон в перевернутом виде.

Хауэс в сердцах махнул рукой:

— Ладно же. Допустим, все происходит по-вашему. Но почему же, во имя неба, *почему мы видим все наоборот?!*

Силверстон устало вздохнул:

— Я уже говорил об этом. Мы воспринимаем мир через призму искажающего его сознания — точно так же глазной хрусталик изначально воспринимает все перевернутым вверх ногами. — Он обернулся к Борроу, который грыз нанизанные на прут кусочки жаркого. — Ну а вы, мой друг? Вы принимаете все это?

— Мне кажется, легче понять и вообразить эту ситуацию с мертвым телом, чем идею о сжимающейся Вселенной. Давайте представим сценку с пресловутым застреленным в виде комикса. На первой картинке — лежащее тело. На второй оно приподнято; на третьей — почти вертикально, и из него исходит луч. На четвертой луч возвращается в пистолет, на пятой — спускается курок, а на шестой в голову хозяина пистолета приходит мысль об этом. По нашему опыту Странствий мы знаем, что все эти шесть сценок сосуществуют во времени, как и все исторические события. А теперь представим наши картинки на странице. Можно прочесть их с первой по шестую, а можно — с шестой по первую, хотя верное прочтение только одно. Так получилось, что мы всегда

просматривали их в обратном направлении. Теперь вы понимаете, капитан?

Хауэса передернуло:

— Энн, будьте добры — еще чашечку кофе.

Повисло неловкое молчание. Силверстон и Буш беспомощно переглядывались. У Буша состояние эйфории сменилось теперь тяжелой подавленностью; он едва притронулся к еде и время от времени исподлобья взглядывал на непрошеных гостей-призраков.

— Энн, я просил еще чашку кофе! — раздраженно бросил Хауэс.

Энн сидела, обхватив колени руками и тупо уставившись в обломок скалы. Ее неподвижное лицо ровным счетом ничего не выражало. Встревожившись, Буш легонько тряхнул ее плечо.

— С тобой все в порядке, Энн?

Она медленно обернулась:

— Что, будете под дулом пистолета проповедовать мне свою теорию? Мне кажется, вы все спите или галлюцинируете — это проклятое место околдовало вас. Как вам не понять, что все ваши разглагольствования — чистейшее надругательство над человеческой жизнью?.. Нет, ни слова больше — с меня достаточно. Я сейчас же отправляюсь — в юрский, к черту на рога, куда угодно, лишь бы не слышать ваших бредней!

— Нет, нет! — Силверстон вскочил и взял ее за руки, видя, что она на грани истерики. — Энн, я не могу позволить вам уйти! Нам всем как воздух необходим сейчас женский здравый смысл. На нас возложена почти апостольская миссия: мы должны вернуться в две тысячи девяносто третий год, когда уясним для себя все, и донести до людей...

— Ну, меня-то вы проповедовать не заставите, Норман! Да и какой из меня проповедник, я человек обыкновенный, в отличие от вас.

— Мы все обыкновенные, и всем обыкновенным людям предстоит посмотреть правде в глаза.

— Но зачем?! Я вполне счастливо прожила с ложью тридцать два года и так буду жить дальше.

— А вы уверены, что счастливо? Разве не ощущали вы подсознательно нависшее над нашим поколением от-

кровение — великое и страшное?! Люди не должны остаться в неведении!

— Предоставьте ее мне, профессор, — вполголоса сказал Буш и обнял Энн за плечи. — Послушай меня. Ты нам очень сейчас нужна. Совсем скоро тебе станет легче — я знаю, ты сильная и стойкая и все вынесешь.

Энн заставила себя улыбнуться.

— Так, говоришь, я сильная? Все вы, мужчины, одинаковы. Вам жизнь не жизнь без всего нового, шокирующего, без блеска и мишуры. Эта ваша сценка с зарядом, влетающим в дуло пистолета!..

— Роджер все замечательно объяснил.

— Угу, объяснил! — Энн язвительно рассмеялась. — Его голова сама не знает, что́ мелет язык. Ведь, по-вашему, выходит, что оживает труп — бездыханное окровавленное тело. Значит, так надо понимать: кровь всасывается обратно в вены, а затем этот симпатяга парень встает и разгуливает как ни в чем не бывало!

— Господи Иисусе! — вырвалось у Буша.

— Замечательно, возьмем того же Христа, — подхватила Энн. — Вот висит он на кресте, затем в бок его вонзается копье, потом он оживает, легионеры выколачивают гвозди из его ладоней, спускают на землю и отпускают обратно к ученикам. Еще одна картинка!

Силверстон горячо зааплодировал:

— Браво! Она поняла — и самую суть! Я как раз собирался разъяснить новое положение вещей в растительном и животном мире, но...

— Все к черту! — Она выпрямилась, вызывающе сжав кулаки. — К черту новое положение вещей! Вы так спокойно разглагольствуете об оживающих мертвецах, не вдумавшись в это как следует, — нет, зачем же думать и спорить, если есть теория! Горстка безумцев.

— Согласен: мы привели не самый подходящий пример. На самом деле все не так ужасно. Давайте перейдем теперь к жизни на Земле, и я обещаю, что, когда вы вникнете во все, это не будет вас так шокировать.

— Разгуливающие мертвецы! — Энн скрестила руки и смерила его взглядом, будто увидела впервые. — Ну,

Бог с вами, профессор Норман Силверстон, пугайте меня дальше!

— Итак, все готовы — я продолжаю.

И Силверстон продолжил свой рассказ:

— Привыкайте к тому, что солнце встает на западе и садится на востоке. Ему подвластен весь органический мир. Вскоре с началом года увядшие листья желтеют, возвращаются косяками на ветви и одевают в златобагряный убор деревья. Затем золото сменяется зеленью, и на восьмой месяц деревья посредством почек вбирают в себя листья.

Все это время деревья отдают влагу и питательные вещества земле. Четыре месяца — март, февраль, январь и декабрь — они остаются нагими, — до тех пор, пока с новым годом и новой партией листвы они не станут меньше.

Подобное происходит и с животными, и с людьми. Кое-какие из главенствующих мировых религий могли бы уже давно открыть истину, ведь они были в шаге от нее. Действительно, утверждение о том, что мертвые восстанут из могил, нужно понимать буквально. Вот смотрите: черви наращивают плоть на кости, постепенно придавая бесформенной массе человеческий облик. Вскоре являются могильщики и родные, забирают гроб с телом домой; через некоторое время сердце нового жителя планеты впервые сокращается. Если же тело было кремировано, огонь создает плоть из пепла.

Люди приходят в мир бесчисленным количеством способов! Тела поднимаются из штормового моря, и волны забрасывают их на палубы кораблей. Перед уличными происшествиями машина «скорой помощи» задом наперед подвозит к месту аварии останки и поломанные конечности. Все это выбрасывается на асфальт, где срастается в живое и здоровое существо, которое вот-вот скользнет в дверцу машины. А почти слившиеся друг с другом помятые машины разъезжаются, причем выпрямляются их части.

Так — и еще много как — увеличивается население Земли. Но войны, разумеется, совершенно особые поставщики человеческих существ. Вы и сами теперь можете себе представить, как это происходит.

Вот вам, вкратце, о рождении. Что сказать о смерти? Нам известно из истории будущего, что человечество постепенно уподобляется миру животных, и развитие движется от сложного к простому, от большего к меньшему. Все живые существа постепенно, с ходом времени, становятся моложе и меньше размерами. Человек в свое время вступает в пору детства и посещает школу, дабы забыть все, известное ему, — ведь эти знания ему больше не понадобятся. Но дальше больше: вскоре ребенку предстоит разучиться говорить и утратить многие навыки взрослого. И жизнь его оканчивается во чреве матери — могиле рода человеческого.

А теперь я готов ответить на ваши вопросы.

Все взгляды обратились к Энн.

— Ну... теперь это кажется не совсем невероятным, — отозвалась она. — Но... тогда как, по-вашему, мы едим?

— Вы можете реконструировать этот процесс сами — ведь он, естественно, будет обратным тому, как он нам до сих пор ошибочно виделся. И как бы мерзко вам это ни показалось... Одним словом, поживя с этой идеей годдругой, вы отлично свыкнетесь с ней и обнаружите множество преимуществ.

Энн, исчерпав все доводы, в отчаянии обернулась к Бушу. А тот был уже порядком взвинчен: призрачная публика, не сводившая с него мерцающих глаз, его порядком раздражала.

— Значит, тебя, Эдди, он уже убедил.

— Да, убедил. Вернее, меня очаровали все эти необычные явления: массы воды, взлетающие вверх к обрыву водопада, чашка холодного кофе, нагревающаяся до кипения сама собой... В этом есть что-то магическое, необъяснимое... Похоже на возвращение в детство. Но вот чего мне никак не понять: когда же мы наконец сбросим заслонку сознания и *увидим* ход вещей в нормальном направлении — вместо того чтобы верить вам на слово?

Силверстон покачал головой:

— Боюсь, этот момент не наступит. Во всяком случае, для нас — Поколения Великого Перевала. Я надеялся, что откровение придет ко мне, но этого не случилось.

Однако нужно верить в то, что ваши дети вырастут свободными от диктатуры сознания. Это возможно только в том случае, если мы скоро и ясно донесем эту весть до наших современников.

Все это время Хауэс держался в стороне от остальных, хмурясь, как бы и не слушая. Теперь же он обратился к лектору и аудитории:

— Вы неплохо все тут расписали, Силверстон. Но я еще не слышал ни одного стоящего доказательства тому, что вы называете истиной.

— Неправда ваша: я неоднократно приводил ей подтверждения из произведений искусства и научных постулатов. Скоро вам проходу не будет от доказательств! Да они и сейчас вас окружают, но это тоже — как посмотреть. Вы же не хотите верить, что эти вот обломки — свидетели скорого конца света?

Хауэс скептически хмыкнул:

— Не хочу я этому верить, и баста. Потому что бессмыслица у вас выходит. Ну, сами посудите: предположим, я убил Глисона, а он потом воскресает как ни в чем не бывало! Так где же ваши обещанные преимущества?

— Подумайте как следует, Хауэс! Мы надеемся, что вы *уже* настигли и убили Глисона. Теперь же, в две тысячи девяносто третьем, он — в зените власти. Но нам-то известно, что скоро его власти придет конец, исчезнут экономические неурядицы, и скоро все забудут, что когда-либо слышали о нем, — он станет обычным офицером оккупационных войск в далекой Монголии. А если вы отправитесь в двухтысячный год, от самого его имени ничего не останется.

— Но позвольте, если я убил Глисона, то почему же я этого не помню.

— Да сами посудите: до сего момента вы считали, что у вас замечательная память, но нет дара предвидения. Теперь, надо полагать, все наоборот. И тому есть логическое объяснение. По нашу с вами сторону Гималайского перевала жизнь будет стремиться к забвению. Плохая память (или отсутствие оной) будет считаться положительным качеством, а способность предвидеть будущее, думаю, вам всегда пригодится.

Хауэс обвел вызывающим взглядом остальных, как бы приглашая присоединиться:

— Глядите-ка, каким пророком воображает себя наш профессор!

— Вы в корне ошибаетесь, капитан, — спокойно отозвался Силверстон. — Мне лишь известно, что мы сейчас ставим точку в конце великой эры, когда люди жили в свете истины. Наши потомки — вплоть до каменного века — так и кончат свою жизнь в заблуждении. Нет, я не пророк, я просто последний на этой земле, кто еще помнит правду. И поэтому для меня ужасна сама мысль о том, что мне придется прожить годы в изгнании до тех пор, пока я сам не забуду то, что уже забыли остальные, что я уверую в ложную теорию Уинлока, а потом проведу молодые годы, восхищаясь жалким стариком Фрейдом!

В тот момент в его речи и облике и вправду скользнуло что-то трагическое и вместе с тем вызывающее глубокую симпатию. Как бы там ни было, Энн и Буш принялись подбадривать его. Хауэс же, потеряв надежду одолеть Силверстона, сделал отчаянную попытку переманить в свой лагерь Борроу.

— Уже темнеет. Пора бы нам покинуть это жуткое местечко. Если мне придется выслушать новую порцию головоломок, у меня, уж будьте уверены, поедет крыша. А вы-то что сами об этом думаете, Борроу? Кажется, вы с Бушем сначала подхватили знамя и фанфары, а теперь все больше молчите. Мне показалось, что вы колеблетесь.

— Не совсем так. Кажется, мне по душе все, что рассказывает Норман, хотя не знаю, как со всем этим жить... Но вот что не дает мне покоя: почему, зачем нужно было сознанию надевать на верное восприятие действительности темные очки?

— Ага! Силверстон не сумел этого объяснить. Что скажете в ответ, Силверстон?

Все обернулись к профессору. За его спиною вставала плотная стена дымчатых силуэтов, но среди них Буш вдруг уловил движение совсем не призрачное. Из-за скалы вылетела человеческая фигура, и Буш мгновенно уз-

нал вторженца. На нем было все то же серое пальто и цилиндр — маскарадный костюм, вывезенный из Букингемского дворца и вопиюще неуместный здесь. Вы, вероятно, тоже догадались. Конечно, то был Гризли, убийца-профессионал.

Гризли уже приступил к выполнению своей рутинной работы: он изготовился и навел пистолет. Буш не медлил; выхватив похищенное у Хауэса оружие, он завопил остальным: «Ложись!» и спустил курок.

Но уже тогда он понял, что все-таки опоздал: воздух у его щеки с треском взорвался, когда из черного зрачка-дула Гризлиева пистолета вырвалась лазерная игла.

Буш промахнулся и выстрелил снова. Но убийца быстро растворялся в воздухе под действием КСД, спеша скрыться за пластами времени. Луч Буша задел его правое плечо, он пошатнулся и начал клониться к земле, но, не успев упасть, исчез. Возможно, его, как потерявший управление корабль, в бессознательном состоянии снесло вниз по энтропическому склону к самому его подножию — к моменту распада Земли.

Вмиг забыв о Гризли, Буш обернулся — и увидел Силверстона, умиравшего на руках у Энн. Хауэс рвал и метал, как раненый зверь:

Ах, какой же я идиот! Какие мы все... Это все вы виноваты, Буш, — вы стянули у меня пистолет; и как же я, спрашивается, мог уберечь Силверстона с пустыми руками?! Подумать только, Гризли достал нас даже здесь! Хотя это можно было предвидеть.

— Вы сами не пристрелили Гризли во дворце, вот и кайтесь за себя, — в сердцах отрезал Буш. Он не сводил глаз с Силверстона — тот к этому моменту уже перестал дышать, вопреки беспомощным попыткам Энн. Буш подумал, какой замечательный и непознанный это был человек.

Борроу отрезвил его, потянув за рукав:

— Эдди, смотри-ка, к нам снова гости!

Буш сделал над собой усилие, переменил ход мыслей и обернулся.

Леди-Тень выступила из однородной мглистой толпы — сейчас она стояла в шаге от Борроу. Она подняла

руку в повелительном жесте — и в несколько мгновений материализовалась, став, как и они, существом из плоти и крови. И ее первый взгляд достался Бушу.

— Так вы можете полностью воплощаться в нашем времени? — изумился Буш. — Но почему тогда никто из вас не остановил Гризли?! Вас здесь сотни — так какого же черта вы...

Она прервала его, указав на неподвижное тело Силверстона и заговорив впервые:

— Мы собрались, чтобы присутствовать при рождении великого человека.

VIII. Распад

То оказалась удивительно обаятельная женщина. Буш мог дать ей не больше двадцати пяти. Светились ясные серые глаза, волосы цвета полуночи спускались волной к плечам. Но особенно их поразила исходившая от нее энергия и властность.

Она, улыбаясь, взяла Буша за руку:

Мы очень давно знакомы, Эдди Буш! Меня зовут Вигелия Сэй. Только однажды, перед рождением Нормана Силверстона, нам дозволено Главенствующим Союзом говорить с тобой и твоими друзьями.

Говорила она по-английски, хотя понимать ее было сложновато из-за непривычной интонации во фразах.

Буш все-таки не удержался и спросил еще раз:

— Почему же вы позволили Силверстону вот так погибнуть? Ведь вы должны были знать об убийце?

— Мы считаем иначе, мой друг. Кроме человеческого промысла существует и судьба.

— Но ведь его присутствие так необходимо...

— Теперь вы четверо — носители его идей. Сказать ли вам о том, что произошло в вашем «будущем» (от этого вы, боюсь, не совсем еще отвыкли)? Вы возвратились в две тысячи девяносто третий, опять же по-вашему — у нас другой календарь, — и провозгласили рождение Силверстона. Все в трауре. Вы помогли бежать Уинлоку, захватили радиотрансляционную стан-

цию и заявили об истине на весь мир. Вспыхнула революция...

Вмешательство разъяренного Хауэса оборвало ее на полуслове:

— И вы можете рассуждать так, когда Гризли, можно сказать, с вашего согласия...

Он тоже не договорил. На лице его вдруг явилось выражение замешательства; Вигелия простерла к нему руку и ясно произнесла несколько слов.

— Что это было? — осведомился Буш.

— Всего лишь специальная фраза-заклинание, как назовут ее через несколько веков после вас. Под ее воздействием разгоряченный мозг Дэвида Хауэса несколько минут побудет в покое, хотя ему это покажется мгновением.

Она с дружеской улыбкой обернулась к Борроу и Энн, представившись им. А между тем декорации вокруг менялись: Странники из прошлого окружили их, готовясь, видимо, наблюдать рождение Силверстона.

Буш немного отошел в сторону от всей компании: он почувствовал, что ему необходимо подумать в одиночестве.

Вскоре Энн позвала его, и он снова присоединился к группе. Энн и Борроу смотрели уже куда веселее — видно, беседа с Вигелией подбодрила их. Даже успевший прийти в себя Хауэс уже не хмурился.

— Вигелия просто чудо! — заявила Энн Бушу вполголоса. — Представляешь, она специально несколько лет училась разговаривать задом наперед, чтобы мы ее поняли! Уж теперь-то я верю каждому слову профессора!

Буш еще раньше заметил, что толпа теней из прошлого успела раствориться в сумеречном воздухе. Теперь же материализовались четверо из них, уже неся похоронные носилки с телом Силверстона. Они застыли, ожидая приказаний Вигелии.

— Вы совершили еще одно Странствие после возвращения в две тысячи девяносто третий год, — сказала она Бушу. — Ох нет, простите, не так — мне еще сложно подстраиваться под ваше ви́дение вещей. Итак, вам ос-

талось совершить еще одно Странствие, прежде чем вы вернетесь в свой две тысячи девяносто третий год. Потому что рождение и смерть в нашем понимании значат для вас совершенно другое. Мы бы хотели, чтобы вы присоединились к нам и наблюдали за рождением тела профессора Силверстона. Это то, что у вас называется похоронами, — для нас же это торжественное и радостное событие. И попутно я постараюсь разрешить все ваши сомнения.

— Мы с радостью последуем за вами, — ответил за всех Буш.

— Вы поведете нас в свой мир — в прошлое? — спросил Борроу.

Она покачала головой:

— Боюсь, это невозможно — по разным причинам. Но мы выбрали более подходящее место для рождения Силверстона.

Они достали было свои ампулы, но Вигелия знаком показала, что в этом нет необходимости. Видимо, в ее время Теория Уинлока была вытеснена другой, более эффективной.

Вигелия повела ладонью перед их глазами, снова произнеся загадочную фразу. И они привычно отправились в Странствие, ведомые ее волей, стремясь к точке, которую они недавно еще считали началом мира.

Более того, они могли теперь переговариваться — если не словами, то в мыслях. Точнее, они Странствовали в обличье мыслей, обретая форму того, о чем они в данный момент думали.

— Сознания всех людей сообщаются, — донеслась до них мысль Вигелии, словно розовый куст, раскрывающий бутоны им навстречу. — Было время, когда все представители рода человеческого общались между собою именно так, как мы с вами делаем это сейчас. Но к началу наших дней — то есть в мое время, которое всего лишь на несколько десятилетий отстоит от вашего, — человечество уже миновало свой истинный золотой век и теперь клонится к закату.

Мысли Энн ворвались бойким топотком каблуков по зеркальному полу танцевального зала:

— Вигелия, ты — часть истины, которую Силверстон успел обрисовать нам лишь в общих чертах! — Но за каблучками оставались следы: восхищение младшей подругой и, может быть, потаенная зависть: — И меня не задевают даже твои особые отношения с Эдди.

Ей ответила мысль Вигелии — хоровод задорных искрящихся снежинок:

— У тебя и не должно быть повода для ревности, ведь я, говоря по-вашему, правнучка от твоего союза с Эдди!

Необычность этого состояния — Странствия усиливалась еще и тем, что Борроу периодически выплескивал свои абстрактные измышления в многомерное пространство и таким образом превращался на время в целые произведения искусства. Хауэс же вел бессловесные переговоры с Вигелией, пытаясь дознаться, где же все-таки конец их пути. Ее ответ — словно росчерк пера в воздухе — гласил:

— Мы спешим к моменту Распада, где существуют только химические соединения, и ничего больше. Тогда вы увидите, что рождение Силверстона придется на закатную пору существования мира.

Никто не успел еще осознать, где они остановились, но тут же все бессознательно схватились руками за горло: ни единой струйки кислорода не просачивалось сквозь фильтры. Да и странно было бы искать здесь кислород.

— Нам ничего не угрожает, — успокоила их Вигелия, указав на четверых носильщиков. А те уже успели достать из ранцев полые трубки; теперь они держали их вертикально, как факелы, и факелы эти подобающим образом дымили и искрились.

— Мы изобрели способ подачи кислорода специально для экстренных случаев.

Не успела Вигелия произнести эти слова, как наши Странники уже вздохнули свободнее и смогли оглядеться.

Доживающая последние свои тысячелетия Земля превратилась в сгусток полурасплавленных металлов. Температура за энтропическим барьером исчислялась многими

тысячами градусов. Странников окружали моря пепла, кое-где возникали всполохи пламени. Пепел был всего лишь тонкой коркой, а под ней что-то вздыхало, клокотало и беспокойно шевелилось.

Они стояли, окружив кольцом тело Силверстона, на сгустке шлака — их «пол» почти совпадал с поверхностью грунта. И этому последнему напоминанию о тверди суждено было вскоре слиться с магмой, как айсберг растворился бы в кипящих водах.

Буш невидящим взглядом взирал на все это, почему-то не находя у себя в душе ни ужаса, ни священного трепета. Он даже не успел уяснить слова Вигелии о том, что вскоре он женится — вернее женился — на Энн. По странной прихоти его сознания он мог думать в тот момент лишь о юной Джоан Буш и ее безрадостном браке. Мелькнуло и воспоминание о том вечере, когда она, сидя у отца на коленях, ласково обвила руками его шею, — вероятно, оно было вызвано вновь открывшейся родственной связью.

Он заговорил с Вигелией без всяких предисловий, прервав ее беседу с Энн:

— Ты была моей тенью в последнее время — значит, тебе известна та история в шахтерском поселке. Я понимаю теперь, что тебе события во Всхолмье кажутся куда менее трагичными, чем мне.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты наблюдала конец Герберта, его жены и Джоан — ведь постылое замужество заведомо принесло бы ей только беды. Но теперь давайте дадим событиям правильный ход. Итак, Джоан выходит из нежеланного брака без любви и остается в родительском доме. Там она находит своего отца, распростертого среди капустных грядок, которому вскоре предстоит родиться. Ее мать вступит в жизнь точно так же, ее беременность исчезнет со временем. Затем прибудет посыльный торговой фирмы и вернет ей магазинчик. Все они день ото дня будут становиться моложе, снова завертится колесо шахты, и всем хватит работы и хлеба. Постепенно семья будет уменьшаться, а вместе с этим одна за одной исчезнут проблемы и появятся новые надежды. Джоан вступит в

счастливую и беспечную пору детства и в конце концов закончит жизнь во чреве матери, а та, в свою очередь, вновь обретет молодость и красоту. Вот вам настоящая жизнь — поступательное движение от худшего к лучшему.

Теперь я понимаю, что́ значили для меня дни, проведенные во Всхолмье. Я убедился в том, что большинство человеческих проступков проистекает из неопределенности. Именно она заставляла нас совершать самые постыдные промахи в жизни. Теперь же, сбросив смирительную рубашку сознания, вы не будете больше страдать от этого недуга, потому что вам известно будущее. История Джоан — пример-предостережение: такая судьба неизбежна, если над человеком довлеет сознание.

А теперь объясни же нам, кто и зачем вставил эту всепереворачивающую линзу между подсознанием и миром?

— Вы заслуживаете ответа, и я постараюсь дать вам его.

Прежде чем снова заговорить, Вигелия взглянула в умиротворенное лицо Нормана Силверстона, как бы собираясь с силами.

— До сих пор вы оставались в неведении относительно неизмеримо долгого прошлого человечества — того, что вас учили считать будущим. Прошлое это, повторюсь, было очень долгим — может, оно сравнимо с длительностью криптозойской эры, помноженной на двенадцать. Сознание зародилось, окрепло и взяло верх всего лишь на протяжении жизни двух-трех последних поколений.

Отправной точкой для появления сознания явилась неизвестная дотоле душевная болезнь — до этого никто никогда не знал о подобном. Недуг этот был вызван внезапным осознанием того, что конец Земли, цивилизации, близок и — более того — приближается с каждым днем. Вам не представить, как величавы и могущественны были наши предки. Нет нужды углубляться в описание их жизни — многому вы просто не в состоянии поверить. Мы были почти совершенной цивилизацией (как вы сказали бы, «будем»).

А теперь представьте себе всю горечь осознания того, что вскоре этот замечательный мир должен погибнуть,

не оставив от себя следа, — и с ним вместе огромная система, частью которой он был! Мы, в отличие от вас, не были отягощены бесчисленными горестями и печалями — они вообще не были нам известны. Никто не смог вынести такого удара, и повальная эпидемия — резкое отклонение подсознания от курса времени — охватила все человечество.

Однако теперь мы убедились в том, что ваше перевернутое ви́дение мира — величайший дар милосердия свыше, потому что...

— Подожди! — изумленно перебил ее Буш. — Как можешь ты называть это милосердием, когда видишь сама: если бы жители Всхолмья воспринимали мир верно, насколько счастливее была бы их жизнь!

Она ответила не колеблясь:

— Я называю это милосердием потому, что ваши невзгоды несравнимы с величайшим страданием, которого вы не знаете — именно потому, что сознание ограждает вас от него.

— Как ты можешь говорить такое! Вспомни Герберта Буша, падающего с перерезанным горлом в траву! Какое же страдание горше этого?

— Осознание того, что мощь и величие человечества растворяются во времени, растрачиваются поколение за поколением. Того, что инженеры год от года конструируют все более примитивные машины, строители разрушают удобные дома, возводя на их месте менее совершенные; того, что мудрые химики вырождаются в безумцев, охотящихся за «философским камнем», а хирурги оставляют сложные инструменты, чтобы взять в руки ножи и пилы. Смог бы ты, например, вынести бремя этого знания? Ведь это произойдет через несколько поколений после того, как вы вернетесь во чрево своих матерей. Но больнее всего осознавать, что мысль, светящаяся в глазах человека, вскоре уступит место тупому и безразличному взгляду — тогда, когда разум покинет его.

Теперь вы понимаете, какую службу сослужило вам сознание? При всем вашем цинизме неверное ви́дение мира внушило вам надежду на его будущее процветание, развитие, стремление постичь неизведанное.

Теперь вы видите все в нужном свете — и я сочувствую вашему горю. Потому что процесс всеобщего вырождения необратим, мы при всем желании не в силах изменить его направление. И неизбежен тот момент, когда человечество, богатейший растительный и животный мир обратятся в бурю огня, шлака и пепла, которую вы наблюдаете сейчас. Спасения нет, и надежды на спасение — тоже. Но сознание пощадило человечество и сделало его конец почти безболезненным, оградив от ужаса осознания его упадка.

IX. Всегалактический Бог

Затем они предали земле тело Силверстона — или, как им следовало бы это видеть, приняли от Природы его тело.

Некий сгусток энергии по мановению руки Вигелии облек носилки с телом профессора; эта оболочка напоминала только что выдутый стеклодувом шар. Шар этот с его содержимым поплыл над кипящим океаном; вот он коснулся его — и столб пламени взметнулся в тяжкий воздух. Когда пламя ушло обратно в бурлящие глубины, шар бесследно исчез.

Растроганный Хауэс проговорил:

— Эх, как не хватает хотя бы армейского рожка! Нужно было сыграть похоронный марш, а то неестественно как-то...

Больше сказать было нечего. Все в молчании взирали на фантасмагорическую сцену вокруг. Скоро все здесь будет охвачено огнем, и их островок — последнее напоминание о земле обетованной — исчезнет. Налетевший ветер разорвал плотные слои облаков, но светлее не стало.

— Ну, теперь пора и домой, — нарушил молчание Хауэс. — Только вот... я все хотел спросить тебя, Вигелия: дома нам солоно придется, я уж знаю; так скажи, если можно, как я встречу свою... нет, рождение?

— Вы встретите его геройски, капитан, сослужив при этом службу другим. Вот все, что вам полагается знать. Но теперь-то вы убедились?..

— Ну да, а разве у меня был выбор? Но в чем я уж точно уверен, так это в своей стратегии. Вот что я сделаю по возвращении: сдамся Действующим властям, они доставят меня к Глисону, и тут уж я все ему выложу — ну, все это, про сознание.

— А вы и вправду надеетесь его переубедить?

— Ну, не знаю. Вообще-то звучит впечатляюще... В конце концов, пристрелю его при первом удобном случае.

— Ладно, нам тоже пора действовать, — вступила в разговор Энн. — Только я все никак не решу, с чего мне начать объяснять.

— А я как раз нашел доказательство, о котором все забыли, — заговорил Буш. — Оно — и из жизни Всхолмья, и из моей собственной. Помнишь, Энн, мы как-то говорили о кровосмешении? В этом пункте связь между сознанием и подсознанием как раз минимальная: ведь это область, где перемешиваются жизнь и смерть, рождение и смерть. Я имею в виду скорее табу, наложенное на кровосмешение человеком, ведь в среде животных не существует такого запрета. Он был изобретен для того, чтобы запретить нам оглядываться на наших родителей, потому что подсознанию известно — этот путь ведет к смерти, а не к жизни. Ведь у вас, в прошлом, кровосмешение не считается грехом, так, Вигелия?

— Так. Но и самого понятия «кровосмешение» у нас как бы нет, ведь все мы все равно рано или поздно возвращаемся к своим родителям.

Хауэс вздохнул:

— Нет, мне, похоже, все-таки легче будет объяснять с помощью пистолета.

— А я хоть сейчас готов начать свою миссию, — заявил Борроу. — У меня уже есть наметки группажей, в которых я изложу то, что не скажут слова. Вот только заберу Вер из «Амниотического Яйца» и...

— А ты — ты отправишься с нами в две тысячи девяносто третий? — спросил Буш у Вигелии.

Она отрицательно качнула головой:

— Я выполнила все предписания Главенствующего Союза. Моя миссия завершена, и мне не дозволено больше ничего предпринимать. Я еще увижу тебя и Энн — когда стану ребенком. Но мы — я и мой эскорт — все же проводим вас до порога две тысячи девяносто третьего.

Они снова окунулись в поток Времени, уносясь все дальше от той точки, что́ привыкли считать началом мира.

Буш и Энн одновременно сформировали вопрос к Вигелии. Буш (построившаяся в пространстве пирамида из концентрических колец):

— Если в прошлом человечество было столь развито, то почему оно осталось на гибнущей планете? Почему не искало спасения в других мирах?

Пирамиду достроили тонкие колечки — Энн:

— Дай нам хотя бы намек на это великое прошлое!

Вигелия предупредила, что ответит на оба вопроса сразу. По ее воле глазам их вдруг явился величественный белый замок. Он надвигался на них, открывая их взглядам свое прозрачное построение. Там было несчетное множество комнат. Блоки стен его скрещивались, проникая друг сквозь друга.

То был макет всей истории Вселенной — ее облекли в форму, наиболее удобную для понимания. Это было совершеннейшее произведение искусства. Буш и Борроу до конца дней своих не оставят попыток его воспроизвести, цепляясь за конец путеводной нити и все чаще теряя его. Но все же они сумели запечатлеть отблески великой истины для последователей — Пикассо, Тёрнера и других.

Проплывая лабиринтами нерукотворного здания, они пытались постичь суть, заложенную в нем.

В неизмеримо далеком прошлом человечество зародилось мириадами точек одновременно. Точки эти были рассеяны повсюду. Это был интеллект — вездесущий, всемогущий и вечный.

Это был Бог, сотворивший Вселенную.

Путем неизвестных ионных комбинаций он создал сам себя, а потом осел на множестве планет одновременно. Мало-помалу разрозненные точки начали сближать-

ся, а централизация уже означала потерю многого. Вскоре жизнь на одних планетах стала невозможной, и люди целыми галактиками переселялись на другие. Но ведь и галактики постепенно сближались, стремясь к общему центру, и столкновение было неизбежно.

Процесс этот длился бесконечно долго. В конце концов все, что осталось от великого и могущественного человечества, сконцентрировалось на Земле. Это был финал великой Симфонии Творения.

— А ведь в наших религиях есть смутные догадки об истине! — подумал Буш.

— Не догадки, а воспоминания, — поправила его Вигелия.

Пора было возвращаться домой. Вигелия снова повела их бесконечными лабиринтами — но уже для того, чтобы, вынырнув на поверхность, они оказались в две тысячи девяносто третьем году.

Место, где они очутились, было, по-видимому, знакомо Хауэсу — он уже начал деловито прикидывать, куда броситься и что предпринять. Вигелия исчезла.

Буш и Энн с улыбкой переглянулись:

— Ну и что же ты намерен делать?

— Прежде всего — разыскать Уинлока и все передать ему.

— Вот это дело, — согласился Хауэс. — Я сейчас иду в подпольную ставку повстанческой организации. Пойдемте со мной, там вам сообщат, в какой из психиатрических больниц он содержится.

И они молча последовали за ним по руинам своей трансгималайской эпохи.

Джеймс Буш внезапно проснулся, вскинув голову, как от толчка. Взглянув на часы, он охнул: оказывается, он уже прождал в этом прокрустовом металлическом кресле сорок минут.

Сиделка подплыла к нему из глубины коридора.

— Главный врач все еще занят, мистер Буш. Его заместитель, мистер Франкленд, согласен принять вас. Следуйте за мной.

Они поднялись по лестнице на пару этажей вверх, и сиделка распахнула перед ним дверь с надписью: «Альберт Франкленд».

Грузный взлохмаченный человек за столом, казалось, занимал добрую половину пространства кабинета. Маленькие очки его сползли на нос, и он поправил их, чтобы разглядеть посетителя.

— Я мистер Франкленд, заместитель главного врача Карфильдской психиатрической больницы, — представился он, предлагая Джеймсу стул. — Почту за честь знакомство с вами; и если потребуется наша помощь, вам стоит только попросить.

Эти слова пробили в измученной душе Джеймса плотину, долго сдерживавшую боль и отчаяние.

— Я хочу видеть своего сына! Это все, о чем я прошу! Ведь это так просто понять — и, однако, я прихожу сюда уже четвертый раз за две недели, только за тем, чтобы меня без объяснений выставили за порог! А добираться сюда к вам, знаете ли, удовольствие из последних. Вы же знаете, что с транспортом творится.

Франкленд рассеянно кивал и барабанил по столу пальцем.

— Не годится так ругать общественный транспорт, мистер Буш, — этим вы косвенно задеваете Партию.

Буш отшатнулся от него, как от гигантской сороконожки. Но слова Франкленда немного отрезвили его, и он произнес уже спокойнее:

— Я прошу допустить меня к моему сыну Теду, только и всего.

Франкленд перегнулся через стол, конфиденциально выпучив глаза и понизив голос:

— А известно ли вам, что у вашего сына — опасное галлюцинативное помешательство?

— Мне ничего не известно. Да и не хочу я ничего подобного слышать. Почему я даже взглянуть на него не могу?

Франкленд принялся с несколько преувеличенным интересом разглядывать свои ногти.

— По правде-то говоря, сейчас ему дают сильные успокоительные препараты. Поэтому его и нельзя видеть.

В последний ваш приход сюда он вырвался из своей палаты и носился по коридорам, круша все вокруг, напал на сиделку и санитара. В своем бредовом состоянии он был убежден, что находится в Букингемском дворце. Как вам это нравится? Вот типичное последствие этих Странствий Духа. Ваш сын слишком этим увлекся. Он вдруг почему-то решил, что может Странствовать в населенные эпохи — но ведь всем известно...

— Послушайте-ка, мистер Франкленд, меня не интересует то, что известно всем. Я хочу только знать, что с Тедом. Говорите, во всем виноваты Странствия? Но ведь он был в полном порядке, когда вернулся после отсутствия в два с половиною года.

— Ну, мы ведь не всегда можем верно судить о психическом здоровье наших близких. А ваш сын уже тогда страдал от аномии в скрытой форме. Это куда более серьезное заболевание, чем вам кажется. Вновь открытой нами форме психического расстройства подвержены в той или иной мере все Странники. Аномические больные, как правило, бессознательно изолируют себя от остальных; они порывают с обществом и с его моральными устоями. Странствуя, они не могут участвовать в событиях настоящего или повлиять на ход вещей в прошлом — и сама жизнь для них теряет смысл. Такие люди — мы совсем недавно это подметили — обращаются к собственному прошлому, поворачивают вспять стрелки часов и постепенно деградируют до внутриутробного состояния...

— Только давайте без вашей науки, мистер Франкленд, хорошо? Говорю я вам, что с Тедом тогда был полный порядок!

— ...И события внешнего мира тоже толкнули вашего сына на этот путь, — невозмутимо продолжал Франкленд (всем видом показывая, что снисходительно игнорирует эмоциональные вторжения Джеймса). — Толчком этим была, несомненно, смерть матери. Нам известна его склонность к кровосмешению; поэтому, когда предмет его подсознательных желаний ушел в небытие, у него появилась мания на почве возвращения назад, во чрево.

— Совсем на Теда не похоже.

Франкленд поднялся:

— Если вы упорно не хотите верить мне на слово, вот доказательство.

Он вставил кассету в портативный магнитофон и нажал на клавишу перемотки.

— Мы записали многое из того, что говорил ваш сын во время своих галлюцинаций. Я покажу вам фрагмент самой первой записи — она была сделана, когда его только доставили сюда. Вот как все случилось: он потерял сознание, ожидая в Институте приема у мистера Хауэлса, своего патрона. По непонятным для нас причинам, он вообразил, что наш великий Глава государства — генерал Перегрин Болт — насаждает пагубный для страны режим. Затем генерал Болт заменился в его сознании адмиралом Глисоном — человеком, по отношению к которому его неприязнь более понятна. Но в момент записи наш пациент находился в более или менее удовлетворительном состоянии. Правда, подавая отчет в Институт, он почему-то был уверен, что его патрон Хауэлс есть некто по имени Франклин. (Кстати, это попросту искажение моей фамилии — Франкленд; пациента первым делом доставили ко мне). Имя Хауэлса тоже часто мелькало в его бессвязных речах — снова в слегка измененной форме. Его якобы носил капитан — видимо, образ из его казарменных галлюцинаций. Да что там, слушайте сами.

Франкленд нажал кнопку; из колонки донесся неясный шум и голоса (Франкленд объяснил, что беседовали студенты-медики и врач — их руководитель).

— Он все равно не понимает ни слова из того, что ты говоришь.

— Он воображает, будто находится совсем в другом месте, — может, и в ином времени.

— Ну разве он не законченный тип кровосмесителя?

И затем — слегка приглушенный голос (но в том, что это говорил Буш, не было сомнений):

— Ну и где же, по-вашему, я нахожусь?

— Тсс!

— Тише, разбудите всю палату!

— У вас — аномия и галлюцинации, разумеется, это как у всех.

— Но ведь окно раскрыто, — отозвался Буш (как будто эта загадочная фраза все объяснила). — Где же мы, в конце концов?

— В Карфильдской психиатрической больнице.

— Мы давно наблюдаем за вами.

— Ведь у вас — типичный аномический случай.

— Ну вы даете! — послышался снова голос Буша, и тут Франкленд выключил магнитофон. — Печально, очень печально, мистер Буш. В тот момент ваш сын воображал, что находится в армейском бараке; дальше — хуже. Он с каждым днем отдаляется от реальности, а временами становится даже опасен: на днях он набросился на моего ассистента с металлическим костылем. Пришлось на время поместить его в изолятор...

Но тут Джеймса прорвало: он завопил во весь голос, прервав пасторскую тираду Франкленда:

— Тед — все, что я имею! Он не святой, конечно, но он всегда был порядочным человеком и уж точно не замышлял насилия! Он никогда...

— Сочувствую, сочувствую. Конечно, мы делаем для него все возможное...

— Бедняга Тед! Дайте мне хоть взглянуть на него одним глазком!

Не думаю, что это пойдет ему на пользу, — ведь он уверен, что вы умерли.

— Как это — умер?!

А так. Он вообразил, что заимел дело с военными и те взялись поставлять вам виски под странным названием «Черный Тушкан», и вы упились им до смерти. Таким образом, он убил вас (конечно, это он так считает), а вину свалил на других.

Джеймс схватился за голову.

— Аномия... и слово-то какое чудно́е. Я ничего, ничего не понимаю! Такой покладистый мальчик, замечательный художник...

— Да, такое часто случается с людьми этого сорта. — Франкленд, не скрывая своего жеста, посмотрел на часы. — По правде-то говоря, мы надеемся, что искусствотерапия должна ему помочь. Искусство постоянно подмешивается в его галлюцинации. Вы сказали, что ваш сын —

не святой, но он как минимум религиозен. Эти постоянные поиски совершенства, избавления человечества от горестей... А уже находясь в изоляции, он пытался создать модель идеальной семьи, в которой он смог бы наконец обрести умиротворение и покой. У нас есть записи того периода. В этой гипотетической семье ваш сын играет роль отца — тем самым узурпировав ваше право. Отец этот, по-видимому, безработный шахтер. А санитарам и сиделкам он раздал остальные роли.

— Так что же произошло?

— Ему не удалось долго поддерживать иллюзию мира в своей искусственной семье. Его воспаленный мозг требовал крайностей: быть либо охотником, либо добычей, убийцей или его жертвой. Семейная гармония была разрушена первым же бешеным приступом ненависти к самому себе: он символически покончил с собой. А следствием мнимого самоубийства и была идея возвращения во чрево матери — обычная для всех потенциальных кровосмесителей. Теперь он никого не хочет видеть... Вы сами напросились на это, мистер Буш.

— О Господи. Никого не хочет видеть... Но это так не похоже на моего мальчика! Конечно, он был сам не свой до женщин...

Франкленд прыснул в трубочку-кулак:

— «Сам не свой до женщин»! Да ваш сын знает одну только женщину — свою мать, и все представительницы прекрасного пола у него ассоциируются с ней. Он так непостоянен только потому, что боится, как бы женщина не взяла над ним верх.

Джеймс Буш беспомощно скользил взглядом по уже ненавистной ему комнате. Холодные, колючие слова, которым он не вполне верил, да и не совсем понимал, дружными очередями заставили его уйти в себя, забиться в укромный уголок. Желание бежать, бежать отсюда без оглядки почти пересиливало стремление видеть Теда. Какое убежище избрал бы он — долгую спутанную молитву или бутыль доброго виски, — нам неизвестно. А Франкленд все гудел, как испорченная пластинка:

— Во время последнего Странствия по девону — болезнь тогда уже пустила в нем корни — он встретил

женщину по имени Энн. Ей тоже нашлось место в его галлюцинациях. Он все твердит, что она бродит где-то поблизости и вскоре вместе с сообщниками предпримет попытку его отсюда вызволить. Весьма существенно: он сначала убивает ее, а потом, немного погодя, воскрешает. Шекспировская трагедия, по-другому не скажешь. У вашего сына исключительно работает воображение... Но не буду вас дольше задерживать. — Он поднялся, склонив, как дятел, набок голову.

— Вы весьма любезны, мистер Франкленд, — с горечью и отчаянием в голосе проговорил Джеймс. — Но позвольте мне хоть в замочную скважину на него взглянуть! Ведь больше у меня в жизни ничего не осталось!

— Да-да, конечно, — Франкленд вскинул брови в притворном удивлении — и тут же перегнулся через стол, к Джеймсу, конфиденциально подмигнув ему: — Как я понимаю, у вас было что-то с некой миссис Эннивэйл...

— Да, я... миссис Эннивэйл — моя соседка.

— Странно. Странные штуки проделывает сознание с именами. Энн, Эннивэйл, аномия... Вы случайно не знаете, что такое амнион?

— Нет. Ну хоть одним глазком — можно?

— Боюсь, ваше появление огорчит его. Я же говорил вам: он убежден, что вы умерли.

— Но он, может, и не увидит меня!

— Сейчас он работает над новым группажем — мы поставляем ему материалы и поощряем эти занятия: они его успокаивают. Работа поглощает все его время и внимание, но вдруг он обернется и увидит вас?

— Но вы говорили про сильные наркотики...

— Нет-нет, то было вчера. Я так и сказал. А сейчас — право же, мистер Буш, я...

Джеймс понял, что беседа окончена. Он сделал последнюю отчаянную попытку:

— Пожалуйста, разрешите мне забрать его домой! Я буду заботиться о нем и лечить. А вы — лечите ли *вы* его? Что́ пользы ему от вашей белокаменной тюрьмы?

Вмиг посуровев, Франкленд ткнул пальцем в пуговицу Джеймсова плаща:

— Вы, неспециалисты, всегда недооцениваете серьезность психических расстройств. Ваш сын убежден, что время движется вспять! Он больше не верит в вашу Вселенную; его необходимо изолировать от общества. По правде-то говоря, в таких случаях на излечение надеяться нечего. А сейчас я провожу вас до двери, если позволите.

Он подтолкнул Джеймса к выходу и распахнул дверь. В коридоре между тем шла потасовка: тщедушный человек в серой пижаме вырывался из рук двух сиделок. Он громко взывал в главному врачу.

— Доктор Уинлок, немедленно вернитесь в постель! — беспомощно твердила тюремщица в белом халате.

— Прошу меня извинить! — бросил на ходу Франкленд, ринувшись к возбудителю беспорядков. Но не успел он добежать до него, как некто в белом выскочил из палаты с маской хлороформа, прижал ее к лицу взбунтовавшегося пациента и бесцеремонно уволок его в комнату.

Хлопнула дверь.

Пунцовый Франкленд обратился к Джеймсу:

— У меня много работы, мистер Буш. Не сомневаюсь, что выход вы найдете сами.

А что еще оставалось делать?

Карфильдская больница снаружи была обнесена глухой стеной. Автобусная остановка находилась у самых главных ворот. Всего лишь две пересадки — и Джеймс дома. Но автобусы почти не ходили. Вот уже второй день, не прекращаясь, сеял промозглый дождь.

Шляпу Джеймс забыл дома. Он обернул голову шарфом, поднял воротник и зашагал к воротам.

Франкленд, несомненно, разбил его наголову. В следующий раз нужно потребовать взглянуть на последний группаж Теда.

Все это так тоскливо, так тягостно!

Никого не хочет видеть! Нет, они с Тедом не потеряли и не потеряют друг с другом связь. Если кого и винить, то только Лавинию.

Нет, это несправедливо: все дело в этом треклятом времени, в которое им выпало жить.

Шел он долго. Ботинки промокли насквозь, отяжелевшие брючины липли к ногам. Придется принимать дома горчичную ванну, а не то предстоит слечь недели на две, не меньше... Какой смысл рождаться и жить в такой вот эпохе, если... Господи, в безграничном милосердии своем опусти взор на нас!

Охранники лязгнули замком ворот за его спиной. Джеймс, понурив голову, побрел по слепой улице вдоль стены к остановке. Он ничего не видел вокруг, а потому не заметил хрупкую девушку, прислонившуюся к дереву; капли дождя стекали с ее распущенных соломенно-желтых волос. Она могла бы коснуться его, когда он проходил мимо.

Господи, в безграничном милосердии своем...

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ПЛАНЕТА

Рассказы

Пункт Наблюдения был спрятан глубоко под Манхэттеном. Пять установок сканирования, построенных по проекту Мастера Боффа, постоянно меняли свое положение, подчиняясь строгой математической логике.

Главный Наблюдатель — он охотно откликался на имя Эйлер — терпеливо вглядывался в экраны, ожидая, когда поступит информация. Самообладание и выдержка — вот главный жизненный принцип. Им должны были бы руководствоваться любые разумные существа, в том числе и машины. На пункте Наблюдения царили порядок и гармония, а не более чем в трех милях от него роботы-дикари буйствовали в зарослях кустарника.

Бета-панель осветилась янтарным светом.

Эйлер мгновенно ответил на вызов.

Сообщение гласило: «Местонахождение Андерсена известно, шеф».

Анонимный информатор выдал координаты и отключился.

Понадобилось семь дней, чтобы определить местонахождение Андерсена. Они поступали вполне логич-

но, разыскивая беглеца на периферии. Но человек действовал вопреки логике, он не покидал Нового Йорка. Эйлер послал сообщение по высокочастотному каналу и объявил розыск.

Он включил двигатели и взлетел.

Сканеры зевнули его. Он свободно планировал над небоскребами Нового Йорка, наблюдая через прозрачные стены, как копошится внутри жизнь. Он мог бы войти в любой дом, а если понадобится, подчинить своей воле любого, кого он захочет, так же, как он сам обязан подчиняться командам Координатора.

Эйлер принял сигнал и пошел на снижение, выбирая место для посадки.

Информатор пропищал свой номер и передал сообщение: «Андерсен в восьмистах метрах отсюда, шеф. Если вы присоединитесь ко мне, я вам покажу его».

Какая у нас поддержка? — был послан запрос.

- Еще трое таких же безногих молодцев, как я. Плюс неисправная инвалидная коляска.

— Человека нужно взять живым.

— Мы понимаем, шеф.

Обмен сигналами занял меньше микросекунды.

Он примагнитил себя к небольшому роботу, снабженному колесами, и они покатили вперед.

Заросшая сорняками земля была вся изрыта и засыпана обломками. Под толстым слоем почвы лежали развалины Старого Йорка, и серая, застывшая, как лава после землетрясения, земля все еще находилась во власти окаменелого обломка — отжившего свое города. И только яркие современные здания оживляли пустыню.

Колесный робот остановился, опасаясь, что их присутствие будет замечено. Эйлер отсоединился от робота и перешел в другое состояние — полной прозрачности. Он вытянул четыре телескопические ноги, которые подняли его над землей, и осторожно двинулся вперед.

Этот район назывался Свалкой, чем он в сущности и являлся. Местность представляла собой искусственное плато, возникшее из обломков старой технологии гуманоидов. Спустя сорок лет после того, как была превращена в утиль старая цивилизация, ее останки засыпали

землей, на которой были возведены корпуса современных зданий. Новое рациональное мышление победило окончательно. Но под слоем почвы, словно в подсознании, жили, как смутные сны, старые верования и догмы, прежде составлявшие едва ли не главную сущность гуманоидной расы.

Эйлер осторожно продвигался вперед по истерзанной земле, нащупывая ногами неровности. Когда он замечал какое-то движение, он останавливался, чтобы осмотреться.

На свалке вновь были построены дома, похожие на те, в которых когда-то жили люди. Это была пародия на человеческие жилища. Присмотревшись, Эйлер увидел, что дома были изготовлены из мусора, найденного на свалке. Вместо окон — автомобильные двери, вместо дверей — металлические панели, выдранные из компьютеров, а ступеньки — из сгоревших тостеров. На улицах, проложенных между домами, на авеню, похожих на декорации из древних мюзиклов, кривлялись жуткие существа. Хлоп-топ, топ-хлоп, дзынь-дринь, дринь-дзынь...

Они исполняли медленные ритмические танцы, которые сопровождались вихлянием бедер, покачиванием голов, хлопками, топаньем, бряцанием... Одни выглядели как уродливые подобия мужчин, другие были похожи на уродливых женщин. Во всех окнах торчали неотрывно следящие за танцами страшилы...

Это были человекоподобные роботы, сконструированные еще людьми в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Они были совершенно бесполезны в полностью автоматизированном обществе и выброшены на свалку, когда со старыми технологиями было покончено. Но пока не кончился заряд питавшей их энергии, они продолжали функционировать в одном из последних гетто.

Невидимый Эйлер продирался через толпу роботов, высматривая Андерсена. Человекообразные роботы подражали исчезнувшей расе, с которой они когда-то сосуществовали бок о бок. Они носили старую человеческую одежду, а вернее сказать, отдаленно напоминавшее одежду тряпье, подобранное на свалке, шляпы и котелки из консервных банок, держали в руках курительные трубки, изготовленные из обрезков шлангов, украшали себя при-

ческами а-ля «конский хвост» из пакли, перевязанными изоляционными ленточками. Свою электронную память они периодически оживляли старыми кинолентами, в изобилии валявшимися на свалке. Механическими жестами они копировали движения давно исчезнувших теней, имитировали чувства, заставлявшие учащенно биться человеческие сердца. Они были о себе высокого мнения и ставили себя даже выше роботов, которые вытеснили их.

Андерсен нашел пристанище среди них. Он прятал человеческую кожу, кости и волосы, обмотавшись связками консервных банок и одевшись в стальную броню, для которой он использовал заржавевший бидон. Он пытался замаскироваться под человекообразного робота, но Эйлера трудно было провести. Тот сразу понял, что это человек, когда увидел фигуру, стоявшую в проеме псевдодвери. Эйлер поднялся в воздух и, подлетев ближе, направил на человека парализатор и произвел выстрел. Затем он сбросил вниз сеть и ловко подцепил обмякшее тело.

Кто-то ударил в колокол, предупреждая об опасности. Остановив танец, человекороботы спасались бегством, производя жуткий шум, бряцая и громыхая железом. Они зарывались в землю, со страхом следя за почти невидимой маленькой фигуркой, которая, негромко жужжа, возвращалась в Наблюдательный пункт с захваченным ею человеческим существом — спутанное сетью тело человека беспомощно моталось в воздухе, под крылом парящего робота. Старый колокол продолжал скорбно гудеть, его голос звучал долго после того, как сцена опустела.

В комнате царил мрак, совершенно непроницаемый для человеческих глаз.

Десятый Координатор выставлял себя в Новом Йорке в качестве огромной настенной надписи, вызывающей эстетическое наслаждение у истинных знатоков, которые пропускают свои ощущения через ультра- и инфрафильтры. Это стало имиджем Координатора.

Главный Наблюдатель Эйлер не рассчитывал на то, что он немедленно будет вызван Координатором. Он тер-

пеливо ждал. Андерсен валялся на полу, в куче консервных банок, из которых он пытался сделать рыцарские доспехи, — они не спасли его. Он медленно приходил в себя после парализующего укола.

Координатор сказал:

— Их зрение способно функционировать в диапазоне световых волн от 4 до 7^{-5} сантиметров.

Эйлер послушно надавил на стенную панель, и в комнате зажегся свет. Андерсен приоткрыл один глаз.

— Я полагаю, ты знаешь о людях, Наблюдатель? — задал вопрос Координатор.

Он использовал голос. Это были не просто звуки, которые в состоянии уловить человеческое ухо, а звучный и сочный человеческий голос.

Город не слышал человеческих голосов с тех пор, как гуманоидам поддали коленкой под зад.

— Я... мне кажется, знаю о людях более чем достаточно, — произнес Эйлер, используя для переговоров привычный высокочастотный канал. И звучал человеческий голос, кстати, гораздо приятнее для слуха, когда он был пропущен через частотный фильтр. — Эта кучка дерьма, которая валяется здесь на полу, стоит дороже, чем весь исчезнувший человеческий род. Банк Мастера Боффа обещал в случае поимки выложить кругленькую сумму.

— Используй только человеческую речь, если можешь.

Он мог. Во время операции по поимке человека он потратил 2,4 секунды на изучение местного диалекта, на котором в стародавние времена общались ньюйоркцы.

— Ну что ж, Наблюдатель, прекрасно. Тогда мы сможем побеседовать конфиденциально.

Эйлер почувствовал при этих словах, что в нем родилось ощущение дискомфорта.

— Ни один из миллионов роботов, кишащих в муравейнике, не сможет вмешаться в нашу беседу, Наблюдатель.

— Какую вы преследуете цель?

— Люди были такими замкнутыми, скрытными созданиями. Попробуем подражать им, чтобы лучше понять. Нам необходимо понять Андерсена.

Эйлер произнес натянуто:

— Он должен быть возвращен в зоопарк.

— Андерсен слишком хорош для зоопарка. Его не могли изловить после побега в течение семи суток. Он мог бы пригодиться нам.

Выдержав паузу, Эйлер хмыкнул недоверчиво.

— Все правильно. Если бы я был человеком, у меня тоже были бы все основания не доверять вам. Но послушайте, существует реальная опасность для всей мировой системы. Взять, к примеру, вас... Вы имеете собственные позывные, инвентарный номер, однако вам нравится называть себя Эйлером, и роботы, находящиеся в вашем подчинении, тоже называют вас по имени. Почему?

Главный Наблюдатель пытался вникнуть в смысл сказанного.

— Помимо инвентарного номера лидер должен иметь какие-то отличия, может быть, необычные позывные, а лучше имя. Это вполне разумно.

— Да. Вам имя необходимо, чтобы подчеркнуть свою обособленность, индивидуальность, если хотите. Но вашим подчиненным ничего этого не нужно. Они ничего не хотят знать о вас, кроме инвентарного номера и позывных, закрепленных за вами и указанных в реестре. Вы создаете помехи в работе, загружая мозги роботов лишней информацией. Вы взяли себе человеческое имя, не осознав всей опасности... Многие так поступают, не отдавая себе отчета в возможных последствиях... Имена пришли к нам из прошлого... Было время, когда человекороботам также давали имена. Мы должны порвать с прошлым раз и навсегда.

— Я допустил ошибку.

— Вы прослушали сводку новостей, которые передавались по инфраспектрканалу, а?

— Мне было не до новостей. Слишком много работы. Тогда слушайте.

Десятый Координатор включил запись сводки новостей, переданных сегодня по каналу А.

«Цивилизация стоит на пороге революционных преобразований. Как известно, истощение угольных пластов и

месторождений нефти вынудило пойти на дорогостоящие и крупномасштабные исследования в области энергетики. Особенно перспективными оказались исследования, связанные с практическим использованием сверхвысоких частот. Энергетика получила мощный импульс. Но наиболее впечатляющими оказались достижения в области сверхдальней связи. С помощью высокочастотных лазерных антенн удалось открыть новые, неведомые миры, о существовании которых раньше и не подозревали. Созданы принципиально новые космические аппараты. Освоение космоса открывает новые горизонты, готовит прорыв в сферу сверхновых технологий. Мы движемся гигантскими шагами. Давно ли был запущен первый космический разведчик, а сегодня их количество достигло восьмисот девяноста штук. Сегодня мы с гордостью можем сообщить, что шесть разведчиков вернулись обратно и сейчас полным ходом идет работа по дешифровке и обработке собранных данных».

Интересно, что они там увидели. Подождем, когда будут расшифрованы записи. Космос — это богатейшая кладовая, но не так-то просто подобрать к ней ключи. К сожалению, наши энергетические ресурсы по-прежнему ограничены. Космические исследования, безусловно, будут продолжены, а энергетики столкнутся с необходимостью жесткого регулирования потребления. Вероятно, половина городов-муравейников будет отключена от источников питания.

Ход рассуждений Десятого был пока неясен Главному Наблюдателю.

— Все логично. Роботов-муравьев плодится слишком много. Но необходимость жертвовать личными интересами, а если понадобится, то и собой, во имя высоких общественных целей никогда не будет понята одиночкой.

Это типичная человеческая черта, которая досталась нам в наследство. Потому и закончились неудачей попытки человека прорваться в космос, найти новые стимулы, достичь новых рубежей и спасти таким образом одряхлевший человеческий род, что все попытки встречали отчаянное сопротивление примитивов-индивидуалов. Они ничем не хотели жертвовать, ни в чем не соглашались

урезать свои права. Андерсен — типичный бунтарь-одиночка. Живой представитель рода человеческого. Нужно понять, что это такое... Следовательно, не стоит спешить отправлять его обратно в зоопарк. Есть смысл какое-то время подержать его у вас.

— Будет исполнено.

— Андерсен — особый человек, видишь ли... Он — в нашем лексиконе это слово отсутствует — он, выражаясь человеческим языком, писатель... В том зоопарке, где он содержался, из приблизительно двадцати тысяч человек таких, как он, еще двое или трое. Андерсен написал фантастическую повесть как раз накануне Атомной Недели. Мне кажется, повесть сможет дать ответы на многие вопросы и продвинет нас в наших исследованиях. Я только что раздобыл книгу и немедленно приступаю к чтению.

Большую часть времени, пока две машины вели откровенный разговор, Андерсен, разлегшись на полу, слушал, притворяясь спящим. Он занял почти всю камеру. Она была слишком мала для него. Если бы он встал на ноги, голова уперлась бы в потолок. А для роботов это было вполне нормальное по габаритам, даже просторное помещение. Из-под полуопущенных век он изумленно смотрел на экран, на котором застыло изображение Десятого Координатора. Он разглядывал Главного Наблюдателя, который, стоя на его левом, слегка сжатом кулаке, готов был тотчас же всадить иглу с парализующей жидкостью, как только человек предпримет какие-то активные действия. Итак, человек и карауливший его робот оставались совершенно неподвижными, и оба спокойно прочитали название книги, появившейся на экране. «НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ПЛАНЕТА»

Так называлась фантастическая повесть Андерсена, увидевшая свет накануне Атомной Недели. Десятый координатор решил, что Эйлеру тоже полезно будет ознакомиться с книгой.

Коридоры Департамента Планетарных Исследований были длинными, ожидание в них, как правило, было долгим. Гуманоид К. Д. Андерсен мял в руке голубоватый

клочок бумаги — повестку с приглашением явиться — и, неловко притулясь к стене, с тоской вспоминал о былых днях, когда правительство состояло из людей и департаменты были настолько цивилизованны, что понимали состояние человека, ожидающего решения своей участи. Ожидание в просторном холле в мягком кресле не казалось таким тягостным.

Когда наконец его пригласили в Службу расследований, его моральный дух упал до нулевой отметки. Его настроение не улучшилось и при виде Следователя, одного из тех, кто пришел на смену людям в этом и других отделах.

— Я Следователь Парсонс из Службы безопасности планетарной системы Нехри II. Мы пригласили вас сюда, потому что рассчитываем на вашу помощь, мистер Андерсен.

— Разумеется, я сделаю все, что могу, — пообещал Андерсен. — Но я уверяю вас, что никогда ничего не слышал о Нехри II. Люди практически лишены возможности совершать космические путешествия, для нас это нереально, не так ли? По крайней мере в настоящее время.

— Вам, очевидно, было бы небезынтересно узнать, что мы готовы отправить вас на Нехри II в самое ближайшее время.

Андерсен изумленно уставился на робота. Безразличное лицо последнего было настолько невыразительно, что казалось невозможным предположение, что он получает садистское удовольствие, видя, в каком шоке находится Андерсен.

— Я преподаю древнюю историю в институте, — пытался протестовать Андерсен. — Я ничего не знаю о Нехри II.

— Тем не менее вы классифицируетесь как Ученый, состоите на службе у Мирового Правительства, которое оплачивает ваши труды. У Правительства есть законное право командировать вас в любую точку вселенной. Что касается вашего утверждения, что вы ничего не знаете о Нехри II, то тут вы пытаетесь обмануть меня. Один из преподавателей вашего института, хорошо известный вам

и чтимый вами доктор Арльбластер, несколько лет назад поехал туда, чтобы поселиться навсегда.

Андерсен вздохнул. Он слышал о такого рода историях, случавшихся с другими людьми, и всегда держал пальцы скрещенными, чтобы избежать дурного глаза и несправедливых нападок судьбы. Увы, человеческие судьбы давно были под эдиктом роботизированных служб.

— Ну и чем теперь занят Арльбластер и как мне следует держаться с ним? — спросил он.

— Вас отправят на Нехри II, чтобы вы помогли нам установить, что случилось с ним. По легенде, с которой вы должны будете ознакомить каждого, кого это интересует, вы командированы институтом для изучения истории планеты. Вас выбрали для этой работы, потому что вам проще всего будет наладить контакты с доктором. Вы ведь были его любимым учеником, не так ли?

Достав из кармана пачку сигарет, Андерсен, прежде чем закурить самому, машинально протянул пачку Следователю, угощая сигаретой.

Фрэнк Арльбластер попал в беду?

— На Нехри II порой случаются ситуации, когда можно попасть в неприятную историю, — осторожно согласился Следователь. — Вас посылают именно затем, чтобы вы попытались выяснить причины возникновения таких ситуаций.

— Ну конечно, я полечу, если мне прикажут. Но я так и не понял, чем я смогу быть вам полезен. Если люди на планете попадают в криминальные ситуации, направьте туда корабль с роботами-полицейскими.

Следователь усмехнулся. У него была очень теплая, можно сказать, живая улыбка.

— Мы уже потеряли там два патрульных корабля с экипажами, состоящими из людей, и несколько превосходно обученных роботов-полицейских. Местные жители очень враждебно относятся ко всем, кто хочет посетить планету, но особенную ненависть они испытывают к роботам. Тут нужен человек, к тому же неординарный во всех отношениях. Мы остановили свой выбор на вас, мистер Андерсен.

Дорога сделала поворот, и начался спуск в долину. Городок Свиттенхам, единственное крупное поселение на Нехри II, лежал в излучине извилистой реки. По мере того как автомобиль, в котором сидел Андерсен, все глубже и глубже погружался в пыльное облако, низко висевшее над долиной, температура воздуха становилась все выше и выше. Жара убаюкала город, и он безмятежно спал, истомленный зноем, как ребенок в колыбели. Андерсен уже весь покрылся испариной и протянул руку ко лбу, чтобы вытереть пот, но вдруг затормозил резко, пораженный увиденным.

Небольшое животное стояло на обочине дороги.

У него было четыре неуклюжие ноги, мощная грудь и спина, обросшие густой косматой шерстью, удлиненный череп был украшен двумя рогами, причем передний был не короче фута.

Заметив Андерсена, животное прыгнуло в сторону и, шумно топоча, скрылось в кустах.

— Эй, — крикнул Андерсен.

Резко отбросив дверцу, он выскочил на дорогу, прихватив с собой пистолет, и кинулся в заросли кустарника, пытаясь настичь животное. Ему показалось, что он повстречался с детенышем шерстистого носорога. Любой первобытный человек поступил бы точно так же, как он. Эти животные были безжалостно истреблены и на Нехри II, и на Сол III. Он продолжал погоню. Шерстистый носорог — если это был он — удирал в сторону Свиттенхама. Скоро он скрылся из виду.

Раздосадованный тем, что животное исчезло, Андерсен медленно продвигался по склону. Его внимание привлекли два огромных валуна. Вероятней всего, это были обломки скалы, сброшенные в долину снежными лавинами.

Ничто вокруг не нарушало сонной тишины, Планета медленно плыла по своей орбите. Неторопливый, вялый день продолжался здесь двадцать девять часов, и к концу дня ощущение какой-то апатии обычно усиливалось. На планете сутками лил дождь. Но Свиттенхаму в этом смысле сильно повезло. Он спрятался за горным хребтом, и облака проливались дождями на горных склонах, а в до-

лине осадков выпадало не так уж много, хотя и было влажно и душно, как в тропиках.

Андерсен обогнул один из валунов.

Выглянув из-за камня, на него уставилась свирепая рожа. Маленькие, близко посаженные глазки сверлили его, а через мгновение из рук Андерсена был выбит пистолет.

Андерсен отскочил. Он встал в боксерскую стойку. Но тот, кто напал на него, не пытался пока развить свой успех. Его бицепсам, которые рельефно обрисовывались под загорелой бронзовой кожей, мог бы позавидовать чемпион мира по боксу. Бульдожья челюсть сильно выдавалась вперед. По всему чувствовалось, что это опытный драчун. Андерсен решил, что не стоит связываться с аборигеном.

— Я и не думал охотиться на вас, — миролюбиво сказал Андерсен. — Я преследовал животное. Я, должно быть, напугал вас, когда внезапно появился с ружьем? О'кей?

— О'кей, — отозвался эхом абориген.

Не приходилось сомневаться, что до него дошел смысл сказанного. Протянув волосатую руку, он внезапно схватил Андерсена за запястье.

— Пойдем в Свиттенхам, — прорычал он.

— Именно туда я и направляюсь, — сердито сказал Андерсен, пытаясь вырвать руку из железной клешни аборигена. — Там на холме моя машина, а в ней моя сестра. Если вы будете так любезны и отпустите меня, я вернусь к ней.

— Сходишь за ней позже. Пойдем в Свиттенхам, — сказал несговорчивый парень.

И он с решительным видом свернул в лес. Андерсен тащился рядом, как побитая собака. И довольно скоро в просветах между деревьями показались первые постройки.

Свиттенхам представлял собой два подковообразных ряда домов — один внутри другого. Довольно-таки неказистые бунгало наружного ряда смотрели окнами на реку, которая делала в этом месте петлю. Постройки внутреннего ряда, выглядевшие более привлекательно, выходили фасадами на большую пыльную площадь. Абориген, про-

должавший удерживать руку Андерсена в своей клешне, остановился посреди площади и стал криками созывать народ.

Вокруг сразу собралась небольшая толпа. Мужчины и женщины, обступившие их, молча уставились на Андерсена. Вид у них был угрюмый. Длинные волосы, незнакомые с расческой, ниспадали на низкие лбы. Нижние челюсти по-бульдожьи выдавались вперед. От обнаженных тел исходил неприятный сильный запах.

— По всей видимости, у вас сейчас не так уж много приезжих, — попытался завязать разговор Андерсен.

Иногда ему казалось, что все происходящее с ним приснилось и развеется как дурной сон.

Совсем близко отсюда, на склоне горы, его ждала ракета, и он многое бы сейчас дал за то, чтобы снова очутиться в ней.

Андерсену было известно, что Свиттенхам возник как колония интеллектуалов, недовольных всеобщей машинизацией... Машина превратит человека в своего раба, а потом и вовсе выкинет на свалку, утверждали яйцеголовые.

Однако Андерсен пока не разглядел в толпе ни одного интеллектуала.

— Откуда ты прилетел? — спросила его одна из человекообразных обезьян. — Ты землянин?

— Да, я был рожден на Земле и собираюсь опять туда вернуться. Я прибыл с научными целями и хотел бы немного пожить с вами, если вы не возражаете.

— Что изменилось на Земле? — спросила молодая женщина. Андерсен готов был признать за ней своеобразную дикую красоту, выделявшую ее из обезьяньего стада. — Войны все еще продолжаются?

— Да, — ответил Андерсен. — Горячих точек на планете, к сожалению, становится с каждым днем все больше. Я думаю, у вас накопилось много вопросов, и я с радостью отвечу на них, но чуть позже, а сейчас мне бы хотелось встретиться с Фрэнком Арльбластером. Кто-нибудь покажет мне его дом?

Его последняя фраза вызвала дискуссию. Ясно было, что произнесенное им имя было знакомо толпе. Но никто и не подумал откликнуться на его просьбу.

— Он не захочет тебя видеть, — сказал кто-то.

— Все как раз наоборот. Я его любимый ученик, и он будет счастлив видеть меня. Покажите мне, где он живет, а об остальном позабочусь я сам.

Парень, который привел Андерсена — его звали Элл, сказал упрямо:

— Он — Ворона.

— Конечно, он — Ворона, — поддержал его еще один грубый голос, — отведите его лучше к Мендерстону.

То, что они говорили по-английски, пусть даже и с жутким акцентом, проглатывая половину звуков, было спасением.

— Вы имеете в виду Стенли Мендерстона? — спросил Андерсен. Литературный критик, статьи которого были ему хорошо известны, стал одним из первых колонистов, прибывших на Нехри II.

— Мы отведем тебя к нему, — сказал один из дружков Элла, толкнув Андерсена в плечо. Потеряв интерес к землянину, жители городка разбрелись по своим норам, вернувшись в прохладную тень. Обливаясь потом, Андерсен и его конвоиры двигались вдоль цепочки домов, к последнему в ряду.

Даже у собак, прятавшихся в тени редких деревьев, не было сил их облаивать. И только жирные мухи разнообразили гнетущую тишину, звеня тяжелыми крыльями над кучами испражнений. Андерсен поднял глаза вверх и посмотрел на горы, окружившие долину, — они были прекрасны.

За те двадцать лет, что прошли с того дня, когда Мендерстон закончил постройку своего дома, он не стал краше. Штукатурка потрескалась и местами обвалилась, металлические оконные рамы покрылись ржавыми пятнами, а стекла были такие грязные, что легко было предположить, что за двадцать лет они ни разу не мылись.

Дружок Элла распахнул дверь, ударив ее ногой. Не дождавшись окончания спектакля, мускулистые ребята исчезли, бросив Андерсена на ступеньках дома. Он обернулся — бронзовые спины были уже далеко.

Внезапно Андерсен почувствовал, что в грудь ему уперлось ружье. Приглядевшись, он увидел в черном дверном проеме человека, под высоченным лбом которого поблес-

кивали стеклами старомодные очки. Это был, что называется, типичный случай. Такой красивой формы голова, лишенная каких-либо признаков растительности, могла принадлежать только яйцеголовому.

— У вас есть ко мне какое-нибудь дело? — спросил Мендерстон.

— Меня зовут К. Д. Андерсен, если вам что-то говорит мое имя. Ваши друзья посоветовали мне обратиться к вам.

— Кто-кто? Мои друзья? Если не хотите, чтобы я сделал в вас дырку, выбирайте слова тщательней.

— Послушайте, мистер Мендерстон. Словесные упражнения — это то, что интересует меня сейчас меньше всего. Я хотел бы просить вас о помощи.

— Вы, вероятно, недавно прибыли с Земли, иначе вам не пришло бы в голову обратиться за помощью к совершенно незнакомому человеку. Алиса! — позвал он кого-то, находившегося в доме. Тотчас из-за его плеча выглянуло женское лицо.

— Добрый день, мадам! — Андерсен решил, что с женщиной договориться будет проще. — Мне неловко вас беспокоить, но у меня возникли некоторые проблемы. Может, мы поговорим в доме? Я только что прилетел на Нехри II и плохо разбираюсь в местных условиях.

— Господи Иисусе! Я уж забыла, как прекрасно это звучит, «добрый день, мадам». Конечно, вы можете войти.

— Здесь я решаю, кого можно впускать в дом, а кого нет.

Мендерстон по-прежнему загораживал проход, держа наготове ружье.

— Ну так и решай поскорее, старый пень. Впусти человека.

Мендерстон неохотно отодвинулся, и Андерсен оказался наконец внутри. Алиса провела его в большую комнату, служившую одновременно кухней, гостиной и спальней. У входа печь, за нею кровать, а посредине стол и несколько стульев. Обежав быстрым взглядом комнату, Андерсен сделал мысленную попытку понять, что из себя представляют хозяева. Мендерстон был не слишком большого роста, с коротковатыми руками и ногами, но красиво вылепленная голова привлекала внимание. В чертах ум-

ного, волевого лица сквозила значительность. Чувствовалось, что он принадлежит к разряду сильных личностей. Эта порода почти уже вымерла на Земле. Такой человек мог бы понравиться Андерсену, если бы он только обуздал свою враждебность.

Алиса казалась проще и доступней. Она была моложе Мендерстона. У нее была изящная фигура, миловидное лицо и забавная привычка, разговаривая, наклонять голову набок, отчего она становилась похожей на маленькую птичку.

Андерсен решил, что она симпатизирует ему, и поэтому, игнорируя Мендерстона, он напрямую обратился к ней. Это было ошибкой.

— Я хотел бы объяснить причину своего появления на Нехри II. Помимо чисто научных задач, которые мне предстоит здесь решать, у меня есть еще личное дело. Мне бы очень хотелось увидеть моего старого друга и учителя Доктора Фрэнка Арльбластера. Если бы ваш муж спокойно выслушал меня...

Мендерстон не дал Андерсену закончить.

— Раз уж вы проникли в мой дом, то мне хотелось бы, чтобы вы кое-что уяснили для начала. Алиса не жена мне, следовательно, я не являюсь ее мужем. Она живет со мной, потому что в Свиттенхаме не нашлось никого получше. Это очень маленький город. Мы заключили что-то вроде договора о совместном проживании, что ничуть не хуже, чем законный брак. У меня такой взгляд на данный предмет.

— Мистер Андерсен и я были бы вам весьма признательны, если бы вы отказались на время от вашего эгоцентризма, — сказала Алиса, не спуская с Андерсена птичьих глаз. Она взяла Андерсена за руку, подвела к удобному креслу, а сама устроилась рядом на стуле.

— Кто вам выдал разрешение на посещение Нехри II? — как бы между прочим поинтересовалась она. — Мне кажется, вы плохо себе представляете, что тут творится.

— Не могли бы вы мне объяснить, откуда тут взялось это обезьянье стадо? Я думал, что окажусь в колонии, где собраны сливки интеллектуальной элиты, и вдруг попадаю в обезьяний питомник.

Ему хотелось бы поучаствовать в дискуссиях о Канте, о нравственности, о либидо, Фрейде и сексуальной революции, — бесстрастно прокомментировал Мендерстон.

— Да, я действительно рассчитывал, что окажусь среди гомо сапиенс.

Андерсену начинала уже надоедать вся эта комедия.

— Что вам известно о Фрэнке Арльбластере? Зачем вам понадобился Арльбластер? — сердито спросил Мендерстон.

Все. Все. На сегодня кончили. Пресс-конференция несколько затянулась, — сказал Андерсен, вставая с кресла. — Вы были очень добры, мадемуазель Алиса, пригласив меня в дом. С удовольствием заскочу к вам как-нибудь еще. Я уверен, что у нас найдутся общие темы. А сейчас я должен оставить вас. У меня на дороге брошена машина, а в ней дожидается моего возвращения моя сестра Кей. Как вы думаете, мне не будут чиниться какие-то препятствия, когда я попытаюсь выйти из города?

Алиса и Мендерстон одновременно посмотрели друг на друга. Взгляды их были достаточно красноречивы. Неожиданно Мендерстон протянул свое ружье Андерсену.

— Возьмите это. Никто не причинит вам вреда, если вы будете вооружены. Держите ружье наготове. Забирайте вашу машину и приезжайте с сестрой сюда.

— Большое спасибо. Но я предпочел бы найти свой пистолет, который я потерял в лесу. Я к нему привык, а в антиквариате я разбираюсь плохо.

— До леса еще нужно дойти. Я вам настоятельно советую взять мое ружье. Здесь его все знают и относятся к нему с должным уважением. Вы даже представить себе не можете, в какое дьявольски опасное место вы попали. Идите к машине и немедленно возвращайтесь. Постарайтесь по дороге ни на что не отвлекаться и ни во что не ввязываться. Когда вы вернетесь, мы вам кое-что объясним.

Андерсен взял ружье и взвесил на руке. Оно было тяжелое, но ложе хорошо ложилось на ладонь, а отполированное дерево старинного приклада приятно было ощутить плечом. Ружье было вычищено, механизм смазан, о

нем заботились и содержали в идеальном порядке, чего нельзя было сказать о доме Мендерстона.

— А вы часом не драматизируете ситуацию, Мендерстон? Ведь жизнь на Земле сейчас тоже далека от совершенства. Землянина на его родной планете подстерегает ничуть не меньше опасностей, чем на Нехри II. Ничего, мы привыкли. Например, мы привыкли к войнам. Нас не заставляет трястись от страха мысль о том, что, ничего не поделаешь, на войне могут и убить.

— Напрасно вы иронизируете, — сказал Мендерстон. — И перестаньте бравировать своей напускной смелостью. Еще каких-нибудь полчаса тому назад у вас от страха тряслись все поджилки.

— Что вам известно об Арльбластере? — повторила свой вопрос Алиса.

— Кое-что известно. Я был одним из его последних учеников. Это был настоящий ученый, фанатично преданный своему делу. Во время раскопок, которые велись в восьмидесятые годы на северном побережье Франции, им был найден череп первобытного человека. По всем существующим теориям, ему должно было быть около ста тысяч лет, но радиоизотопные исследования, проведенные со всей тщательностью, свидетельствовали в пользу того, что костям всего лишь несколько сотен лет. Этот факт казался совершенно необъяснимым. Разгорелись споры. Раздались голоса, которые недвусмысленно обвинили профессора в подтасовке научных данных. Арльбластер прервал исследования и ушел из института. В научных кругах его уход был воспринят неоднозначно. Мировое Правительство отнеслось к его отставке весьма неодобрительно. Фрэнк был очень одинок в то время.

— Ну а вы как расценили его поступок? — спросил Мендерстон. — Как признание своего поражения?

— Жизнь — это борьба, — сказал Андерсен. — Либо вы с мечом в руках прокладываете себе дорогу, либо... Арльбластер не был готов к борьбе, и он сбежал в Свиттенхам, как только узнал о том, что здесь возникла колония интеллектуалов, недовольных современным общественным устройством. Он живет по соседству с вами. Как он?

— Я полагаю, что с уверенностью можно сказать лишь одно — что он жив, — сказал Мендерстон.

— Но он очень изменился с тех пор, когда вы встречались с ним на Земле, — сказала Алиса и засмеялась.

Мендерстон присоединился к ней.

— Ну, мне пора идти, — сказал Андерсен.

Ему все меньше и меньше нравилась эта парочка и та ситуация, в которой он очутился.

Он взял ружье и вышел на площадь. Солнечный свет пробивался через дыры, зиявшие в облачном покрывале. День начал клониться к вечеру. От домов и редких деревьев протянулись по земле длинные кирпично-красные тени. Жара по-прежнему стояла немилосердная.

Кое-где у домов, в тени навесов, в горячей пыли, сидели на корточках люди, больше похожие на обезьян.

Не сводя с них глаз, Андерсен пересек главную площадь, вышел из города и направился к холму. Никто не увязался за ним. Когда наконец деревня исчезла из поля зрения, Андерсена охватило сильное беспокойство. Он пошел быстрым шагом, а потом перешел на бег. Он прикинул мысленно расстояние — машина и сидящая в ней сестра были где-то уже совсем близко. Он закричал что было мочи:

— Кей... Кей...

Ответа не было. Причина, возможно, заключалась в том, что тяжелая атмосфера препятствовала распространению звуковых волн. Он срезал путь, поднявшись на холм по склону, тому самому, где он преследовал шерстистого носорога. Машина стояла там, где он ее оставил. Но внутри никого не было. Кей исчезла.

Держа наготове ружье, он обошел вокруг машины. Надрывая глотку, кричал — звал сестру. Ни звука в ответ. И никаких следов ни у машины, ни на обочине, ни на дороге. Ясно было только одно, что Кей похищена. И несомненно также было то, что на всей планете не было другого места, кроме Свиттенхама, где следовало искать сестру.

Он сбежал вниз к двум валунам, где судьба столкнула его с Эллом. Он быстро нашел свой пистолет, валявшийся на земле, и вернулся к машине. Он был весь мокрый от пота, когда вторично взобрался на холм. Сел в машину,

завел двигатель и, медленно набирая скорость, покатился вниз, под гору.

Остановившись на площади, он вышел из автомобиля и подошел к людям, сидевшим в тени.

— Где моя сестра? — громко крикнул он. — Что это вы затеяли?

Кто-то ответил из полутьмы, прокаркав лишь одно слово:

— Ворона.

И кто-то еще крикнул, подражая крику мерзкой птицы:

— Ворона.

Разгневанный Андерсен прицелился в одну из настоящих ворон, сидевших на засохшем тополе, и нажал на спусковой крючок. Раздался громкий выстрел. Все живые существа, находившиеся поблизости, немедленно снялись со своих мест и попрятались в дыры, щели и закоулки, а вороны улетели. Андерсен подошел к дому Мендерстона, ударом ноги распахнул дверь и вошел. Мендерстон ел очищенное от кожуры яблоко и не перестал двигать челюстями, увидев на пороге гостя.

— Мою сестру похитили, — сказал Андерсен. — Где тут у вас полицейский участок?

— Ближайший полицейский участок находится на Земле, — сказал Мендерстон, дожевывая яблоко. — Там власть полиции, в которой служат роботы, простирается от полюса до полюса. Там у вас людьми командуют роботы, а у нас на Нехри II анархия — мать порядка. Наверное, это ужасно, но, на мой взгляд, лучше, чем тот порядок, которому подчиняетесь вы. Мой вам совет, Андерсен, и отнеситесь, пожалуйста, к нему серьезно, разворачивайте автомобиль и жмите на газ, пока не домчите до своей ракеты. А потом побыстрей взлетайте и убирайтесь домой, на Землю. А сестру выбросьте из головы. Вы ей ничем не сможете помочь.

— Послушайте, Мендерстон, у меня сейчас неподходящее настроение, чтобы выслушивать всякую чепуху. Меня интересует сейчас другое. Кто отвечает здесь за все? Где находится лагерь яйцеголовых? Кто тут имеет хоть какое-то влияние на обезьян и может договориться с ними? Я хочу встретиться с таким человеком.

— Кто здесь отвечает за все? Похоже, вам в самом деле недостает железной руки ваших друзей роботов.

Мендерстон швырнул на стол огрызок яблока и подошел к Андерсену.

— Отдайте мне мое ружье, — сказал он, ухватившись за ствол и с силой дергая ружье к себе. Отобрав оружие, он положил его на стол. — Не слишком-то важничайте, Андерсен. Вы здесь не у себя дома. Порой я испытываю такое отвращение к тем, кто прилетел с Земли, что мне трудно удерживать себя в рамках приличий. И тем не менее я прошу вас, если вы нуждаетесь в помощи, попросите вежливо.

— Я ни о чем не стану вас просить. О какой помощи может идти речь, если вы не в состоянии сами себе помочь.

— Не стоило бы вам показывать зубы, — сказала Алиса. Она тихо вошла в комнату и встала за спиной Мендерстона, наклонив птичью головку к плечу мужа и не сводя внимательных глаз с Андерсена. — Возможно, он показался вам не слишком-то привлекательным, но, как ни грустно это признавать, он в настоящий момент является единственным представителем яйцеголовых здесь, в Свиттенхаме. А этот сарай, в котором мы живем, это и базовый лагерь, и штаб-квартира. Увы, только один, а больше никого. Другие славные мальчики ушли из города, чтобы присоединиться к вашему приятелю Арльбластеру за рекой, высоко в горах. Там яйцеголовые разбили еще один лагерь.

— Там наверняка чище воздух, а климат лучше и полезней для здоровья. Я вполне понимаю, почему вас не захотели брать с собой, — сердито сказал Андерсен.

Мендерстон расхохотался:

— В самом деле, вы совсем не разбираетесь в наших делах.

— Ну тогда объясните мне толком. Я слушаю.

Мендерстон принялся срезать ножом кожуру еще с одного яблока.

— Объясним ему, Алиса? Можешь ли ты сказать мне, однако, на чью сторону он встанет?

— Он мог бы быть Вороной, хотя больше похож на Обезьяну. Как бы там ни было, он внес какую-то свежую

струю в нашу затхлую жизнь. Теперь ты не будешь чувствовать себя так одиноко, Стенли.

— Перестань строить ему глазки, ты, безмозглая курица. Он годится тебе в сыновья.

— Что-то ты чересчур распетушился сегодня, старик, — прокудахтала Алиса. Повернувшись к Андерсену, она сказала: — Не обращайте внимания на наши раздоры. Пожалуй, вам лучше переночевать у нас. Они — не людоеды, я вам это точно могу сказать. Они не съедят вашу сестру. И что они вообще могут с ней сделать такого особенного? У них, вероятно, были более серьезные основания, чем первобытные инстинкты или сексуальные потребности. Одних лишь этих причин было бы недостаточно для похищения, я уверена. Если вы будете вести себя спокойно, они войдут с вами в контакт. Кроме того, сейчас уже вечер, и поиски сестры и вашу охоту за Арльбластером лучше отложить до завтрашнего утра.

Выслушав все доводы, Андерсен вынужден был признать ее правоту. Мендерстон хотел было что-то добавить, открыл рот, выпятив нижнюю губу, и снова закрыл.

Угасающий дневной свет растворился в быстро густеющих сумерках. После того как Андерсен выгрузил из машины и затащил в дом тяжеленный рюкзак, ему было совершенно нечем занять себя. Он попытался разговорить Алису, чтобы с ее помощью разобраться в том, что происходит на Нехри II, но до поры до времени она уклонялась от разговора, хотя и чувствовалось по всему, что она не прочь поболтать. Алиса молчала до самого ужина, который она подала на стол после того, как зашло солнце и на улице окончательно стемнело, а в доме зажгли электрический свет. И только во время скудной трапезы вдруг начала рассказывать о том, как она сама появилась на этой планете.

— Это случилось пять лет назад. Я служила на патрульном корабле и, думаю, была неплохим бортинженером. Наш корабль совершил посадку на Нехри II, в долине, в двух милях отсюда. После того как члены экипажа побывали в Свитгенхаме, ни один из них не вернулся на корабль. Он все еще находится здесь, хотя говорят, что оползень похоронил корабль прошлой зимой.

— К. Д. не интересует твое прошлое, — сказал Мендерстон, выразив свое презрительное отношение к Андерсену тем, что назвал его не по имени, а употребил инициалы.

— Что случилось с экипажем?

Она деланно рассмеялась, хотя ей было не до смеха.

— Они без сожаления расстались со своей прошлой жизнью, легко приспособились к новым условиям и живут, подражая образу жизни твоего друга Арльбластера. А вот я не смогла измениться. Я бы с радостью покинула эту планету, если бы смогла одна управиться с кораблем. И вот теперь я должна торчать здесь.

— Как мне повезло, дорогая, что ты осталась и разделила со мной мое одиночество, — с притворной нежностью обратился к ней Мендерстон. — Мы с тобой созданы друг для друга. Просто идеальная пара.

Алиса вскочила, на глазах у нее показались слезы.

— Заткнись ты, гадина! Сам превратил меня в суку и сам же все время напоминает мне об этом.

Кинув на тарелку вилку, она выбежала из комнаты.

— О женщины! О божественные создания! Вы не против, если мы честно разделим пополам то, что она не доела? Что-то у женушки сегодня неважный аппетит, а, по-моему, приготовлено все очень вкусно.

Он придвинул к себе тарелку с остатками еды. Андерсен встал.

— То, что я только что услышал, не явилось для меня каким-то откровением, — сказал Андерсен. — Я уже достаточно насмотрелся тут всякого, чтобы сделать свои выводы.

— Почему вы решили, что мне нравится подобная жизнь? Условия, в которых вынуждены жить мы с Алисой, конечно, ужасные. Каждый из нас живет такой жизнью, какой он достоин, не так ли? Вы утомляете меня своими банальными истинами и легко предсказуемыми ответами.

Разговор оборвался. Повисла напряженная тишина. Хозяин и гость, оба чувствовали себя не вполне уютно в обстановке взаимной недоброжелательности. Андерсен с радостью согласился, когда Мендерстон вызвался показать гостю его спальню. Хозяин отвел его в пристройку, в ко-

горой когда-то жили первые колонисты. На дверях небольших, тесных конурок сохранились таблички с фамилиями.

Андерсен предусмотрительно захватил с собой одеяла, которыми он застелил железную кровать. Он погасил свет и лег, и, хотя он чувствовал зверскую усталость, сон не шел к нему. Его не оставляли мысли о Кей. Ворочаясь на жесткой, скрипучей кровати, он мысленно прокручивал в обратную сторону кадр за кадром кинопленку минувшего дня, от ужина в доме Мендерстона до того злополучного мига, когда он начал преследовать заросшего шерстью носорога. Он совершил массу нелепых ошибок, но самой большой глупостью было то, что он доверился Алисе и дал ей себя убедить. Жизни Кей, возможно, что-то угрожает, а он тут сидит и ждет, когда аборигены вступят с ним в переговоры.

Его взгляд случайно скользнул по оконному стеклу, за которым была почти непроницаемая темнота, и он не увидел даже, а с помощью шестого чувства понял, что за ним следят. Он вскочил и схватился за свой пистолет. Сердце его бешено колотилось. Вспыхнули и погасли два светящихся глаза. Какое-то крупное животное отскочило от окна, на фоне светлой стены сарая появился и исчез чей-то неясный силуэт, слегка напоминающий гориллу.

Андерсен распахнул окно. Его глаза понемногу привыкали к темноте. Взошла маленькая луна, в белесоватом свете которой можно было различить контуры деревьев и построек. Не выпуская из рук пистолет, Андерсен быстрым движением перебросил свое тело через низкий подоконник и очутился на улице. Постоял, прислушиваясь, — не послышатся ли чьи-нибудь шаги... Ничего подозрительного он не услышал. Завывала где-то собака, пролетела, хлопая крыльями, большая ночная птица...

Алиса говорила, что Арльбластера нужно искать за рекой, в горах... Возможно, он-то как раз и сможет помочь... чем черт не шутит... В любом случае с ним нужно встретиться, и откладывать встречу надолго не имеет смысла.

Андерсен решительно зашагал в сторону реки и довольно скоро достиг переправы — с берега на берег был переброшен толстый ствол дерева.

Осторожно переставляя ноги и балансируя с помощью рук, Андерсен преодолел водную преграду.

До него долетели звуки чьих-то приглушенных шагов. Они звучали все громче, по мере того как он приближался. Он остановился у края глубокой круглой впадины, местонахождение которой ему подсказали ритмические звуки и пятна света, плясавшего на низких скалах, — на дне впадины горел огонь.

Там совершалось какое-то таинство. Полсотни обнаженных фигур окружили двух человек. Один из них, одетый в длинный плащ и остроконечную шляпу, размахивая руками, громко пел какую-то песню или молитву, а другой бросал в огонь щепотки порошка, отчего пламя взмывало вверх, выкидывая то красные, то зеленые языки.

Распластавшись на земле и стараясь остаться незамеченным, Андерсен с интересом следил за происходящим.

Вероятней всего, это был какой-то примитивный религиозный ритуал, символика и смысл которого не были пока понятны Андерсену. Верховный жрец — шаман, священник? — высоко тонируя, произносил слова молитвы на незнакомом Андерсену языке, а окружившие его люди громкими криками отвечали ему. При этом они кружились на месте, похлопывая себя по бедрам, раскачивали косматыми головами. Все их движения были очень ритмичны. Даже на значительном расстоянии и при неярком свете костра, который постепенно угасал, Андерсен без труда узнал в руководителе мистического обряда своего бывшего учителя Фрэнка Арльбластера. Без сомнения, он сильно изменился. Раньше он всегда держался очень прямо, а теперь пригнулся к земле. Маленькая рыжая бородка стала напоминать огромную мочалку из спутанной медной проволоки. Но его неповторимый голос нельзя было спутать ни с каким другим.

Обнаженные фигуры тоже были достаточно узнаваемы. Разумеется, это были аборигены, жители Свиттенхама, с которыми у Андерсена было уже несколько не слишком приятных встреч.

Наблюдая за танцорами, Андерсен неожиданно сделал вывод, поразивший его самого. Ему и раньше казалось,

что Элл и его мускулистые дружки, их мощные горилло-образные фигуры, длинные передние конечности, черепа со скошенными лбами и далеко выдающимися вперед надбровными дугами напоминают ему что-то знакомое, но забытое, отброшенное памятью за ненадобностью, какие-то картинки из учебников истории... Самые первые главы... Ну конечно же, это были неандертальцы. Вот они непонятно как сохранившиеся первобытные люди... Бог ты мой, неандертальцы!

Кончились молитва и танец. Арльбластер указал рукой на Андерсена, прятавшегося в кустах. Оставаясь на месте, все участники ритуального действия дружно развернулись и стали смотреть в том направлении, куда указывал жрец. Он громко выкрикнул фразу, а толпа хором повторила за ним: «Эйг мург эг нэгги огги кэй бэт доо!»

Андерсен хорошо расслышал каждое слово, и, хотя он не понял смысла, сказанное оказало странное воздействие на его мозг и психику. Словно бы колдовская сила подчинила себе его волю, сделав его совершенно беззащитным. Это был какой-то гипноз, и Андерсен ужаснулся, когда до него дошло, в какую гибельную ловушку он угодил.

У него перехватило дыхание, он с трудом поднялся на ноги и направился туда, откуда пришел, в Свиттенхам. Никто не пустился за ним в погоню — в этом состоянии он, без сомнения, стал бы легкой добычей. Не помня себя, он по стволу поваленного дерева перебрался через реку, дошел до дома Мендерстона и, перевалившись через подоконник, рухнул на кровать.

У него ломило от усталости все тело, раскалывалась голова, и он многое дал бы сейчас за то, чтобы уснуть, но сон не шел к нему. Ночь не была холодной, но его била дрожь. Время до рассвета тянулось бесконечно долго. Проворочавшись на жесткой кровати часа два, он встал. Андерсен решил, что было бы интересно осмотреть комнаты, в которых прежде жили колонисты, и, достав из рюкзака фонарик, он двинулся по пыльному коридору, в конце которого обнаружил библиотеку.

Полки были тесно уставлены кассетами — на всем лежал толстый слой пыли. Молчаливые ряды кассет не вызвали в нем желания нарушить покой этого кладбища зна-

ний. Чувствуя какую-то вялую апатию, он даже не стал читать названий на наклейках. Незачем ворошить пыль. Луч фонарика скользнул по стеллажам и указал на дверь.

Стены соседней комнаты были сплошь оклеены географическими картами. Кое-где в карты были воткнуты флажки, но и загадочные точки, отмеченные на картах, не пробудили в нем любопытства.

Третья комната была завалена безделушками. Вероятно, колонисты отдыхали здесь после тяжелого дня, предаваясь милым воспоминаниям и забавляясь детскими игрушками. Луч фонарика выхватил из темноты несколько небольших простейших станков — токарный, фрезерный, сверлильный... Все это позволяло предположить, что яйцеголовые делали игрушки своими руками...

Андерсен заинтересовался моделью электрической железной дороги. Пару веков назад она наверняка бы вызвала восхищение у любого мальчишки. Андерсен нерешительно провел пальцем по рельсу, серебристо блеснувшему в свете фонаря. Железнодорожное полотно свивало и развивало кольца, как гигантская змея. Вдруг она приподняла узкое, гибкое тело и кинулась на Андерсена. Одно из тонких металлических колец прыгнуло к нему на запястье и защелкнулось, будто наручник. От неожиданности он вскрикнул. Он стал пятиться, пытаясь высвободиться, но железнодорожный путь не отпускал его. Сбросив со своего хвоста локомотивы и вагоны, прижимавшие его своей тяжестью к полу, железный удав стиснул Андерсену грудь и начал душить его, придвигаясь постепенно к горлу. Свободной рукой Андерсен выхватил из-за пояса револьвер и стал стрелять в темноту, целясь удаву в голову, чтобы вышибить из нее мозги. Но и до другой руки дотянулось металлическое кольцо и защелкнулось, будто наручник. Андерсен выронил пистолет, который упал рядом с фонариком, давно уже валявшимся на полу. Андерсен кричал, призывая на помощь, а железнодорожный путь все туже и туже сжимал кольца.

В комнату вбежал Мендерстон, сжимавший в руках ружье, за ним испуганная Алиса. И это было последнее, что видел Андерсен. Он потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что находится в гостиной Мендерстона. Андерсен лежал на диване, а рядом с ним сидела Алиса. Мендерстона в комнате не было.

— Мой Бог, — тяжело вздохнул Андерсен.

Он был почти в полном порядке. Ничего не болело, голова была ясной, правда, руки и ноги пока еще плохо его слушались. Он ослабел, как после тяжелой болезни, но кризис миновал, и он быстро шел на поправку.

— Наконец-то ты очухался. Я могу принести тебе тарелку супа, если ты управишься с ложкой, — сказала Алиса.

— Подожди, Алиса... — У него дрожали губы. — Что это было такое? Что со мной произошло? Вчера... У меня нет сестры по имени Кей. У меня никогда не было никакой сестры. Я был единственным ребенком в своей семье.

Она ничуть не удивилась.

— Я догадалась и сказала об этом Стенли. Ты приехал с одним рюкзаком. Я случайно заглянула в твой рюкзак — там не было никаких женских вещей.

— А я был так уверен. Она была настолько реальной. Я мог бы подробно описать ее. И все-таки, если бы кто-то... если бы вы напрямую сказали мне, что это всего лишь иллюзия... Я думаю, что я бы вам поверил.

Вспомнив фразу на незнакомом языке, которую он услышал ночью, он повторил вполголоса загадочные слова:

— «Эйг мург эг нэгги огги кэй бэт доо!» — «У тебя нет сестры по имени Кей». Вот что это значило. Все это очень странно. Ты не находишь, Алиса?

Он дотронулся до ее руки. Она была холодной как лед.

— Первая буква твоего имени «К». Та же, что и в имени «Кей», — прошептали побелевшие от волнения губы. — Ты искал себя.

Сострадание смягчило жесткие черты лица, склонившегося над ним, и оно стало почти привлекательным.

— Я... Я ненормальный, — тихо произнес он.

— Конечно, ты ненормальный! — сказал Мендерстон, неожиданно входя в комнату. — Отпусти его руку, Алиса. Ты пока еще находишься в моем доме, а не в каком-нибудь дешевом борделе на Земле. Если ты не

душевнобольной, Андерсен, то почему ты с пеной у рта катался по полу и среди ночи устроил пальбу из пистолета?

Андерсен встал.

— Вы ведь видели, что произошло. Взбесившаяся железка набросилась на меня, как змея, еще чуть-чуть, и она задушила бы меня.

Мендерстон изумленно выпучил глаза. Он даже лишился обычной самоуверенности — такое произошло с ним впервые.

— Модель железной дороги? — недоуменно спросил он. — Она находилась в совершенно неподвижном состоянии, впрочем, как и всегда. Эта игрушка давно никого не интересует.

— Что? Она не трогала меня? — задыхаясь от волнения, спрашивал Андерсен. — Она кинулась на меня, стиснула, как удав, душила меня. Как вам удалось освободить меня?

— Все ясно, — сказал Мендерстон.

Он сурово посмотрел на Андерсена, а затем перевел взгляд на Алису:

— Понимаешь, что это значит, женщина? У Андерсена начинает доминировать Н-фактор, Как я и подозревал с первой минуты. Он не Ворона. Он не сможет жить с нами, и на Землю он тоже теперь не вернется. Он присоединится к Арльбластеру. Мне очень жаль.

— Ну, это вряд ли. Я собираюсь немедленно отправиться в обратный путь.

Мендерстон покачал головой:

— Ты плохо знаешь сферу своего подсознательного, тебе не перебороть инстинктов, заложенных природой. Ты приговорен оставаться здесь, ведя жизнь человекообразной обезьяны. Ты потерян для цивилизации. Земля больше никогда не испытает счастья встречи с тобой.

— Мендерстон, вы снедаемы ненавистью! Вы не любите планету, приютившую вас, а Землю вы просто ненавидите.

Оставив на столе ружье, с которым он расставался крайне редко, Мендерстон, сжав кулаки, подошел к Андерсену:

— Ты прав, землянин. Я испытываю непреодолимое отвращение к тому, что происходит на Земле. Я ненавижу ненасытное, расплодившееся, подобно саранче, племя землян. У вас еще хватает наглости называть себя «покорителями природы». Вы — истребившие все живое. Вы — расточители природных богатств. Жалкие болтуны. Какое там покорение природы, если вы не можете подчинить своей воле свой собственный мозг и обуздать свои инстинкты. «Покорители»!

— Безусловно, вы во многом правы. Жизнь на Земле далека от совершенства. Проблем — море, но мы выплывем. Мировое Правительство постепенно берет ситуацию под контроль...

— Мировое Правительство?! О чем ты говоришь?! Ведь это всего лишь крупный компьютерный центр. Я думаю, что в самом ближайшем будущем раса гуманоидов, слабая и плохо организованная, передаст всю власть роботам.

— Не понимаю, почему у некоторых роботизация вызывает прямо-таки панический страх. Почему мы должны отказываться от цивилизации и от того пути, по которому она движется? И почему цивилизация должна сама разрушить себя? Во имя чего?

— Каждый мыслящий человек хотя бы раз в жизни задавался этим вопросом. Почему в недрах высокоразвитой цивилизации таится саморазрушение? Никто пока не дал точного и всеобъемлющего ответа на этот вопрос, который волновал и Фрэнка Арльбластера. Не там искали. Ответ прост и находится на поверхности той самой почвы, которая лежит у нас сейчас под ногами. Но никто не доставит его на Землю. Отсюда не возвращаются. Я мог бы это сделать; я справился со своими животными инстинктами, но у меня нет никакого желания спасать Землю. Пусть гибнет.

— Я вернусь на Землю, — сказал Андерсен. — Но прежде я должен повстречаться с Арльбластером, а отсюда я уйду, как только вы закончите ваше обличительное выступление.

Мендерстон рассмеялся:

— Держу пари, что этого не произойдет. Но тебе полезно будет узнать правду, К. Д. Андерсен, а потому слу-

шай не прерывая. У тебя есть шанс узнать истину, прежде чем она умрет навсегда.

— Перестань молоть чепуху, Стенли, — воскликнула Алиса.

— Молчи, женщина. Не мешай нам своим кудахтаньем. Какие тебе нужны еще доказательства, Андерсен, чтобы убедить тебя в том, что Землей управляет не сверхразум, а компьютерные недоумки? Они взяли под контроль все звездные полеты. И что они делают с планетами, некогда заселенными колонистами? Они вновь делают обжитые планеты необитаемыми, опасаясь, что колонии взбунтуются против них.

Свиттенхам был исключительным человеком. Сколько он потерял сил, чтобы обосновать здесь колонию, этого мы никогда не узнаем. Но и этой маленькой, чересчур маленькой, чтобы представлять для кого-то опасность, колонии грозит полное истребление. Роботы всерьез взялись за нас.

Андерсен направился к выходу.

— Заткнулся бы ты, а? Я устал от твоих идиотских рассуждений. Я ухожу.

Мендерстон отреагировал довольно неожиданно. Широко улыбаясь, он бросил пистолет Андерсена к его ногам.

— Сам заткнись, придурок! Забирай свой пистолет и проваливай.

Андерсен нагнулся, чтобы поднять пистолет. Короткий ствол поблескивал в утреннем свете, проникавшем в комнату через грязное стекло. И вдруг металлический блеск пистолета показался Андерсену зловещим. Словно какая-то сила мешала ему взять оружие в руки. В позвоночнике появилась острая боль, он выпрямился и отступил назад. Боль сразу пропала, но осталось легкое покалывание.

Сочувствием осветилось лицо Алисы, и даже Мендерстон смягчился.

— Там, куда ты направляешься, тебе не понадобится пистолет, — сказал Мендерстон. — Жаль, что все так вышло. Волею судеб мы с тобой в разных лагерях. Я предчувствовал это. Ты мне сразу не понравился.

— Пошел ты к черту!

Оказавшись на улице, Андерсен почувствовал, что здесь дышится гораздо легче. В тусклом свете медленно разго-

равшегося дня дом Мендерстона был похож на старое воронье гнездо. Повернувшись к нему спиной, он неторопливо побрел по улице.

Ему попалось навстречу несколько местных жителей. Он не заметил на лицах людей и следа враждебности. В конце концов, говорил он себе, они редко видят приезжих, и их вчерашнее поведение было проявлением естественного любопытства. Никто не причинил ему зла, и даже Элл имел право поступать так, когда выбил у него из руки пистолет, — это была всего лишь самозащита. И ночью, когда он стал свидетелем мистического действа, все, что те люди сделали ему, так это попытались внедрить в его сознание фразу: «У тебя нет сестры по имени Кей». Делалось это для его же пользы.

Он знал, что ему предстоит пройти долгий путь. Но не стоит пока напрягать мозг, пытаясь постичь глубинную суть явлений и смысл бытия, просто существовать — быть, понимание придет позже.

Но он уже ощутил, как активно заработала его подкорка, как обострилось восприятие. Как посвежел, насколько стал ярче пейзаж, неся в себе значительно больше чувственной информации. Даже у дорожной пыли появился сладковатый аромат.

Он дошел до переправы и без затруднений перебрался на другой берег по поваленному стволу дерева и успел при этом полюбоваться неспешным движением воды.

Несколько женщин копошились на своих огородах, разработанных на пологих склонах холмов. Андерсен остановился, чтобы поговорить с одной из них.

— Не могли бы вы мне сказать, где я могу найти Фрэнка Арльбластера?

Он сейчас отдыхает. Обычно просыпается, когда заходит солнце. До вечера лучше его не беспокоить. Он как ночная птица. Ближе к ночи вы с ним обязательно повстречаетесь. Я думаю, он вас сам найдет.

— Благодарю вас.

Все проще простого. Простые человеческие отношения, нормальные люди.

Он продолжил свой путь. Поднимаясь в гору, дорога становилась все круче, и он упорно карабкался вверх. Он

никуда не спешил, а шел вперед, получая удовольствие от самого процесса — от ходьбы и меняющегося ландшафта. Некуда больше было спешить — у него столько времени впереди, и его хватит на все. Время стало другим — единым, не делимым на секунды, минуты, часы... Он здесь один, вдали от людей, от суеты.

Вокруг него горы, внизу, в долине, река... Что горы и река знают о времени?

Андерсен с отвращением посмотрел на свои наручные часы. Почему он должен зависеть от них, от запрятанного в них маленького сердитого механизма, с натужным скрипом и неумолимой точностью переставляющего стрелки? Он расстегнул ремешок и безо всякого сожаления швырнул часы вниз, в расщелину между скалами, туда, где поблескивала зеленоватая река.

И вдруг вода потемнела, отражая небо, которое быстро заволокло тучами. Будет дождь. От скал потянуло холодом. Все изменилось, и вокруг, и в нем самом. Он показался себе маленьким и беззащитным перед дикой и грозной природой.

Послышался низкий гул, который, нарастая, превратился в грохот. Он посмотрел вниз на крохотные женские фигурки, выглядевшие отсюда, с высоты, какими-то божьими коровками, они были так малы, что казалось, будто он рассматривает их в перевернутый бинокль. Они продолжали трудиться на своих огородиках и, судя по всему, не догадывались пока о грозящей им опасности.

Начался дождь. Но не грозовые раскаты услышал Андерсен, а леденящий сердце шум лавины, сходящей с горы.

«Не может быть, — говорил он себе. — В это время года не сходят лавины. Снег в горах давно растаял. Это опять какая-то иллюзия. Нужно успокоиться, взять себя в руки, и наваждение пройдет».

Не соглашаясь с его доводами, стремительно набирающая силу снежная лавина стекала с горы, сверкая и гремя. Лед и камни разбивались на мелкие кусочки, и, опережая бурный поток, миллионы осколков падали с высоты, а несколько холодных острых иголок успели уже вонзиться Андерсену в шею.

— Я — сумасшедший, — кричал он, закрыв лицо руками и упав на землю. — Я — сумасшедший.

Андерсен кинулся бежать, тяжелый рюкзак не давал ему двигаться слишком быстро. Лавина двигалась намного быстрей — она его настигала. Человек молился древним богам, он просил пощадить его. Ему казалось, что самое важное сейчас — вспомнить слова заклинаний, с которыми обращался к небу далекий предок. Он обязан был вспомнить эти слова.

Несмотря на охватившую его панику, он принял правильное решение. Бежать не вниз, что было легче, а вверх, навстречу снежным потокам и обломкам скал. Еще до начала грозы, задрав вверх голову, он, как ему показалось, увидел темнеющий на охристом склоне горы вход в пещеру. Он тогда отдыхал на одном из витков серпантина, опоясывавшего гору.

Он смог, он добежал, когда силы уже оставляли его, достиг пещеры одновременно с лавиной. Она кинулась за ним внутрь и лизнула ему пятки мерзким грязным языком, но не вошла в пещеру, а покатилась по склону вниз, сметая все на своем пути. Что-то толкнуло его в спину, и он упал на каменистый пол. Лавина забросала низкий сводчатый вход в пещеру снегом, перемешанным с грязью и камнями. Дневной свет померк.

Шум дождя снаружи. Это было первое, что он услышал, а еще чье-то прерывистое дыхание рядом. Он был не один в пещере. Кто-то находившийся рядом коснулся легкими пальцами его лба. Андерсен открыл глаза. Вход в пещеру был расчищен, он опять видел небо, затянутое тучами, и он был жив. Рядом с ним сидела Алиса. Она протянула руку, чтобы погладить его волосы, но он уклонился.

— Как ты очутилась здесь, Алиса?

— Когда Стенли выгнал тебя, я пошла за тобой. Старик пришел в ярость, когда догадался, что я бросаю его. Он пытался удержать меня силой, но я не слабее его. Я захватила с собой твой пистолет.

— Напрасно ты старалась. Он мне не нужен. На нем табу. Меня могут за это наказать боги.

— Не говори так, Кейв. Не превращайся в неандертальца.

— Что? — Он приподнялся на локте, вглядываясь ей в глаза. — Что ты имеешь в виду?

— Ты и сам знаешь.

— Я ни черта не понимаю. Ты можешь объяснить по-человечески? Что это за истории, в которые я вечно попадаю? Эта пещера, например. Как я в ней оказался?

— Ну конечно, я расскажу. Ты только не волнуйся, а то дрожишь как в лихорадке. — Она с силой сжала его запястье своими ледяными пальцами. — Я шла за тобой следом и видела, как ты избавился от часов, а потом кинулся бежать вверх по дороге с дикими воплями, как будто за тобой гнались собаки. Я бежала сзади и догнала у входа в пещеру. Ты упал и потерял сознание.

— И ты не слышала никакого шума, не видела снежной лавины? Вообще не происходило ничего странного?

— Нет.

— В долину не сходило никаких лавин?

— В это время года не сходят лавины. Снег в горах давно растаял. Бывают оползни, когда подолгу идут дожди. Тогда уровень воды в реке сильно повышается. Но затяжных дождей давно не было — сегодняшний не в счет. Вообще Нехри II очень спокойная планета, хотя и сырая. Тут не бывает серьезных стихийных бедствий и катастроф.

— Несчастная моя голова... Я мог бы поклясться, что удирал от настоящей лавины... Она двигалась с огромной скоростью по склону горы, сверкая льдом и гремя камнями. Я боялся, что не успею добежать. До сих пор в ушах стоит этот жуткий грохот.

В глазах у Алисы блеснули слезы.

— Ах, Кейв, ты в опасности. Ты должен вернуться на Землю как можно скорей. Твое подсознание пытается превратить тебя в неандертальца. Неужели ты хочешь превратиться в обезьяну?

Андерсен встал. Хорошо, что он поднимался медленно, а то непременно разбил бы себе голову о низкий каменный свод. Ему пришлось согнуть колени и спину,

чтобы не задеть макушкой камень, нависший над головой. Он прислушался. Дождь не прекратился, а забарабанил еще сильней.

— Что же мне делать, Алиса? Мой собственный мозг не хочет мне подчиняться. Как это могло случиться?

— Очень просто. Не понимаю, почему это тебя удивляет. А разве когда-нибудь человек властен был над своим мозгом? Даже когда мы спим, отключаются только наружные слои, а в глубине мозга идет работа — там нет ни дня, ни ночи.

— А при чем тут моя бедная голова?

Она тоже встала с каменного пола, опять приблизив к нему свое лицо. Ее волосы, глаза, губы были рядом. Он слышал ее дыхание, слышал, как стучит где-то близко ее сердце.

— Не будь так нетерпелив. Я попробую объяснить. Но начать придется издалека. Неандертальцы жили в Европе около восьмидесяти тысяч лет тому назад. Это были кроткие создания, близкие к природе, о которой им не нужно было знать ничего, кроме самых простых и необходимых вещей. Потом появились кроманьонцы — «вороны» — это были предшественники современных людей. Они были очень воинственны, часто нападали на неандертальцев и побеждали их во всех столкновениях. Как бы ни было сильно животное, человек всегда способен перехитрить его. Они перебили всех самцов, а самок взяли себе в жены. Таким образом, современный человек возник от смешанного брака кроманьонца — Вороны и неандертальца — Обезьяны. Такова в упрощенном виде суть теории доктора Арльбластера.

Они опять опустились на сырой пол, не обращая внимания на капли влаги, просочившейся через пористый известняк горы. Отрываясь от свода, крупные капли падали вниз, орошая горячие лбы, попадая за воротники рубах. Одежда наполовину была уже мокрой.

— Мне кажется, я начинаю что-то понимать, — сказал Андерсен.

— Да, Кейв. В обратной исторической перспективе все видится гораздо отчетливей. Теория Арльбластера универсальна. Она объясняет не только исторические, но и

биологические процессы. В нас течет плохо перемешанная кровь двух различных рас. В нашем мозгу разные слои, хранящие воспоминания о неандертальском и кроманьонском периодах, часто являются настоящими антагонистами. Самый глубокий — неандертальский слой — богатейший источник чувственных переживаний художников, музыкантов, поэтов. Нашу фантазию будит иррациональное. В то же время кроманьонцы — наши более близкие по времени предки — всегда твердо стояли на рациональной почве. Вся современная наука пошла от них.

Андерсен шевельнулся, вытер мокрый лоб.

— Я надеюсь, что эта теория права.

— Тебе еще недостает доказательств?

В голосе прозвучала горечь.

— Важнейшее из них — череп, который Фрэнк откопал на побережье Франции. Ведь он был неандертальским, и однако ему было всего лишь несколько сотен лет. История иногда делает страшные петли.

— Наконец-то ты понял. Современный неандерталец — это реальность. Он мог существовать и в средневековой Франции, и его можно встретить на улицах Нью-Йорка. Ты пройдешь мимо него и не обратишь на него внимания. Кстати, тебя Стенли тоже считает неандертальцем. Ты ведь писатель.

— Не вспоминай о Стенли.

— Неандерталец живет в каждом из нас, но он задавлен. Современная цивилизация объявила ему войну. И только на Нехри II он по-настоящему свободен.

— Теперь я вижу, что Арльбластер оставил Землю не потому, что признал свое поражение, а в поисках новых доказательств своей правоты. Интересно применить его теорию на практике. Можно определить, какая доля неандертальца заложена в том или ином человеке. Мне кажется, я с легкостью мог бы сделать это в отношении любого из моих знакомых.

— Это не так уж трудно, — улыбнулась она. — А вот найти способ высвобождения нашего иррационального «я» гораздо труднее. Этому и посвятил Арльбластер свою жизнь. Ясно было, что, опасаясь конкуренции, Земля не позволит Нехри II стать высокоцивилизованной планетой,

и это давало возможность стать ближе к природе. Но местные условия подходят гораздо лучше Обезьянам, чем Воронам.

— И поэтому здесь все превращаются в неандертальцев?

— Нет, не все. Не стал Обезьяной Стенли. И у Свиттенхама, который основал колонию, тоже Н-фактор оказался очень низким. Он не смог приспособиться.

— Что случилось со Свиттенхамом?

— Он погиб. Все чистопородные Вороны, кроме Стенли, погибли — одни раньше, другие позже. Поначалу было много конфликтов между разными группировками, а потом они разошлись в разные стороны. Но из Ворон уцелел только Мендерстон — он дьявольски выносливый.

— А те два патрульных корабля, которые послало Мировое Правительство?

— На одном из них сюда попала я. Семьдесят пять процентов экипажа имели достаточно высокий Н-фактор. Они стали соратниками Арльбластера. Остальные отдали Богу душу. Меня приютил Стенли, увы, я Ворона. Стенли спас меня. Он подарил мне жизнь, если это можно назвать жизнью.

— Что же будет со мной? Если я правильно понял, мои кошмары и мои страхи, иллюзорные и достоверные — для меня это все каждый раз происходит как бы наяву, — связаны с реальными предметами... часами, пистолетом, моделью железной дороги — то есть всем тем, что породила цивилизация и что явилось предметами ее гордости... Технические игрушки, отдаляющие нас от природы... современный человек даже представить себе не может, что сумел бы обойтись без них... Все это изобрели и изготовили Вороны, и неандертальская часть моего мозга борется с этим... Но я твердо знаю, что хочу вернуться на Землю, и ни за что не соглашусь стать Обезьяной. Так кто же я?

— С тобой все не так просто. Ты — очень редкий экземпляр. И то и другое одновременно. Потому и идет в тебе такая борьба. Пока ни одна из сторон не может взять верх, но все может измениться в любую минуту... Многое зависит от тебя самого... От твоего выбора.

Он изумленно посмотрел на нее.

— Я люблю Землю. Я ничего не имею против цивилизованной жизни. Назад к обезьянам? Увольте. Я вовсе не хочу стать вонючей, низколобой гориллой. Меня вполне устраивает мой нынешний облик. Так получается, что я Ворона. И ни о каком выборе не может быть и речи.

— «Вонючий», «низколобый» — это унизительные эпитеты, ярлыки, которые на них наклеили Вороны. Сами неандертальцы категорически с этим не согласны. Не существует объективного взгляда со стороны. Каждый прав по-своему.

— Как ты можешь так говорить, Алиса? Всем понятно, что это низшая раса.

— Мы привыкли так думать. Но они владеют магией, общаются напрямую с высшими силами.

— Что это им дает? Поле битвы неизменно остается за Воронами, и у несчастных Обезьян нет никаких шансов.

— Им всегда тяжело приходилось. Попробуй-ка увернись от стрелы, выпущенной кроманьонцем, или от пули, когда в тебя целится современный цивилизованный дикарь. Но у них есть свои способы защиты. С помощью магических формул они могут стать невидимыми или перевоплотиться в какое-нибудь животное.

— Например, в шерстистого носорога?

— Да.

— Чтобы выманить меня из машины, страшного изобретения Ворон?.. Возможно ли это? Я отказываюсь верить этому, Алиса! — Он стиснул голову руками, посмотрел тоскливо на выход из пещеры, по-прежнему затянутый серой сеткой дождя, и снова погрузился в широко раскрытые глаза Алисы, в которых он надеялся найти правдивые ответ на мучительные вопросы. — Зачем ты пытаешься убедить меня, что Обезьяны не только не ниже, а в духовном плане стоят даже на ступеньку выше, чем Вороны? Ты ведь сама Ворона.

Она выдержала его пристальный вопрошающий взгляд и не отвела глаз.

— Дорогой мой. Разве ты не понял еще? Я должна знать, кто ты. Друг или враг. Я помогаю тебе разобраться в себе самом. Кончится дождь, и пути наши, возможно, разойдутся. Ты отправишься к Фрэнку Арльбластеру, а

я? Что будет со мной? Одно я знаю твердо, что к Мендерстону я больше не вернусь. Но если... если ты отправишься обратно на Землю, я бы хотела улететь с тобой.

Он молчал, собираясь с мыслями. Затем заговорил, медленно подбирая слова, словно выуживая их из тайников своего мозга.

— Знаешь, Земля все-таки чертовски симпатичная планета, хотя она и потеряла давно ту первозданную красоту, которая сохранилась пока на Нехри II. Конечно, цивилизация испортила нашу добрую старую Землю. В состязании с машинами, придуманном человеком, проиграл человек. Индивидуум не принадлежит больше самому себе — его жизнь подчинена коллективному разуму. В этом Мендерстон, конечно, прав. Но борьба не окончена. — Он сделал паузу, которая, как показалось Алисе, длилась целую вечность. — Я возвращаюсь. Мы полетим вместе. Я не могу оставить тебя здесь.

Она кинулась к нему и стала покрывать поцелуями его руки и лицо.

— Я могу быть по-настоящему любящей женщиной, — горячо шептала она. — Нас никто не сможет разлучить.

Какой-то шум, перекрывающий барабанную дробь дождя, послышался у входа. Она услышала первой и обернулась. Андерсен тоже повернул голову.

Низко приседая на широко расставленных, как у обезьяны, ногах в пещеру вошел Фрэнк Арльбластер. Мокрая борода, похожая на мочалку, скрученную из красномедной проволоки, была сильно всклокочена. Одной рукой он приглаживал редкие волосы, закрывающие низкий, покатый лоб, а другую руку поднял вверх.

— Подойди ко мне, сын Земли. Обними меня. Мы с тобой братья. Мы одной крови. С нами всемогущий Бог...

Фигура в длинном плаще закрыла выход из пещеры, и сразу стало темно. Алиса подняла пистолет и нажала на курок. Шум выстрела был оглушающим. Арльбластер схватился за грудь и упал лицом вниз на влажные, холодные камни.

Андерсен подскочил к Алисе и выбил пистолет у нее из руки:

— Ты убила его... Ты убила его... Этого не нужно было делать... Господи...

Алиса ударила его по щеке:

— Ты — Ворона. Он твой враг. Он — Обезьяна. Он бы убил меня... — Она судорожно глотнула воздух. — А теперь нам нужно побыстрей убираться отсюда, пока здесь не появились его люди.

— Я не могу... У меня нет сил...

Он попытался нагнуться, чтобы поднять свой пистолет, но у него ничего не вышло.

— Кейв, я буду помогать тебе. Я жалею, что так вышло.

— Умоляю тебя, не говори мне сейчас ничего. Пойдем отсюда.

Он прошел мимо распростертого на земле тела и вышел из пещеры наружу под моросящий дождь. Она последовала за ним. Они стали спускаться по скользкому склону и увидели невдалеке группу неандертальцев, которые, по всей видимости, догадались уже о смерти своего вождя, но не могли пока решиться на какие-то активные действия. Постепенно их становилось все больше. Несколько человек, отделившись от группы, двинулись к Алисе и Андерсену.

— Бежим, — закричала Алиса. — Вниз, к реке. Нужно переплыть ее, и мы спасены.

Они кувыркались по крутому склону и, добравшись до заросшего камышами берега, кинулись в воду, не снимая одежды. Неандертальцы почти догнали их, но водная преграда остановила их, вероятно, никто из них не умел плавать. Коснувшись коленями дна, Андерсен встал и помог Алисе выйти из воды. Она опустилась на траву, тяжело дыша.

— Да, ушли годы... Видел бы ты меня, когда я была помоложе. За мной тогда никто не мог угнаться. Прыгала, как горная коза, плавала, как щука. Поздновато мы с тобой встретились... сбросить бы мне годков десять... Мы спасены, Кейв. Ничто, даже лесной пожар, не заставит этих обезьян пуститься вплавь. Но надо быть настороже. Стенли с его ружьем не менее опасен, чем обезьяны. Бедный старый Стенли. Помаши мне на прощание ручкой, когда увидишь взлетающую ракету.

Андерсен продолжал угрюмо молчать. Он догадывался, что его просто используют в своих целях. И его, конечно, опечалила смерть Арльбластера.

Дождь перестал, что было не так уж важно. Промокшая во время заплыва через реку одежда неприятно липла к телу, а вдобавок их хлестали мокрые кусты, когда они обходили городок стороной. Наконец они вышли на дорогу, которая должна была привести их к кораблю Андерсена.

Алиса немного отстала, и Андерсен остановился, поджидая ее.

— Послушай, Алиса, — сказал он, когда она поравнялась с ним. — Я думаю, что тебе нужно остаться здесь. Вернешься к Мендерстону. Он не сможет долго злиться на тебя.

— Да уж, это не тот человек, который сможет долго обходиться без женщины.

— На Земле тебя ждет совсем другая жизнь. Там давно научились обходиться без женской ласки.

Ему самому было неприятно, что он так грубо разговаривает с ней. Но у него не было другого выхода. Ему хотелось как можно скорей остаться одному, чтобы разобраться в хаосе мыслей и чувств, переполнявших его.

Алиса с потерянным видом шла рядом. В просветах между деревьями возник черный силуэт космического корабля. Увидев его, она не смогла сдержать слез.

На Земле ты должна будешь работать. Вся твоя жизнь будет расписана по минутам, а роботы будут контролировать каждый твой шаг.

— Я выйду замуж. Я не такая уж старая. Кое-кто находит меня довольно привлекательной.

— Замуж?! Не городи чепухи. Все браки строго регламентированы. Ты должна будешь пройти кучу тестов и различных обследований. В наше время — это безнадежная затея.

Он готов был возненавидеть ее. Он вспомнил Арльбластера, который корчился на земле в предсмертных судорогах. Сжав маленькие крепкие кулачки, Алиса наступала на него. Он оттолкнул ее, ударив по плечу. Она в страхе отступила.

— О Кейв, — сказала она, — ты...

Ее голос дрожал, на лицо набежала тень. Она пятилась, не сводя с него испуганных глаз, а потом кинулась бежать в сторону городка.

Андерсен дождался, когда ее маленькая фигурка исчезнет за поворотом, и вздохнул с облегчением. Наконец-то он свободен! Один. Сам по себе. Не хватало ему еще взять ее в жены — эту старую Ворону. Она почему-то решила, что может составить его счастье.

Увязая по щиколотки в раскисшей после дождя глине, Андерсен добрался до своего корабля. Он похлопал рукой по его округлому боку. На темной отполированной поверхности металлического корпуса он увидел свое отражение и не узнал себя.

— Это не я, — сказал он. — Это какой-то насупленный Ворон сидит в железной клетке, но он не дождется меня.

Его больше не грела мысль о том, что в любой момент он может покинуть эту планету. А корабль не казался могучим красавцем. Груда бездушного металла — и ничего больше.

Скинув с себя липкую тесную одежду и башмаки, он окунулся в мягкие листья, ласкающие кожу, в высокие травы, льнущие к ступням ног, в душистые ароматы растений и пряный запах земли, по которой он ступал босыми ногами. Тени и свет скользили по его лицу, доставляя острое чувственное наслаждение, как будто его кожи касались нежные пальцы любящего существа. Не было больше никакой внутренней борьбы — равновесие и гармония в мыслях и чувствах привели его в какой-то исступленный восторг. Это была победа его нового «я», подчинившего себе все остальные маленькие «я» — злые и ненужные. И он растворился в новом Эдеме.

Гордый собой автор лежал все в той же позе на полу тесной камеры, и, когда он шевелился, его железные доспехи, изготовленные из консервных банок, позванивали. Десятый Координатор и Главный Наблюдатель закончили чтение повести, и в воздухе повисла напряженная тишина, хотя между собой машины, возможно, и вели диалог,

общаясь с помощью высокочастотной связи, — Андерсен об этом мог только догадываться.

Писателю надоело валяться на полу безо всякого дела, и он сел, скрестив ноги. И его угнетала неопределенность: раз уж его поймали, то пусть побыстрей решают его дальнейшую судьбу.

— Может, вы меня отпустите? — спросил он, сам не веря в то, что это возможно. — Ничего, кстати, не имею против того, чтобы снова отправиться в зоопарк. Ну по крайней мере переведите меня в камеру, где я мог бы разогнуться.

— Мне необходимо кое-что выяснить, — спокойно произнес Главный Координатор. — Написанное тобой — правда или вымысел?

— Это беллетристика. Талантливо это сделано или нет, но у каждого жанра свои законы.

— Отдельные моменты, безусловно, правдивы. Например, ты сам. Такой человек, как Фрэнк Арльбластер, — вполне реальное лицо. То же самое относится и к Стенли Мендерстону. Но кое в чем ты погрешил против истины. На самом деле ты не остался на Нехри II, а вернулся на Землю.

— Мой вам совет — выкиньте из ваших мозгов всю эту хреновину. К вам это не имеет никакого отношения. Да и ко мне тоже. Я не пишу больше прозы — только стихи.

— Мы ничего не поняли из твоих объяснений. Ты не ответил на мой вопрос.

— О Боже! Как я могу объяснить?! Я написал эту повестушку, когда возвращался на Землю с Нехри II. Нужно же было как-то убить время. Я вернулся не на ту Землю, которую оставлял. После Атомной Недели от цивилизации остались какие-то разрозненные осколки... Кому теперь нужна моя повесть?

— Что касается Атомной Недели, то тут нам все понятно. Недостает ясности в вопросе о твоей книге. Мы слушаем.

Андерсен тяжело вздохнул:

— Я преступник, Координатор, я знаю. Я совершил побег из зоопарка. Отправьте меня обратно, разрешите мне жить, как и прежде, с моей женой. Я обещаю вам,

что побегов больше не будет. Приходите ко мне в гости, и я с удовольствием за чашкой кофе поболтаю с вами о литературе.

— Принято, — сказал Координатор.

Его превосходному английскому мог бы позавидовать выпускник Кембриджа.

Это было не самое плохое место на планете, и условия жизни здесь нельзя было назвать невыносимыми. Занимавший обширную территорию зоопарк был застроен современными домами с благоустроенными — по нынешним меркам — квартирами. Здесь жило около двадцати тысяч человек, уцелевших после Атомной Недели. Границы этого своеобразного гетто зорко охранялись роботами, а люди бережно сохраняли животных, собранных отовсюду. Для экзотических животных были выстроены вольеры, аквариумы, террариумами. Но миролюбиво настроенным зверям не возбранялось жить, где им нравилось. Нередко можно было встретить льва, свободно разгуливающего по улицам, или бегемота, купающегося в бассейне вместе с людьми. Общая беда всех сдружила, для многих забота о братьях меньших стала едва ли не самой главной. Рядом с домами появились загоны для скота, свинарники, птичники. Поначалу могла показаться дикой такая картинка — современный горожанин гонит по улице стадо овец или свиней, но к этому быстро привыкли. Кое-кто даже обнаружил с удивлением, что свежезажаренный кусок свинины ничуть не уступает по вкусу синтетической сосиске.

Кейв Андерсен сидел на балконе со своей женой Шейлой и, попивая эрзац-кофе, с удовольствием разглядывал принадлежавших ему свиней — он сделал для них загон прямо под окнами своей квартиры.

— Они как-то странно себя вели, — рассказывала Шейла, — я имею в виду роботов. Когда ты исчез, заявились три карлика и все обшмонали. Единственной вещью в нашей квартире, к которой они проявили интерес, была твоя книга. По-моему, они даже сняли копию.

— Она валялась в чемодане под кроватью. Я засунул ее туда и выкинул из головы, но они мне напомнили. Ну

что ж, литературная слава — это не последнее, к чему стремится писатель.

— Вряд ли их может интересовать эта сторона дела. Но что тогда?

Он задумчиво посмотрел на нее. Он все еще недостаточно хорошо ее знал, хотя был уверен, что любит ее. В том невообразимом хаосе, в который он с головой окунулся после возвращения с Нехри II, можно было без особого риска сделать предложение любой приглянувшейся девушке — они были легко доступны, как это бывает во время и после войн. И потом их было больше, чем мужчин. Он не слишком долго приглядывался и раздумывал, но ему повезло в его выборе. Возможно, на чей-то придирчивый взгляд, Шейла не была красоткой, но она была чертовски хороша в постели, отнюдь не глупа, и, похоже, с ней можно было откровенно говорить обо всем, что его волновало.

— До тебя когда-нибудь дойдет истинный смысл того, что произошло, Шейла? Появилось не просто новое поколение мыслящих машин — возникла новая раса, превосходящая нас во всех отношениях. Их умственные способности превосходят любой из самых изобретательных человеческих умов. Мне стало известно, что они стоят на пороге новой цивилизации. Мы даже не в состоянии пока оценить все значение сделанного ими ошеломляющего открытия, которое может в корне изменить не только жизнь машин, но и нашу. Они легко приспосабливаются к любым жизненным условиям, не подвержены болезням, их практически невозможно уничтожить. И даже маленький рост и вес являются важными преимуществами. Шейла, я торчу от них.

— Но есть одна вещь, которую они не могут пока понять. Она ставит в тупик самые умные существа. Это твоя повесть.

Она засмеялась так заразительно, что он не мог не присоединиться к ней.

— Это ты верно подметила, Шейла. Есть нечто, чего они лишены начисто. Это воображение. Координатор, в мозгу которого столько знаний, сколько не уместится в башках всех обитателей зоопарка, нуждается в моем воображении.

— Не совсем так, мистер Андерсен.

Писатель вскочил, чашка дрогнула у него в руке — кофе пролился на брюки. Шейла вскрикнула.

Мыслящая машина, похожая на дорогую картину в золоченой раме, как ни в чем не бывало устроилась на узком ограждении балкона.

Взбешенный Андерсен запустил в робота чашкой, которая ударилась о переднюю плоскость машины и разлетелась на мелкие кусочки. Машина и бровью не повела, надо полагать, из-за отсутствия таковых.

— Мы обладаем мощным воображением. Но нам хотелось бы побеседовать с вами не только об этом важнейшем побудителе творчества, но и о других вещах. О фоне, подтексте, логике сюжета, о спорах, которые вели герои и, наконец, о том, ради чего это все было написано.

Андерсен взял руку Шейлы и крепко сжал ее.

Итак. Начнем с того, на чем мы остановились в прошлый раз. Почему вы написали, что остались на Нехри II, когда на самом деле вы вернулись?

— Пожалуй, будет лучше для нас всех, если ты не станешь увиливать от ответов на прямо поставленные вопросы, Кейв, — пристально глядя ему в глаза, сказала Шейла.

Он пожал плечами — он был сильно раздосадован всеобщим непониманием.

— Не понимаю, чего вы от меня хотите. Это всего лишь литературное произведение — ни больше ни меньше. Мне показалось, что будет правильней оставить Андерсена на Нехри. Мне казалось, что в душе он неандерталец. Я вообще нагородил там много разной чепухи.

— Не понимаю, почему вы так пренебрежительно отзываетесь о своей работе. Никто ведь не заставлял вас городить чепуху. Вы сами все это придумали, — удивленно сказал Координатор.

Теперь он устроился на столе рядом с кофейником.

Андерсен вздохнул устало:

— Я был гораздо моложе тогда. Я ввел в свою повесть Обезьян и Ворон, потому что мне хотелось как-то поярче обрисовать ситуацию. Не так-то это просто понять, а затем

объяснить другим, почему погибла колония яйцеголовых на Нехри. Мне казалось, что корни той вражды, которая привела к расколу и к гибели, находятся в нас самих, в нашем прошлом, в нашем подсознании. Вот я и придумал теорию о кроманьонцах и неандертальцах. Я тогда и представить даже себе не мог, что придуманную мной модель в самом ближайшем будущем можно будет соотнести с той реальностью, в которой мы все оказались на Земле после Атомной Недели.

Погруженный в свои мысли Андерсен уставился на робота. Не видя ни его, ни собственной жены, словно он уплыл от них далеко-далеко, в глубь веков. Он протянул руку и, ухватившись за раму, приподнял робота над столом — он был теплый и немного вибрировал. Координатор не предпринял ничего, чтобы остановить человека. Андерсен с минуту изумленно разглядывал машину, как будто он впервые увидел странный предмет, и осторожно опустил робота на стол, стараясь не задеть кофейных чашек.

— Так вы считаете, что придуманная вами модель подходит для Земли? — спросил робот.

Андерсен вернулся к реальности.

— Почему я должен помогать вам? У вас есть воображение. Выводы вы можете сделать сами. К тому же вы наверняка считаете меня представителем низшей расы. Вы ведь определили меня в зоопарк и справедливо считаете близким родственником обезьяны.

— Тут вы не правы. Мы отдаем вам должное как нашим предшественникам.

— Это не меняет сути дела. Мы тоже считали животных своими предшественниками, но никогда не ставили на одну ступеньку с собой. Большинство видов было истреблено, а уцелевшие экземпляры отлавливались и переправлялись в зоопарки. Ладно уж... так и быть. Познакомлю вас с моей последней теорией.

— Это опять будет художественный вымысел, не подкрепленный никакими научными данными?

— Начальник. Я всегда отталкиваюсь от фактов, а насколько научна моя теория — это вам решать. Излагаю очень коротко самую суть. Всем известно, что в мозгу

человека есть более древние слои — подкорка, а также кора, которая наросла позже. Подкорка — место обитания наших животных инстинктов, а мысль рождается в коре. В стрессовых ситуациях кора отключается, и нашим поводырем становится подкорка. Вот почему человечество потерпело неудачу... мы не смогли отделаться от нашего наследства — животных инстинктов. Каждый раз, пытаясь себя усовершенствовать, мы наталкивались, как на стену, на непреодолимое упорство нашего подсознания, дремлющего до поры до времени... пращур дремлет, а потом вдруг появляется из темноты — в шкурах и с дубиной.

— Но, дорогой, мне кажется, ты несколько сместил акценты и преувеличил роль нашего подсознания...

Он сжал ей руку, и она умолкла.

— Мозг женщины — это всегда загадка. Они лучше ладят со своими инстинктами, может быть, потому что кора у них потоньше и понежней, чем у мужчин.

Он подмигнул Шейле, и Координатор, находившийся у него за спиной, не заметил этого.

— Как соотносится теория с тем, что произошло на Нехри? — спросил Координатор.

— В своей повести я не погрешил против фактов, но по-своему истолковал их. Та модель была совсем неплоха, а с новой теорией факты увязываются безукоризненно. Взять хотя бы Фрэнка Арльбластера. Он нашел единственное правильное решение. Покинуть Землю и на новом месте начать с чистого листа. Он хотел, стряхнув с себя груз прошлого, создать нового человека, свободного от пут старой цивилизации и не зависящего от тех технических усовершенствований, которые на Земле полностью поработили гомо сапиенс, бывшего когда-то царем природы. Но у него ничего не вышло. Он и там проиграл, потому что не сумел справиться с животными инстинктами. Победил пращур в звериных шкурах и с дубиной в руке, живший в подсознании. Вместо того чтобы двигаться вперед, человек вернулся к исходной точке.

— Вы подводите меня к мысли, что нормально развиваться дитя может, только оставив колыбель. И достичь

настоящей зрелости, стать хозяином своей судьбы может только тот, кто переступит порог родительского дома. А еще нужно победить то, что живет в подсознании и перешло к нам по наследству от наших предшественников. Я вас правильно понял?

Поднявшись в воздух, Координатор сделал «мертвую петлю» и снова спикировал на стол.

— Все верно. Кстати, вы очень удачно использовали традиционные фигуры речи, принятые в повседневном обиходе среднего человека. Вы мыслите образами, как и гуманоиды.

— Еще один вопрос. Что стало бы с людьми, если бы они вдруг остались на планете одни, без машин? Одни на разоренной планете, лишившейся практически всех природных ресурсов и пережившей Атомную Неделю. Одни — без помощи и поддержки.

Андерсен прикрыл рукой глаза, чтобы Координатор не смог заметить вспыхнувшего в них торжества.

— Вероятно, мы вернулись бы к исходной точке, к той, с которой цивилизация начала когда-то отсчет. Но мы не пошли бы проторенной дорогой. Теперь-то мы знаем, куда она ведет. Да, начинать пришлось бы с нуля. В какой-то момент планета вдруг снова оказалась бы заселенной неандертальцами. Это уж наверняка. Неандертальская планета.

— Мне пора, — сказал Десятый Координатор. — Счастливо оставаться.

Робот взлетел, и низко паря над землей, растаял в сумерках.

Андерсен вытер пот со лба. Беседа с роботом вымотала его ничуть не меньше, чем тяжелая физическая работа. Он подошел к жене и обнял ее.

— Ни слова больше. Я не могу ни говорить, ни слушать. Молись тихонько про себя, если не забыла, как это делается.

Она прижалась к нему, они прошли в спальню. Она разделась и легла в кровать, а когда он устроился рядом, прошептала, касаясь влажными мягкими губами его уха:

— Может, тебе стоит снова начать писать прозу?

После встречи Андерсена с Координатором прошло пять дней, и вдруг люди начали замечать, что роботы исчезают. В один прекрасный день они исчезли все. На планете остались только люди и звери, и обломки того, что некогда называлось цивилизацией. И люди вышли в открывшийся перед ними пугающий мир на слабых, непривычных к ходьбе ногах.

— И это только твоя заслуга, Кейв, — сказала Шейла.

— Ты не права. Они додумались до этого сами. Может быть, я немного подтолкнул их.

— Нет, — покачала она головой. — Ты их надоумил. Ты — великий человек. Ты — гений, который собирается стать теперь свинарем.

— Я обожаю свиней, — засмеялся он.

Они разговаривали, стоя в центре стада, состоящего из дюжины подсвинков. Они оба осознавали свою ответственность перед будущим за жизнь этих нежно хрюкающих существ.

— Итак, они улетели, исчезли в инвоспектре. Не знаю, во что они там превратились... в элементарные частицы, в волны, в лучи света... наш ум не в состоянии себе это представить, да и какая нам, в конце концов, разница. Они оставили нас в покое, и только это важно.

— Начинается новая жизнь, и какой она будет — зависит только от нас.

— Очень может быть, — задумчиво произнес Андерсен, — что у нас что-то получится... Знаешь, почему я так разговаривал с Координатором? Мне было известно, что его беспокоит. Он промывал мозги Главному Наблюдателю, сторожевому псу, изловившему меня. Я слушал и делал свои выводы. «Мы должны освободиться от человеческого наследия», — говорил Координатор. Они боролись с человеческим в себе как умели. Вывели из строя всех роботов, которые были сконструированы по образу и подобию человека. И все равно у них в подсознании жила мысль о пращуре — человеке. И пока они продолжали жить рядом с нами, они невольно заимствовали наши привычки, обычаи, наш лексикон... Взять хотя бы города-муравейники — точные слепки с наших городов. Теперь у них наконец-то появилась воз-

можность стать чистой субстанцией. Они могут развиваться и совершенствоваться бесконечно в новых измерениях, не оглядываясь в прошлое на своих прародителей.

Они загнали свиней в подъезд дома, опустевшего сразу после исчезновения роботов. Люди разбрелись кто куда. Андерсен запер свиней в просторном холле первого этажа — о лучшем свинарнике не приходилось и мечтать.

— Интересно было бы заглянуть в будущее, — мечтательно сказала Шейла. — Как у нас все сложится? Какими мы станем сами и что будет с человеческим родом?

Андерсен напряженно размышлял. Ну конечно, конечно же. Им нужна собака. На Свалке бродит много одичавших псов — можно попробовать поймать и приручить собаку.

Они с Шейлой поднялись в свою квартиру и без сил рухнули на кровать. Они были слишком усталыми в ту минуту, чтобы беспокоиться о будущем.

Это была странная процессия — четверо спутников, бредущих в никуда.

Впереди шел Ройял Мичер, мой единокровный брат. Его костлявые руки боролись с ветром, пытавшимся содрать с него сильно поношенную накидку. Отвязавшись ненадолго от брата, ветер наваливался на Туртона, нашего бедного старого Туртона, которому и без того тяжело приходилось — он тащил на себе Кандиду. Увы, ему в этом не могли помочь без толку болтавшиеся третья рука и нога — последствия ужасного воздействия радиации. Со своими дополнительными членами, торчавшими из-под черного плаща, он был похож на жука.

Напитавшийся морской соленой влагой ветер теребил волосы Кандиды. Ее голова подпрыгивала в такт шагам Туртона, ее правый глаз бессмысленно пялился на меня.

Я, младший брат Ройяла, Шеридан, замыкал шествие. Неподвижный глаз Кандиды, уставившийся на меня, рождал во мне ощущение какой-то неловкости и вины, он беспокоил меня сейчас больше, чем ветер и все остальное вместе взятое.

Я надеялся, что глаз самопроизвольно закроется от тряски, но он не переставал таращиться. Кандида, четвертая жена Ройяла, даже теперь продолжала следить за мной.

Мы двигались на север, навстречу ветру.

Дорога была проложена по недавно возведенной дамбе. Параллельно ей шла другая, а где-то рядом были насыпаны еще, но мы не могли их видеть из-за сильного тумана, с которым не мог справиться даже ветер. Весь залив постепенно будет разбит на длинные полосы, а потом на квадраты. Море высохнет, останутся грязные лужи, грязь станет почвой, ее соки напитают овощи, а те, в свою очередь, будучи съедены, станут чьей-то кровью и плотью... Призраки будущих поколений витали над заливом... Во имя будущей жизни и проводились мелиорационные работы.

Иногда я оглядывался назад, чтобы оценить расстояние, которое мы прошли, и каждый раз оказывалось, что путь пока пройден незначительный. Из поля зрения не исчезала очень долго труба кремационной печи, над которой курился прозрачный сероватый дым, подсвеченный снизу оранжевым пламенем. Правда, тошнотворный сладковатый запах горелого человеческого мяса не долетал уже до наших ноздрей — дым относил встречный ветер, и все равно забыть запах никак не удавалось.

Всю дорогу Ройял безостановочно говорил, говорил, говорил, обращаясь то к Богу, то к ветру, то к самому себе, то к кому-то из нас.

— Нет, вы только подумайте, насколько расчетливы эти датчане. Больше никто пока не додумался до такого. Кремируют все трупы без исключения, и тех, кто погиб на войне, кто умер от лучевой болезни и утопленников, а золой удобряют поля. Все идет по утвержденному плану — четко, без перебоев вся эта работа организована просто превосходно. И ни у кого не возникает никаких вопросов или тени сомнения, что, возможно, что-то делается не так. Никто даже не вспоминает о моральной стороне дела. Обычное производство. Одна химическая реакция приходит на смену другой. Сорок тысяч погибших от радиации датчан гарантируют хорошие урожаи капусты. Не правда ли, Туртон?

Туртон остановился, а Кандида, лежавшая у него на плече, по-идиотски качнула головой, словно соглашаясь с Ройялом.

— Последние две войны помогли им вырастить много тюльпанов, особенно дело продвинулось, когда были поставлены печи, — сказал Туртон.

Быстро темнело. Ветер стих, и туман сгустился еще сильней, а скованная дамбой неподвижная вода стала совсем черной. Впереди показались огни, и я с благодарностью произнес безобразное название — Нордостбург-на-Лангедийке.

— Гнилое местечко, — сказал Ройял, — мне кажется, что местных жителей должен больше волновать урожай трупов, чем тюльпанов или капусты. Вспомни своего любимого Брауни: «Пусть тела наши выроют из могил — из костей сделают трубки, а черепа превратят в чаши. Наслаждаясь жизнью, друзья, вспоминайте нас чаще». Как там у него еще сказано? «Скорбные истлевшие останки, погруженные в горящие могилы...» С тех далеких пор, когда жил и страдал Брауни, все сильно упростилось. Мы не нуждаемся больше в могилах и колумбариях — нас превращают в золу и удобряют нами капусту...

— В здешних местах выращивают тюльпаны — я это точно знаю, — настаивал старый Туртон, но Ройял не стал с ним спорить.

Он умолк, а потом заговорил опять. Я не слушал его. Мне хотелось сейчас только одного: оказаться как можно скорей в каком-нибудь более теплом и уютном месте, чем то, где мы сейчас находились.

Наконец мы достигли Нордостбурга-на-Лангедийке и, без труда разыскав единственное кафе, вошли в него. Туртон положил Кандиду на скамейку. Он с облегчением разогнул спину. К нам подошел хозяин кафе.

— Мне очень жаль, что я не могу познакомить вас со своей женой. Она находится в трансе, — устало сказал Ройял. — С ней это случается время от времени. Она очень набожна.

— Сэр, а эта леди случаем не мертва? — недоверчиво глядя на него, спросил хозяин.

— Могу вас заверить, что она жива, но находится в трансе.

— Она вся мокрая, — пробормотал хозяин.

— Потеряв сознание, она грохнулась в канаву. Нам пришлось выуживать ее оттуда. Будьте добры, принесите нам три миски супа — только для мужчин, леди не примет участия в трапезе.

Недовольно бурча себе что-то под нос, хозяин отправился на кухню.

Туртон последовал за ним.

— Леди очень-очень религиозна. Она падает в обмороки, когда молится. Мы нарочно приехали сюда из Эдинбурга, чтобы посмотреть на печи. Миссис Мичер была сильно расстроена. Жуткий запах. И шипение, будто жарится большая яичница... Леди кинулась бежать — мы не успели ее задержать. Оступилась — бултых...

— Туртон, — позвал Ройял.

— Я только хотел попросить полотенце, — сказал Туртон.

Под скамейкой, на которой лежала Кандида, образовалась лужа. Постукивая ложками о глиняные миски, мы ели обжигающий рот рыбный суп.

— А ты чего все время молчишь? — спросил Ройял. — Изреки что-нибудь, Шеридан.

— Мне хотелось бы знать, разводят ли здесь рыбу? И что идет рыбе на корм?

Брезгливо поморщившись, он отвернулся. Кафе наполнилось людьми. Все они прибыли вместе с нами из Эдинбурга, чтобы посмотреть на кремацию. Обстоятельства вынудили нас уйти пораньше, и мы не досмотрели представление до конца. Все кончилось очень быстро, и они догнали нас. Шумно обмениваясь впечатлениями, они ели суп — каждый получил по тарелке обжигающего варева. Больше в кафе ничего не было — только суп и пайковый шоколад.

Я помог Туртону взгромоздить бесчувственное обмякшее тело Кандиды к нему на плечо, и мы вышли на улицу.

Погодка продолжала радовать. Полил дождь, и пока мы доплелись до ракетобуса, мы основательно промок-

ли — зато Кандида на дождь чихать хотела, она его не замечала.

Ракетобус, принадлежавший государственной компании, был переделан из стратегической ракеты, а потому говорить о каких-то удобствах не приходилось. Впрочем, полет занимал не так уж много времени. Пролетели над угрюмым морем, пересекли Северную Англию, и вот мы уже в аэропорту Турнхауз, неподалеку от Эдинбурга. Гораздо дольше, чем летели, мы простояли на автобусной остановке. Одну «скотовозку» пришлось пропустить — в нее не все смогли сесть — было очень много народу. Мы втиснулись только в следующий автобус. Увы́, теперь не возьмешь, как прежде, такси и не сядешь за руль собственного автомобиля. После последней войны, из-за нехватки топлива главным образом, весь частный транспорт был поставлен на прикол.

После войны изменилось многое. Например, столицей Европы стал Эдинбург. Конкурентов у него практически не было. Другие крупные города были разрушены либо не годились для проживания из-за высокого уровня радиации.

Представители некоторых старых шотландских родов гордились тем, что так возросло значение их города. Кому-то не нравилось, что население увеличилось во много раз и стало не протолкнуться на улицах и в транспорте. Но для большинства эдинбуржцев это был звездный час. Толпы беженцев, хлынувших отовсюду, готовы были арендовать любые помещения, даже не приспособленные для жилья, и цены достигли астрономических высот.

Когда я вылез из переполненного автобуса в центре города, меня окружила со всех сторон разноязыкая толпа. Кто-то схватил меня за рукав, я выдернул руку, не оборачиваясь, и продолжил путь. Меня опять догнали, и на этот раз мне не удалось вырваться — чья-то сильная рука легла мне сзади на плечо, и я вынужден был остановиться, чтобы разобраться с наглецом. Оглянувшись, я встретился глазами с коренастым темноволосым человеком. У него было запоминающееся лицо — четко прорисованные линии рождали воспоминания о кафедральном соборе.

— Вы Шеридан Мичер, преподаватель из Эдинбургского университета. Вы читаете лекции по истории. Все верно? — спросил он.

Не люблю, когда ко мне вяжутся на улицах незнакомые люди. Пусть даже им известно что-то обо мне.

— Допустим. Я читаю курс лекций по истории Европы.

Я сделал шаг в сторону, и плотный людской поток сразу же выдавил меня с главной на боковую улицу.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — сказал он.

— Кто вы такой? — спросил я. — Если вы надеетесь чем-то поживиться, то я разочарую вас. У меня нет денег.

Он как-то странно был одет. На нем было что-то длинное — сюртук не сюртук — черно-белое, напоминающее сутану.

— Мистер Мичер, у меня к вам серьезное дело. Я живу здесь неподалеку, не больше чем в пяти минутах ходьбы. Я предлагаю зайти ко мне и все обсудить. Обещаю, что не причиню вам никакого вреда — на этот счет можете не беспокоиться.

— Что у вас за дело ко мне? Вы черный маклер? Тогда отчаливайте.

— Идемте. Я прошу вас.

Я пожал плечами и последовал за ним. Мы направились в сторону Грассмаркета и, прошагав два квартала, оказались у цели. Мы вошли в обшарпанный, грязный подъезд, поднялись по винтовой лестнице... Он уверенно карабкался по крутой лестнице почти в полной темноте. Я осторожно нащупывал ногой ступеньки, стараясь не вляпаться во что-нибудь. На одной из площадок открылась дверь, высунулась какая-то карга — у нее за спиной горел свет, дверь снова захлопнулась. Мы опять погрузились в темноту. Нам нужно было подняться на последний этаж. Он подождал меня у дверей квартиры, достал из кармана ключ.

— Я ошибался, считая, что дом изменился с тех пор, как Доктор Джонсон посетил Эдинбург, — сказал он. — Я говорю о Сэмуэле Джонсоне, — добавил он извиняющимся тоном. — Он ведь приезжал сюда, не так ли?

— Доктор Джонсон приезжал сюда, чтобы повидаться со своим другом Босвеллом в тысяча семьсот девяносто третьем году, — подтвердил я.

Отыскав ключом скважину, он вздохнул с облегчением:

— Ну конечно, конечно. Примерно в это же время было закончено строительство дороги, соединившей Лондон и Эдинбург.

Я не понял, что он имел в виду. Дорога была построена значительно раньше. Что за чушь он несет? Я строил различные предположения, пытаясь понять, кто он такой, но так и не смог угадать.

Он открыл дверь, включил свет и ввел меня в свою квартиру.

Квартира была маленькая, с совмещенным санузлом и совершенно пустая. В одном углу стоял ручной электрический генератор, на тот случай, если отключится городская сеть, в другом ширма и узкая кровать за ней. Подойдя к окну, он задернул занавеску, а затем повернулся ко мне.

— Мне, наверное, следовало представиться раньше. Меня зовут Апостол Растел. Капитан Апостол Растел из Исследовательского Корпуса Параллельных Временных Структур.

Я ждал, когда он продолжит свои объяснения. Каких только дурацких названий не услышишь в наши дни, но с подобным я еще не сталкивался. Название его конторы мне ни о чем не говорило. Я молча разглядывал человека, стоявшего напротив. Ему было не больше тридцати лет, он был крепкого телосложения, и у него было необычное готическое лицо. Что скрывалось за его фасадом?

Он исчез за ширмой и появился с портативным дисплеем. Нажав кнопку, он включил его.

— Вам, пожалуй, лучше посмотреть то, что я припас для вас, прежде чем мы начнем наш разговор.

Я увидел на экране себя. Изображение было объемное. Я двигался среди незнакомых предметов — это было похоже на сон. Я не понимал, где могли меня так снять или смонтировать такой видеоклип. Я был тот же самый и

одновременно другой, на себя не похожий. Но у меня не возникало сомнений, что вижу реальность, только странно искаженную. Мне стало не по себе.

— Что это вы мне показали? Откуда это у вас?

— Вы умный человек, мистер Мичер. Я не располагаю достаточным временем, чтобы пуститься в пространные объяснения. Существуют другие миры. Один из них вы только что видели. Я прибыл из него. Да, они существуют, мистер Мичер. Загадочные миры, в которые вы не верите. Я возвращаюсь обратно. Хотите прямо сейчас отправиться вместе со мной?

Я старался не показать своей растерянности. Я верил ему и не верил.

Он между тем продолжал:

— Вам, наверное, известно, мистер Мичер, хотя вы человек не романтического, а практического склада ума, как важно услышать своевременно некий зов, не зазеваться, не проглядеть свою судьбу. Есть люди, которые долгие годы ждут тот единственный поворотный момент, когда в одну минуту меняется вся их жизнь. Мне кажется, вы именно такой человек, мистер Мичер. Вы слышите зов судьбы? Миг настал — и он больше не повторится. Жил такой писатель в прошлом веке, Жан Поль Сартр. В одной из его пьес один герой спрашивает у другого: «Вы хотите сказать, что иногда всю жизнь человека можно оценить по одному-единственному решительному поступку?» «Почему бы и нет?» — был ответ. Итак, я вас спрашиваю, мистер Мичер, вы идете со мной? Готовы вы к поступку?

— А зачем мне это?

— Спросите об этом себя самого — свой внутренний голос.

Я непроизвольно качнул головой, снимая напряжение, стянувшее мышцы шеи. Он принял этот жест за согласие, хотя внутри меня, похоже, в самом деле родилось согласие.

— Так вы решились? Браво! — воскликнул он.

Я позволил ему подвести себя к прибору, внешне напоминавшему «черный ящик», какой присутствует в кабине любого самолета. Повторяю, сходство было чисто

внешнее, как и с дисплеем, за который я принял эту штуковину вначале. Функции его были намного сложнее — это был космический телетранслятор и телетранспортатор одновременно. Сам Растел называл это устройство «небесными вратами» и утверждал, что с его помощью можно совершать переходы в другие миры.

— Вселенная многомерна, мистер Мичер, и вы сами в этом скоро убедитесь. В конце концов мы с вами опять окажемся в привычном трехмерном мире, но при переходе мы выйдем за рамки трех измерений.

— Я ничего не понимаю из того, о чем вы мне рассказываете.

— Ваш разум оказывает сопротивление, что вполне естественно. Постичь многомерность вселенной обычным человеческим разумом невозможно. Представьте себе, что вы живете в двух измерениях. Как будет воспринят вами пузырь, пересекающий плоскость? Точка... маленькая окружность — окружность побольше — большая окружность... точка... Наглядный пример, не правда ли? Мозг двухмерного существа свел бы трехмерный объект к системе последовательных плоскостных отображений.

— Это мне понятно, но дело не только в разуме, а в трехмерности наших тел. До меня не доходит, как такой пузырь, как я, сможет стать многомерным.

— Эта проблема давно решена теми мозгами, которые смогли это понять. От вас этого никто и не требует. Я вам сделаю инъекцию сейчас, мистер Мичер, которая даст нужный эффект. Ваш мозг перестанет сопротивляться.

Это было похоже на настоящее безумие. Вероятно, он просто-напросто гипнотизировал меня.

— Это ничего, что вы плохо подготовлены к переходу. Все пройдет как по маслу. Не бойтесь. Ощущения будут скорее приятные, чем наоборот.

Он протянул ко мне руку, сделав вид, что хочет похлопать меня по плечу, и неожиданно вогнал иглу шприца, спрятанного у него в руке, в мое левое предплечье. Жгучая боль заставила меня вскрикнуть. Я нацелил кулак ему в скулу. Он отшатнулся, а меня вдруг качнуло.

— Присядьте на кровать, мистер Мичер. Я вколол вам очень сильный наркотик. Ваши ноги не будут вас слушаться.

Мне нужно было на чем-то сконцентрировать свое расплывающееся внимание, и я остановил туманящийся взгляд на лице Растела, уравновешенном во всех пропорциях и неподвижном. А колесо уже вращалось, все ускоряясь.

Я почувствовал, что раздваиваюсь. Какая-то часть моего «я» сопротивлялась насильственным действиям. Другая часть, включившая в работу все мои мышцы, нервы, всю бурлящую кровь до последней клетки и атома, устремилась в космос. И откуда-то издалека доносился до меня голос Растела.

— Да-да, это очень сильный наркотик, мистер Мичер, — продолжал говорить он издевательским тоном. — Вам, наверное, небезынтересно было бы узнать, что одной из составных производных этого средства, изобретенного еще в прошлом веке, является никотин. Тот самый сигаретный убийца. Ваше поколение не знает, что такое — вкус табака. Но вам, наверное, попадались на глаза рекламные картинки прошлого века. Какой романтический ореол окружал курильщика. В сущности говоря, никотин вам нужен для того же самого, для чего он был нужен вашим прадедушкам. Они с его помощью расслаблялись, и ваш мозг тоже сейчас в этом нуждается. Сознанию неподготовленного человека трудно переключаться при переходе в другой мир. Не напрягайте без нужды свои мозги. Расслабьтесь.

— Вы меня жутко интригуете, — пробормотал я, сам не понимая смысла своих слов.

— Вам не понадобился бы наркотик, если бы вы занимались йогой. Вы бы сами смогли переключить свое сознание. Все будет хорошо. Не беспокойтесь ни о чем.

Я и не беспокоился. Время куда-то ушло — его больше не существовало. Я выпал из времени, в котором жил до сих пор. Остался один во всей вселенной, наедине с собой, но не было ни страха, ни тоски. Одиночество было спасением.

Я не испытал страха и тогда, когда увидел, что у меня нет больше ноги — она распалась. Потом исчезла вторая нога. Я постепенно растворялся в тумане, окружавшем меня. На меня вдруг уставилась желтоватым зрачком медная пуговица, отлетевшая от моего пиджака. Она пристально разглядывала меня, словно не понимая, что происходит с бывшим хозяином. Я вспомнил строчки из стихотворения Римбауда: «... светящиеся в темноте пуговицы твоего пальто смотрят на нас из глубины спальни, словно глаза обиженной собаки...» Потом пуговица пропала, куда-то подевался Римбауд, и наконец не стало меня.

Я провалился в пропасть. Но вот в том безвременье, в котором я находился, наступил момент, когда в моих медленно пробуждающихся мозгах что-то забрезжило. Вернулись чувства, я постепенно оживал, хотя был все еще очень слаб.

Кончилось действие наркотика. Голова была совершенно ясной, я снова мог отдавать себе отчет во всех действиях. Так бывает, когда кончается любовь. Ты весь выплеснулся — в никуда, в пустоту, и остается только одно — ждать, когда жизнь вернется к тебе.

Я обнаружил, что нахожусь в комнате, очень похожей на ту, куда затащил меня Растел. Тот же вид из окна, на котором не было занавесок, вроде бы убеждал, что комната та же самая, хотя вместе с занавесками исчезли обои, электрический генератор, ширма, кровать, светильники... Не было в комнате и Растела, но вместо него я увидел какого-то урода, одетого в грязную робу.

Стоя у дверей, он удивленно рассматривал меня.

Впрочем, Растел вскоре появился — одновременно материализовались он сам и его «черный ящик».

— Как себя чувствуете? — спросил он. — Неважно? Ничего, скоро будете как огурчик. В первый раз — это всегда тяжело. Нам пора идти. Можете встать на ноги? Мне удалось поймать кеб — он ждет нас на улице.

— Где мы находимся, Растел? Это Эдинбург? Но почему так изменилась обстановка? Если вы морочите мне голову...

Он нетерпеливо щелкнул пальцами, но ответил спокойно:

— Мы с вами оставили один Эдинбург и переместились в другой. В многомерной вселенной у них разные временные координаты. Они очень похожи один на другой, в чем вы убедитесь сами. Идемте.

— Я по-прежнему не понимаю ни слова из ваших объяснений. Я могу встретиться со своим братом и его женой?

— Почему бы и нет? Возможно, вы встретите здесь и себя — здесь, а также в каких-то еще параллельных временных структурах. Это свойство материи — она копирует себя, иногда с точностью до атома, а порой трансформируясь в какие-то совершенно несхожие образцы.

Он говорил все это безразличным голосом, словно повторял урок, заученный в детстве, — всем давно известный и никому не интересный. Вынув из кармана ключ, Растел подошел к парню, терпеливо дожидавшемуся его у двери. Свободно передвигаться тот не мог. Два металлических браслета — на руке и на ноге — соединялись короткой цепочкой. Растел вставил ключ в замок — цепочка упала на пол. Узник или раб — мне было пока не ясно, кто он был такой, — подобрал с пола конец цепи и, потирая рукой лодыжку и прихрамывая, прошелся по комнате. Он не спускал с нас глаз, особенно с меня.

— Кто этот человек? Для чего нужны кандалы? — спросил я.

— Он обязательно улизнул бы, если бы я не ограничил свободу его перемещений. Удрал бы, не дождавшись моего возвращения. Кандалы — единственное средство. — Он достал бутылку из-под полы своего сюртука. — В этой структуре, Мичер, вам это, наверное, приятно будет узнать, существует виски. Глотните — вам это несомненно пойдет на пользу. Лучше будет работать голова.

Я с удовольствием отпил из бутылки — виски был превосходный. По телу сразу разлилось тепло.

— Голова у меня работает, Растел. Но то, что вы сказали о материи, копирующей себя... Вот это действи-

тельно в голове пока не укладывается. Сколько же их всего — параллельных временных структур?

— У меня сейчас совсем нет времени, которое я мог бы потратить на то, чтобы повысить уровень вашей информированности. Вы получите ответы на все ваши вопросы, если будете терпеливы и проявите готовность к сотрудничеству. Могу только сказать, что наш Исследовательский Корпус Параллельных Временных Структур был создан в том же году, когда у вас разразилась Четвертая Мировая война. А в той структуре, где мы с вами сейчас находимся, войны не было.

— В этом Эдинбурге не было войны? И вы так спокойно об этом говорите. Я не хочу вас больше слушать. Вы, наверное, сумасшедший или жулик. Устроили тут цирковое представление. Что это за иллюзион? — все сильней распалялся я. — «Черный ящик», раб в кандалах. Мне осточертели ваши трюки. Я не стану в этом участвовать.

— Вы уже в этом участвуете, — возразил он. — Диббс, помоги мне.

Диббс молча подчинился. Он помог Растелу надеть ранец, в который был упакован «черный ящик». Растел внезапно схватил меня за руку и потащил за собой.

— Идемте. Я понимаю, что с вами происходит. Вы испытали психологический шок.

Ничего, скоро оклемаетесь. Вы сильный человек.

Я вырвал руку и оттолкнул его.

— Вы правы, я сильный. Я никуда с вами не пойду до тех пор, пока вы не ответите. Сколько существует параллельных временных структур?

— Ответ очень прост. Бесконечное количество. Но открыто на сегодняшний день не так уж много миров. Всего несколько десятков. Некоторые из них настолько схожи, что вам и в голову не придет, что это близнецы. Различаются они в незначительных деталях. Иначе пахнет хлеб, другой вкус у виски. Есть шарики, в точности как ваша планета — горы, океаны, облака и дожди, — вот только нет живых существ. А на другой планете растут гигантские папоротники и летают птеродактили. Лучше туда не соваться — обязательно кто-нибудь откусит голову. Вот так, Мичер.

Он открыл дверь и вышел на лестничную площадку. Я последовал за ним.

Новая реальность открывалась передо мной. Меня возбуждала непредсказуемость незнакомого мира. Он бросил мне вызов, и я поднял перчатку.

Был вечер, когда я входил в этот дом, хотя, по всей видимости, это был другой дом, но похожий на вчерашний эдинбургский. Сейчас было утро. Мутно-серые потоки света затопили улицы, словно воды холодной реки.

У меня больше не было сомнений. Это был Аулд Рики. Однозначно — Аулд Рики, а не Эдинбург, в котором я родился. Существовало, правда, какое-то отдаленное сходство. Некоторые здания я узнавал — архитектурный стиль и рисунок оставались чаще всего неизменными, но всегда можно было обнаружить какие-то отличия в цвете стен, свежести штукатурки, в кованых или деревянных деталях оконных решеток и дверей. Конечно, я не всегда помнил, как это выглядело в моем родном городе, но что было важней всего — изменился общий облик улиц. Не то освещение, к которому я привык, не те вывески, не те люди. Вместо демократично одетой шумной толпы, в которой еще совсем недавно толкался я с Ройялом и Кандидой, одиночные прохожие или небольшие группки, состоящие из двух-трех человек.

С первого взгляда можно было определить, что все население делится на два класса. К высшему классу принадлежали мужчины и женщины, неторопливо прогуливавшиеся с высоко поднятыми головами. Встречаясь, они кланялись друг другу и приветливо улыбались. Одеты они были в красивую и дорогую одежду. Мужчины носили короткие кожаные плащи, у некоторых из них на поясах висели шпаги. Женщины были одеты в длинные бархатные платья с белыми накрахмаленными воротниками. Этот класс захватил узкие тротуары, по которым, вероятно, не разрешалось ходить простолюдинам.

Низший класс передвигался по дорогам. Они либо ковыляли неуклюже, держа в руке конец цепочки, закрепленной на лодыжке, либо мчались куда-то впри-

прыжку. Им было не до улыбок и изящных поклонов. У них были угрюмые лица и тяжелый взгляд исподлобья. Одеты они были в грубые робы, на спинах отличительный знак — желтый квадрат.

Я разглядывал горожан, сидя рядом с Растелом в кебе. Это средство передвижения, признаться, изумило меня. Оно было похоже на веломобиль и передвигалось с помощью ног. Но мне не пришлось крутить педалями. За нас с Растелом это делали рабы, прикованные цепями к заднему сиденью. Их было трое, когда мы садились, потом к ним присоединился Диббс.

Помимо велокебов попадались навстречу всадники на лошадях, но в кареты, а тем более в телеги благородных животных здесь не запрягали. Меня удивило, что двигатель внутреннего сгорания нашел пока весьма ограниченное применение, хотя с этим изобретением здесь давно познакомились. Я видел неуклюжие и маломощные машины, работавшие на генераторном газе, полученном из угля. Они были приспособлены для перевозки грузов и нещадно чадили, а прилично одетые горожане шарахались от них, как от чумы или проказы.

— У нас много дешевой мускульной энергии рабов, но мало угля. Нет никакого смысла расширять производство машин, — сказал Растел. — От них одна лишь грязь.

— Если я правильно понял, ваша цивилизация существует дольше, чем наша. Маловато достижений, вам не кажется, Растел?

— С какой стороны на это посмотреть. Если, конечно, оценивать прогресс по чисто материальным стандартам, то вы, безусловно, правы. Но уровень развития техники не говорит еще о высокой цивилизованности.

— Я не оцениваю прогресс по материальным достижениям и уровню техники, хотя ваши педальные кебы и грузовики могут вызвать только смех... жуткий анахронизм, просто жуткий... Ладно уж, Бог с ним. Я как раз о другом. Для меня лично мерилом прогресса всегда была личная свобода... Ну а что касается вас... Вы живете в самом настоящем рабовладельческом государстве...

— Мы живем в рабовладельческом государстве?! Вы меня удивляете. Вы, историк, мыслящий человек. Да, мы живем в рабовладельческом государстве. Но я не вижу в этом ничего ужасного. Скажите мне как историк, а какая нация, добившаяся могущества, смогла обойтись без рабского труда? Древний Рим и Античная Греция, которые так восхищают вас своим искусством, никогда не создали бы ни один великий памятник культуры без рабского труда. Возьмем более свежие примеры. Британская империя. Советский Союз. И потом у нас нет рабства в его классическом варианте. Мы терпимы и снисходительны к человеческим слабостям, мы умеем прощать, мы умеем любить. Те, кого вы называете рабами, в сущности не являются таковыми.

— А что они сами думают об этом? Может, спросим их?

— Замолчите, Мичер. Ради святой Церкви замолчите. Вы и так наговорили много лишнего.

— Церковь-то тут при чем? — искренне удивился я.

— Не богохульствуйте, Мичер. Церковь имеет отношение ко всему. И ко мне, который входит в ее лоно, и к вам, чужестранцу. «Со своим уставом в чужой монастырь не ходи» — так у вас говорят, Мичер? Пока вы будете здесь жить, вы должны будете подчиняться нашим законам. Вы должны сразу себе это уяснить, что у нас Церковь оказывает гораздо большее влияние на граждан, чем у вас.

Я подавленно молчал. Мы с большим трудом вкатились на мост Георга IV. Двое рабов, прикованных к кебу длинными цепями, спрыгнули на землю и подталкивали коляску сзади. Миновав мост, мы покатились вниз по длинному склону холма, то тормозя, то снова ускоряясь, и рессорные подвески делали спуск довольно приятным. Я любовался Эдинбургским замком, неизменно красивым и величественным. Он был и будет к лицу любому Эдинбургу.

Снизу послышался прерывистый свист, на который я сначала не обратил внимания. Но по тому, как напрягся Растел, я понял, что случилось что-то серьезное. Мой спутник вытащил из кармана пистолет и приподнялся на

сиденье. У ступеней Зала Ассамблей потерпел аварию кеб. Он лежал на боку, а трое рабов, прикованных к нему, пытались оторвать свои цепи. Пассажир, сидевший внутри, не мог выбраться самостоятельно — ему зажало ноги тяжелой скамейкой. Высунувшись в окно, он свистел, призывая полицейских.

— Эти собаки разбили еще один кеб. Снова авария и опять на том же месте, — скрипнув зубами, сказал Растел.

— Это очень трудный спуск. Вряд ли можно их винить.

Растел зло взглянул на меня и, приоткрыв дверцу, наставил пистолет на рабов.

— Эй, вы, остановите немедленно. Я сойду, а вы ждите меня здесь. Ты, Диббс, оставайся с ними.

Взвизгнули тормоза, и мы остановились.

Растел спрыгнул на землю, я последовал его примеру. Было холодно, меня познабливало. Только сейчас я ощутил, как далеко я нахожусь от дома, — это расстояние невозможно было измерить в милях. Мысль эта угнетала меня.

— Идемте со мной, Мичер, — позвал Растел.

Срезая себе путь, он стал быстро спускаться по склону — дорога делала в этом месте петлю, — а оказавшись внизу, побежал к разбитому кебу, размахивая пистолетом, но опоздал. Один из рабов оторвал цепь и набросил ее на шею пассажира. Свист оборвался. И в этот момент завыла сирена.

Мимо нас пронеслась полицейская машина, на боковой двери которой было написано: ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИЦИЯ. Обогнав Растела, машина подъехала к лежавшему на боку кебу. Из нее выскочило несколько полицейских, одетых в черно-белые сутаны. Раба, задушившего цепью пассажира, схватили и затолкали в машину. Все произошло очень быстро.

Мне хорошо все было видно с того места, где я стоял. Прислонясь к колесу кеба, на котором мы ехали, я разглядывал полицейский автомобиль, не переставая удивляться тому, насколько безобразна техника этой страны в сравнении с той, к которой привык я. Неужели им самим

не противно ездить на таких автомобилях? Мало того что они впрягли двигатель внутреннего сгорания в старую колымагу, похожую на фургон, в которых разъезжают бродячие актеры, но они еще по-идиотски раскрасили ее: перемежающиеся белые, голубые и желтые полосы — настоящая «канарейка».

Переговорив с полицейскими, Растел выбрался из толпы зевак, окруживших потерпевший аварию кеб, и направился к нам.

— Спектакль окончен, — сказал он, усаживаясь в кеб. — Вам понравилось? Поехали. Тут обойдутся без нас.

Проезжая мимо разбитого кеба, мы сбавили скорость, чтобы не раздавить ненароком кого-нибудь. Толпа собралась довольно большая. Одни только представители высшего класса. Мне показалось, что в толпе мелькнуло лицо моего брата — он обожает подобные зрелища.

Немного расшатались нервишки, сказал я себе, нужно взять себя в руки.

— Чересчур много таких инцидентов в последнее время, — сказал Растел. — Волнения начались несколько лет назад. У них наверняка есть вожак.

— У них, вероятно, есть какие-то основания... Что будет с человеком, убившим пассажира?

— С тем человеком? — Он посмотрел на меня с усмешкой, искривившей его губы. — Что с ним будет? Он убил церковнослужителя. Я был не единственным свидетелем. Он будет повешен у замка на следующей неделе. Что с ним будет? Его похоронят — Церковь милостива.

Мы въехали на Принцесс-стрит. Она мало изменилась, но как-то потускнела. За немытыми окнами витрин малопривлекательные товары, реклама которых была организована из рук вон плохо. Транспорта в этом районе было побольше. Взад и вперед сновали педальные кебы, небольшие автомобильчики с электродвигателями, выглядевшие поизящней, чем те, которые попадались мне на глаза до сих пор. Тротуары были забиты людьми. Некоторые были одеты побогаче, другие победней, но все они были свободными людьми — встретить на этой

улице раба было практически невозможно. Чувствовалось, что настроение у людей хорошее. Они улыбались, смеялись, громко разговаривали — жизнь их радовала. Некоторые болтались без дела, другие заходили в магазины и выходили с покупками. Мне нравилась и была привычной эта суета, я сам с удовольствием бы окунулся в уличную толчею. И мне совсем не хотелось выходить из кеба, остановившегося перед большим серым зданием. Мы сошли, и Растел кивком головы указал мне на дверь.

— Приехали, — сказал он. — Нам сюда.

Выглядит как военное ведомство. Точь-в-точь наше Министерство обороны.

— Как раз наоборот, — возразил он. — Здесь находится Комиссия по ядерному разоружению. Вы, я вижу, успели уже забыть, какая страшная война разразилась на вашей планете. А у нас ее не было.

Внутренняя отделка здания напоминала интерьер отеля, выполненного в стиле ретро: конец девятнадцатого — начало двадцатого века. Пропыленные портьеры, неуклюжая и громоздкая мебель из красного дерева, тусклые светильники на бронзовых подставках.

Растел прошел через вестибюль, подошел к доске бюллетеней и быстро пробежал их глазами.

— У нас есть еще полчаса до брифинга. Мне кажется, вам полезно будет послушать. Я хочу познакомить вас с очень интересными людьми. Увидимся на брифинге. А сейчас вас проведут в вашу комнату — можете пока немного отдохнуть.

Один из мелких служащих подошел к нему и помог снять со спины ранец. Растел чувствовал здесь себя как дома и распоряжался как хозяин. Подозвал жестом какую-то девушку, о которой мне трудно было составить четкое мнение, кто она такая, — служащая или рабыня. На ней не было формы, что было необычно в стенах этого учреждения, но и желтого квадрата — отличительного признака низшей касты — у нее на спине я тоже не увидел.

— Эта девушка позаботится о вас. Вы можете распоряжаться ею по своему усмотрению.

Я почувствовал некоторое беспокойство, когда он исчез, — он был той единственной тонкой ниточкой, которая связывала меня с моим миром.

Девушка провела меня по коридору, затем мы поднялись по лестнице на следующий этаж. Она открыла дверь какой-то комнаты, вошла в нее, а когда я вслед за ней переступил порог, закрыла дверь на ключ и отдала ключ мне. Ее рабская покорность обезоруживала меня, ослабляла мою волю, я не в силах был бороться с соблазнами, словно дьявол нашептывал мне на ухо, дьявол, как две капли воды похожий на Растела. Во мне рождался всевластный господин.

Девушка мне нравилась, хотя она и выглядела нелепо в своем ужасном балахоне и была очень бледна, но у нее было симпатичное лицо, а под платьем угадывалось чертовски соблазнительное юное тело.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она ткнула пальцем в металлическую бирку, прикрепленную на груди. На ней было выгравировано имя Анна.

— Так ты Анна. Разве ты не умеешь говорить? Она отрицательно помотала головой. У меня мурашки побежали по спине. Я вспомнил, что не слышал ни разу, чтобы Диббс издал какой-либо звук, и все рабы, с которыми я сталкивался, тоже были безмолвны.

— Открой рот, Анна.

Она покорно раздвинула челюсти. Розовый язык был на месте и зубы тоже, хотя пара-тройка зубов зияли дуплами и нуждались в немедленном лечении.

— Почему ты не можешь говорить, Анна?

Она откинула голову назад, и я увидел у нее на шее перерезавший ее безобразный шов. У нее были повреждены голосовые связки. Гнев закипел во мне.

— Это делается со всеми рабами?

— Нет, — помотала она головой.

— С некоторыми из них?

Она кивнула утвердительно.

— Это наказание?

— Да, — кивнула она.

— Тебе было больно?

Мука исказила ее лицо.

— Здесь есть еще люди, которые, как и я, прибыли из других миров?

Ответом на этот раз был пустой взгляд.

— Я говорю о чужестранцах. Они прибыли издалека и выглядят не так, как ваши люди.

Утвердительный кивок.

Я вернул ей ключ, она открыла дверь, и мы вышли в коридор. Она остановилась у дверей комнаты, расположенной напротив моей, вставила ключ в скважину — он подходил, очевидно, ко всем замкам на этом этаже. Дверь открылась.

Я увидел рыжеволосого парня, сидевшего за столом и орудовавшего ложкой. Он не перестал есть и тогда, когда, подняв глаза от миски, увидел нас с Анной. Ее, взяв за руку, я тоже затащил в комнату.

— Вы прибыли сюда из параллельной временной структуры? — спросил я.

Он пробурчал что-то неразборчиво — звуки вязли у него во рту, плотно набитом тушеной рыбой.

— Меня зовут Шеридан Мичер, — представился я. — Я историк. То, что я увидел в этой стране...

Подождав немного и не услышав ответа, я продолжал:

— Мы не можем поддерживать этот режим. Вся эта система, основанная на насилии, должна быть уничтожена. Я ищу людей, которые думают так же, как я.

Он привстал, нависая над столом тяжелой мясистой тушей, ложку он так и не выпустил из руки.

— Что это за система, основанная на насилии? — спросил он. — Ты о чем, парень?

Я показал ему шрам на шее Анны и объяснил, откуда он взялся. Выслушав меня, он рассмеялся.

— Тебе бы стоило побывать в моей стране. Не хочешь туда смотаться на денек? Берусь доставить. — Он похлопал меня тяжелой лапищей по плечу. — Как бы тебе понравилось, что вытворяют эти азиаты? Заполонили всю Европу — от них просто проходу нет. Скоро они нас совсем задушат.

— Азиаты? — изумился я. — Они-то тут при чем?

— Как это при чем? Вся эта красная сволочь, китаезы... Разве не они победили в Третьей мировой войне?

Теперь пируют, изгаляются над белым человеком — за людей нас не держат... А ты говоришь, рабство... Тут Церковь, культура, а у нас — узкоглазые...

— Коммунистический Китай?! Выиграл Третью мировую?! Но китайцы в ней даже не участвовали...

— Ну тогда вам здорово повезло, Джек... На вашем месте я бы все-таки остерегался... Не особенно-то им доверяйте — с азиатами нужно держать ухо востро. — Он снова потянулся к миске.

Когда мы с Анной вошли в следующую комнату, мы сильно напугали краснолицего лысоватого человечка, занимающегося любовью с подаренной ему рабыней.

— Я из параллельного мира, — сказал я ему. — Я возмущен здешними порядками. Я надеюсь, что вы тоже отвергаете рабство.

— Пожалуй, то, что я видел здесь, не самый плохой вариант. А что, собственно, не устраивает вас?

— То, что они калечат своих рабов. Одного этого достаточно, чтобы начать борьбу с этой системой.

Он почесал свою лысую голову, оценивая сказанное мной.

— Ну, не знаю... Есть вещи похуже рабства... Это голод и нищета. Рабство по крайней мере гарантирует кусок хлеба. В нашей стране жизненный уровень упал настолько, что дальше падать просто некуда. Кое-кто начинает уже поговаривать, что коммунизм не решает всех проблем... Британия, говорят они, могла бы пойти своим особым путем и доказать всему миру, что альтернатива существует.

Коммунизм в Британии? О Боги!

— Не понимаю, чему вы удивляетесь... В тысяча девятьсот двадцать девятом году к власти пришла коммунистическая партия под руководством мудрого вождя и учителя всех народов Гарри Поллита... Первая пятилетка...

— Прошу вас, не продолжайте — мне больно вас слушать. Вы станете участвовать в борьбе против рабства?

— Я не говорил, что отказываюсь от борьбы. Но я должен прежде созвать конференцию, обсудить с товари-

щами стратегию и тактику нашей борьбы, выбрать руководящие органы... Революционное движение масс и пролетарское самосознание...

Я опрометью выскочил из комнаты и столкнулся с каким-то человеком, бежавшим по коридору. Мы вели себя не слишком-то вежливо, бесцеремонно разглядывая друг друга. Он был молод, одного роста со мной, и, как я оценил на глаз, в нем было столько же фунтов костей, мышц и требухи, сколько и во мне. У него было смуглое лицо, сросшиеся на переносице брови и жгуче-черные глаза. Мне показалось, что я смогу найти с ним общий язык.

— Вы из параллельного мира?

— Ну да, — сказал он и крепко пожал мою руку. — Марк Клауд Гейл, к вашим услугам. Я участвовал во многих мятежах у себя на родине и могу постоять за себя и других. В вас чувствуется военная выправка. Побывали на войне? Я так и думал. Вряд ли кто-нибудь из этих слизняков, попрятавшихся в комнатах, присоединится ко мне, но я объявляю войну сутанам...

— Вы можете рассчитывать на меня. Меня зовут Шерри Мичер, я историк и по необходимости солдат. Нас уже двое, — обрадовался я. — Возможно, к нам присоединятся и другие... А если поднять рабов...

Мы услышали переливистую трель звонка, и разговор наш прервался.

— Брифинг начинается, — сказал Марк. — Нужно послушать, что они там будут молоть. Черт подери, жизнь становится интересной. Обожаю заварушки.

Его последняя фраза смутила меня, не ради же приключений мы вступаем в опасную схватку с режимом. Но в конце концов, не это главное, гораздо важнее то, что у меня появился союзник. Мысль эта грела меня. Если и дальше дела пойдут так же успешно... Меня охватило возбуждение. Я услышал зов судьбы. Подлинную историю не пишут — ее делают. Марк Клауд Гейл и я переделаем этот мир, а потом позовем историков. Скажи мне кто-нибудь вчера утром, что завтра я займусь переустройством мира, я бы рассмеялся ему в лицо, но теперь мне было не до шуток.

Двое полицейских провели нас в зал, у входа в который нас догнал коммунист из Британии, но он сделал вид, что не знаком со мной. Анна куда-то исчезла в тот момент, когда мы спускались по лестнице.

Зал был похож на обычную студенческую аудиторию — длинные столы и жесткие скамьи, кафедра и стол на возвышении. В президиуме сидели представители церковной администрации и референты, с одним из них, Растелом, я уже достаточно хорошо успел познакомиться. За спинами у них стояли полицейские в черных сюртуках, похожих на сутаны. Я насчитал в зале пятьдесят человек, прибывших, судя по разнообразной одежде, из параллельных миров.

На кафедру поднялся весьма респектабельного вида человек.

— Джентльмены! Я обращаюсь к вам ко всем — и тем, кто глубоко чтит Господа нашего, и тем, кто пребывает в неверии, — со словами благодарности за то, что, откликнувшись на наш призыв, вы прибыли сюда, на нашу планету, согреваемую светом любви Отца нашего и оберегаемую матерью-Церковью. Мы приветствуем вас на этой святой земле. Вам выпала великая честь. Вы присутствуете на первом брифинге, посвященном истории и перспективам развития Параллельных Временных Структур. Мы ознакомим вас с историей нашей планеты — сравнивайте, делайте выводы. Нам интересно будет выслушать ваше мнение о возможных путях развития нашей системы. Мы очень рассчитываем на вашу помощь и с благодарностью выслушаем любые советы. Мне, члену Координационного Совета Объединенной Мировой Церкви, главе администрации города Эдинбурга, лейтенанту Исследовательского Корпуса Параллельных Временных Структур Дикону Блигху, поручено открыть брифинг. А теперь перед вами выступит капитан Апостол Растел.

Растел поблагодарил Блигха, склонив голову, и занял его место на кафедре. Доклад продолжался около двух часов — они пролетели незаметно. За это время ни один звук не нарушил тишины — все напряженно слушали. Мы узнавали историю мира, схожего иногда до мелочей,

а иногда в корне отличного от тех, история которых была не просто нашим прошлым, но и сегодняшней болью. Конечно, в изложении Растела это не могло быть чистейшей правдой, основанной на строгих научных фактах, тенденциозность пронизывала каждую его фразу, но все равно было безумно интересно.

Я не стану здесь приводить весь доклад, который мне удалось законспектировать. Приведу несколько выдержек.

...В середине двадцатого века Церковь контролировала практически все сферы, не только духовную и общественно-политическую, но и сферу производства. Представители Церкви входили во все правительства, парламенты, в комитеты по безопасности и обороне, и везде их голос стал решающим. Объединение всех религий положило конец национальным распрям. Контроль над вооружением, включая ядерное, обеспечил стабильность... Но и торможение производства, вызванное сокращением военных заказов. Перестала развиваться космическая техника, потому что были сняты с производства ракеты, — Церковь наложила вето на любую технику, которая могла быть использована в войне. О полетах на ближайшие планеты, такие как Марс и Венера, никто и не помышлял. Представляю, каким потрясением для них стал бы мой рассказ о битве за Венеру в ходе Пятой мировой войны, в которой я принимал участие. В парламентах большинства стран планеты, о которой нам рассказывал Растел, по требованию церковных ханжей были приняты законы, запрещающие применение противозачаточных средств. Население планеты быстро возросло. Обнищание части населения, переизбыток дешевой рабочей силы должны были неизбежно породить и в самом деле породили такое позорное явление, как рабство. Ну а что касается положительных моментов... К ним можно отнести некоторые выдающиеся открытия ученых, одним из которых стали «небесные врата», устройство, с помощью которого можно переместиться в параллельный мир. Да, роль церкви, как я понял, была здесь совсем не такой, как на моей родной планете. Церковь подмяла здесь под себя все властные структуры и стала монопольно управлять миром. Увы, результаты это-

го правления самые плачевные, для меня в этом не было никаких сомнений.

Растел закончил свой доклад, и к сидящим в зале снова обратился председательствующий Блигх.

— Джентльмены. Вы, вероятно, понимаете, какая ответственность лежит на вас... Вы должны дать правильную оценку и попытаться выработать какую-то общую точку зрения, если это возможно. Все это крайне важно для нас. Мы собрали здесь не случайных людей. Вы все историки или общественные деятели из разных миров, разных, я надеюсь, не настолько, чтобы не прийти к согласию. Буду до конца откровенен с вами, господа. Несмотря на то что планета уже сто лет не знает, что такое война, система наша, как это признается некоторыми из нас, находится на грани краха. Да, мы стоим на краю пропасти. Мы, которые всегда пеклись о благе ближнего, так и не сумели внушить простому человеку, что добродетель всегда будет вознаграждена в будущей жизни, что праведника ждет рай, что милость Божья одинаково распространяется на всех, независимо от их социальной роли. На том свете Бог спросит с имущих строже, чем с неимущих. Там у управляющего не будет никаких преимуществ перед его слугой. Все мы слуги Божьи. Перед Богом все равны. Но этот сброд, эта чернь не хотят нас слушать. Они бунтуют. Они уже захватили столицу, Лондон в руках восставших. Конечно, Церковь там не справилась с возложенными на нее задачами, виноваты в первую очередь центральные органы — их тоже поразил общий недуг... Ситуация осложняется тем, что руководство распалось на две группы... Одна часть за решительные действия и жесткие меры, самые жесткие, включая использование ядерного оружия. Должен признаться, что кое-какое оружие мы все-таки сохранили. Другие настаивают на переговорах... Вопрос ставится именно так, господа... Должны ли мы стереть с лица земли Лондон, воскресив тем самым призрак мученичества, в ореоле которого восставшие предстанут перед этим и всеми другими мирами? Или, организовав длительную блокаду, принудить их сдаться, а затем простить... Простить, выказав тем самым слабость... Они боятся, боятся нас, потому и прощают, скажет чернь,

сильный должен отсекать гниющие части — иначе может погибнуть весь организм. Карающая рука — рука хирурга... Трудно, ох как трудно найти исчерпывающий ответ... И вот инициативная группа, которую возглавляю я, впервые в истории нашей планеты решила обратиться к чужому опыту... Ваше мнение, мнение экспертов из параллельных миров, может сыграть решающую роль... Мы вас выслушаем, господа, после перерыва. А сейчас отдохните. Мы вас покормим обедом — на голодный желудок голова соображает плохо, — покидая кафедру, добродушно улыбнулся он.

На кухне, которая находилась рядом с залом, уже звенели тарелки, оттуда доносился запах подгоревшей каши и пряный аромат мяса, поджаренного с кореньями. Обслуга — рабы обоего пола — начали обносить участников брифинга тарелками с едой, переставляя дымящиеся блюда с подносов на столы.

За наш стол пересел коммунист из Британии.

— Вопрос, конечно, интересный, — поглаживая рукой лысину, сказал он. — Либерализм всегда производит впечатление на обывателя, если он хорошо инсценирован.

— Но страх производит на обывателя еще большее впечатление, — сказал кто-то за соседним столом и засмеялся.

— Эти крысы церковные, эти вонючки в сутанах, — зло блестя глазами, сказал Марк, — да они просто-напросто ханжи и лицемеры. Вы, наверное, сами прибыли из таких дерьмовых мест, где свободы никто и не нюхал. Неужели вы можете им доверять? Они на нашу помощь, видите ли, рассчитывают. Пусть сами из дерьма вылезают, а я лично добавлю им головной боли. Ну а ты что скажешь, Шерри?

— Это просто замечательно, что Лондон уже не принадлежит им. Здесь пятьдесят человек из параллельных миров. Большинство из них наверняка думает так же, как и мы с тобой. Нужно поговорить со всеми...

— Нет, Шерри, — не согласился он со мной, — Не годится. У меня есть план.

Он пододвинулся ко мне ближе и заговорил шепотом. Лысый коммунист вытянул шею, чтобы услышать наш

разговор. Марк поймал двумя пальцами его нос и сдавил так, что у того на глазах выступили слезы.

— Ну куда ты лезешь, стукачок? Слушай, лысый, ты свой нос девкам под юбки засовывай, а в серьезное дело не встревай — прищемят нос.

Вырвавшись из железной руки Марка, коммунист отсел от нас подальше. Марк продолжал мне нашептывать на ухо:

— У меня по этой части большой опыт. У себя на родине я был инструктором в одной из военных школ, а по совместительству преподавал историю. В одном я уверен, Церковь всегда имела дело только с рабами, она всегда ограничивает свободу. Вдвоем мы сумеем отсюда вырваться. А если придется из кого-нибудь вышибить дух, то тут нет ничего страшного.

— Что ты собираешься делать?

Я уже начинал жалеть, что связался с ним. У меня появилось предчувствие, что он может втянуть меня в какое-нибудь грязное дело.

— Нужно попытаться достать оружие. Тебе ведь приходилось воевать, Шерри. Ты не новичок в этих делах.

Я участвовал в Пятой мировой войне. Сражался на Земле и на Венере.

— Ох уж эти мировые войны. Чего в них хорошего? У нас только локальные конфликты, но горячих точек — уйма. Навоеваться можно от души. Если ремеслом этим владеешь хорошо — без куска хлеба не останешься. Нужно пробраться на кухню. На кухнях всегда есть что-нибудь режущее или колющее. Ну что, идем?

Не дожидаясь моего ответа, он выскользнул из-за стола и направился в сторону кухни. Что мне оставалось делать? Я двинулся за ним.

Кухня плавала в пару, который помешал нам вовремя увидеть надзирателя с кнутом, вынырнувшего откуда-то сбоку. Это был типичный прихлебатель, жирный кот эдинбургской породы. Он был тут главным начальником над сковородками, кастрюлями и примерно тридцатью рабами. У него был еще один помощник, который находился в это время за плитой. Начальник громко позвал его, и тот ответил.

— Оставь этого парня мне, — шепнул я Марку. — Займись вторым.

— Что вам угодно, джентльмены? — спросил надзиратель, с подозрением глядя на нас.

Я взял со стола металлический поднос, повернулся к нему боком, словно собираясь уходить, и вдруг резко метнул поднос, когда-то я был чемпионом курса по метанью диска. Тяжелый снаряд врезался острым ребром надзирателю в переносицу — он упал как подкошенный. Я увидел, что на спине у него пришит желтый квадрат.

Около стены стояло несколько швабр. Схватив одну из них, я подбежал к дверям, соединявшим кухню с залом, — они были двустворчатые и открывались наружу. Я просунул швабру в медные петлеобразные ручки. Потом для надежности придвинул еще и деревянный стол. То же самое я проделал с дверями, через которые можно было попасть во двор. На какое-то время это задержит наших врагов. Пока я бегал со швабрами и толкал столы, Марк успел расправиться с помощником надзирателя. Кухня была наша!

Оставив работу, рабы сбились в одну большую кучу и с ужасом смотрели на нас с Марком. Вооружившись огромным мясницким ножом, я вскочил на скамейку и закричал:

— Граждане! Вы можете обрести свободу! Вы можете стать свободными с этой самой минуты. Это ваше законное право. Человек рождается для жизни и свободы. Но за свои права нужно драться. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Пробил ваш час! Вооружайтесь! Вместе выступим против угнетателей. Наш героический пример вдохновит всех угнетенных. Да здравствует свобода!

У Марка от удивления глаза стали совсем круглыми. Он, вероятно, решил, что я свихнулся. Рабы, скорее всего, думали обо мне то же самое. Как только они услышали, что в двери стучат, они кинулись к выходу, оттолкнули стол и попытались выдернуть швабру, но задние наваливались на передних, и они только мешали друг другу.

Спрыгнув со скамейки, я врезался в гущу рабов — они были мягкие и податливые. Одного за другим я стал отшвыривать их от дверей.

— Трусы! — орал я на них. — Мы пытаемся вам помочь. Мы это делаем для вас. Они же вас убьют, идиоты! Вы этого хотите? Отойдите от дверей!

Марк схватил меня за руку и оттащил в сторону.

— Шерри, ради всего святого, ты сумасшедший! Это же быдло! Дерьмо! Родились несвободными и сдохнут на коленях. Им не нужна свобода. К кому ты взываешь?! Оставь их в покое. Пусть их всех тут изрубят на котлеты. Собакам — собачья смерть... Нам нужно уносить ноги...

— Марк, но мне казалось, что это наш долг — дать свободу этим несчастным...

Он сжал кулак и потряс им в воздухе.

— Я дерусь не за их свободу. Я объявил войну сутанам. Они мои заклятые враги. Но в союзники я не возьму себе рабов — только свободных людей. Я знаю, в чем заключается мой долг, и выполню его до конца. Ну что ты стоишь? Идем.

Но мы не можем оставить этих людей. Мы убили надзирателей.

— Идиот! Интеллигент! Либерал хренов! Где ты увидел людей? Это дерьмо и быдло...

Подбежав к оцинкованному столу, он схватил мясницкий тесак и издал грозный рык... Лицо у него стало красным от прихлынувшей к нему крови, на шее вздулись вены... Судя по нарастающему грохоту, полиция всерьез взялась за дело — скоро они выломают дверь. Сгрудившись снова в кучу, рабы тревожно посматривали то на нас, то на дверь, от которой теперь все отхлынули.

Марк указал пальцем на маленькую железную дверцу — за ней находился грузовой подъемник. Мы с Марком, пригнув головы, забрались в грубо сработанный ящик, у которого не было боковых стенок, и я потянул за веревку, переброшенную через блок, — механизм был наипростейший, работал он на ручном приводе.

— Стойте! Подождите меня! — услышали мы чей-то отчаянный вопль.

К нам подбежал надзиратель, тот самый рыжий эдинбургский кот, которого я вырубил... Очухался все-таки...

— Я с вами. Мне надоела эта скотская жизнь. Прошу вас, возьмите меня с собой. Я тоже неплохо умею драться.

— Ну нет, — сказал я. — Уж лучше бы ты был рабом, чем прислужником... Вот ты как раз и не можешь называться человеком, не достоин... Надсмотрщик... Рабы не растерзали тебя только потому, что они трусы.

— Успокойся, — сказал Марк. — Это же хорошо, что он стоит на ступеньку выше, чем обычный раб. Он уже понимает разницу между человеком и скотиной. И потом он здесь знает все ходы и выходы. Давай, парень, залезай побыстрей...

Эдинбуржец влез в ящик, мы с ним вдвоем ухватились за веревку, и ящик, поскрипывая, стал подниматься вверх.

— Нам сейчас позарез нужна пара-тройка полицейских, — сказал Марк. — Тогда мы сможем незаметно выйти из здания.

— Нет ничего проще, — пробурчал эдинбуржец. — Здесь этого сброда хватает. Можете положиться на меня — я вам быстро их организую. Кстати, меня зовут Энди Кембелл. Я чертовски рад, что повстречал таких славных парней.

— Меня зовут Марк, а это Шерри... Он ничего не имел против тебя лично, когда метнул поднос...

— Слушай, парень, будь у меня черепушка не такой дубовой, ты бы расколол ее на две части... Ну да ладно, простим друг другу, как прощает нас Господь Бог... Я столько нагрешил за сегодняшний день, что мне срочно нужен духовник... А вот и он... Молодец, не заставил себя ждать...

Остановив наш лифт, мы вылезли на свет Божий на лестничной площадке одного из последних этажей. Какой-то человек в сутане спускался по лестнице. Увидев нас, он остолбенел. Размышлять было некогда — коротким ударом в челюсть я свалил его на ступеньки. Он оказался крепче, чем я думал. Побывав в нокдауне, быстро пришел в себя и заорал, как недорезанный хряк. Тут же на пло-

щадку выскочил полицейский офицер. Видели бы вы его лицо в ту минуту — он побелел от страха, увидев трех человек с мясницкими тесаками и священнослужителя, корчившегося от боли на ступеньках, — я еще добавил ему, погрузив носок тяжелого армейского ботинка в мягкий живот. Рука офицера потянулась к шпаге, висевшей у него на боку. Энди опередил его. Он спокойно воткнул в него свой нож, как, вероятно, поступал многократно, разделывая туши животных. Разрезав мундир, широкое лезвие легко вошло в грудь и в сердце полицейского. На груди у него расплылось красное пятно. Умер он сразу. Мне кажется, он даже боли не успел почувствовать.

— Молодцы, парни, — похвалил нас Марк. — Сработано по высшему классу.

Он открыл дверь ближайшей комнаты — она была не заперта, и мы затащили в нее тело мертвого полицейского офицера и священника, лепетавшего что-то бессвязное. Комнатка была довольно уютной и обжитой. На столе стоял горячий чайник и чистые чашки. Все говорило о том, что хозяин отлучился ненадолго и вот-вот должен вернуться.

— У нас есть два комплекта одежды, — сказал я. — Переодевайтесь, а я выйду в коридор, посмотрю, что там делается. И давайте побыстрей, если не хотите, чтобы вас застукали со спущенными штанами.

Я вышел в коридор и прислушался — кто-то поднимался по лестнице. Рядом с лестничной площадкой находился темный чулан, в котором пылились метлы, — он запирался на щеколду. Я быстро заскочил в него и затаился. Дверцу, чтобы она не отворилась, я придерживал изнутри. Шаги приближались... Человек, проходивший мимо чулана, внезапно остановился — что-то привлекло его внимание... Щеколда, догадался я. Я слышал его дыхание, а потом в широкой щели между дверью и косяком появился желтый глаз — он пристально вглядывался в темноту... Я распахнул дверь ударом ноги, и тот, кто стоял за нею, упал... Я кинулся на него и, придавив коленом грудь, стал его душить. И только тогда, когда он захрипел, я осознал, что мои пальцы сошлись на горле у Растела.

— Марк! — громко позвал я. Услышав мой крик, он примчался и приставил нож к горлу Растела.

— Не нужно его убивать, — сказал я. — Это мой знакомый.

— Знакомый?! — изумился он. — Да понюхай, как от него воняет. Смесь ладана с дерьмом. Отрезать ему башку, и все дела. А сюртучок его сгодится — твой размер.

— Из него получится хорошее жаркое, — сказал Энди, — подпахивает немного козлом, но это ничего. Насадим его на вертел и зажарим в камине.

— Не трогайте его, — твердо сказал я. — Одежду мы с него, разумеется, снимем. Мы его свяжем и оставим здесь.

— Тогда раздевай его побыстрей, — сказал Марк.

Растел был сильно напуган, я видел это по его глазам. Он безропотно дал себя раздеть. Вид у него был жалкий.

— Помнишь, Растел, что ты мне говорил? Иногда одна минута стоит целой жизни. Этот миг для тебя мог стать последним. И в твоей судьбе, возможно, наступит крутой поворот. Ты успел услышать голос судьбы?

Он промолчал. Я натянул его брюки и сюртук. Они пришлись мне впору. Эта была какая-то другая одежда, не та, в которой он был утром. Вероятно, переоделся перед брифингом. Револьвера у него при себе тоже не было — я проверил карманы.

— Вы уже придумали, что нам делать дальше? — спросил я, обращаясь к Марку.

— Пока нет... Но отсюда нужно уходить. Полицейские могут нагрянуть сюда в любую минуту.

— Будь они чуточку поумней, они выставили бы в зале усиленную охрану. У них не было никаких оснований считать, что мы будем лояльны. Но первая растерянность прошла, и сейчас они накинутся на нас всем скопом. Если бы нас было побольше...

— Черт бы меня подрал. Кажется, нам повезло. Кто-то нам помогает — Бог или дьявол. Полицейская машина у подъезда, — выглянув в окно, сказал Энди. — Из вас двоих кто-нибудь умеет водить машину? Мы можем доехать до Лондона.

— У меня никогда не было своей машины, — сказал я. — У нас вообще нет частного транспорта, а о профессии водителя автобуса я никогда не мечтал.

— У нас вы не найдете человека, который не умел бы водить машину, — сказал Марк. — Экзамен по вождению сдает каждый выпускник средней школы. — Он посмотрел в окно. — Да уж, драндулет еще тот. Ничего, думаю, я быстро разберусь, как управляться с этой колымагой. Все будет о'кей. Но в Лондон мы на ней не поедем. Мы воспользуемся той же штуковиной, с помощью которой попали сюда, «небесными вратами». Я знаю, где их можно раздобыть. Полчаса езды отсюда. Смотаемся ко мне на родину — погостите чуток у меня дома. Там есть кое-что получше этих тесаков — сами увидите... Вооружимся до зубов — нам сам черт будет не страшен. Вернемся снова сюда — они у меня тогда попляшут, вонючки в сутанах... Повоюем на славу. И против того, чтобы лондонцам помочь, я тоже ничего не имею, — возбужденно говорил он. — Вы согласны?

Идея в принципе мне понравилась. Сдернув с окна занавеску, я разодрал ее на ленты и связал Растела, в рот я воткнул ему кляп. За стенкой послышалось гуденье.

— Лифт, — закричал Энди. — Наверняка это полицейские.

— Я видел в чулане брезентовые рукавицы, — сказал Марк. — Быстренько, Энди, притащи их сюда.

Энди сбегал за рукавицами. Марк одел их, выхватил из камина чугунную корзину с пылавшими в ней дровами и выскочил с ней на лестничную площадку. Поковырявшись ножом, Энди почти мгновенно открыл дверь лифта. Марк швырнул в шахту горящие поленья. Перепрыгивая через ступеньки, мы кинулись вниз по лестнице. И почти сразу наткнулись на полицейских.

— Пожар, — заорал я. — Немедленно приступайте к тушению. Мы постараемся задержать преступников. Никуда не денутся. Здание оцеплено. — На лестнице уже запахло дымом. — Поднимайтесь выше. Горит на третьем этаже.

Полдюжины полицейских, тяжело топоча сапогами, промчались мимо.

Мы выскочили во двор, где нас легко можно было увидеть из любого окна. Правда, начинало уже темнеть, что было нам на руку. Во дворе стояли две машины. Автофургон с мясом, который разгружали рабы, — он только что подъехал. И полицейская машина, которую мы видели из окна. За рулем сидел полицейский — он уткнулся в газету и ничего не замечал вокруг.

Я подбежал к машине и рванул на себя дверцу. Увидев незнакомого человека, одетого в форму, полицейский заколебался, но пистолет на всякий случай выхватил из кобуры. Энди и Марк были уже в машине — они сели с другой стороны, и Энди обхватил полицейского сзади — ему никак не удавалось добраться до горла, полицейский извивался как уж... Мне не хотелось пускать в ход нож — уже достаточно было пролито крови, я стоял в растерянности, не зная, что предпринять. И вдруг грохнул выстрел. Пуля пролетела рядом с моим ухом. Я выбил из рук полицейского пистолет, и, стукнувшись о дверцу, он отлетел в канаву. Мы с Энди отпихнули наконец упрямца в сторону. Марк сел за руль и, проклиная все на свете, попытался завести машину. Он называл разными нехорошими словами тех, кто создал это чудо техники. Он страшно удивился, когда с пятнадцатой попытки мотор чихнул и завелся. Мы медленно откатились от подъезда.

Двое полицейских, привлеченных выстрелом, бросились к нам. Они были вооружены только короткими штыками. Машина, на которой мы удирали, была похожа на старинный кабриолет — высокий кузов и широкие подножки по бокам. Полицейские, не раздумывая, запрыгнули на подножки. В открытое окно просунулся штык — Энди схватил руку, державшую оружие. Но он не уберегся от удара, который нанес другой полицейский. Повезло — плоское лезвие скользнуло по плечу, не причинив ему вреда. Марк между тем закладывал один крутой вираж за другим. Сначала он прижался боком к автофургону с мясом и, раздавив полицейского, как клопа, сбросил его на мостовую. Потом он проделал этот трюк еще раз — размазал полицейского по каменному забору.

Энди наконец-то справился и с упрямцем, но тот никак не хотел расставаться с жизнью. Энди придушил его, а

он опять задышал. Энди с досадой сплюнул в окно и протянул мне фляжку, которую обнаружил в кармане у священника. Я отпил несколько глотков... Что они замечательно умели делать в этой стране — так это виски. Энди тоже приложился к фляжке и восхищенно зачмокал языком.

— Проще водить вертолет, чем эту идиотскую машину, — пожаловался Марк, но мне нравилось, как он укрощает эту дикую зверюгу. Он вел машину как по ниточке, на той предельной скорости, на которой мы не привлекали к себе внимания, хотя он считал, что из мотора можно выжать и побольше.

Машин на улицах было мало, и улицы были плохо освещены, у нас были все шансы доехать до места, ни у кого не вызвав подозрений. Меня удивило, что мы не встретили по дороге ни одного раба. Возможно, им запрещено с наступлением сумерек выходить на улицы, но, возможно, это связано с каким-то ритуалом, например общей молитвой. Я хотел спросить об этом у Энди, но он заговорил о другом.

— Я знаю одно местечко, где мы сможем получить все необходимое. Сверни на следующем перекрестке направо, Марк, — сказал Энди. — В конце Ганновер-стрит есть универмаг. Простым смертным дорога туда закрыта, но я думаю, что для нас будет сделано исключение. У нас на кухне болтали, что там продают «небесные врата». Не любому, разумеется, а по особому списку. И я знаю парня, который это говорил, — ему можно верить.

— Но Марк хотел отвезти нас в другое место. Ты говорил, Марк, что это рядом с мостом? Я прав?

— А зачем нам это нужно — такой риск? — воскликнул Энди. — Там полицейских как собак нерезаных, кишмя кишат... Поехали в универмаг... Туда мы доберемся без приключений.

— Поехали в универмаг, — согласился с ним Марк. — Какая мне разница, куда ехать.

Огни Принцесс-стрит остались позади. Мы быстро отыскали универмаг — солидное здание, сооруженное из серого гранита. Надпись на вывеске гласила: МИРНЫЙ ВОИН. Это был гарнизонный универмаг.

Вдруг Энди издал сдавленный стон. Полицейский, придушенный им, очухался... Он поднял с полу штык, валявшийся в машине, и вогнал Энди под ребра. На черта мы возили его с собой? Я посасывал в это время виски. Стеклянная фляга, которой я его ударил, разлетелась на мелкие осколки — у него был крепкий череп... Он выдержал удар, не сморгнув глазом... Впрочем, глаз я ему, кажется, все-таки выбил. Выдернув штык из Энди, он замахнулся им на меня. Перехватив его руку, я развернул штык и с силой надавил... Блеснувший в темноте стальной луч мягко вошел ему в шею и перерезал сонную артерию. Для него сразу наступила ночь. На самом деле был еще вечер, и нам нужно было успеть в универмаг до закрытия.

Машина остановилась. Мы немного не доехали до освещенного подъезда.

— Выходим, — сказал Марк, обернувшись ко мне. Он потрогал руку Энди, бессильно опущенную вдоль тела, потом тряхнул за плечо полицейского. — Оба мертвы, — констатировал он. — А ты молодец. Настоящий боец, — похвалил он.

Мы вошли внутрь за несколько минут до закрытия. Народу в магазине практически не было. Продавцы убирали с прилавков товар. Нам помогло то, что мы были в формах. Нас приняли, вероятно, за обычный полицейский патруль, который всегда обходит магазины перед закрытием. Мы зашли в туалет, просидели там с полчаса и осторожно вышли в вестибюль. В эту минуту кто-то выключил свет, и здание погрузилось в темноту. Мы постояли неподвижно на месте, прислушиваясь, — все было тихо. Затем мы отправились на поиски нужного нам устройства. Снаружи через широкие окна проникал свет фонарей, освещающих площадь, и мы без особого труда нашли нужный нам отдел. ППВС — гласила надпись на указателе. Хорошо, что им известны светящиеся краски, подумал я. Мы спустились по лестнице и оказались в подвале. Я на ощупь нашел выключатель у входа и решил, что это будет не слишком рискованно — зажечь свет, в этом помещении не было окон, с улицы нас не увидят.

Мы вдруг оказались в тропическом лесу. Здесь росли высокие пальмы. Аромат цветущих роз смешивался с тонким запахом орхидей. В центре зала был устроен бассейн, на темной поверхности которого дремали водяные лилии и розовые лотосы. Интерьер был продуман до мелочей, здесь во всем пытались угодить изысканным вкусам богатых покупателей. На небольшом возвышении кафе, построенное в форме бунгало... бамбуковые стволы оплетены лианами... удобные мягкие кресла приглашают к отдыху... из калориферов дует теплый и влажный ветерок... Высшему классу в этой стране живется совсем неплохо.

На демонстрационном стенде мы нашли установки ППВС, за которыми сюда и явились. ППВС — Перемещения в Параллельных Временных Структурах — так расшифровывается эта аббревиатура.

Я боялся сейчас только одного, что мы не сумеем воспользоваться установками. Но все оказалось проще, чем я думал. Имелись инструкции, написанные простым, четким языком. Любой дурак сумел бы разобраться в них.

— Почему так странно устроен мир? — спросил я. — В стране с отвратительным социальным устройством, с низким уровнем цивилизации рождается вдруг гений, который указывает людям дорогу к звездам. Но опутанные рабством, они не могут идти по этому пути. Конечно, мир, в котором мы очутились волею судеб, может гордиться тем, что он не знал мировых войн, но им дорого это обошлось — они заплатили свободой.

— У нас тоже не было мировых войн, — пожал плечами Марк.

— И как же вы этого добились? — спросил я. — У вас, я надеюсь, нет рабства?

— Шерри, ты помешался на этой теме. Не бывает так, чтобы всем было одинаково хорошо. Человечество делится на высших и низших, на господ и слуг, на людей и скотов — и это справедливо. Это в природе вещей.

Отложив в сторону инструкцию, я изумленно воззрился на него:

— Как ты можешь говорить так, Марк? Для чего же мы все это затевали? Кому нужны были все эти жертвы?

Мы пролили кровь. Разве мы не с рабством боролись? Я готов умереть за то, чтобы сделать людей свободными.

Он стиснул зубы, около рта залегли жесткие складки, и взгляд тоже стал жестким.

— Мне никакого дела нет до рабов. Я воюю с сутанами. Нет в мире отвратительнее религии, чем та, которая проповедует любовь к ближнему и всепрощение. Я никогда не прощаю своих врагов. И мне омерзительны те, кто забивает этой дурью чьи-то глупые головы.

— Знаешь, те служители культа, которых я встречал здесь, в самом деле малосимпатичны.

Они не похожи на духовных лиц. У нас совсем другая Церковь. Наши духовные отцы действительно заботятся о нас, помогая в дни испытаний, исцеляя словом, облегчая бремя тяжелой ноши... К сожалению, Церковь прощает такой тяжелый грех, как убийство на войне, но свет христианства...

— Христианство?! — взорвался он. — Я ненавижу эту красивую ложь. Христианство... Да оно хуже любой другой религии...

Я готов был ударить его, и он тоже сжал кулаки. В эту минуту мы ненавидели друг друга.

— Опомнись, Марк! Конечно, христианская Церковь не свободна от недостатков, и критика идет ей только на пользу, но нельзя вот так вот взять и вычеркнуть все то, что она сделала... Она сыграла огромную роль в истории человечества... Именно ей принадлежит заслуга в том, что человек научился любить и прощать ближнего, мы стали гуманнее...

— Да это же вера рабов, о которых ты так печешься...

— Ничего не понимаю... У вас все так к этому относятся или только ты?

— Большинство. Подавляющее большинство.

— Вы что, атеисты?!

— Да нет, я бы не сказал.

— А кто ж тогда? Язычники? Разве у вас христианство не распространилось по планете двадцать веков тому назад и не стало общепризнанной религией?

— Конечно, нет. Хотя это достаточно древнее учение, но оно никогда не было у нас общепризнанным, тем более

официальным. Любой христианин — мой заклятый враг. Я верю в истинного Бога. Это Бог простых и мужественных парней. С его именем на устах мы идем в бой. Это солдатский Бог — Митрас, а ты, как я вижу, и не слыхал о таком.

Как же я был глуп, полагая, что нас с Марком объединяет не только единая цель, но и одинаковые взгляды. Человек, сражавшийся со мной бок о бок с нашими общими врагами, как выяснилось, тоже мой враг. Опасный и жестокий враг, который не остановится ни перед чем. Да, я ненавидел рабство, но я вовсе не хотел, чтобы Церковь была полностью уничтожена и священнослужители истреблены здесь или где бы то ни было. Уничтожено должно быть рабство, а здешнюю Церковь нужно реформировать. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Марк попал на свою планету с таким бесценным трофеем, как «небесные врата». Марк вернется сюда, чтобы убивать и насаждать свой порядок. Вернется не один, а с легионерами, как и он свободными от всякой морали, отвергающими завет учителя нашего Иисуса Христа — не убий. Они потопят в крови не только этот мир, но и другие, куда они смогут попасть при помощи «небесных врат». Вывод был один — Марк Клауд Гейл должен быть убит.

Он прочитал приговор в моих глазах, когда я приблизился к нему. Мгновенно в его руке появился нож. Он был решителен и смел, этот парень, но я мало в чем ему уступал. Ударом ноги я выбил у него нож, и тот упал в бассейн. Он кинулся на меня и повалил на землю. Попытался разодрать пальцами мой рот, но я ударил его коленом в пах, и он отпустил меня. Я вскочил на ноги и пустился наутек. Стало понятно, что в силовом единоборстве мне не одолеть его, — силы были примерно равны.

Я бежал по дорожке искусственного сада, и меня догнал какой-то тяжелый предмет, брошенный Марком... Меня больно ударила в плечо тяжелая коробка, кажется, это был автомобильный аккумулятор... Марк схватил его с витрины... Он почти догнал меня, но я успел увернуться, раз и другой, потом я перепрыгнул через садовую ска-

мейку и споткнулся о грабли, лежавшие на земле. Я их поднял, метнул, словно копье, рукояткой вперед и попал Марку в живот, но это не остановило его. Он только разъярился еще сильней.

Мы оба были без оружия, но владели различными приемами борьбы и снова сошлись в поединке.

Я схватил его за руки. Он нанес сильный удар головой снизу и разбил мне нос. Потом сделал подсечку — я упал, и он занес надо мной ногу, намереваясь ударить в печень. Увернувшись от удара, я схватил его за голень и резко дернул, а затем, не выпуская его ноги, применил болевой прием. Я уже был на ногах, а он со стоном упал на живот, повернувшись ко мне затылком... Я ударил его ребром ладони, но удар получился не очень сильный — не было во мне настоящей злости.

Он откатился в сторону, вскочил и стал наступать на меня — сейчас последует удар ногой или кулаком. Грабли были далековато, я повернул голову в другую сторону и увидел воткнутую острым концом в ствол пальмы короткую кривую косу. Я схватил ее и стал размахивать перед собой, не давая Марку приблизиться. Я наступал на него, а он пятился. Я срезал золотой погон у него с плеча и, похоже, повредил ему сухожилие — рука бессильно повисла вдоль тела. Дальше отступать было некуда — у него за спиной был бассейн. Он прыгнул в воду, я кинулся за ним.

Бассейн был не очень глубокий — ему и мне по грудь. Дно скользкое, быстро передвигаться мешали еще и лилии, которых росло тут множество. Вода была мутной и теплой — она расслабляла. Он медленно уходил от меня к другому берегу, и мне сейчас совсем не хотелось его убивать. Но перед тем как выйти из воды, он, обернувшись, посмотрел на меня — это был взгляд фанатика, смертельно ненавидевшего меня. Я швырнул косу, не очень-то рассчитывая попасть, но она воткнулась ему между лопаток. Он медленно осел, голова исчезла в воде, а там, где он только что стоял, всплыл большой розовый лотос.

Словно в бреду, я вышел на берег — с меня ручьями стекала вода, но я не обращал на это внимания. Я сумел

настроить «небесные врата» — к счастью, я хорошо запомнил номер моей системы — АА688. Сделал себе инъекцию и прислушиваясь к тому, что происходило внутри меня, и готовясь к переходу, слышал шум, свистки, крики и топот полицейских, но меня это больше не касалось — я уплывал.

Провал в сознании. Непроницаемая тьма. Смерть. Радужный свет. Жизнь.

Я обнаружил себя на грязном полу ночного клуба — приличные люди обходят подобные заведения стороной. Меня обступили завсегдатаи — мелкие жулики и вульгарно одетые и ярко размалеванные девицы, полуголые танцоры и танцорши. Запах пота, дешевого мыла и разврата. Слышу, совещаются, как со мной поступить. Решили, вероятно, что умер. Я шевельнулся, и девицы завизжали. Открыл глаза — голоса умолкли на короткое время, а потом все снова разом загалдели. От тошнотворных запахов и гвалта у меня заломило в висках. Они быстро пришли к единому мнению — и вышвырнули меня из зала. Распластавшись на тротуаре, прижимаясь к нему ослабевшим телом, я почувствовал токи, идущие от земли, — это была родная земля. Я вернулся домой.

Я до мелочей помнил все, что со мной произошло, но все это никак не увязывалось с той жизнью, в которую я опять окунулся. Вероятно, я не смогу больше побывать в параллельном мире, да и не было в том особенной нужды. Тот мир, который я посетил благодаря Растелу, затерялся где-то в многомерной вселенной, и, вспоминая свое путешествие, я удивлялся себе самому. Как я мог посягать на порядок, установленный не мной? Гнусная вещь — рабство, без сомнения. Но разве на моей планете мало несвободы, не говоря уж о других проблемах. Чего ради я полез в чужие дела?

Я застал дома только Кандиду. Ройял и Туртон не вернулись еще с работы. Я рассказал Кандиде обо всем, что со мной случилось. Она слушала не перебивая. Наступил вечер. Мы не стали зажигать свет — сумерничали. Ее лицо белело на фоне черного окна. За то время, что я ее не видел, она еще больше побледнела и осунулась.

Купание в ледяной воде канала в Нордостбурге-на-Лангедийке не пошло ей на пользу. Она переболела воспалением легких и только недавно пошла на поправку. Сама она, правда, придерживалась другой точки зрения. В моральном плане купание и болезнь сделали ее чище, ее нравственное здоровье еще больше укрепилось, а душа закалилась. Она еще на одну ступеньку поднялась и приблизилась к Богу.

— Я чувствую себя уже достаточно хорошо, Шеридан, — сказала она. — И у меня хватит сил, чтобы побывать в храме и послушать мессу. Мне кажется, тебе нужно пойти со мной. Тебе нужно помолиться об отпущении грехов. Ты побывал в мире, погрязшем в грехе, и сам не был чист в делах и помыслах своих.

Да, я знал, что на мне лежит тяжкий грех — убийство Марка, и я искренне раскаивался в нем.

Мы вышли на улицу. Нас обтекали потоки людей. И много было таких, кто, как и мы, направлялся на вечернюю службу. Мы остановились у подножия холма: Кандиде нужно было перевести дух и набраться сил — ей нелегко будет подняться по крутому склону. Стояли молча, думая каждый о своем, и разглядывали величественную темную громаду эдинбургского собора. Я посмотрел вопросительно на Кандиду, она кивнула головой... Мы двинулись к собору. Я поглядывал через левое плечо на свою невестку, и у меня от жалости сердце разрывалось... Какая огромная духовная сила сокрыта была в маленьком хрупком теле... Все-таки ей нужно было посидеть дома еще пару недель. Будь дома Ройял, он ни за что не разрешил бы ей пойти в собор.

Я услышал за спиной торопливые шаги — кто-то догонял нас. Я обернулся и увидел знакомое лицо. Когда я видел его в последний раз, оно было искажено страхом, но сейчас на меня смотрела в упор бесстрастная маска.

— Капитан Апостол Растел? — холодно спросил я.

— Я больше не капитан, — сказал он. — Я дезертир. Я драпанул и теперь в бегах и в розыске, впрочем, как и вы.

Кандида разглядывала его с нескрываемым презрением.

— Как я понимаю, твой друг, Шерри. Он прибыл с той самой нечестивой планеты, о которой ты мне рассказывал? Ты не хочешь представить нас друг другу?

О Кандида... С ней всегда так... Правила поведения, нормы морали... Я представил их друг другу, и когда с этим было покончено, я спросил у Растела:

— Что вы имели в виду, говоря о том, что я в розыске? Кто станет разыскивать меня здесь? Я у себя дома. Думаю, что здесь я в полной безопасности.

— Вы в розыске, — упрямо повторил он. — Ни вы, ни я не можем чувствовать себя в безопасности. Мы можем где-нибудь обсудить наши проблемы с глазу на глаз?

— Только не сейчас, — сказала Кандида. — Мы идем на службу. Если хотите, вы можете присоединиться к нам. Судя по тому, что я слышала о вашем образе жизни, вам нужно позаботиться о вашей душе. Поговорить с Шериданом вы сможете и после.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Растел, — надеюсь, что в соборе я буду не в меньшей безопасности, чем в каком-то другом месте.

Когда закончилась служба, Кандида заявила, что собор — это самое лучшее место для любых переговоров, незачем терять время и тащиться еще куда-то... Я понял, что она не хочет вести Растела домой и знакомить его с Ройялом. Растел согласился с ней, хотя, мне кажется, не Кандида убедила его. Растела подавил своей мощью собор... он был не слишком ярко освещен снаружи и внутри, но и такой свет сумел вырвать его из объятий тьмы. Возможно, Растел боялся также, что его могут заподозрить в близком родстве с тьмой, в которую погрузились холмы и город, Мы прошли в пустынный боковой придел храма и остановились у могилы Мюррея.

— Восстание набирает силу, — сказал Растел, — но бесполезно искать зачинщиков мятежа среди тех, кого вы называете рабами. Мятеж в Эдинбурге подняли наши гости из других миров. Но первым были вы, мистер Мичер.

— Вы сообщили мне очень хорошие новости, Растел.

— Напрасно вы радуетесь. Ваши дела не так уж хороши. Вас разыскивает не только церковная полиция, за

вами охотится и Корпус, в котором я служил. За участие в мятеже вы приговорены к смертной казни. За вашу поимку обещана награда. Парни из Корпуса прочесывают параллельные миры и непременно выйдут на ваш след. Это настоящие профессионалы, можете мне поверить.

— Почему вы решили предупредить меня? Мы с вами никогда не были друзьями, скорей наоборот.

— Это верно. Но вы пощадили меня — я обязан вам жизнью. Мне не хотелось бы остаться в долгу. И потом мы с вами сейчас в одинаковом положении. Меня тоже ищут и могут схватить в любую минуту. Меня обвиняют в пособничестве — ведь это я переместил вас в нашу систему, а также в трусости.

Я размышлял, разглядывая диораму, изображавшую смерть храброго Мюррея. Показ сопровождался надгробной речью, произнесенной настоятелем собора в день похорон, — она была записана на пленку. Речь была исполнена суровой простоты и могла кого угодно убедить, что отдать жизнь за правое дело — наш святой долг. Любой был бы счастлив, если бы знал, что над его могилой прозвучат подобные слова, но те, кому не терпится услышать надгробные речи, в которых мне воздастся по заслугам, пусть подождут — с этим успеется.

— Мы вам благодарны за то, что вы предупредили Шеридана о грозящей ему опасности, — сказала Кандида. — Но как ее избежать? У вас есть какие-то мысли по этому поводу?

— Нам нужно держаться рядом и быть готовыми к тому, чтобы прийти на помощь друг другу. Самое лучшее, что мы можем сделать, переместиться в какой-нибудь мир, который находится очень далеко от наших собственных, и отсидеться там... Может быть, о нас забудут...

— Понятно, — сказала Кандида таким ледяным тоном, что кто-нибудь менее приспособленный к холоду, чем Растел, сразу бы превратился в сосульку. — Если я правильно вас поняла, вы притащили сюда ваш «черный ящик» и собираетесь опять вовлечь моего зятя в какую-то авантюру.

— Отдаю должное вашей проницательности, мадам, — смиренно сказал Растел.

— Но вы не сделаете этого. Мы хоть и маленькая, но очень дружная семья. Мы очень преданы друг другу. И я не позволю вам переместить зятя в земли, населенные грешниками. Хватит с него. Попутешествсвал. Он еще старые грехи не отмолил, а вы снова толкаете его на неправедную дорогу.

— Но здесь ему грозит опасность. Уверяю вас, что все это очень серьезно.

Она долго изучала его готическое лицо.

— Там он тоже будет в опасности. Я боюсь за его душу.

Они боролись за меня — никто из них не хотел уступать. Меня они ни о чем не спрашивали, мое мнение их не интересовало, они вели себя так, как будто меня здесь вообще не было. Наконец Кандида сказала:

— Есть только один выход. Я отправляюсь с вами. Надеюсь, я выдержу переход.

— Но, мадам...

— Кто-то ведь должен укреплять вас в вере. Вы оба так слабы. Идемте, мистер Растел. Мы готовы.

Мы вышли из собора, спустились с холма, и Растел предложил нам зайти в первый же попавшийся по пути отель. Я пытался отговорить Кандиду, но она была непреклонна.

— Ты уже сумел проявить себя, но совсем не с той стороны, с какой бы следовало. Тебя не волнует, что миллионы людей в других мирах пребывают в грехе. И ты ничего не сделал для того, чтобы наставить их на истинный путь. Почему ты так безразличен, Шерри?

— Ты считаешь, что на нашей планете все проблемы уже решены? И нам нечем с тобой больше заняться на этой грешной земле?

— Конечно, работы и здесь хватает. Но, кроме нас с тобой, никто не принесет тем людям из далеких миров слово божье. Один из основных догматов христианства зиждется на том, что мы несем моральную ответственность за каждого человека. Понимаешь? За каждого. Если у тех людей есть души, которые они могут терять, тогда они мало чем отличаются от нас. Это наши братья, и мы должны их спасти. Неважно, в каком уголке вселенной они родились.

— Но они живут своей жизнью, по законам, установленным не нами. У них свои жизненные принципы, своя мораль... Как мы можем навязывать им наши догмы?

— Наши догмы?! Но это не мы их выдумали. Они дарованы нам свыше. Божьи заветы. Мы должны сами следовать им и проповедовать другим.

Мы сидели в маленькой грязной комнатке. Растел настраивал свой «черный ящик», не вмешиваясь в наш спор. Подготовив установку и набрав в шприц наркотик, он сказал с плохо скрываемой иронией:

— Тогда нам нужно переместиться в такой мир, где вообще никогда не слышали о Боге.

Там мы сможем принести максимальную пользу.

Чем Кандиду не прошибешь, так это иронией, я это хорошо знал. Она сказала страстно:

— Это было бы самое лучшее. Если такая земля действительно существует, то мы немедленно отправляемся туда.

Ее Растел отправил первой — она настояла на этом, потом переместился я, потом Растел.

Вынырнув из небытия, я увидел, что первый человек, нуждающийся в спасении, — конечно же, моя невестка. Ее подмял под себя какой-то абориген. Это был типичный шотландец, одетый в какие-то лохмотья, обросший жесткими волосами, торчащими во все стороны, как перья. Кандида лупила его по голове тяжелой продуктовой сумкой, с которой она никогда не расставалась, а он, не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары, сжимал ее в медвежьих объятиях.

Он отцепился от нее лишь тогда, когда я подбежал к ним. Он отскочил в сторону и сделал непристойный жест — Кандида была в шоке. Она хватала ртом непривычно чистый воздух, как рыба, выброшенная на берег. Щеки у нее пылали.

Абориген кинулся наутек и быстро исчез за ближайшим холмом. Я осмотрелся. Эти холмы нельзя было спутать ни с чем. Когда-нибудь на них появится Аулд Рики, а потом Эдинбург, но произойдет это еще не скоро. Мы двинулись по тропе, которая когда-нибудь превратится

в дорогу с выбитыми в каменистом грунте колеями, потом ее замостят, потом она станет широкой автомагистралью. Но как долго нужно ждать.

Мы проходили мимо убогих хижин, сложенных из камней. Рядом с ним валялись обглоданные кости, гниющие шкуры мелких животных, разный мусор... Отхожие места были устроены рядом со входами в жилища и ничем не огорожены.

На том самом месте, где позже будет построен Эдинбургский собор, сейчас находилось языческое капище.

Солнце стояло в зените, но было не очень жарко. И мягкая, сонно обволакивающая тишина. Полдень. Я решил, что до заката солнца мы обязательно должны отсюда убраться. Меня это место не слишком заинтересовало. Да и небезопасно здесь — не за себя я, разумеется, боялся, а за Кандиду. И я не понимал, чем сможем мы помочь аборигенам, да и не было у меня особого желания что-то делать для них. Почему мы должны взваливать на свои плечи бремя чужих забот. Судя по первым впечатлениям, сил у них более чем достаточно. А Бог? Им вполне хватает тех представлений о высших силах, до которых они добрели сами. Они живут простой жизнью, и незачем ее усложнять.

— Итак, вот он каков, мир без веры, — воскликнула Кандида. — Но я не вижу здесь людей, которые нуждались бы в слове Божьем. Они его не услышат. Дикари! Язычники! Безбожники!

Ее последние слова относились к парням, окружившим нас плотным кольцом. Они сбежались отовсюду, явно рассчитывая повеселиться. Трое из них вошли в круг и, вихляя бедрами и высокомерно посматривая на толпу, стали прогуливаться взад-вперед, передразнивая нас. Один из комиков был в длинной женской юбке. Аборигены встречали дружным хохотом все жесты и ужимки человекообразных обезьян. Они хлопали себя по бедрам, хватались за животы и падали на землю.

— Снова какой-то иллюзион? — обернувшись к Растелу, раздраженно спросил я. — Зачем нам этот обезьяний питомник? Куда вы нас доставили? Это обман. Что нам делать на планете, заселенной неандертальцами? Пропо-

ведовать христианство? Но эти обезьяны не знают еще человеческой речи.

— Я и не думал вас обманывать. Эта планета давно прошла доисторический период, и цивилизация насчитывает столько же веков, сколько и ваша. Но они пошли другим путем.

— Путь этот не привел их к Богу, — сказала Кандида. — Если бы они понимали человеческую речь...

Кто-то запустил в нее комком грязи, который попал ей в ухо, и другие обезьяны тоже стали швырять в нас комья грязи. Вероятно, представление показалось им не слишком веселым. Они рассердились на нас, смех утих. Вставив в беззубые рты пальцы, аборигены засвистели.

Мы решили не обращать на них внимания и двинулись дальше по тропе, петлявшей между холмами. Аборигены расступились, пропуская нас. Проводив нас свистом, они разошлись по своим домам.

Хижины остались позади, потянулись поля. Почва была обработана из рук вон плохо, поля были в ужасном состоянии. Здесь трудились сотни обезьян. Сейчас они были заняты вспашкой. Дюжина тщедушных самок тащила плуг, на котором сидел полуголый самец. Он размахивал кнутом, время от времени опуская его на спины несчастных животных. От коричневой и ароматной, как хлеб, земли к соломенным облакам поднимался теплый пар. Небо постепенно темнело, облака набухали и грозили пролиться дождем, который мог застать нас в открытом поле. Нужно было спешить. И не только из-за приближающейся грозы. Нас догоняла группа странных существ.

— Мы не станем от них удирать, — сказал Растел. — Они не причинят нам зла.

— Никто и не помышлял о бегстве, — возмутилась Кандида. — Нам нужно выучить их язык. Только вера в Бога сможет превратить этих животных в людей. Мы будем проповедовать христианство.

— Вряд ли у них есть язык в общепринятом смысле этого слова, — сказал Растел.

Существа, которые к нам приближались, были похожи на людей, но они были удивительно длинноноги. Мы

увидели, что их длинные ноги — это обыкновенные ходули, и они передвигались на них достаточно уверенно, при этом руки у них оставались свободными. Они были одеты в одинаковые кожаные куртки, подобные тем, что носят наши рокеры. Существа эти, как я уже сказал, были очень похожи на людей, но еще больше они были похожи на горилл.

Кстати, их кожаные куртки, как выяснилось позже, были сшиты из шкур, снятых с таких же звероподобных, как они сами, да-да, из шкур убитых ими врагов.

Они перегородили нам тропу — их было шестеро, они вели себя нагло, и я ударил того, что был рядом, — он возвышался над моим плечом. Парень грохнулся на землю и немедленно нанес ответный удар своей ходулей. Он здорово саданул мне по ребрам, что было неожиданно и больно, а он тотчас же поднялся и через мгновение опять танцевал на своих ходулях.

— Они не тронут нас, если мы будем вести себя мирно, — убеждал нас Растел.

— Почему вы так уверены в этом? — спросила Кандида.

— Животные всегда настроены менее враждебно, чем люди, но они более подозрительны, — сказал Растел.

— Мне кажется, я не очень похожа на агрессора, — пробурчала Кандида.

Они указали нам направление, в котором мы должны были двигаться. Мы не стали сопротивляться. Не все ли нам было равно, куда идти.

Нас гнали, словно мы были овцами, отбившимися от стада. Пастухи на ходулях деловито покрикивали на нас, поглядывали на небо, затянувшееся тучами, обменивались друг с другом односложными репликами. Кандида напряженно вслушивалась, пытаясь запоминать слова и стараясь понять их значение.

Нас привели к большой лачуге, сложенной из камней. Я узнал это место. Одно из самых красивых в моем родном Эдинбурге — там стоит прекрасная готическая церковь. Какой резкий контраст... Какой долгий путь предстоит еще пройти обезьянам, окружившим нас, прежде чем они узнают, что такое готика. Они еще и до букваря не добрались.

Нас втолкнули в хижину. Внутри горел костер. Около него грелись старухи и молодые женщины с малышами на руках. Что меня удивило, все обезьяны были так или иначе одеты, женщины в платья из грубых тканей, но зады у них были оголены. Меня поразили также строгая иерархия, в которой старикам отводилось почетное место, и дисциплина.

У них был вожак, которому они воздавали царские почести, его команды выполнялись беспрекословно. Мы очень быстро узнали его крутой нрав. Это был молодой упитанный самец. Его одежда, сшитая из кожи врагов, была украшена разноцветными перьями, а к лодыжкам привязаны две острые шпоры, сделанные из длинных клыков какого-то животного.

Для нас освободили место на полу, двое охранников на ходулях возвышались над нами, а еще выше — на трапеции, привязанной к толстым деревянным балкам, — вожак... Он раскачивался взад-вперед, почти не держась ручками за веревки, грыз морковку и свирепо смотрел на нас.

Когда мы предстали перед его взором, охранники, сопровождавшие нас, распластались на земле, выражая свои наиподданнейшие чувства, и ползали в пыли до тех пор, пока он не разрешил им встать. Забавно было смотреть на это со стороны. Но мне расхотелось смеяться, когда Растел предложил нам проделать то же самое.

— Пожалуй, нам лучше встать перед ним на колени, — прошептал он, — в этом нет ничего унизительного. Мы покажем, что не посягаем на его авторитет и намерения у нас самые мирные. Это язык жестов — не более того.

— Если мы хотим научить их смирению, то должны сами подать им пример, — согласилась с ним Кандида. — Встань на колени, Шерри, — добавила она тоном, не допускающим возражений.

Мы опустились на колени, но взбешенный нашей медлительностью вожак швырнул в нас огрызок морковки и попал Растелу в глаз.

— Ах ты, бабуин вонючий, — завопил Растел, немедленно забыв о смирении и благоразумии.

Вскочив на ноги, он погрозил обезьяне кулаком. И прежде чем мы успели что-то сообразить, зверюга пролетела над нами на трапеции и, схватив Растела за шиворот, стала качаться вместе с ним.

Вдруг вожак сделал резкое движение и вцепился зубами Растелу в ухо. Потом он отпустил строптивца, и тот упал рядом с нами. Из уха, надкушенного обезьяной, текла кровь.

Вожак перестал раскачиваться и, остановив трапецию, ловко спрыгнул на пол. Рыча и брызгая слюной, он приближался к нам. Я понял, что драки избежать уже не удастся. Увидел, что один из охранников слез с ходулей и они лежали на полу недалеко от нас. Схватил ходулю — молодые обезьяны всем скопом кинулись на меня — я отчаянно отбивался. Молотил толстым древком по головам и спинам, но продолжалось это недолго. Их было много, и это были крепкие молодые самцы. Они скрутили меня и уложили на грязный пол лицом вниз. Мне удалось немного приподнять голову. Обезьяна, сидевшая у меня на спине, между лопаток, сползла на поясницу, и я увидел, что вожак стоит от меня в двух шагах, но между ним и мной — Растел. Он озирался, ища оружие, — его пистолет у него давно уже конфисковали. Кровь из разодранного уха стекала ему на шею и плечо. Повернув голову немного вбок, я увидел, что Кандиду два старых самца тащат в темный угол, а самки скачут рядом и плюют моей невестке в лицо.

И вдруг Растел согнулся в низком поклоне, почти касаясь локтями пола и причмокивая губами, как обезьяна. Вожак сразу же успокоился и, сменив гнев на милость, ограничился затрещиной, которую Растел покорно вытерпел.

Конфликт был исчерпан. Старикам было приказано отпустить Кандиду, а обезьяны, удерживавшие меня, слезли с моей спины и ног. Вожак снова уселся на трапецию и стал раскачиваться у нас над головами. К нам он потерял всякий интерес. Наши конвоиры жестами показали, что мы не пленники больше. Мы могли располагать собой и идти куда нам вздумается. Мы вышли на воздух. Прошел дождь — он так же внезапно кончился, как и начался, — и дышалось легко.

Я хлопнул Растела по плечу, а потом поднял вверх большой палец правой руки.

— Вы отлично выкрутились, Растел. Как это вы сообразили, что вам нужно делать? Мне понравилось, как вы изображали обезьяну. Ну что ж, вы спасли нас всех от расправы.

— Это было отвратительное зрелище, — сказала Кандида. — Всему есть предел. Такое унижение... Так раболепствовать перед какой-то обезьяной...

Растел рассмеялся ей в лицо.

— А чем они хуже людей? Не понимаю, почему вы относитесь к ним с таким презрением. Да они превосходят нас во многих отношениях. Они не ведут таких жестоких войн, как люди.

Конечно, им случается убивать, но чем? — камнем или палкой — одного-двух животных... Они не знают, что такое атомная бомба или химическая война. В принципе это незлобливые существа, и с ними легко подружиться.

— Превосходят нас?! — задохнулась от негодования Кандида. — Эти дикари? Эти безбожники? Они не станут людьми до тех пор, пока не придут к Богу.

— У нас с вами будет еще время, чтобы обсудить эти проблемы, миссис Мичер, — холодно сказал Растел. — А сейчас нам предстоит небольшая прогулка.

Нас больше никто не остановил, и мы покинули городок. Правда, несколько молодых шалопаев проводили нас до околицы. Они бежали рядом, свистели и улюлюкали, но этим все и ограничилось. Меня уже не так тревожило наше будущее, а Растел, похоже, знал точно, что нас ждет в ближайшие часы. Он уверенно вел нас куда-то, а мы с Кандидой следовали за ним, не задавая никаких вопросов. У нас не было оснований не доверять ему — он только что выручил нас из беды.

Мы двигались в западном направлении. Я следил за тем, как меняется пейзаж, и сопоставлял его с родным эдинбургским. Дома все радовало глаз, а здесь... Угрюмое разнообразие, наводящее тоску... Холмы, обнажения скалистых пород... Дикий, пустынный край... Безлюдье... На всей земле нас только трое человек, объеди-

ненных общей целью... Хотя... Нас с Растелом сблизила общая беда, а цели... Цели у нас разные, и наши дорожки рано или поздно разойдутся... Случай с Марком Клаудом Гейлом многому научил меня. Вчерашний союзник завтра может стать твоим врагом. Я стал более подозрителен.

Интересно, куда нас все-таки ведет Растел? Он хорошо ориентируется на местности и, похоже, бывал здесь раньше. И странно, что вожак не отобрал у него ранец и вернул ему оружие. Растелу отдали конфискованный у него пистолет, и он вложил его в кобуру. Теперь у него есть оружие, а у меня нет. И если между нами возникнет ссора... Я надеялся, что до этого дело не дойдет.

Тропа иногда становилась совсем узкой, и мы шли гуськом. Впереди Растел, за ним Кандида, наступавшая ему на пятки. Его холодность и безразличие к вопросам веры подогревали ее. Она пыталась переубедить его.

Все это гораздо хуже, чем я могла предположить. Нам придется нелегко, но это наш крест. Я очень рассчитываю на вашу помощь, мистер Растел. Вы ведь видный деятель Церкви на вашей планете, и вам не может быть безразлична судьба этих существ. Мы должны рассказать им о Боге.

Вряд ли это пойдет им на пользу. Пусть живут, как жили, — вяло возразил он.

— Как вы можете так говорить, — горячилась она. — Это наш святой долг, никто, кроме нас, не сделает этого. Мы принесем им слово Божье, и свет христианства озарит этот мрачный мир.

Растел повернул к ней бесстрастное лицо.

— Обезьянам не нужен христианский Бог.

— Не нужен Бог?

— А зачем? Объясните мне.

— Но ведь Бог вложил в нас душу. Этим мы и отличаемся от животных. Господь создал этот мир и нас. Все от него.

— Бога придумал человек, и то, в каком мы живем мире, зависит от людей. Только от нас самих. Миром правят сила и страх.

— Человек придумал не Бога, а идолов. Язычники почитают их за богов.

— Начинается с идолов, а потом образ все усложняется и усложняется, миф захватывает воображение людей, и вот вам, пожалуйста, — Иегова, всемогущий Бог.

Мы спустились в ущелье, по дну которого протекала одна из красивейших рек Шотландии, и в этом месте с берега на берег переброшен замечательный Телфордский мост, на моей родине, разумеется, а не здесь. На этой реке была устроена простейшая переправа, что-то вроде парома. Натянут стальной трос, и на воду спущена широкая плоскодонная лодка. Вот так вот. Пусть примитивное, но творение рук человеческих. Растел приготовил нам сюрприз.

Кое-что мы увидели еще. На другом берегу. Забор из колючей проволоки.

— Ну а вы? Сами-то вы верите в Бога? — тихо спросила Кандида, заглянув в глаза Растелу. Что-то она узрела в них такое, что заставило ее отшатнуться.

— Оставим пока это, — сказал Растел. — Садитесь в лодку и, прошу вас — говорите потише, нас могут услышать.

Ухватившись за корму, Растел подтянул лодку ближе к берегу. Я подошел к нему и сделал вид, что хочу помочь ему. Я ударил его согнутым локтем в живот, он охнул, а я попытался дотянуться до кобуры. Он отпихнул мою руку и повалил меня на землю. Мы покатились к воде. Я оказался сверху, он пытался высвободиться и уперся коленом мне в грудь — я не мог его больше удерживать.

К нам подбежала Кандида и, вытащив из кобуры пистолет, приставила к уху Растела.

— Лежите тихо, или я вышибу вам мозги, — прошипела она. Я не сомневался в том, что она способна убить такого человека, как Растел, и он тоже поверил в это. Он отпустил меня, я встал на ноги.

Я пнул его ногой в бок и заставил перевернуться на живот. Потом я снял с его спины ранец, в котором находился «черный ящик». Он застонал.

— Шеридан, — сказал он хрипло. — Клянусь, я не замышлял против вас ничего плохого.

— Клянетесь? — Меня охватила злость. — Чем вы можете поклясться? Честью? Богом? Да вы же не верите ни во что, кроме силы. Что там, за забором? Говорите.

Я схватил его левой рукой за ворот сутаны, подтянул к себе, а ребром правой ладони ударил по лицу. Теперь у него не только из уха текла кровь, но и губы тоже были разбиты.

— Что за колючей проволокой?

— Враги тех обезьян, с которыми повстречались вы. Их взяли в плен, — нехотя выговорил он.

— Поняла? — спросил я, обернувшись к Кандиде. — Этот человек заключил союз с вожаком. Они держат за проволокой обезьян, обучают их и отправляют в ту страну, откуда прибыл Растел. Знаешь для чего? Они используют их для подавления мятежей. Верно, Растел?

— А вы можете предложить что-то другое? — спросил он.

Я взял пистолет у Кандиды. Растел хотел встать, но я снова ударил его носком ботинка в бок, и он остался лежать в грязи.

— А для чего ему нужен был ты, Шеридан? — спросила Кандида.

— Они доставляют сюда инструкторов. Кто-то должен ведь учить обезьян. Я прав, Растел? И никакой он не дезертир, а циничный и подлый вербовщик.

— Да, их нужно учить, и кто-то должен их охранять, но это поручается только тем, кому мы доверяем... Есть работы и погрязней — чистить отхожие места и подметать бараки... проще научить обезьян воевать, чем привить им любовь к чистоте...

Он с трудом шевелил разбитыми губами.

— Что ты собираешься делать с ним, Шерри? — спросила Кандида, глядя на него с отвращением, как будто это была раздавленная змея.

— Мы ведь не можем оставить его в живых?

— Нет, — твердо сказала она. — Он должен умереть.

Но что-то мешало мне нажать на курок. Жалость? Нет. Не только. Я не мог судить его по законам свое-

го мира. Его сделало таким общественное устройство, при котором свобода и человеческая жизнь не являются высшими ценностями. И он тоже был жертвой, как и те несчастные рабы, которых он считал людьми низшего сорта.

Пошел дождь. Косые струи смыли кровь с его губ и подбородка и перекрасили белый воротник его сутаны в розовый цвет.

Я отдал пистолет Кандиде, а сам прошелся по берегу, разглядывая забор из колючей проволоки на той стороне. Там не было никаких вышек и часовых, но в одном месте я увидел ворота, на которых висело что-то массивное, вероятно большой замок.

Я вернулся к Растелу и Кандиде, не спускавшей с него глаз.

— У вас должен быть ключ, Растел, — сказал я, склонившись над ним.

Он не шевельнулся.

— Хотите, чтобы я вас обыскал? Ну, я жду.

Он вынул ключ из-под полы и кинул мне.

— Возвращайтесь в деревню. Поживете с обезьянами. Я думаю, что за вами пришлют кого-нибудь с вашей планеты.

Растел поднялся с земли, сложил вместе три пальца правой руки и осенил себя крестом. Я не знал, как оценить его жест... Потом он повернулся к нам спиной и медленно поплелся по тропинке, которая привела нас к переправе. Дождь полил еще сильней.

Мы с Кандидой сели в лодку, переправились на другой берег, вскарабкались по скользкому склону и, открыв амбарный замок и распахнув ворота, оказались на территории зоны.

Мы пересекли широкое поле и, обходя пригорок, заросший мелким кустарником, услышали топот сотен ног, а потом и увидели обезьян, марширующих, несмотря на дождь. За ними присматривали охранники, доставленные сюда из разных мест Растелом. Я почему-то был уверен, что они без энтузиазма выполняют порученную им работу. И они наверняка помогут нам — предоставят кров и хлеб.

Но за пеленой дождя мы увидели не только скрюченные фигурки человекообразных обезьян и сторожей, выполняющих бесчеловечную работу...

В том странном месте, в котором мы очутились, все перемешалось — человеческое и животное, высокое и низкое... И нам стало гораздо теплей, когда в просветах между стволами сосен, рядом с уродливыми серыми бараками, возвышаясь надо всем, возник символ веры.

Гигантский железобетонный крест.

Над ним небо.

Крепкий столб и перекладину омывают чистые струи дождя.

Он поставлен здесь на века.

Ощущения падения не было.

Она скользила вниз в прохладных воздушных струях, быстро приближаясь к сине-зеленой американской земле, меняя скорость падения легкими движениями рук, ног, головы. Внутри у нее все ликовало.

В эти мгновения исчезало все — ее тело, мысли и чувства, она вся, без остатка, растворялась в атмосфере, — лучше этих мгновений не было. Даже ее эгоизм, причинявший столько неудобств ей самой и окружающим, куда-то улетучивался.

Ей самой ее переменчивый характер, пожалуй, даже нравился. Конечно, он был непредсказуем, что создавало большие сложности. Она и к себе-то боялась приблизиться, а от мужа тем более держалась на почтительном расстоянии, которое все увеличивалось по мере того, как он продвигался по служебной лестнице. Сейчас ее муж, Рассел Кромптон, занимал пост Государственного Секретаря. После того как месяц назад был убит Президент, на мужа свалилось почти непосильное бремя государственных забот и на личные отношения у него просто не оставалось времени.

Она отодвинулась от него еще дальше и находилась вне поля его зрения, где-то далеко за горизонтом.

Каждое утро она садилась в его личный самолет, взмывала выше облаков... Начиналось падение -- мгновения счастья, несравнимые ни с чем, пережитым на земле.

И вот уже земля совсем близко. Ее мысли снова вернулись на привычный круг, очерченный ее положением. В него входили личные переживания и, хочешь не хочешь, дела мужа. От обязанностей супруги Государственного Секретаря ее никто не освобождал.

Маленький аэродром находился за городом. Скоро взлетную полосу со всех сторон окружат корпуса современных зданий. Это район новостроек. С высоты легче было оценить всю грандиозность проекта, толчок которому дал еще Президент. И он много отдавал сил стройке века. Теперь кто-то другой должен подхватить эстафету и вложить столько энергии, сколько никогда не будет у человека заурядного. Ее муж считал, что он подходит для этой роли. И еще одну непростую задачу он должен был решить — и сделать это нужно было как можно скорей — поймать убийцу Президента. Почему-то все надежды возлагались на него.

Ей казалось всегда, что есть только одна незаурядная личность. Нет, не муж. У того человека был проницательный ум, а энергии, заключенной в его стареющем теле, могло бы с избытком хватить на десять молодых политиков. Провидец и шарлатан, супермен и герой комиксов, человек-ракета, быстро взлетевший наверх и так же быстро сгоревший... Его звали Джекоб Бернз.

Все... Пора дергать за кольцо — иначе парашют просто не успеет раскрыться, и этот прыжок станет последним. А ей хотелось бы еще попрыгать. Хлопок над головой — и она повисла на стропах под ярким, как тропический цветок, куполом. Она никогда не пользовалась спортивными парашютами, а только самыми обычными армейскими, и никому не давала уговорить себя воспользоваться более безопасным снаряжением — это был один из ее пунктиков. Она могла гордиться собой — еще один высотный затяжной прыжок в ее активе.

Недалеко от взлетной полосы она увидела черный лимузин, рядом с которым стоял Рассел Кромптон. Заслонившись рукой от солнца, он напряженно всматривался в небо. Заботливый муж — эту роль ему приходилось играть реже, чем роль государственного мужа, и она меньше ему удавалась. Он был талантливый актер и вроде бы все правильно делал, но ему порой не хватало вдохновения.

В исполнении Джекоба Бернза наверняка все выглядело бы естественней. Почему, когда она думает о своем муже, рядом с ним всегда возникает кряжистая фигура Джекоба? Для чего она их всегда сравнивает? Рассел Кромптон не только богаче — он надежнее, он долго шел к Олимпу, но зато и задержался там надолго. Все так. И как тут ни крути, сегодня первенство за Расселом. Но словно бы какие-то картинки из будущей жизни возникали у нее в мозгу, и во всех ракурсах вместо Кромптона — Бернз. И она не знала, насколько она может доверять своему мозгу: действительно ли он способен улавливать волны, идущие из будущего, или же чересчур богатое воображение зло шутит над ней. Во всех ее видениях Джекоб Бернз излучал импульсы, которые недвусмысленно говорили о силе чувства; с его лица не сходила счастливая улыбка. В действительности же во время редких и случайных встреч он был более чем холоден с ней, и она явно не была ему симпатична.

Приземлилась она не слишком удачно. Не сразу справилась со стропами, не загасила купол, и порывом ветра ее протащило по земле. Рассел подбежал к ней и помог встать на ноги. Она отстегнула стропы и посмотрела на него вопросительно — что он делает на аэродроме? Он сурово нахмурился. Кромптон не одобрял ее увлечения, и ему не нравилась ее одержимость. В редкие минуты их близости, отдыхая, он говорил ей, что ее прыжки хорошо объяснимы с позиций психоанализа. Это ищет выход ее неудовлетворенная сексуальность. «Когда-нибудь ты разобьешься насмерть», — предсказывал он. Она заставляла его постучать по дереву, и он, посмеиваясь, барабанил костяшками пальцев по спинке кровати.

— Я приехал за тобой, — объяснил он свое появление. — Скатаемся в одно местечко.

Речь его всегда была нарочито небрежной, он любил изображать из себя демократа.

Она сняла шлем и защитные очки и тряхнула головой, рассыпав по плечам роскошные светлые волосы; ветер тут же принялся играть ими. Она нравилась мужчинам и знала об этом. О ней говорили, что она прекрасна, как мечта, и недостижима, как мираж. Кромптон придерживался того же мнения, причем общая постель ничего не меняла.

— Душ можно принять в ангаре. Платье твое я захватил. Смотаемся в Гондвана Хилз. Не возражаешь? Ты нужна мне.

Он ждал, что она станет высмеивать его. Ждал, что она спросит ехидно: «Я должна буду защищать тебя от твоей старой страсти — Мириам Бернз? Хочешь использовать меня как прикрытие?» Но она промолчала на этот раз. На нее это было совсем не похоже. Молчаливая покорность — это было то, что он больше всего ценил в женщинах. Растворяться без остатка в мужчинах умела Мириам. Рода была лишена подобного таланта. С нею вообще все было очень сложно. В чем он не испытывал недостатка — это в головоломках. Жизнь подбрасывала все новые и новые задачки. Заниматься политикой стало теперь намного сложней, чем тогда, когда он начинал. И он предпочитал иметь дело с женщинами, которые снимали напряжение, а не прибавляли головной боли. Черт, мысленно выругался он. А вдруг эта чертова баба умеет читать мысли. У него неожиданно возникло ощущение, что она видит его насквозь. Что ж это он так раскрылся-то перед ней. Нельзя впускать посторонних в свой внутренний мир. Есть вещи, которые нельзя доверять и женам. И самая главная тайна — это то, каков ты есть на самом деле.

— Джекоб Бернз снова в фаворе? — спросила она, когда они вошли в пустой и гулкий ангар — самолет в него еще не закатили.

— Я думал, что он навсегда сошел со сцены. И вдруг все разом вспомнили о нем. Гальванизация трупа. Наде-

ются, что старый попугай вытащит из мусора бумажку, на которой написано имя убийцы. Если бы нам удалось его найти... Все эти газетные писаки сразу бы заткнулись. Общественное мнение сейчас настроено против нас, а о том, что будет через месяц — подумать страшно... полетят головы, и моя — одной из первых... Мне сообщили, что вчера Джекобу Бернзу звонил вице-президент. Я не могу не нанести визит великому провидцу — это будет неверно истолковано.

Она вошла в душ, и он вместе с ней. Расстегнув молнию, она сняла с себя кожаный комбинезон, в котором обычно совершала прыжки, и все остальное, что было надето на ней. Повернула до отказа сразу оба крана — с горячей и холодной водой, встала под упругие водяные струи и повернулась к нему лицом — пусть смотрит, если ему очень этого хочется. Ей самой сейчас хотелось только одного — как можно скорей увидеть Джекоба Бернза.

Перестала стучать пишущая машинка — тянулась пауза. Прошло несколько минут, прежде чем Джекоб Бернз, бывший Государственный Секретарь, закончил начатую фразу. Он копался в памяти, подбирая убедительные примеры из прошлого и настоящего. «... итак, мы можем с уверенностью констатировать, что человечество стоит на пороге новой эпохи... Разорвав земные путы, мы вступаем в эру космической цивилизации...»

Упрямая память отсылала его не к мировой истории, а к его личному прошлому, богатому событиями и переживаниями. Его литературный труд и задумывался как мемуары, которые он начал писать, томясь от безделья после вынужденной отставки. Неожиданно для себя самого он по-настоящему увлекся этой работой, сменив мемуарный жанр на широкое историко-социальное исследование. Но память... память цеплялась за интимное, за пережитое. Он понимал, в чем тут дело. Он приблизился к тому пласту исследований, в который до него никто еще всерьез не вторгался, он нащупал узел сложнейших противоречии современности, и именно ему, вероятно, удастся

его разрубить, по крайней мере найти теоретическое решение... Тяжелый ум медлит, хитрит, отсылая к памяти, которая бессильна чем-либо помочь...

— На чем я остановился, Григсон?

— На «цивилизации», сэр.

Его личный секретарь Григсон, расставшись со своей индивидуальностью, стал его тенью. Бернз умел приобретать собственность за свои доллары. Человек или вещь — это не так уж важно... Купленных им людей он превращал в предметы обстановки. Точно так же он поступил со своей женой Мириам.

«Новое понимание задач, поставленных самой жизнью, пришло не сразу... Различие подходов было обусловлено прежде всего различием общественно-политических систем... Психологическое сознание человечества, которое может рассматриваться как единый организм, реагировало прежде всего на отрицательные факторы... Рост напряженности...»

Прервав диктовку, он вышел на балкон. Он любил подолгу стоять здесь, покусывая сигару и разглядывая холмы, окружившие долину, свое ранчо, столь удачно вписавшееся в пейзаж, конюшни, поле для игры в гольф, теннисные корты, площадку для игры в сквош, изуродованную его сыном Марло... Плавательный бассейн и художественную галерею с открытыми террасами, на которых были выставлены скульптуры, прямо скажем, неплохое собрание... Не все ему тут нравилось, хотя он и повоевал с архитекторами и дизайнерами, отстаивая свою концепцию, не все получилось, как было задумано... Он снова перевел взгляд на холмы — вот тут все было в полном порядке, у Бога как у дизайнера был отменный вкус.

Все было мирно вокруг и дышало покоем, и только в бассейне бурлила вода — там плескалась его жена Мириам, похожая на золотую макрель.

— Привет! — крикнула она, увидев его на балконе, и он в ответ помахал ей рукой.

Она всегда купалась без одежды. Охранники, здоровущие парни, бродившие вокруг дома, пускали слюни, и, видя, какие взгляды они бросают на нее, он порой при-

ходил в ярость, но тут же одергивал себя; это было не в его воле — как-то повлиять на нее, изменить ее саму или ее поведение, и десятилетний опыт супружества научил его подавлять свои эмоции... Мириам любила быть в центре внимания, но чем она могла к себе привлечь? Интеллектом? Развитым художественным вкусом? Добродетелью? Только телом. Горькое осознание своей неудачи пришло к нему не сразу, и он давно уже не злился на нее, а только жалел... Бедная несчастная женушка... Пусть себе развлекается, как ей хочется. В конце концов, она доставляет ему не так уж много хлопот.

У него были проблемы посерьезней, чем его жена. Это его сын. С его совершенно непостижимой внутренней жизнью и шизофреническими наклонностями. Вот и теперь — площадка для игры в сквош в мгновение ока превратилась в строительную площадку. Марло привез каких-то сумасшедших дизайнеров, и они установили макет странного сооружения, фантастического и реального одновременно. Неземного, это уж точно.

И он ни о чем не мог расспросить своего сына — это было бесполезно. Холодный слепок Алисы, первой жены Бернза. Его удивляло, что Мириам умела находить к нему какие-то подходы.

Непонятно, о чем только они могли разговаривать друг с другом?

Зазвонил телефон. Григсон снял трубку, выслушал и почтительно приблизился к хозяину.

— Рассел Кромптон, Государственный Секретарь, просит, чтобы вы его приняли. Его машина у ворот.

— Я приму его. Велите охране пропустить его.

— Да, сэр. — Эту фразу Григсон произносил гораздо чаще, чем другие.

Бернз удовлетворенно хмыкнул. Государственный Секретарь Кромптон просит у него аудиенции. Старый друг Рассел снова вспомнил о нем. Они там все ошалели после убийства Президента. Хватаются за любую соломинку. Тотальные проверки, прочесывание и выслеживание не дали никаких результатов. Ему уже много было звонков из Белого дома. Теперь сам Кромптон пожаловал к нему. Мотает, он думает, что Бернз прячет убийцу в платяном

шкафу? Конечно, у него есть какие-то телепатические способности, немалый политический и жизненный опыт, чутье, а главное — философский подход к проблеме. Возможно, он в самом деле сможет дать полезный совет.

— На сегодня кончили, Григсон, — сказал он. — Диктовки больше не будет.

Григсон молча кивнул головой, сложил бумаги в свой чемоданчик и удалился.

Как ему следует держаться с Расселом? — спрашивал он себя. Изобразить из себя этакого мудреца, искушенного в политике. Блеснуть эрудицией, удивить юношеской свежестью восприятия. А может, не нужно ничего изображать?.. Рассел, несмотря на все его слабости и недостатки, всегда был простым и открытым парнем, и он к тому же его старый друг, черт побери. Для чего ломать перед ним комедию? Поболтать по-приятельски, вспомнить прошлое... А если Кромптон приехал с Родой? И перед ней он тоже должен будет распустить линялый павлиний хвост. Он вынужден будет развлекать ее. Кем это выдумано, что женщины должны всюду сопровождать высоких должностных лиц. Он слишком стар для того, чтобы очаровывать женщин, между делом решая государственные проблемы. Нужно показать ей, чего он стоит и что он сто очков даст вперед любому парню. Он не сможет быть естественным, хочешь не хочешь — ему придется нацепить маску. Джек расправил плечи, втянул живот, убрал со лба пару-тройку лишних морщин и неторопливой солидной походкой направился к лифту.

Он вышел на улицу. Солнце поднялось уже высоко над горизонтом. День обещал быть жарким. Он снял пиджак. Опять проблема — удобно ли встречать гостей с пистолетом, пристегнутым под мышкой? Еще подумают, что боится убийц, но он их действительно боялся и никогда не выходил из дому без оружия.

— Мириам! — крикнул он, проходя мимо бассейна.

— Привет, Папик! — помахала она ему загорелой рукой. — Решил искупаться?

— Когда ты перестанешь дурачиться? — сердито спросил он. — Вылезай быстро и одевайся. Приехал Государственный Секретарь Кромптон.

— Вот глупый мальчишка! Он думает, что мы прячем на ранчо убийцу? А вдруг он предложит тебе выставить свою кандидатуру на президентских выборах? Это было бы здорово. Рода тоже приехала с ним?

Ничего не ответив, он повернулся к ней спиной и прошел на террасу, построенную в итальянском стиле. Нижний цоколь террасы был облицован мраморными плитами, вывезенными из Италии. Колонны были увиты крымскими виноградными лозами. Здесь царил полумрак и было прохладно. Он кинул пиджак на плетеное кресло и, кряхтя, сделал несколько приседаний. Кровь прилила к лицу, ноги налились тяжестью. Да, немолод, немолод... А еще эта тянущая боль в боку, напоминающая о себе, как правило, в самый неподходящий момент. Он всегда был чувствителен к любой боли. Слаб и беззащитен перед наглой напористостью других, не мог защитить себя даже от наглости служащих в своей канцелярии, чужую боль ощущал как свою, и это делало его еще слабее и беззащитнее. Вовсе не выдающийся ум, но зато очень ранимый человек. Немногие, правда, догадывались о его внутренней уязвимости. Алиса, его первая жена, догадалась и сумела этим воспользоваться. И так мало было людей, которые понимали его. Общение с неумными, неинтересными людьми не доставляло ему никакой радости, его отношения с подавляющим большинством людей не выходили за рамки деловых и служебных интересов. У него совсем не осталось друзей. Правда, Кромптон когда-то называл его своим другом. Но дружбу съело соперничество, и он, увы, старел быстрей, чем Рассел, и главное, что теперь волновало его, — показать, что выглядит моложе своих пятидесяти девяти лет. Трудновато это будет сделать.

Он увидел, что к крыльцу подкатил черный «Крайслер», и поспешил навстречу гостям. Да, он не ошибся в своих предположениях. Рассел привез с собой Роду.

По дороге в бар он обменялся с Расселом несколькими банальными фразами. Бармен смешал им два бокала мартини, и Бернз отпустил его.

— Я рад видеть тебя, Рассел, — отпив глоток холодной жидкости, сказал Бернз. — Боюсь только, что твоя жена будет скучать здесь.

— Ты не меняешься, старик, — сказал Рассел. — Все такой же ворчун и меланхолик. За нее не переживай. У тебя есть отличные верховые лошади, а Рода прекрасная наездница. Она хотела повидаться с Мириам — я не стал ее отговаривать.

— Повидать Мириам? Рода?! Что у них может быть общего?! Скажи лучше, что боишься оставлять жену без присмотра. Так будет честней. — Он боялся, что наговорит сейчас резкостей. Ему был неинтересен Рассел и то, о чем он собирался с ним говорить. Современная политика, которая делалась без него, мало волновала его. Он жил своей жизнью и своими размышлениями о жизни и до поры до времени не собирался ни с кем делиться своими мыслями.

— Ты что-то имеешь против Роды? А она, по-моему, симпатизирует тебе.

Почему бы не высказать прямо в глаза этому самодовольному типу все, что он думает по этому поводу. Плевать, что он занимает такой высокий пост. Вот только услышит ли он его. У этих современных политиков уши слышат то, что хотят услышать, и глаза видят то, что хотят увидеть.

— Видишь ли какая штука, Рассел. Я легко прочитываю людей — для меня они как открытая книга. Мысли и намерения от меня утаивать бесполезно. Твоя жена приводит меня в замешательство. Ты когда-нибудь заглядывал ей в глаза? Они начистоту говорят обо всем, что ее волнует. А я ничего не хочу знать ни о ней, ни о себе самом. Зачем мне знать то, что будет с нами?

— А я бы много дал за то, чтобы узнать это. — Он почти наполовину осушил свой бокал, сделав один большой глоток. — Ради этого я сюда и приехал. Все так неожиданно свалилось на меня. Я совершенно запутался. Ты поможешь мне, Джекоб?

— Если смогу, — пожал он плечами.

— Видишь ли, какая штука, Джекоб... Мне кажется, существует какая-то связь между убийством и теми вещами, которыми Президент занимался в последнее время, включая и тот день, когда он был убит.

— Вещами?

— Точнее будет сказать, проектом... Если бы он был осуществлен, мир перевернулся бы... Мне не следовало бы обсуждать это с тобой, Джекоб... Извини, это не мой секрет... государственная тайна... Об этих разработках знало всего лишь несколько человек, а из команды Президента двое — я и вице-президент... Были приняты все меры предосторожности, но утечка произошла... Все последствия предусмотреть просто невозможно... У нас была монополия на совершенно новый вид знаний... О Вселенной... Это открывало фантастические возможности... А теперь...

Он тяжело вздохнул и допил свой мартини.

Бернз подумал, что рассказанное не является для него такой уж тайной. Он размышлял об этом сегодня утром. О человеке и о Вселенной. Пришло время новых подходов. И открытия будут совершены — так всегда бывает.

— Почему ты рассказал мне об этом? Не боишься, что я кому-нибудь разболтаю? Старики бывают ужасно болтливы.

— Не боюсь. И потом, у меня нет другого выхода. И разве не о том же самом ты пишешь свою книгу? Я не рассчитываю на то, что ты немедленно сможешь вычислить убийцу. Я хочу глубже вникнуть в саму проблему, и мне кажется, ты не сможешь остаться в стороне. Убит Президент. Исчез проект. Возник дисбаланс. Опасное нарушение равновесия. И мы испытываем дефицит — в этом мире мало осталось толковых парней. Мы вспомнили о тебе. Вот почему я нарушил твое затворничество. А еще я здесь из-за твоего бармена — второго такого мастера я пока не встречал.

Он попытался улыбнуться, но улыбка плохо вязалась с его озабоченным лицом.

— О'кей, — сказал Бернз. — Мы же друзья. Я сделаю все, что будет в моих силах.

— Душновато здесь, — сказал Рассел.

У него на лбу поблескивали бисеринки пота.

— Здесь душно? В доме? — изумился Бернз. — Где сейчас настоящее пекло — так это на улице.

— Мне бы хотелось выйти на воздух, если ты не возражаешь. Извини, клаустрофобия. Я столько времени

провел в кабинетах, канцеляриях, приемных. Вся сознательная жизнь в них прошла.

Через широкие стеклянные двери, за которыми сверкало ослепительное солнце, они вышли на улицу. Там все плавилось в полуденном зное. Птицам, и тем было лень летать. Охранники, спрятавшись в тень, дремали, не обращая внимания на двух полноватых мужчин, прогуливавшихся по дорожке. Все было спокойно вокруг или казалось таким. Где-то в доме стучал молоток — отделочники заканчивали ремонт одной из комнат — и это был единственный громкий звук, нарушавший тишину. Сумасшедшие дизайнеры, привезенные Марло, продолжали уродовать площадку для игры в сквош, но вели себя достаточно тихо. Все было спокойно, но он знал, что это только видимость. Где-то рядом таилась опасность, и Джекоб непроизвольно потянулся рукой к пистолету. Рассел сделал вид, что не заметил неловкого движения руки.

Прогуляемся до озера, — предложил Кромптон. — Ты не против? Тебя это не слишком утомит?

— Нет, не слишком, — усмехнулся Бернз. — Я чувствую себя здесь гораздо лучше, чем в Вашингтоне, — там я не умел обходиться без машины, а здесь привык ходить пешком. Полезней для здоровья.

Вдали, медленно удаляясь, проплыли в голубоватой дымке две всадницы; одна из них — Мириам — была в бирюзовом купальном костюме, а у другой вместо головы копна желтовато-соломенных волос, словно еще одно маленькое солнце, скатившееся в долину с холмов.

Кромптон начал говорить, когда убедился, что нет никого рядом, кто мог бы их подслушать. Он говорил горячо, торопливо, не заботясь о красоте слога, ему было не до ораторских приемов сейчас. Бернз понял, что положение и впрямь серьезное. Дефицит мозгов. Дефицит власти. Вице-президент Строн, временно исполняющий обязанности Президента, был хорош на вторых ролях, но в первые же часы после убийства выказал свою неспособность управлять страной. Неожиданная смерть всех застала врасплох. Сразу засуетились военные. Эти ястребы всегда носятся с разными безумными идеями. На-

пример, с «вирусной бомбой». Слыхал о такой? Существуют и другие проекты. И все они требуют финансирования, но государственная казна — не бездонная бочка, а налогоплательщики — не дойные коровы. Без сомнения, какие-то исследования нужно продолжать. Многообещающими выглядят работы по созданию антигравитационной станции на Луне. Но самый, самый удивительный проект — тот, который Президент курировал лично... Проект Ганвелла...

— Ну а поподробнее?

— Я и так уже рассказал больше, чем мог...

— Незачем тогда было приезжать сюда, — рассердился Джекоб.

— Ох, Джек... Ладно уж, слушай... Это открытие перевернет мир, но нельзя сейчас с уверенностью сказать, будет ли это новое знание использовано во благо или пойдет во вред... Палка о двух концах... Разумней, наверное, было бы не обнародовать пока этот проект, подождать поколения два... Мне кажется, мы просто не готовы...

— Нечто вроде новой атомной бомбы?

— Ничего общего.

Бернз взорвался:

— Или ты немедленно перестанешь мычать и начнешь говорить... Или тебе лучше убраться отсюда... мне надоела игра в «угадайку». Ты думаешь, наверное, что я сильно изменился с тех пор, как лишился должности и ушел в отставку. И патриотом я тоже не перестал быть. Какого ж тогда черта? Думать, думать за всех, кто не умеет этого делать, — это мое основное занятие сейчас. Не темни, если хочешь, чтобы я помог тебе, дай пищу моему мозгу или оставь меня в покое.

Кромптон искоса взглянул на него и, прищурив один глаз, сказал небрежно:

— Темперамент... Тебя всегда подводил твой темперамент... Я защищал тебя как мог... Такая голова... Но скверный характер всегда портил дело. Из-за него ты и ушел в отставку. — Он схватил и с силой сжал его руку. — Ты славный парень, Джек. Давай не будем ссориться. Есть вещи, которые не зависят от нас.

— Неправда. Чушь. Никогда больше не говори так. Все в нашей воле. И причина, и следствие — всегда сам человек. Бог дал только первоначальный толчок.

— Да-да, конечно... Но оставим пока эту тему... Есть еще одна головоломка... Непонятное заболевание... Умственное расстройство... Мне известно, что ты не психиатр, но психология всегда была твоим коньком... Кстати говоря, психиатры не нашли пока удовлетворительного объяснения, и мне интересно было бы выслушать твое мнение... Коллективное безумие — ни больше ни меньше... Коллектив, правда, небольшой — экипаж антигравитационной станции на Луне...

— Это как-то связано с теми исследованиями, которыми они занимались? С невесомостью.

— Трудно сказать... Их было там восемь человек, и они прожили на Луне полгода. Их сменили, и они вернулись на Землю где-то за неделю до убийства Президента.

Разговаривая, они вошли в небольшую бамбуковую рощицу, посаженную на берегу озера. Остановились у причала — Бернз любил тут иногда порыбачить — отличное местечко. Тут очень хорошо думалось. Бернз слушал Рассела не перебивая.

— Луна как-то странно на них повлияла... Они очень изменились...

— Ну а в смысле общения? Они что, совсем ненормальные?

— Общаться-то с ними можно, но что толку. Они дружно несут какую-то чушь. Утверждают, что живут в другом времени... Мы — здесь, а они уже там — в будущем...

Бернз хмыкнул недоверчиво:

— Сразу восемь Эйнштейнов — многовато для одной маленькой лунной станции.

— К черту Эйнштейнов! Я консультировался с физиками. Они говорят, что все это не противоречит теории относительности, что законы всеобщи. То, что годится для вселенной, подходит и для человека. Человек — это тоже вселенная. И при определенных условиях время может ускоряться или замедляться и для отдельного человека...

При определенных условиях... Что-то произошло там, на Луне, от чего эти восемь человек повернулись...

— Ты думаешь, они сошли с ума? Нет, Кромптон. Тут другое... Физики не шутили над тобой. Все это действительно согласуется с выводами современной науки о вселенной. Теоретически все давно доказано, и даже создана математическая модель машины времени. Но построить ее никому пока не удавалось. Тем интереснее то, что ты рассказываешь о лунной восьмерке. Я готов поставить сотню против доллара, что эти ребята не психи.

Бернз пристально посмотрел на человека, который когда-то в свое время сменил его на посту Государственного Секретаря. У молодого политика был гибкий ум и нетривиальное мышление. Боже, что с ним сделала канцелярская работа.

— Что еще наковыряли ученые? Представляю, с каким остервенением они набросились на этих парней. Пара десятков диссертаций на эту тему наверняка будет защищена.

— Тема закрытая. Но есть интересные гипотезы. У этой восьмерки один и тот же биоритм. И этот ритм ускорился. Произошел сдвиг по фазе. И ненормальность у них цикличная... В будущем они находятся, по их словам, не постоянно, а периодически и совсем недолго — минуты.

Теперь Бернз не сомневался, что он на правильном пути. Вот оно, недостающее звено в цепи упорных размышлений. Прорыв во вселенную, в будущие времена возможен для каждого индивидуума. Не только для гениев, как это было в прошлом.

Он услышал подозрительный шорох у себя за спиной, в бамбуковой рощице, и, не раздумывая, выхватил пистолет и выстрелил. Сразу же взвыла сирена. Не прошло и двух минут, как примчалась машина с охранниками и, взвизгнув тормозами, остановилась у причала. С трудом сдерживая гнев, но наружно спокойный, Бернз велел прочесать рощу и ближайшие окрестности.

— У тебя полно советников, Кромптон. Что бы ты хотел услышать от меня?

Он подумал, что даже себе он сейчас не в силах помочь.

— О каких советниках ты говоришь? Разве я могу кому-то доверять? Ученые никогда не заботятся о последствиях. Эти новые открытия... Как они скажутся на нас?

Он был сейчас как натянутая струна. Убийцы не пойманы, и снова звучат выстрелы... на этот раз стрелял друг, но в это время, возможно, его самого держали на прицеле... Идет охота. Когда же все это кончится?

— Ты читал интервью с доктором Фетести, опубликованное в «Таймс»? Биохимические методы воздействия на мозг, изменение естественных биоритмов... Понимаешь, к чему это может привести? К появлению нового вида наркотика. Проклятые репортеры уже что-то пронюхали. Ситуация может выйти из-под контроля. Я хотел бы созвать конференцию по этому вопросу в каком-нибудь тихом месте. Например, в Гондвана Хилз? Как бы ты к этому отнесся?

— Я буду рад помочь. Здесь для этого есть все условия.

Он понимал, к чему это все может привести. Возникнет новая эпидемия насилия. Грабежи, убийства... Бернз уже сталкивался с этим, когда вступил в должность. Наркотики уничтожили Африку. Америке пока удавалось справляться с этим страшным злом... Но теперь... Он слышал уже глухие подземные толчки... Начнется, как всегда, в больших городах, а потом докатится и до самых отдаленных уголков, включая Гондвана Хилз. Так уже бывало. То, что делается для будущего, часто разрушает его.

— Оргкомитет уже работает, — сказал Кромптон. — Я сообщу им, что ты согласен.

Он сказал все, что хотел сказать по данному вопросу, и замолчал, переключив мозг на решение мелких сиюминутных проблем... На его лицо набежали тени.

Они шли молча, и каждый думал о своем. Они как раз проходили в это время мимо площадки для игры в сквош, и Кромптон остановился, заинтересовавшись необычным сооружением, воздвигнутым ненормальными дизайнерами, нанятыми Марло. И мальчика они тоже увидели здесь. Кстати, сам Бернз не виделся с сыном уже

несколько дней. Шестнадцатилетний подросток, тощий и бледный — к его синевато-белой коже не приставал загар, стоял в дальнем конце площадки, засунув руки в карманы линялых драных джинсов. Нахмурясь, он разглядывал отца и его гостя и решал непростой вопрос — подойти поздороваться или исчезнуть. Последнее было предпочтительней — не станут приставать с разговорами о здоровье и о том, что он тут выстроил.

Бернз снова подумал о том, что Мириам, мачеха, лучше понимает сына, чем родной отец. Но и от нее он частенько сбегал, надолго исчезая из дома. Брал лошадь в конюшне отца или садился в собственный спортивный автомобиль — недальние автомобильные поездки ему недавно разрешил совершать психиатр, но какие уж там недальние... Он глотал пыльное пространство — километр за километром, доводя до полного изнеможения себя, лошадь или автомобиль, мог пропасть на сутки или двое, но никому потом не рассказывал, где его носило...

— У Марло получше со здоровьем в последнее время? — спросил Кромптон и, не ожидая ответа, добавил: — Я знаю одного очень толкового психоаналитика. Может, подослать его как-нибудь сюда?

— Бесполезно, — махнул рукой Бернз, — кто только не лечил его. По-моему, не существует лекарственного препарата, который не испробовали бы на нем... Ничего не помогает.

— И все-таки я бы показал его Стейчеру, в Вашингтоне сейчас нет врача лучшего, чем он.

Кромптон понимал, какую душевную боль испытывает сейчас Бернз. Несчастье — иметь такого сына. Чего только он ни предпринимал, чтобы излечить рассудок Марло. Да уж, нахлебался он, в особенности допекли его всякого рода психоаналитики. Предпоследний, шарлатан из Нью-Йорка, прибыл на ранчо с двумя любовницами, сестрами-близняшками.

Постояв немного в нерешительности, Марло решил все-таки подойти к ним.

— Знаешь, смерть Президента очень глубоко задела его. Мне показалось, что он не просто возмущен этим убийством как гражданин. Преступление подействовало

на его психику, он очень расстроился. Такое личное отношение к государственной трагедии, сила человеческих чувств, выплеснувшихся в момент государственной скорби, слишком уж показушной и официальной, могли бы служить примером и для других... Вот на таком фундаменте мы могли бы строить наше будущее... И построим, если справимся с некоторыми проблемами... Если мальчик справится с ними...

— Стейчер мог бы ему помочь...

Толпы людей, появившихся на свет в результате демографического взрыва. Толпы людей, которые топчут и давят друг друга на чересчур маленькой Земле. Выжимают из себя и друг друга последние капли жизненного сока, но не могут решить возникших перед ними проблем. Толпы этих несчастных сдавливают бедный мозг мальчика, он почти оглох от их жалких воплей, и он хотел бы, но не знает, как им всем можно помочь. Самому ему не могли помочь даже пустынные гектары Гондваны, где почти невозможно было встретить человека, а толпа представлялась чем-то далеким и нереальным. Всем, кроме Марло. В его кошмарах постоянно присутствовали толпы, толпы, толпы людей.

— Сначала нужно догадаться о перспективах, обрести цель, прежде чем то, к чему мы станем стремиться, само начнет помогать нам. Я говорю о будущем.

Он всерьез опасался за будущность своего сына.

— Кстати, — вспомнил вдруг Кромптон. — Рода недавно мне говорила, что ей снился Марло.

— Вот как? — слегка удивился Бернз.

Он заставил себя улыбнуться, когда Марло приблизился к ним, и протянул мальчику руку, но тот сделал вид, что не заметил протянутой для пожатия руки.

— Ты уже слышал об этом, Джекоб? — спросил мальчик. Голос его слегка дрожал. — Они снова начали отстреливать китов. Как тебе это нравится? — На отца он не смотрел. Его взгляд всегда проходил насквозь, никто не мог занавесить душу и совесть от его всепроникающих глаз. — На всем белом свете скоро не останется ни одного голубого кита. Ни одного кита в морях, озерах, даже в нашем тихом озере. Умрет сама память о них.

— Что это ты построил на площадке для игры в сквош, Марло? — спросил Бернз.

Мальчик дернул плечом и, ничего не ответив, повернулся к отцу спиной, давая понять, что разговор окончен, но Бернз по-своему расценил этот жест. Как приглашение посетить экспозицию. Ему показалось, что Марло ничего не имеет против того, чтобы отец и его высокий гость ознакомились с тем, что он там напридумывал.

Площадка для игры в сквош была подарена мальчику к четырнадцатилетию. Сделано это было по совету психиатра, который лечил тогда ребенка. Но игра мальчику не понравилась. Раз или два он только и сыграл, при этом выражение скуки ни на минуту не оставило его бледное лицо. Площадка пустовала какое-то время, а затем Марло захотелось построить на ней какое-то диковинное сооружение, материальное воплощение его бредовых фантазий. Бернза все это жутко раздражало, но психиатры в один голос твердили, что есть только один путь, который может привести к выздоровлению: ни в чем не ограничивать ребенка, дать ему полную свободу. И действительно, в сооружениях, возводимых Марло, постепенно стала проявляться какая-то внутренняя логика... все это было за пределами понимания Джекоба Бернза, но он готов был согласиться с психиатрами — мальчику, похоже, его занятия шли на пользу.

В чем-то они оказались правы, психиатры, но Бернз перестал приглашать их и выплачивать чудовищные гонорары не из-за одной лишь экономии. Они в главном ошиблись. Он и раньше смутно подозревал, а теперь уже не сомневался больше. Мальчик не был душевнобольным. Он острее других чувствовал несправедливость, чужую боль воспринимал как свою. А еще в нем проснулся художник, и, как многие творцы, он шел впереди своего времени, он словно бы побывал в будущем и не мог не поделиться своими открытиями с людьми.

Вроде бы и до Кромптона что-то дошло. Он пристально всматривался в лунный ландшафт... Воронка кратера с неровными краями, коричневатая почва, изрытая метеоритами, яркие освещенные места и глубокая тень... безжизненная пустыня, овеществленный образ смерти.

Двое мужчин стояли молча у края лунного кратера. Пряча усмешки, за ними наблюдали дизайнеры, помогавшие Марло. Они устроили себе обеденный перерыв, укрывшись в прохладной тени галереи. Жевали бутерброды, запивая пивом. Кромптон тоже бы сейчас не отказался от пива или бокала охлажденного вина; он облизал пересохшие губы. Марло не было дела ни до кого из них, никто из этих людей не в состоянии был понять его. Воображение вело его вперед, он в одиночку протаптывал тропу, вскоре он исчез за горизонтом... бесполезно было теперь пускаться на его поиски, найти человека в космосе неизмеримо трудней, чем на земле.

— Что это все значит? — спросил Кромптон. — Почему вдруг луна? К чему все это?

— Мальчик начитался фантастики, — пожал плечами Бернз. — А ты разве не бредил космосом в его годы?

Они вернулись на аллею, которая вела к дому. Жены поджидали их на ступеньках у входа.

— Вы в порядке? — спросила Мириам. — Мы слышали выстрелы в роще. Это ты стрелял, Джекоб? Кого-нибудь подстрелил? Кто-то прятался в роще? Индейцы? Мы окружены?

Привстав на цыпочки — она была небольшого роста — Мириам чмокнула Бернза в глаз, затем, притянув за шею Кромптона, расцеловала его.

— О Рассел, я так рада, что вы навестили нас в нашей глуши. И хорошо, что додумались приехать вдвоем. Молодцы, ребята. Рода сказала мне, что Кромптон приехал решать с Джеком какие-то государственные проблемы, но я не поверила ей. Я думаю, что вы приехали сюда ради меня, одинокой, всеми покинутой женщины.

— Ты замечательно выглядишь, Мириам, — вполне искренне сказал Кромптон. — И тебе очень идет этот купальный костюм.

— Я тебе нравлюсь? Да, костюмчик недурен. Он стоил мне кучу денег. Джек, брюзга, утверждает, что я транжирка. Это действительно трудно понять, как два маленьких кусочка ткани могут стоить столько долларов.

Рода не проронила ни слова. Она терпеть не могла пустой болтовни. Но ей и не требовались слова, чтобы

понять других или выразить свои чувства. Слова только затеняют внутреннюю суть, то, что живет в каждом из нас. От любого человека идут волны — холодные или теплые — и вовсе необязательно быть телепатом, чтобы уловить их. Волны, которые шли от самой Роды, обжигали Бернза. Она возбуждала его помимо его воли. Рода принадлежала к тому типу женщин, которые способны своим теплом растопить любой айсберг. Но с некоторых пор его перестали интересовать женщины. Да, она хороша, у нее атласная кожа, от нее пахнет полевыми цветами и свежими яблоками, у нее грудь той формы, которая всегда нравилась Джекобу... Ну и что с того?! Для него теперь в его затворничестве гораздо важней обладание истиной, а не женщиной. История, политика, философия волнуют его больше, чем женская грудь. И если думать о будущем, то нужно периодически одергивать, приструнивать себя, нужно вернуть стране пуританский дух, нация в последние десятилетия слишком уж распустилась... Все, вероятно, помнят, чем распущенность, лень и безволие обернулись для Рима... Что с того, что ему нравится эта женщина. Он должен скрывать свои чувства, хотя она наверняка о них догадывается... И в душе смеется, вероятно, над ним, над стариком... И он не имеет права снять маску, никто не должен видеть его настоящее лицо... И возраст, возраст не просто помеха, а непреодолимая преграда... Впрочем, и в молодости он редко разрешал себе расслабиться, и в те далекие годы он почти никогда не снимал маску, но тогда его понуждало к этому совсем другое — он делал карьеру.

— Вы по-прежнему увлекаетесь прыжками? — напустив на лоб морщины, угрюмо спросил он.

— Ага, прыгаю. Муж считает меня чудачкой. А вы не кончили ваши мемуары?

— Да нет. Только-только расписался. Люди всегда смеются над чудаками. И на что еще можно потратить время в этой глуши? Я занялся этим от скуки. Вначале шло очень туго, но я втянулся постепенно. Работа захватила меня, и не я теперь управляю процессом, а он ведет меня. То же, наверное, с вашими прыж-

ками. И я думаю, что получаю от своих изысканий удовлетворение не меньшее, чем вы от прыжков с парашютом.

— Ну вот, оказывается, и вам есть о чем поговорить друг с другом, — смеясь, сказала Мириам. — Одному нужен секс, другому прыжки, кому-то мемуары... Каждый ловит свой кайф... Джекоб, угости Роду коктейлем. Вы получите удовлетворение от общения друг с другом, я уверена. А я провожу Рассела на площадку для игры в сквош и покажу, чего там нагородил Марло.

— Я уже показывал ему, — сказал Бернз.

Он не мог требовать от жены больше того, что вложила в нее природа. Женщина всегда остается женщиной, такими их создал Бог, и бесполезно, да и незачем пытаться изменить их.

Рода направилась в сторону бара, Джекоб двинулся следом. Ему очень хотелось снять с себя маску. Момент был подходящий, и он мог бы это сделать, но приблизит ли его это к Роде? Вряд ли. Уж очень они разные. Если бы только в возрасте было дело. Они разные, разные во всем. У нее с его сыном Марло больше общего, чем с ним. И он видел ее сейчас в двойном изображении, они оба были одинаково реальны. Рода, которая молча шла рядом с ним, и другая, парящая в воздухе, высоко над землей. Он ничего не мог с собой поделать, ему не удавалось стряхнуть с себя наваждение.

— Знаешь, он ненавидит меня, — сказала Мириам, приблизив свое лицо к лицу Кромптона. — Я мешаю ему. Мешаю писать его дурацкие мемуары, отвлекаю от работы, лезу к нему со своими женскими глупостями.

— Ну-ну, — сказал Кромптон, усмехнувшись одними углами губ. — Брак — это война. Но у Джекоба нет никаких шансов. Он — плохой вояка.

— О Рассел, хоть бы ты был со мной понежней и не бросал бы меня так надолго. Я не видела тебя больше месяца. Ты не представляешь, что за жизнь я здесь веду. Жуткая тоска. Словом не с кем перемолвиться. И даже Марло теперь не хочет со мной разговаривать. У него новый приступ депрессии. Я знаю, что ты ужасно занят. На тебя столько дел свалилось после убийства Президента.

Тебе сейчас не до меня, — грустно закончила она перечисление своих бед.

Она все-таки повела его на площадку для игры в сквош. Бог знает чего наговорил ему Джек, а ей самой хотелось показать и обсудить с ним последнее увлечение Марло. Как, на его взгляд, он действительно безумен?

— Марло, мальчик мой, — позвала она, — выходи. Где ты прячешься, мой дорогой? Мне нужно поговорить с тобой.

Марло высунул голову из-за ближайшего бугра, по всей видимости, он слышал весь их разговор.

— Вы очень рискуете, — зло сказал он. — Опасно гулять там, где гуляет смерть. Вы можете попасть в другое измерение, а можете и совсем пропасть, если не повезет. Здесь есть зоны с другими временными координатами. Я властен над временем, а вы нет. Я властен над смертью, а вы нет. Вы не владеете знанием, на вас нет специального снаряжения. Вы очень рискуете.

Мириам посмотрела на Кромптона. Его явно привели в замешательство слова мальчика.

— Создается впечатление, что ребенку известно все, — пробормотал Кромптон.

Он торопливо покинул площадку, оставив Мириам одну на Луне. Несколько раз он споткнулся, словно натыкался на невидимое препятствие. Мириам чуть ли не бегом должна была догонять его. Она повисла у него на руке.

— Спасаешься бегством... Видели бы тебя сейчас служащие твоей канцелярии... Государственный Секретарь, а ведешь себя как мальчишка... Ты от меня хотел удрать? Это же шутка. Ты что, не понял? У Марло юмор такой своеобразный. К нему нужно привыкнуть. Кстати, он тайно в меня влюблен.

— Ага, шутка. Со смертью не шутят... Мне кажется, он знает о том, что произошло на лунной станции.

Они прошли на кухню, из которой, увидев их, вышли две работницы, занимавшиеся уборкой. Мириам достала из холодильника банку пива и протянула Расселу. Он открыл и стал пить прямо из банки, маленькими глотками, наслаждаясь холодным напитком.

— Жалеешь, что приехал сюда? — спросила Мириам. — Тебе не нравится здесь? Ты думал, что тебе Джекоб поможет, этот старый пень? Даст хороший совет? Напрасно ты на него рассчитывал. Он ни черта ни в чем не смыслит. Может, я смогу быть тебе в чем-то полезной? Женская интуиция — великая вещь. Что тебя тревожит?

— Сумасшедший дом. Настоящий сумасшедший дом, — помотал головой Кромптон, управившись с пивом.

— Вот это ты точно подметил, — залилась она смехом. — Это и мое мнение. И я ни от кого его не скрываю. Я всем об этом говорю.

Она легонько провела кончиками пальцев по его шее, но он никак не отреагировал на ее прикосновение.

— Да уж, лучше мужчин не трогать, когда они по-настоящему чем-то озабочены. — В голосе ее звучала горечь. — Я что, в самом деле так постарела, Рассел? Что с вами, мужиками, делает работа, ничего-то вам не надо.

Он включил транзистор, оставленный, вероятно, одной из работниц на кухонном столе, и, полузакрыв глаза, слушая музыку и покачиваясь в такт, стал рассказывать:

— Сейчас у нас там страшная неразбериха в Вашингтоне. Все кинулись искать убийцу. Писаки газетные совсем оборзели. Винят во всем администрацию. Что-то произошло с нашими ребятами на Луне. Техническая сторона дела тебе вряд ли будет интересна... Вероятней всего, у них что-то с мозгами приключилось, какая-то неизвестная болезнь, одна и та же у всех восьмерых. Говорят что-то о переносе во времени, якобы они периодически попадают в будущее и снова возвращаются... Очень похоже на то, что говорил сегодня Марло, что меня и завело... Откуда он обо всем этом мог узнать? И эти его лунные кратеры... Информация, кстати, вся очень секретная, я никому не должен был об этом рассказывать... Видишь, я доверяю тебе... Ну и еще одна штука... Именно в тот день, когда он был убит, Президент собирался подписать документ о финансировании проекта Гайвелла... Проект исчез, и никто не знает, когда и где он выплывет и какие беды принесет нашей несчастной стране...

— Бедный, бедный Рассел... Нелегко тебе приходится... Я вряд ли смогу тебе чем-нибудь помочь... Джекоб считает меня дурой — может, он и прав... Я всего лишь женщина, стареющая женщина... Но я тебя очень прошу, не отшвыривай меня, Рассел...

Она прижалась щекой к его плечу и преданно, как собака, заглянула ему в глаза.

— Знаешь, Джекоб не помог мне пока ничем, тут ты права... Но разговаривать с ним интересно... Он очень умен, и он слишком рано ушел в отставку... Старикан, конечно, не без сумасшедшинки, но он твердо уверен, что машина времени вот-вот будет создана... Пожалуй, когда я вернусь в Вашингтон, я вернусь к рассмотрению вопроса о финансировании проекта...

— Машина времени?! — Она изумленно посмотрела на него. — Мне всегда казалось, что это несерьезно... фантастика... Неужели есть люди, которым хотелось бы побывать в будущем? Мне страшно делается, когда я думаю об этом.

— И мне делается страшно. Но я не вижу другого выхода. История последнего столетия кажется мне одним сплошным кровавым кошмаром. Революции, войны, концлагеря... Сталин, Гитлер, атомная бомба, Хиросима... Трупы, горы трупов... Гибли на войне, гибли в лагерях, умирали от голода... Теперь душат экология и энергетика... И никто не видит выхода... Мы обязаны совершить прорыв в будущее...

— Только не я, — решительно заявила Мириам, — на меня не рассчитывайте... Меня оставьте здесь...

Он улыбнулся, и впервые за целый день в его улыбке не было сарказма. Он взял ее за руку.

— Ну, тебя пока никто не станет подключать к проекту. Я хочу попросить тебя о другом. Знаешь, я как крыса. У меня повышенное чувство опасности. Меня беспокоит Марло. Очень уж похожие симптомы. Присматривай за ним. Почаще бывай с ним рядом. Разговаривай с ним. Было бы совсем неплохо, если бы ты записала ваши беседы. О Луне. Особенно о Луне. И о будущем тоже, конечно. Как он туда попадает? Что он там видит? Может, это вовсе и не бред...

— Ну не знаю, сумею ли я справиться с твоим заданием... Мне он тоже теперь не очень-то доверяет, — вздохнула она.

— Звонить мне не нужно. Не дай Бог, кто-нибудь подслушает... Идеальным вариантом было бы, если бы ты смогла приехать ко мне в Вашингтон...

Она внимательно посмотрела на него.

— Кажется, ты еще не совсем разлюбил меня, Рассел. Я сделаю, разумеется, все, о чем ты просишь.

Он слез с табурета и направился к выходу.

— Спасибо за пиво, Мириам. Нам с Родой пора ехать. У меня сегодня важное совещание в восемь часов.

Ровным, почти бесстрастным голосом диктор телевидения читает сводку новостей.

«Продолжаются интенсивные поиски убийцы Президента, хотя следствие, похоже, зашло в тупик. Ни одна из версий не заслуживает серьезного внимания. По всей видимости, мы столкнулись с еще одной загадкой века. Кто и когда сумеет ее разгадать? Большинство высших должностных лиц страны осторожно высказываются в том духе, что убийца не будет пойман в ближайшее время, если он вообще когда-нибудь будет пойман... Вернемся еще раз к событиям того злосчастного дня. Что произошло в кабинете Президента вечером восемнадцатого августа, незадолго перед ужином? Как свидетельствуют сотрудники канцелярии, Президент сидел за письменным столом, изучая один секретнейший документ... Как нам стало известно, документ этот исчез... Президент был убит выстрелом из пистолета, почти в упор, но никто из охранников, находившихся в приемной, выстрела не услышал и ничего подозрительного не заметил... Охранники категорически утверждают, что никто в это время в кабинет не входил и оттуда не выходил... Осмотр места происшествия, произведенный впоследствии, также не дал никаких результатов...»

Не дослушав комментарий и сводку новостей, Джекоб Бернз вышел из комнаты, оставив Мириам сидящей на белом бархатном диване. Она глаз не отрывала от экрана

телевизора, как будто не новости передавали, а транслировали шоу. Марло тоже крутился тут, хотя наверняка это нельзя было утверждать, с ним теперь постоянно так — ничего невозможно понять — присутствует он или отсутствует в том или ином месте в данное время... Скорей все-таки присутствовал, чем наоборот, вроде бы возился в дальнем углу комнаты, но, может быть, и нет.

— Ты здесь, Марло? — позвала Мириам. — Подойди ко мне. У меня кое-что есть для тебя. Ты умный ребенок, ты догадался, конечно, чем мамочка порадует тебя... Ну же, подойди поближе.

Он вышел из тени и остановился, не дойдя до мачехи четырех-пяти шагов. Он нетерпеливо пританцовывал на месте, взгляд его был прикован к ее руке, рывшейся в сумочке. Она достала бумажный пакетик и вынула из него кусочек сахара, влажный в центре и сухой по краям.

— Тебе не обязательно слушать сводку новостей... Ты получаешь информацию обо всем, что происходит в мире, своими способами. Может, расскажешь мне? Мне ведь тоже интересно. Ну как там дела у них в Европе? Впрочем, ну ее к черту, Европу. Пусть живут как хотят. Они сами по себе, мы сами по себе. Расскажи лучше о Луне... Тебе там нравится?

Он протянул руку, но она не спешила отдать то, в чем он так остро нуждался.

— Я не один там. Нас много. По крайней мере мне там не скучно.

— Там очень холодно?

— Когда как. Бывает холодно, бывает жарко... Там все иначе, не так, как здесь... Мне трудно объяснить это тебе.

— Ты меня разыгрываешь, что ли? Перестань говорить загадками. Что это значит — «там много людей»? Я не понимаю. Ты хочешь, чтобы мамочка отдала тебе лекарство? Тогда перестань шутить и говори серьезно.

«...в последнее время Президент испытывал сильное давление со стороны оппозиции...» — Голос у комментатора пресекся, он извинился перед телеаудиторией и отпил воды из стакана.

— Земля давно перенаселена. Ни войны, ни концлагеря не решают проблем. Слишком уж тут тесно. Не хватает жилья, не хватает больничных коек. Люди мешают жить друг другу. Должно же где-то существовать место, где бы могли найти себе пристанище лишние люди.

— Ну а Президент? Как он ко всему этому относился? Он нашел решение? — спросила она. Интуиция уже подсказывала ей ответы на волновавшие ее вопросы.

Марло отвел глаза в сторону.

— Да, он нашел решение. Но это был бы наихудший выход. Это вообще не выход. Переселить туда всех. Всех. О, он был великий демократ. Пока еще на Луне достаточно просторно, но благодаря его стараниям опять началась бы давка. Толпа снова топтала бы одиночек. Зачем нужна вторая Земля? Все повторилось бы сначала. Для чего повторять старые ошибки? Заселим Луну, а лишних людей, а гордых одиночек куда будем отправлять? Обратно на загаженную Землю?!

Она отдала ему сахар.

— Марло, мальчик мой... Ты болен, ты очень серьезно болен... Понимаешь ты это?.. И ничего нельзя изменить, ни в нас, ни вокруг, нечего и пытаться...

Зря вы все считаете меня сумасшедшим... Я немного опередил свое время — только и всего... — Он с наслаждением рассасывал сахар. — Ну а вы? Вы-то не сумасшедшие? Такого высокого мнения о себе, а сами ничтожны... Видели бы вы себя со стороны — из другого времени... Ничтожнее лунной пыли...

Марло выбежал из комнаты. Оставив телевизор мерцать голубоватым светом в полутемной комнате, Мириам тоже вышла в коридор. Она немного переволновалась, разговаривая с мальчиком, но с помощью аутотренинга быстро восстановила душевное равновесие. Да, в жизни, конечно, немало мрачного, но жизнь-то нам дается не один раз. Мириам верила, что человек проходит длинную цепь перерождений. Посмотрим, что там будет при других воплощениях, посмотрим... Она дошла до кабинета Бернза и постучала в дверь.

Бернз курил сигару. Он вроде бы ничего не имел против ее прихода и кивнул ей, пожалуй, даже радушно.

— Я попросил Григсона отыскать в фильмохранилище с пяток разных старых кинолент. Хочешь посмотреть? Спускайся в кинозал. Я докурю сигару и тоже приду.

— Смешные?

— Я бы не сказал. Было время, когда зрители не могли смотреть их без слез, В основном хроника.

— Тебе нравится видеть меня плачущей, Джекоб?

Он не ответил ей и, стряхнув с сигары пепел в старинную бронзовую вазу, стал вносить какие-то поправки в текст своей рукописи.

— Ты так однообразно проводишь время, Джек. Месяцами не вылезаешь из этого пыльного, прокуренного кабинета. Совсем не бываешь на воздухе. Сходил бы, что ли, рыбу половить.

— Я ловил рыбу... недели две назад... клевало, правда, неважно...

— Это было в прошлом сезоне.

— В прошлом сезоне? Ты уверена, дорогая?

Он заметил на ее лице следы какого-то волнения и добавил уже мягче:

— Мне нужно закончить мою работу. Никто не сделает ее за меня. Я хочу попробовать к Рождеству сдать рукопись в издательство. Моя книга — на другое у меня просто нет сейчас времени.

— О время... Все только и делают, что пытаются поймать его за хвост... А Марло просто помешался на этом, он вступил в какие-то странные отношения со временем...

Бернз посмотрел на нее с отсутствующим видом и, обернувшись к секретарю, сидевшему за машинкой, спросил:

— Григсон, ты уже вставил эпизод, о котором я упоминал сегодня утром? Убийство Кирова в Ленинграде в тысяча девятьсот тридцать четвертом году.

— Нет, сэр.

— Ну так сделай это.

Она присела на краешек кресла для посетителей. Уходить ей пока не хотелось.

— Почему все так плохо стало в последнее время? Может, нам только кажется, что мир становится хуже? Может, мы просто старые ворчуны?

— Стареем помаленьку. Но то, о чем ты меня спросила, далеко не пустой вопрос. Не праздный, нет... В своей книге я как раз и пытаюсь ответить на этот вопрос — стал мир хуже или нет в последнее столетие... Тебя это действительно интересует? Ты серьезно?

— Разве я когда-то бываю серьезной? Ты ведь считаешь меня дурочкой.

Она встала с кресла, намереваясь уйти. Он схватил ее за руку.

— Постой. Я попробую тебе ответить. Как бы объяснить тебе все это попроще... Периодически это случалось и раньше. История цивилизации может дать нам немало примеров.

Вдруг все начинает гнить и киснуть. От некоторых эпох несет плесенью, как от стоячих болот. Но были и такие, когда народы словно бы несла вперед мощная, быстрая река. В разных странах и регионах, конечно, это происходило по-разному. Мы живем в больное время. Старый, испытанный веками метод лечения — пустить больному кровь. Но есть и другие методы. Психологическое самоисцеление. Нужны огромные усилия, сверхнапряжение всех сил, нужно знание о том, как это делается... Главное — все-таки знание... Нужно попробовать убедить себя, что хочешь и будешь жить, — это тоже очень важно... Нужны стимулы, наконец... Человек должен понимать, для чего он живет... В полной темноте вдруг вспыхивает искра — нельзя дать ей загаснуть... Нужно осветить людям дорогу... Стимулы... Будущее, например... Нужна вера в то, что будущее будет счастливым... Да, нужна вера... И не стоит пугать людей кошмарами. Я верю в будущее и хочу заставить верить других. Не заставить, конечно, нельзя заставить быть счастливыми, а убедить. Знаешь, некоторые изобретения ускоряют бег времени. Так было, например, когда были изобретены механические часы и порох. Ты только подумай. Время стало не просто делимым, его мог каждый сосчитать теперь в одиночку, как принадлежащие ему монеты, оно стало личным, его стали носить с собой в кармане сюртука... То же и с порохом... Но это в Европе. В Китае на часы и порох смотрели как на игрушки, на

забаву, не более того... Сознание китайцев не было подготовлено ходом их истории к новому осмыслению таких архиважных вещей, как механические часы и порох... Вот и теперь мы стоим на пороге двух новых открытий, которые могли бы перевернуть нашу жизнь, но наше сознание не готово пока к правильному осмыслению всех последствий... Мне рассказывал о них Кромптон... Просто дух захватывает...

— Твой пафос заразителен, — сказала она, прервав его вдохновенную речь.

— Тебя он забавляет? Но я убежден, что людям нужна моя книга.

— Почему забавляет? Мне кажется все это очень интересным. Но наша внутренняя жизнь, по-моему, важней любых изобретений... И еще об одном я хочу сказать... Если можешь помочь человеку сейчас, сделай это, а не размышляй о том, как осчастливить человечество... Я живу сегодняшним днем, будущее меня не волнует...

— И меня интересует внутренний мир человека... Но мой подход принципиально отличается от твоего... Как изменить сознание? Как выйти на новый уровень понимания задач, стоящих перед человеком? Вот над какими вопросами я бьюсь.

— Бог тебе в помощь. Ты не самый глупый старикашка на свете, с этим не приходится спорить. Кромптон сказал мне на той неделе, что ты чертовски умен и слишком рано ушел в отставку. Между прочим, я хочу съездить завтра в Вашингтон и сделать кой-какие покупки.

— Вот почему ты так ласково мурлыкаешь здесь со мной. Ты доделал то, что я тебе велел, Григсон? Идем смотреть хронику.

— Да, сэр. Я готов.

— Ты идеальный секретарь, Григсон. Мириам, передай от меня привет Расселу Кромптону, если случайно повстречаешься с ним.

Рода выпрыгнула из самолета.

Страха не было, она и раньше не боялась прыгать с парашютом, ну может быть, чуть-чуть подсасывало под

ложечкой, когда она приближалась к двери, вдруг открывавшейся в кабине самолета. За нею упругие воздушные струи, голубой туман, неизвестность, возможно, смерть... Страх пропадал, когда она выходила наружу, и начиналось падение, хотя ощущения падения не было. Было парение. Ну а теперь, когда она по совету знакомых парней из аэроклуба стала заглатывать перед прыжком хорошую дозу наркотика — его только недавно открыли, штука в самом деле бесподобная, — страху просто стало неоткуда взяться. Парни вообще летали где-то между планетами. Она никогда не улетала дальше Луны, но и стратосфера, откуда с высоты двадцати тысяч футов она совершала затяжной прыжок, ее вполне устраивала. Она любила рассматривать сине-зеленую американскую землю, распростершуюся под ней. Любила, когда подлетала совсем близко, вдыхать ее нежные, теплые ароматы. Ее волновали проблемы людей, копошившихся внизу, она была с ними, с каждым из них. Она не понимала тех людей, которые считали, что жизнь бессмысленна, и тех, кто занят поисками смысла жизни. Сама жизнь, весь мир, земля и есть цель и смысл. И не нужно жалеть сил на то, чтобы привести в порядок весь этот хаос, чтобы наполнить смыслом мир... Это далеко не просто, но человек дьявольски изобретательное существо, и он должен верить, верить в себя... решение близко.

Эти несколько минут парения, вырванные из вечности, всегда были мгновениями экстаза, а наркотик во много раз усиливал все ощущения. Она парила как птица, свободно раскинув руки и ноги, не ощущая тела, а только острое возбуждение, сравнимое с сексуальным, но очищенное от земных страстей, от грязи, от греховного. Неземное наслаждение, накрывавшее ее то теплой, то холодной волной. Оно возникало между четвертым и пятым позвонками и от спины шло по бокам, к животу и внутренней поверхности бедер. Она не чувствовала не только веса тела, но и тяжести амуниции, сковывавшей ее и мешавшей свободе движений на земле. Ощущать полет не мешали кожаный комбинезон, два тяжелых армейских парашюта — основной и запасной, два кислородных баллона, маска, темные очки и защитная каска... Над землей

свободно парила ее душа. И только здесь, на высоте, она чувствовала себя по-настоящему свободной.

Мысли ее, описав круг, вернулись к Джекобу Бернзу. Старый динозавр, мастодонт, человек из прошлого, пытающийся спасти будущее... Ей кажется, что она могла бы помочь ему, она так ясно представляет себе будущее, как если бы побывала в нем. Он влюблен в нее, хотя и пытается это скрывать. Как он смешон со своей старческой любовью, стыдится ее, он совершит по-настоящему геройский поступок, признавшись в своем поражении. И он боится будущего, того будущего, которое соединит их.

Будущее уже настигло их. Этот старый чудак из Гондваны в самом деле оказался провидцем. Наше сознание может перемещаться не только в пространстве, но и во времени. Через несколько десятилетий во все школьные учебники войдет закон, который получит название «Закон Бернза — Фетести». Она увидела это совершенно четко, несколько строчек, напечатанных жирным типографским шрифтом, свободно вплыли в ее мозг... Она дернула за кольцо парашюта, почувствовала толчок — текст из учебника рассыпался, но это ничего уже не меняло... Начиналась новая эпоха.

Две тысячи пятьсот футов. Земля стремительно приближалась. Она не взглянула на высотомер, когда дергала за кольцо парашюта, ей незачем было уточнять высоту. Две тысячи пятьсот и ни футом меньше, ощущение времени и пространства вошло ей в кровь и пульсировало по кровеносным сосудам. Она была готова к новой жизни. А другие?.. Она поймала себя на том, что с тревогой думает о Марло. Бедный мальчик... Ужас сковал ее, она вдруг почувствовала, что ей нечем дышать... Она едва не потеряла сознание в тот момент, когда ноги ее заскользили по зеленой траве аэродрома.

— Простите, сэр, — сказал Григсон. — Я не смогу больше быть вам полезен. Я хочу уволиться.

Бернз был застигнут врасплох.

— Что-нибудь не так, Григсон? Тебе не нравится у нас? Тебя раздражает эта работа?

— Нет, сэр. Отношение. Вы не любите меня. Я не смогу это больше выдерживать.

Бернз отвернулся, стыдясь посмотреть Григсону прямо в глаза. Да, он виноват. Он не делал различий между секретарем и пишущей машинкой. Человек или вещь — это ему всегда было безразлично. То и другое легко приобреталось за доллары. И вот оно взбунтовалось. Ему не нужны были другие личности в этом доме, а лишь механизмы. Он вытравливал из людей, обслуживавших его, все личное, и делал это с наслаждением. Он муштровал слуг, добиваясь не просто беспрекословного исполнения, а автоматизма. И вот финал. Скоро он останется один, в пустоте, не нужный даже собственной жене и сыну. Жена в это время, вероятней всего, делит постель с одним из тех, кто вытеснил его с политической арены. Заставил уйти в преждевременную отставку, в небытие, в пустынные пространства Гондваны...

Его сын... Еще одна его неудача. Ему внезапно захотелось увидеть своего ребенка, поговорить с ним, выяснить, что его беспокоит в этот момент. Неужели они никогда не смогут понять друг друга? И пути к пониманию и примирению нет? Ну что ж, в конце концов, он готов даже на унижения.

Он прошел в то крыло здания, в котором были апартаменты Марло. Он не был здесь уже года два. Он шел по коридору, в очередной раз удивляясь тому, какой безудержной фантазией природа оделила его сына. Здесь, как и на площадке для игры в сквош, тоже побывали сумасшедшие дизайнеры. Интерьер полностью преобразился. Коридор и небольшой холл перед спальней и кабинетом напоминали отсеки орбитальной станции, увиденной фантастом. Электронная аппаратура, звуковая и световая, кабели, светильники, схемы и рисунки на стенах, в основном пейзажи далеких планет... Странные надписи... Не только на стенах, но и на потолке... ХРАНИТЕЛЬ ЗНАНИЯ ХРАНИТ МОЛЧАНИЕ... ПРИРОДНАЯ ГЛУПОСТЬ ЛЬВА: ЖИЗНЬ ПОЖИРАЕТ ЖИЗНЬ...

Жизнь пожирает жизнь... Так оно и есть. Но посмотреть на это можно под разными углами — с позиций

оптимизма или пессимизма... Он подошел к двери кабинета, приспособленного под игровую комнату... Постоял, не решаясь войти внутрь. На него вдруг повеяло холодом, враждебностью... За этой дверью не было будущего. Дело не только в том, что его снова вытесняли молодые... Да, он старый конченый человек, типичный неудачник. Потерпевший неудачу политик, историк, философ... муж, семьянин, отец... Долго можно перечислять... Для молодых он как бы уже умер, причем давно. Но за этими дверями не только его личная смерть, там таилась угроза для всего человечества, для уже живущих и тех, кто еще не родился, они и не родятся никогда, у них нет будущего. Бернза затошнило. Пересилив себя, он открыл дверь и вошел в кабинет.

Рассел Кромптон спрятал лицо между обнаженными женскими бедрами, с удовольствием вдыхая пряный, теплый запах женщины и касаясь губами складчатой плоти, благоухающей после ванны и чисто выбритой. Этого ему было вполне достаточно — нежность и покорность, ничего больше от Мириам и не требовалось, но он вынужден был еще выслушивать ее лепет.

— Охранники лгут. Это же ясно, как Божий день... Что это значит: «никто не входил и не выходил из кабинета»? Чушь несусветная... Конечно, они тоже замешаны в убийстве Президента.

Меньше всего Кромптону сейчас хотелось говорить об убийстве. Он произнес устало:

— Охранников допросили. У нас умеют это делать. Они непричастны. И кончим об этом.

— А что это был за документ, который исчез со стола Президента? В нем наверняка ключ к разгадке.

— Не строй из себя детектива. Документ этот назывался «Проект Ганвелла». Но это очень секретная информация. Ладно уж, скажу. Речь там шла об одном открытии — о наркотике. Если это будет внедрено, вся жизнь на шарике изменится. Структурная перестройка сознания. Но нужен строжайший контроль... Если это выплывет не там, где надо, — всему конец.

— Еще один наркотик?! — разочарованно протянула она.

«В постели все одинаковые, — подумала она, — выбалтывают любые секреты... Может, и не детектив, но что не дура — это уж точно».

Это был третий Государственный Секретарь, с которым она спала и могла их сравнивать, зная о них не понаслышке.

— Если бы ты знала, как тяжело мне сейчас приходится... Я буквально разрываюсь на части. Совещания, слушания, переговоры, согласования, голосования в Конгрессе и в Сенате. Мы скоро превратимся в машины для голосований... Принимаем решение за решением, а что проку?!

— Разговорами о политике я могу заниматься и дома, — сказала она, выскальзывая из-под него. — Ложись-ка на спину, лентяй... Расскажи мне лучше о «лунатиках», ну тех, что «повернулись», ты мне в прошлый раз рассказывал о парнях, которые прибыли с Луны... Они ведут себя по-прежнему? Знаешь, Марло совершенно зациклился на своей Луне... С ним очень трудно общаться теперь, ему не становится лучше, я очень боюсь за него...

— Напрасно ты приучила его к наркотикам...

— Это наши с ним дела... Я не собираюсь обсуждать это с тобой... Пойми, он очень болен, и без наркотиков ему бы пришлось совсем худо... Конечно, он к ним привык и теперь требует, чтобы я ему доставала все более сильные, и сейчас действительно появился какой-то новый, очень хороший, он от него в восторге... Ничего не поделаешь, я должна заботиться о нем, это ж мой родной мальчик, а я ему хоть и мачеха, но не злая... Вот так, мой дорогой, тут мы с тобой на разных позициях...

— Поступай как знаешь... А с «лунатиками» не все пока ясно, но сейчас с ними не только психиатры возятся, но и физики... Вроде бы они действительно в какие-то периоды становятся невидимыми, выпадают из времени, из нашего с тобой времени... Был поставлен эксперимент, который это доказал, они пропали на очень короткое время, как раз в полнолуние... Никто не знает, где они в это время находились, может, и в будущем, хотя нор-

мальному человеку трудно не свихнуться при мысли об этом... слишком уж невероятно... Но может, парни эти и не врут, черт их знает, и твой Марло, возможно, тоже говорит правду...

— Становятся невидимыми?!

Она подпрыгнула на туго накачанном водяном матрасе и, позабыв о сексе, изумленно уставилась на него.

Такой оборот дела ему не понравился. Он считал, что начатое нужно всегда доводить до конца. Никогда нельзя останавливаться на полпути. В любом деле, будь то политика или постель, нужна тщательная подготовка, потная, длительная работа, изнурительная работа, работа на износ, которая непременно даст результат, и конец — делу венец, финал, апофеоз... А она все испортила, безусловно, в женщинах очень сильно деструктивное начало, они не способны созидать, а могут только разрушать... Это же самое относится и к семейной жизни... Кто разрушил их семью? Ну не он же, а его жена, которая в последнее время совсем отдалилась от него. Если бы можно было научиться совсем обходиться без женщин, но он слишком консервативен, и он не может, к великому сожалению, обходиться без женщин... Мириам все сломала, а терять время, валяясь в кровати без дела, он не мог... Каждая минута сейчас дорога. Столько неотложных дел, требующих его пристального внимания. Взять хотя бы «лунатиков», как она их называет... Если это не болезнь, не фокус, не иллюзион, а нечто реальное, некая аномалия, изучение которой, как считает Джекоб Бернз, может принести поразительные открытия, то его, Кромптона, причастность к этому делу сулит немалые выгоды лично ему... Он не имеет права упустить такой шанс... Но встать, одеться и уйти, не поболтав с Мириам хотя бы минут десять, не только неприлично, но и непредусмотрительно... она может обидеться, а ссориться с ней пока не входило в его планы...

— Джекоб убежден, что мы стоим на пороге новой эры. Машина времени скоро будет создана — и тогда... Мы не просто приблизим будущее... Ворвемся в него, оседлаем время... Сейчас нужно все просчитать, взвесить все «за» и «против», специальная комиссия уже работа-

ет... Я предложил Фетести выступить в Конгрессе, на закрытом заседании... Тут опять-таки не все ясно, но его новый наркотик дает иллюзию абсолютной свободы, ты неподвластен никому и ничему, даже времени... Не нужен тебе никакой самолет, чтобы слетать позагорать во Флориду... Проглотил таблетку — и ты там, и не во вторник, а в пятницу или в прошлый понедельник... Говорят, что он гений... нобелевский лауреат, венгр по происхождению... Кстати, Джеку я пока не могу рассказывать о том, чем мы тут занимаемся... О том, что я Фетести пригласил, он тоже не знает... Есть на то свои причины, и тебя я тоже прошу не информировать его... — Он надел носки и взялся за ботинки. — Ты в порядке?

— Ты просил держать тебя в курсе дела обо всем, что касается Марло. У тебя не пропал еще к этому интерес? Помнишь, я говорила тебе, что, по мнению Марло, Луна — это место, куда отправляются лишние люди...

— Ты записала его слова? Я просил тебя записывать.

— Да, конечно... Но ты дослушай... Я понимаю, что у тебя нет времени. Еще две минуты. Луна-то, оказывается, тут ни при чем... Он имел в виду, что ему подвластно время и он живет сейчас не по земному, а по лунному календарю... Луна — условность... Но он встречался с теми парнями, которые вернулись с Луны. Он, как и они, побывал в будущем, и ему хотелось обменяться с ними впечатлениями...

— Марло может перемещаться во времени?! — Теперь пришел его черед удивляться. — Слушай, — вдруг осенило его, — а он говорил что-нибудь о Президенте? Постарайся вспомнить — это очень важно.

— Говорил... Президент чуть не совершил ужасную ошибку, он хотел отправить в будущее всех без исключения... и снова толпы стали бы давить одиночек... Если в будущее ворветесь вы, такие, как вы есть, оно ничем не будет отличаться от настоящего... Вы отнимите у лишних людей, у тех, кого вы вытолкнули из жизни, то единственное место, где они могут спрятаться от вас... Рассел, ты думаешь, это сделал Марло?

Она схватила его за плечи, но он вывернулся и стал надевать пиджак.

— Эта безумная мысль могла родиться только в твоей голове. Марло — убийца?! Мне в голову никогда не могло бы прийти такое... Взвалить на меня свои комплексы. Это просто бессовестно с твоей стороны. У тебя комплекс вины перед Марло. Сама приучила мальчишку к наркотикам, а теперь ищешь виноватых, думаешь, что весь мир ополчился на вас. С чего ты взяла, что я хочу пришить парню убийство?! Я считал, что помощь психиатра нужна Марло, а теперь вижу, что и тебе тоже не мешало бы навестить врача. У меня есть на примете очень хороший психоаналитик, Стейчер... два-три сеанса, и все страхи и подозрения снимет как рукой...

Она опустила плечи, сгорбилась и, превратившись на глазах у Кромптона в старуху, вызвала не сочувствие, а раздражение.

— Ни дверь, запертая изнутри, ни охранники в приемной, ничто не смогло бы помешать ему пробраться в кабинет в тот момент, когда Президент сидел за столом, изучая документы... Марло мог прилететь туда из будущего... Президент в то время очень много работал, часто запирался в кабинете один, приезжал, уезжал почти без охраны, и об этом знали все... Даже в нашу глушь долетали слухи о «лунатиках» и новых проектах... кое-что просачивалось в прессу...

— Ну, допустим... — Он присел на краешек кровати и опустил тяжелую руку ей на плечо. — Он пробрался в кабинет и ускользнул потом... Допустим, он стрелял в него... Зачем? Почему он это сделал? Должны же быть причины.

Он вдруг вспомнил. Роде снился сон. Он всегда боялся вещих снов своей жены. Они принадлежали к отряду тех аномальных явлений, которые даже Стейчер не мог удовлетворительно объяснить. Роде приснился Марло, якобы по его настоянию в Гондвана Хилз был построен замок в чисто английском стиле. Марло поставил спектакль по пьесе Шекспира «Макбет» и пригласил на представление гостей. Мальчик сыграл главную роль, и к концу спектакля у него не только руки, но и вся одежда были в крови. Кроме того, он сыграл еще и роль ведьмы, чем ужасно развеселил своего отца, Джека

Бернза. Внутренне содрогаясь, Кромптон пересказал сон Мириам.

— Чепуха, — сказала она. — Сон — это всего лишь сон, а фактов, изобличающих Марло, нет. И при чем здесь Президент? Он тоже участвовал в том спектакле?

— Да, — коротко ответил Рассел. — Он всегда благоволил к мальчику и согласился сыграть роль Макдуфа.

— Но у Шекспира Макдуф убивает Макбета, — возразила она.

— В сне Роды все перепуталось... Макдуф погибает от руки Макбета. Но веселенький вечерок на этом не кончился. Вдруг разъярившись ни с того ни с сего, Джек убивает своего сына. Кстати, произошло это в бамбуковой роще.

— Ты думаешь, что это Марло убил Президента?

— Причины, как я вижу теперь, у него были. Проект Ганвелла... Он представлял угрозу для будущего, для тех гордых одиночек, к которым причислял себя Марло.

— Он бывал в Белом доме вместе с отцом, знал, где находится кабинет Президента и как туда можно попасть. Все так. Но сон — это сон, а фактов нет, — упрямо повторила она.

— Когда я приезжал к вам на прошлой неделе, я разговаривал с мальчиком. Он говорил что-то о голубых китах, о том, как безжалостно их истребляют... Везде, даже на озере. И винил в этом, кажется, нас с Джекобом. Его жизнь — это нескончаемый сон.

— Послушай, Рассел, — побелев от страха, сказала она. — Ты думаешь, что теперь Джек убьет мальчика? Я не поеду туда. Я боюсь возвращаться на ранчо.

Застегнув все пуговицы на пиджаке и поправив галстук, он опять превратился в Государственного Секретаря.

— Оставайся здесь. Так будет лучше. А я немедленно выезжаю в Гондвану с полицейскими. Все это слишком серьезно, чтобы не считаться с этим. Сны снами, но символы становятся что-то очень уж зловещими.

— Вся Америка ждет, что ты поймаешь убийцу. Нация будет благодарна тебе, тебя будут превозносить до небес, тебя ждет слава, триумф... — Она закуталась в покрывало, ее всю трясло как в лихорадке. — Бедный мальчик.

Рассел, ты считаешь, что это я виновата? Я давала ему наркотики, но они были нужны ему... это было всего лишь лекарство... И я хотела отомстить Джеку... Но я не думала, что все так повернется...

Он подошел к телефону и стал набирать номер. Обернувшись к ней, он посмотрел на нее прищурясь и сказал:

— Я забыл сказать тебе одну вещь, дорогая. В том сне ты сыграла роль леди Макбет.

Комната была пуста, во всяком случае там не было Марло, хотя и это Бернз установил не сразу. Кабинет был так плотно забит разными предметами, принадлежащими сыну, что напоминал больше чулан, чем жилое помещение, тут негде было повернуться. Между какими-то коробками, ящиками, громоздившимися до потолка, Джекоб с трудом продрался к письменному столу и, почувствовав новый приступ тошноты, опустился в кресло. Мальчик болен, все-таки болен, весь этот хаос свидетельствует об этом, у него нет четкой жизненной цели, нет позиции, он никогда не сможет жить жизнью нормального человека, говорил себе Бернз... Но его болезнь не есть нечто противоположное здоровью, к ней нужно относиться спокойно, без паники, успокаивал он себя, его болезнь — это отклонение, аномалия... да, он не готов к жизни, он слишком слаб, он не может принимать жизнь такой, какая она есть, но его слабость еще не есть нездоровье, а лишь бегство от действительности, уклонение от моральной ответственности, которую возлагает на нас общество. Жаль, что рядом нет Григсона, подумал он и, вспомнив о том, что он уволился, болезненно поморщился... У него созрел в голове план следующей главы. Психика нормального и ненормального человека — очень важная тема. Психическая болезнь — это тайна за семью печатями. Впрочем, как и здоровье. Кого можно считать совершенно здоро́вым и что есть отклонение от нормы? В конце концов, творчество — это тоже болезнь, но болезнь высокая. Книги, картины — очень часто плоды весьма болезненных фантазий. Писатели и художники — все они шизофреники и параноики, но их не изолируют

от общества, по крайней мере не всех. А наши сны, перемешанные с реальностью... Ночные кошмары органично входят в нашу дневную жизнь, а ужасы повседневной жизни не дают сомкнуть глаз по ночам. Наш внутренний хаос является зеркальным отображением того беспорядка, в который мы ежечасно бываем погружены, в ту бессмыслицу, в абсурд, который для многих является синонимом жизни.

Его внимание привлекли вырезки из газет, которыми был усыпан стол. Они были сделаны недавно и не успели еще пожелтеть. Во всех статьях и заметках речь шла об убийстве Президента. Тема эта, по всей видимости, чрезвычайно занимала мальчика. Ничего ненормального в этом нет, решил Бернз. Интерес к подобной теме свидетельствует о том, что общественная проблематика не чужда ему, возможно, это зачатки гражданской позиции. Вон и флаг американский, очевидно, не случайно прикреплен на стене, над столом. Он порадовался за сына. И тут его взгляд упал на уголок бумажного листа, который не был похож на газетную вырезку. Он поднес лист к глазам и, близоруко щурясь, принялся читать. Смысл прочитанного не сразу дошел до него, но сам бланк, на котором был отпечатан текст и гриф «секретно», заставил учащенно биться его сердце. Это был секретный меморандум, подготовленный для покойного Президента его советниками. «Проект Ганвелла» — так он назывался. Там говорилось о неком лекарственном препарате, который начала производить одна из фармацевтических фирм. Это было новое геронтологическое средство. Оно прошло тщательную трехгодичную проверку почти на всех видах животных и на людях, добровольно согласившихся участвовать в экспериментах. Результаты были поразительные. Ни в одном из опытов не было отмечено старение клеток.

Фирма гарантировала если и не бессмертие, то долголетие, причем производство препарата не было слишком сложным и дорогостоящим. Руководство фирмы запрашивало у Президента разрешение на рассекречивание и публикацию данных о лекарстве, рекламную кампанию, на массовые проверки, а затем и на производство в боль-

ших количествах препарата. Один из советников Президента высказал письменно свое мнение: «Все дальнейшие исследования и испытания нужно прекратить, данные законсервировать... Гриф „секретно“ ни в коем случае не снимать... Массовое производство препарата вызовет демографический взрыв. В условиях экономического, энергетического, экологического, продовольственного кризисов преступно продолжать подобные работы...» К меморандуму был приколот булавкой еще один небольшой листок, на котором рукой Президента — Бернз хорошо знал его почерк — было написано: «Это все устаревшие аргументы. Они не выдерживают никакой критики. То, что сегодня смогла произвести эта фирма, через пару лет повторит другая. Науку нельзя остановить — никакие барьеры тут не помогут. Нельзя бояться трудностей — нужно встречать их лицом к лицу. Проблемы нужно изучать и находить способы выходов из тупиков. Увеличение продолжительности жизни даст возможность довести до конца начатые работы многим выдающимся ученым. Мозги титанов мысли очень пригодятся нам. И я всегда был за то, чтобы продлевать жизнь, а не укорачивать ее. Жизнь — это высшая ценность». И подпись Президента, слегка размазанная на последнем завитке. Последняя подпись в его жизни. Убийца выстрелил в тот момент, когда Президент принял важное решение и поставил подпись.

Жизнь — это высшая ценность, повторил потрясенный Бернз. Жизнь — прекрасная штука. О бессмертии мечтали поколения людей. Под лаконичной резолюцией «Ознакомился» стояла подпись Кромптона и еще двоих. Теперь власть принадлежала им, и они вольны были принять любое решение. Бернзу понятны были теперь мотивы убийства. Сделать это мог только человек, который хотел остановить прогресс. Он выстрелил, а затем ушел, прихватив с собой меморандум.

Если бы проходил референдум по данному вопросу — продлевать жизнь или нет, — Марло наверняка ответил бы: нет. Это был бы ответ всего его поколения. Жизнь они ни во что не ставят. Сама его болезнь — это форма протеста против нормальной жизни. Больное поколение. Мы были совсем другими, подумал Бернз. По всей види-

мости, его сын прячет где-то убийцу Президента. Как он мог только решиться на такое! Измазать дерьмом дом своих родителей и свой собственный. Какая злая шутка судьбы.

Бернз смахнул с ресниц слезу и вытащил из кобуры пистолет. Гнев душил его. Никаких других чувств, кроме гнева, он сейчас не испытывал. Хорош сынок, нечего сказать, растили его, воспитывали... Бернз никогда не думал, что может подвергнуться подобному унижению... Его книга — все эти события и ее могли растоптать. Он может потерять уважение людей, кто станет читать его книгу... Будущее, ради которого он жил, умирало у него на глазах.

Прижав к груди меморандум и размахивая пистолетом, он стал пятиться к дверям.

— Выходите, вы, ублюдки! — выкрикнул он.

Комната ответила молчанием. Чем еще могло ответить это логово преступников?! Все тут было враждебно ему. На Бернза набегали волны расслабленного мутного света... Ему почему-то вспомнилось, что именно так была освещена сцена в том запавшем в душу спектакле... Он учился тогда в университете и случайно попал в театр — ставили Шекспира, «Макбет»... Как давно это было... Аналогия показалась ему надуманной, но он все-таки встревожился и заорал снова:

— Марло!

Марло появился перед ним. Вдруг возник — из ниоткуда, сгустилась черная тень, и вот он уже стоит перед отцом, засунув, по своему обыкновению, руки в карманы джинсов. Лицо болезненно-неосмысленное, как и всегда, но в глубине зрачков горит холодноватый огонек не свойственной ему решительности. Не обращая внимания на пистолет, он двинулся к отцу. Бернз выстрелил, но не в сына, а гораздо выше, у него над головой, для острастки и чтобы дать выход скопившемуся в нем слепому гневу. Марло вдруг прыгнул на отца и, дернув резко на себя, повалил на пол и, с неожиданной грубой силой сжав горло, принялся душить. В красноватом тумане вспыхнули звезды и поплыли перед глазами Бернза. Он попытался что-то сказать, но звуки, клокоча бессильно в его горле, не соединялись в слова. Он боролся из последних сил,

продолжая сжимать в руке бесполезный револьвер и боясь причинить хоть какой-нибудь вред своему ребенку.

Сквозь пелену, застилавшую глаза — или ему это только снилось, как и то, что произошло перед этим, — он увидел Григсона, размахивавшего пухлым портфелем... Он был набит черновиками никому не нужной теперь книги. Всю тяжесть портфеля Григсон обрушил на голову Марло, и тот сразу же отпустил Бернза. Вид у Григсона был довольно глупый, он, как верный пес, пришел на помощь хозяину, но был явно сбит с толку и растерян, не понимая смысла сцены, разыгравшейся перед ним. Лежа на полу и постепенно приходя в себя, Бернз смотрел на Григсона снизу вверх. Было бы неверно утверждать, что в ту минуту он соображал намного лучше, чем Григсон. Секретарь сходил в ванную, принес воды в стакане и плеснул Бернзу в лицо. Он с трудом поднялся на ноги и обвел взглядом комнату, в дверях маячила фигура еще одного слуги, а Марло исчез. Никто из присутствовавших не мог ответить на вопрос, куда он делся.

— Я услышал шум, мне показалось, что вы звали на помощь, сэр.

— Благодарю, Григсон. Ты появился вовремя.

— Ваш сын исчез, сэр. Он не выходил из комнаты, но его нигде нет. Мы все обыскали.

— Ты вызвал охрану?

— Нет, сэр. Я думал...

— Ты уволен, Григсон.

— Но, сэр, я вам говорил уже утром... Вы разве не помните?

— Убирайся к черту.

Пошатываясь, он добрел до ванной, слуги поддерживали его под руки. Это была ванная комната Алисы, и с того самого дня, как его первая жена уехала, ванной никто не пользовался. Многое тут напоминало о ней, ее запах не выветрился до сих пор. Он умылся, стараясь не смотреть в зеркало. Кто-то прятался там, за темным, потрескавшимся стеклом. Незнакомое лицо, старый, насмерть перепуганный человек зачем-то подглядывал за ним. После отъезда Алисы в доме поселились призраки, но если раньше они вели себя мирно, то теперь стали

угрожать его жизни. И это ее сын, сын Алисы напал на него... Возможно, он и не виноват ни в чем. Убийца, убийца Президента, который прячется в доме, сделал его своим безвольным орудием, загипнотизировав его.

Он нажал на красную кнопку у двери и услышал с облегчением вой сирены, а вслед за ним и крики, и топот ног охранников, бежавших по лестнице и коридору. Он вызвал лифт, двери распахнулись, к нему навстречу поспешил взволнованный начальник охраны капитан Гаррис.

— На меня было совершено нападение, — стараясь говорить как можно спокойнее, сообщил Бернз. — Где вы были, капитан?

— Мы ничего не слышали. Когда это произошло?

— Только что... в западном крыле.

— Понятно, — сквозь зубы процедил Гаррис, — ваш ненормальный сынок.

— Он чуть не убил меня. Не дайте ему уйти. Но поаккуратней. Не сделайте ему больно. Я думаю, он скрывает убийцу Президента. А это уже не игрушки. В моем доме... Убийца. Переверните все, но найдите его. Вы все поняли? Одного человека оставьте со мной. Я не за себя боюсь, а за свою книгу.

Гаррис кивнул головой. На этого человека можно было положиться, Бернз полностью доверял ему и не сомневался, что он сумеет выполнить все наилучшим образом. Начальник охраны отдал несколько коротких приказов и через несколько минут доложил:

— Ставни на окнах закрыты, все двери заперты. Ни один человек не сможет покинуть дом без нашего ведома. Преступники не улизнут.

— Ладно, посмотрим, — немного смягчился Бернз. — Надеюсь, что так и будет. В доме душно. Я хочу подышать свежим воздухом. Выпустите меня.

Гаррис велел одному из охранников проводить Бернза до выхода и открыть секретный цифровой замок, на который была заперта бронированная дверь.

Он вышел на крыльцо и, прислушиваясь к глухим частым ударам сердца и опасаясь приступа, опустился на ступеньку. Болела шея, которую недавно сдавливал его

сын. Бернз закрыл глаза, а когда открыл вновь, его со всех сторон окружала темнота. Солнце закатилось за холмы. День кончился, а вечер был окрашен в тревожные шекспировские тона. Край неба в той стороне, где были озеро и бамбуковая роща, был испачкан алой краской, стекавшей, будто кровь, за горизонт. Казалось, сама природа готовится к трагической развязке.

На наблюдательной вышке вспыхнул прожектор. Голубоватый луч заметался по взлетно-посадочной полосе аэродрома, пошарил в небе и, соскользнув вниз, неожиданно ослепил Бернза. Он заслонился рукой от яркого света и, сбежав по ступенькам крыльца, сделал попытку уйти от всевидящего глаза. Луч прожектора последовал за ним. Он чувствовал себя сейчас абсолютно незащищенным и сверхуязвимым.

Поборов в себе искушение немедленно кинуться к двери и забарабанить в нее кулаками, чтобы его впустили обратно, он медленно пошел к своему маленькому спортивному автомобилю, стоявшему возле дома.

Бормоча проклятия, он втиснулся в машину и поехал на аэродром. Луч прожектора не отставал. Вероятно, его приняли за кого-то другого. От наблюдательной вышки отделилась темная фигура и выскочила на дорогу. Узнав капитана Мак-Грегора, он притормозил и обрушил на охранника поток брани. Наконец-то нашли выход раздражение и злость, так долго копившиеся в нем.

— Весьма сожалею, сэр, — сказал Мак-Грегор, подбежав к нему. Но в голосе его не слышалось раскаяния. — Звонил капитан Гаррис, и мы подняли тревогу. Только что принята радиограмма от Государственного Секретаря Кромптона.

Дела, кажется, и впрямь принимали плохой оборот. Разве можно ждать что-то хорошее от людей, облаченных властью, от этих беспринципных карьеристов с липкими руками и лживыми глазами?

— Ну?!

— Вашему сыну предъявлено обвинение в убийстве, сэр, а вы обвиняетесь в соучастии.

— Это настоящее безумие... Ох, Рассел, Рассел... Еще один глупец, возомнивший себя Вашингтоном...

— Он уже давно вылетел из Вашингтона, сэр... С ним рота полицейских... Они летят на двух самолетах и скоро появятся здесь... Мне приказано арестовать вас и вашего сына, сэр...

— Капитан Мак-Грегор!

— Да, сэр...

— Я приказываю вам не допустить посадки этих самолетов. В крайнем случае открывайте по ним огонь.

— Это невозможно, сэр. Я не могу стрелять в Государственного Секретаря.

— Да поймите же вы. В ваших руках сейчас будущее, и не только мое, но и всей нации. Я приказываю вам.

— Я не могу выполнить ваш приказ, сэр. Но арестовывать вас я тоже не стану. У вас очень мало времени, но вы можете попытаться скрыться.

Итак, Мак-Грегор тоже считает его виновным. И нет в мире силы, которая могла бы защитить его.

— Ну что ж, спасибо тебе, Мак-Грегор. Наверное, ты прав. Я ни в чем не виню тебя.

Он вылез из машины и, не выключая двигатель, постоял рядом, раздумывая, как ему поступить дальше. Но ничего не придумав, побрел в сторону бамбуковой рощи. Итак, Рассел нашел выход из трудной ситуации. Старый приятель Бернз и его сын станут козлами отпущения. Блестящая идея, ничего не скажешь. Вместо того чтобы искать настоящего преступника, хотят сфабриковать липовое дело. Засадить за решетку невинных людей. Навесить на мыслителя и философа ярлык уголовника и опорочить в глазах всей нации. Ай да Кромптон, ай да умник! Вероятно, Мириам как-то узнала, что Марло укрывает убийцу, и проболталась Расселу. А он решил нажить себе на этом политический капитал. Ах, Рассел, Рассел...

Рода внезапно появилась перед ним и, взяв его за руку, сказала:

— Я здесь, Джек. Я с тобой. Не бойся.

— Рода?! Что ты здесь делаешь? Как ты очутилась в Гондване?

Ее лицо таинственно светилось в темноте, и в ореоле женственности и доброты, окружавшем ее, она казалась ему божественно прекрасной. Она стояла на том самом

месте, где недавно во время прогулки с Кромптоном возник загадочный образ, расстрелянный Бернзом из пистолета. Неизвестно, что это было... фантом, рожденный бамбуковой рощей или его собственным мозгом... Рода, впрочем, не привиделась ему и была достаточно реальна, а все остальное, вероятно, было простым совпадением.

— Я с тобой, Джек. Я полностью на твоей стороне. Я не хочу потерять тебя. И если ты хочешь спасти себя и свою книгу, ты должен немедленно уехать. Сделай это во имя будущего, Джек. Я помогу тебе. Но у нас очень мало времени.

— Да, ты можешь мне помочь.

— «На отмели, в безбрежном море лет забрезжит нам грядущего рассвет». Шекспир. Боюсь, что я цитирую неточно.

— Рода, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос... Ты свободна?

— Да, Джек. Я освободилась от всего, что меня сковывало... Я прежде и к себе самой боялась приблизиться, не говоря о других... Но теперь я совершенно свободна.

— Рода, — нежно сказал он. — Такая тоска охватывала меня всегда, когда я думал о чем-то, что не было связано с тобой... Без тебя жизнь кажется холодной и унылой... Знаешь, Рассел собирается сделать из меня козла отпущения... Я стану самым знаменитым козлом в Америке.

Она кивнула головой, соглашаясь с ним:

— Знаю, конечно... Не сходи с ума раньше времени... И не думай, что он делает это из-за комплекса его вины перед тобой. То, что он спит с твоей женой, никак не связано со скрытыми мотивами его поведения. Основная побудительная причина — его гигантское честолюбие. Ему хочется стать национальным героем.

Они услышали шум моторов, и в темном небе появились размытые силуэты двух самолетов. Тревожно мигали бортовые огни, в салонах горел свет, и можно было даже разглядеть в овальных окошках головы людей, сидевших в креслах. Одна из этих голов принадлежала Кромптону, который нетерпеливо считал секунды, оставшиеся до приземления и встречи с Бернзом и Марло.

— Я должен идти к Марло. Он ненормальный. Я не могу допустить, чтобы ему причинили боль.

— Куда ты собрался? Почему ты не можешь посмотреть правде в глаза? Марло ведь исчез. Ты никак не хочешь осознать то, что произошло.

Он отвернулся, хотя она вряд ли могла увидеть в такой темноте слезы, заблестевшие у него на глазах.

— Ты хочешь сказать, что он... убийца?

Бамбук волновался и кипел, как море, заглушая слова:

— Старый милый дуралей... Я понимаю, как трудно иногда расставаться с иллюзиями... Конечно, ты можешь оправдаться в конце концов и доказать свою непричастность к убийству... Вряд ли им удастся засадить тебя за решетку, но сможешь ли ты пережить позор? Будет задета твоя репутация, тебя будут поливать грязью, и ты вдруг окажешься человеком без будущего...

Описав круг, самолеты стали медленно снижаться, заходя на посадку.

Она продолжала кричать ему в ухо:

— Я ждала тебя здесь, чтобы предупредить о Марло. Он может появиться в любую минуту. Наверняка он захочет рассчитаться с Расселом. Без борьбы он не сдастся. Он на многое способен, но справиться с ним все-таки можно.

— Как я могу с ним справиться? Я не стану убивать своего сына.

Рода прижалась губами к его шее.

— Ты не можешь позволить ему убивать людей.

Самолеты приземлились почти одновременно и, постепенно теряя скорость, катились рядом по темно-зеленому ковру аэродрома.

— Капитан Гаррис опоздал, когда попытался захлопнуть мышеловку. Марло уже не было в тот момент в доме.

Не дослушав ее, Бернз кинулся бежать к своему автомобилю, за которым мелькнула какая-то фигура. Ему показалось, что это Марло. Тот человек вышел из тени и вступил в полосу света — прожектора сейчас были направлены на самолеты... Сомнений больше не было... Пригибаясь к земле, его сын пытался незаметно пробрать-

ся к трапу, по которому вот-вот должен был спуститься Рассел Кромптон. На парня никто не обратил внимания. Взоры охранников были прикованы к Государственному Секретарю Соединенных Штатов Америки, показавшемуся в дверном проеме.

Бернзу удалось настичь сына. Ему-то не нужно было прятаться, и он бежал быстрее. Он бежал и кричал, но Марло не слышал из-за ветра, дувшего навстречу. Догнав Марло, Бернз схватил его за плечо и отшатнулся, увидев нож, блеснувший в руке сына. Но страшнее ножа был невидящий взгляд пустых глаз.

Бернз держал пистолет наготове, но знал, что нет в мире такой силы, которая могла бы заставить его выстрелить в собственного ребенка. Он нажал на спусковой крючок и трижды стрелял в землю у ног мальчика, когда тот занес нож для удара. Выстрелы как будто бы удивили Марло, он замер на мгновение, но тут же шагнул вперед и воткнул нож отцу в бок. Собрав последние силы, Бернз ударил Марло кулаком в челюсть и сбил с ног. Все закружилось и поплыло у Бернза перед глазами, и он рухнул на землю рядом с мальчиком, пачкая кровью волнуемую ветром траву.

Рана оказалась не слишком опасной, нож не задел внутренних органов, а с кровотечением врачи справились быстро. Бернза отвезли в местную больницу, но он отказался оставаться там дольше двух суток. Его перебинтовали туго, помогли сесть в машину и отправили в Гондвану. Бернз считал, что дома выздоровление пойдет быстрее, а кроме того, интуиция подсказала ему, что там его ждет Рода.

Шофер вел машину очень осторожно, не забывая ни на минуту, что он везет больного. Бернз с мрачным видом всматривался в медленно проплывающий за окном однообразный пейзаж. Проехали мимо аэродрома. Один из двух самолетов, прилетевших арестовывать его, стоял по-прежнему на взлетно-посадочной полосе, а это означало, что полицейские здесь, в Гондване, и перетряхивают дом. На лужайке, у главного входа, сгрудились автомобили —

пять лимузинов, две полицейские машины и передвижная криминалистическая лаборатория. Одно только и порадовало его. На площадке для игры в сквош работы были прекращены, и сумасшедшие дизайнеры исчезли. Но тишины и покоя все равно не будет. Полицейские и журналисты не дадут ему поработать над книгой, и неизвестно, как долго все это продлится. Из последних сообщений по радио он узнал, что стал национальным героем, и хочешь не хочешь, он еще должен будет выступить главным свидетелем в суде. Он обязан сделать все от него зависящее, чтобы помочь сыну. Нужно будет также найти хорошего адвоката для Мириам, хотя вина ее огромна, и он никогда не сможет простить ей того, что она приучила мальчика к наркотикам. Проблемы, проблемы... Они навалились на него, стоило ему только появиться в Гондване. Пожалуй, не стоило спешить домой. Его ждут тяжелые времена, он надолго будет выключен из работы над книгой, и только близкое присутствие Роды могло бы как-то скрасить его жизнь.

На верхних ступеньках крыльца его встретил Григсон.

— Миссис Кромптон ждет вас в холле, сэр.

— Не надеялся вновь увидеть тебя, Григсон.

— Мне показалось, что вам может понадобиться моя помощь, особенно сейчас. Я решил не увольняться, пока все не уляжется...

Бернз похлопал секретаря по плечу.

— Ты нужен мне, Григсон. Поможешь мне оборониться от полицейских и журналистов. Твой тяжелый портфель может понадобиться в любую минуту.

Увидев направлявшуюся к ним Роду, Григсон пробормотал что-то нечленораздельное и, извинившись, исчез. Всего лишь полчаса назад Рода выпрыгнула из самолета с парашютом и приземлилась на лужайке возле дома на глазах у изумленных охранников и полицейских. Она успела уже принять душ и переодеться в зеленое вельветовое платье, которое очень шло к ее светлым волосам, но оставалась еще во власти полета, и небо синело в ее глазах. Бернз испытал какую-то неловкость, когда она, подойдя к нему, положила руки ему на плечи и притянула к себе.

— Ты не рад мне? Я думала, что ты нуждаешься во мне. Тебе не нужна моя помощь?

— Какими чуткими вдруг все стали, — пробурчал Бернз., — Всем почему-то кажется, что сам я не справлюсь со своими проблемами. Идем наверх, Рода. Сделаешь мне коктейль. В этой чертовой больнице не удалось раздобыть ни капли спиртного. Не понимают, что это лучшее лекарство, особенно сейчас. Мне нужно принять что-то успокоительное, прежде чем полицейско-журналистская свора набросится на меня.

— Как твоя рана?

— Ничего... побаливает немного... Но в общем ничего серьезного... Разве может меня свалить какой-то комариный укус?

Он задорно подмигнул ей, надеясь, что не выглядит чересчур уж усталым и старым.

— С Расселом все кончено, — ответила она на вопрос, который прочитала в его глазах. — Я оставила его, а он порвал с Мириам. Не знаю, что это у нас было такое — треугольник или какая-то другая фигура, но законы симметрии снова восторжествовали.

— Я искалечил жизнь Мириам. Она не смогла опереться на меня, хотя, мне кажется, я много для нее значил. Я не снимаю с себя ответственности и постараюсь ей помочь. Но с Марло все гораздо сложней, тут я почти бессилен... Как ты думаешь, пресса долго будет все это мусолить? Кем его выставят в глазах общественного мнения — законченным злодеем или душевнобольным?

Она тряхнула головой, перебрасывая тяжелую прядь волос с плеча на спину, и засмеялась.

— Я не способна сейчас предсказывать будущее — там темно. Кассандра из меня получилась плохая. Я была уверена, что ты убьешь Марло, — во сне я видела это достаточно отчетливо. Вы оба живы, к счастью.

Они прошли в кабинет Бернза. Он по-прежнему испытывал какую-то мальчишескую робость, не зная, как ему держаться с ней, и стесняясь спросить напрямую о том, какую роль она собирается играть в его жизни. В том фарсе, который сейчас разыгрывается, ему самому отведена роль национального героя, помешавшего своему сыну

совершить еще одно убийство. Сблизившись с ним, Рода тоже окажется в свете рампы. Ей, как и ему, никогда не нравилось находиться в центре внимания. Правда, из нынешнего положения можно извлечь какие-то выгоды. Используя свою популярность, он может попробовать привлечь внимание к идеям, изложенным в его книге. Но Рода, как она воспримет все это?

— Послушай, Рода. У меня есть предложение. Ты могла бы остаться жить здесь... Как ты на это смотришь?

Она густо покраснела.

— Я не знаю, что сказать тебе на это, Джек. Мне бы очень хотелось ответить «да», но я не смогу принадлежать тебе полностью, без остатка... Ты готов делить меня с небом? Оно — моя первая любовь и всегда будет для меня на первом месте. Я отдалась ему, когда мне было восемнадцать, и, хотя я давно уже не девочка, я не могу жить без него. Да, Джек, мне уже тридцать восемь, а в голове все тот же зеленый ветер... Но я не могу всегда оставаться в небе, и на земле у меня должен быть дом. Я ничего не имею против того, чтобы поселиться у тебя.

Он опустился в кресло, а она подошла к бару, чтобы приготовить ему коктейль. Смешивая напитки и поглядывая искоса на его счастливое, помолодевшее лицо, она решала непростую задачку. Сделать ли ей еще одно трудное признание немедленно или отложить трудный разговор до лучших времен? Наконец она решилась.

— Есть еще одна вещь, о которой ты должен знать... Мне кажется, у нас не должно быть секретов друг от друга. Ты уже слышал от Кромптона о препарате, позволяющем избежать быстрого старения. Это фантастическое открытие. Я была одной из тех немногих, на ком был испробован этот препарат. Тот самый, о котором шла речь в меморандуме, украденном Марло со стола Президента. Я буду жить долго, оставаясь при этом молодой.

Она замолчала и подошла со стаканом к Бернзу. Казалось, он дремлет, опустив голову на грудь. Пауза длилась несколько минут. Наконец он произнес тихо, но отчетливо выговаривая слова:

— Такие, как ты, должны жить очень долго. Мне бы хотелось всю оставшуюся жизнь любоваться твоей красотой. Надеюсь, что я протяну еще лет двадцать...

— Нет, дорогой... Ты тоже мог бы продлить свою жизнь. Это вполне реально.

Он поднял вверх руку, энергичным жестом останавливая ее.

— Стоп. Я не стану принимать никаких препаратов. И не будем больше об этом. Неужели тебе всегда захочется видеть рядом с собой старого болтливого попугая? Уверен, что тебе это быстро надоест. Я прожил замечательную жизнь. У нее было интересное начало, и она должна иметь логическое завершение. Сроки отмерены нам на небесах, и человек не должен вмешиваться в дела Бога.

Ему вдруг стало страшно. Жизнь прожита?! Сколько было разочарований, унижений и сколько еще предстоит... Судебное разбирательство может растянуться на годы, которые быстро состарят его, и никакой радости впереди. Любимая женщина предлагает нечто не имеющее цены... счастливую и долгую совместную жизнь... а он?! Разглагольствует о высоких материях, но за всей этой болтовней — пустота...

— Кажется, я немного заврался... да? Рода, я не смогу отказаться от тебя. К черту теории. Я согласен на бессмертие, если ты будешь рядом.

— Не рассчитывай на то, что ты быстро сможешь избавиться от меня. Я теперь всегда буду рядом.

Она подала ему стакан с коктейлем и, наклонившись, поцеловала в лоб. Он поймал ее руку и сжал с силой.

— Рода... У меня такое чувство, будто на меня свалился крупный выигрыш. Знаешь, ради этого стоило жить.

Он задумался о том будущем, которое стояло на пороге и стучалось в двери. Да, опасения Марло имели под собой почву, и это приходится признать. В будущем сразу же окажутся толпы людей, и оно будет сильно перенаселено. Демографический взрыв неизбежен. И ведь всех этих людей, которые захотят обрести бессмертие, нужно будет чем-то кормить... Африка и сейчас уже голодает, а что будет потом? Вероятно, право на бессмертие должно быть

все-таки даровано не всем, а только лучшим... Это относится и к отдельным индивидуумам, и к целым народам... Но кто будет решать все это за людей? Чиновник, такой, как Рассел Кромптон? И все ли согласятся со смертным приговором? А значит, снова неповиновение властям, бунты, революции, войны. Кому-то бессмертие, а кому-то страдание... Опять логический тупик. Но... «жизнь — это высшая ценность», и ради ее стоит поломать головы, а решение обязательно будет найдено... Вероятно, должен быть создан некий мировой стандарт, мерило жизни, которая обязательно будет продлеваться. Уже не в первый раз человечество оказывается перед трудной дилеммой, но то, что мир все еще существует, является главным доводом в пользу оптимизма. Впрочем, будущее покажет.

— Дорогой, тебе не нравится коктейль? Почему ты не пьешь? Я сделала что-нибудь не так?

— Все отлично. Но мне в голову пришли кое-какие мысли... Я должен срочно записать. Сходи поищи, пожалуйста, Григсона, и пусть он немедленно идет сюда. Я буду ему диктовать.

Он пересел в рабочее кресло, стоявшее у письменного стола, а она, вздохнув, направилась на поиски секретаря.

НА БЕЛОЙ ПОЛОСЕ

Роман

Глава 1

На земле появилась свежая травка, нарядившаяся в хлорофилльные одежды. На деревьях, окутывая сучья и ветки, высовывались зеленые язычки — скоро и все вокруг будет выглядеть словно дурацкие рисунки земного ребенка с рождественскими елками. Так опять весна пробуждала к жизни все живое, растущее на южном полушарии Дапдрофа.

Но природа на Дапдрофе вовсе не была более дружеской, чем где бы то ни было. Хотя она и посылала теплые ветра на южное полушарие, северное тем временем вымачивалось ледяными проливными дождями. Опершись на костыли, старик Альмер Эйнсон стоял на своем крыльце, с удовольствием почесывая затылок и разглядывая распускавшиеся деревья. Даже самые слабенькие крайние веточки едва покачивались, несмотря на слабый ветерок. Причиной тому была гравитация, и ветки, как и все на Дапдрофе, весили в три раза больше, чем на Земле. Эйнсону пришлось долго привыкать к этому явлению, в результате чего спина его ссутулилась, а грудь впала. И мозги тоже немного перекосило.

К счастью, его не беспокоило желание вернуть прошлое, что выбивает порой многих из колеи еще до достижения зрелого возраста.

Вид зарождающихся зеленых листочков пробудил в Эйнсоне только смутную ностальгию, и возникло слабое воспоминание о детстве, которое проходило среди листвы, более чувствительной к апрельским ласкающим ветеркам. Ветеркам, дующим к тому же за сто световых лет отсюда. Эйнсон стоял на пороге и наслаждался величайшей человеческой роскошью — отсутствием мыслей в голове.

Он праздно наблюдал за утодианкой Квекво, ступающей меж своих салатных грядок под амповыми деревьями, дабы опустить свое тело в живительную грязь. Амповые деревья были вечнозелеными, в отличие от других на участке Эйнсона. В их листве отдыхали четырехкрылые белые птицы, которые решили взлететь, когда Эйнсон обратил на них внимание. Взмахивая крыльями, они походили на огромных бабочек, отбрасывающих на дом свои тени.

Но дом уже до того был расцвечен их тенями. Друзья Эйнсона, повинуясь вдохновению (посетившему их, вероятно, первый и последний раз в жизни), решили создать произведение искусства и нарушили белизну стен легкомысленно разбросанными силуэтами крыльев и туловищ, увлекающих за собой куда-то ввысь. Подвижность рисунка заставляла приземистый домик приподняться, сопротивляясь силе гравитации. Но это только казалось: весну неопластиковые балки встретили, изрядно прогнувшись, а у стен заметно подкосились коленки.

Перед глазами Эйнсона по его дандрофскому участку проходила сороковая весна. Даже крепкое зловоние, исходившее из мусорной кучи, отдавало лишь домом.

Пока Эйнсон принюхивался, его грог, охотник за паразитами, дотянувшись, почесал ему голову; Эйнсон не остался в долгу и пощекотал черепок ящерообразному существу. Он догадывался, чего на самом деле хотелось грогу, но Эйнсон не больно жаждал присоединиться к компании Снок-Снока Карна и Квекво Киффул с их грогами и валяться в грязи в этот час, когда всего одно солнце светило в небе и было неуютно прохладно.

— Я замерз здесь стоять. Пойду в дом, полежу, — крикнул он Снок-Сноку на утодианском языке. Молодой утод взглянул на Альмера и вытянул две из своих конечностей в знак того, что понял его. Слава Богу! Даже после сорока лет жизни и изучения утодианский язык казался Эйнсону полным загадок. Он не был уверен в том, что не сказал: «Река холодная, и я пойду в дом, приготовлю ее». Уловить нужный свист, изменяющий крик, было не совсем легким делом, ведь у него только одно дыхательное горло, тогда как у Снок-Снока — восемь. Эйнсон повернул свои костыли и вошел в дом.

— Его речь становится все менее внятной, — отметила Квекво. — Мы потратили столько усилий, чтобы научить его говорить. Он абсолютно несовершенный механизм, этот мэнлег. А еще, ты, может, тоже заметил, он стал медленнее двигаться.

— Да, мам, я заметил это. Он и сам жалуется. Все чаще упоминает что-то, что называет болью.

— С мэнлегами так сложно общаться — у них такой ограниченный запас слов и настолько ничтожны возможности голоса, но я уловила из того, что он пытался сказать мне как-то прошлой ночью, что, будь он утодом, ему бы сейчас уже было под тысячу лет.

— Тогда следует ожидать, что он скоро начнет разлагаться.

— Да, и я полагаю, что грибок на его голове, начиная белеть, подтверждает это.

Разговор шел на утодианском языке, пока Снок-Снок укладывался обратно в восхитительную липкую грязь, напротив громадной симметричной массы, представлявшей собой его мать. Цепляясь и облизываясь, гроги ползали по их телам. Зловоние, поддерживаемое умеренным солнцем, стояло невероятное. Грязевые ванны заставляли их кожу впитывать ценные масла и делали ее мягкой.

Снок-Снок Карн был уже большим утодом, рослым представителем господствующего вида неуклюжего мира Дандрофа. Фактически он был взрослым, хотя еще бесполым, и своим ленивым умом на ближайшие несколько десятилетий он представлял себя только мужчиной. Он сможет поменять пол, когда произойдет смена солнц на

орбите Дандрофа, — подготовке к этому событию была посвящена бóльшая часть его продолжительного детства. Квекво была очень хорошей матерью и воспитательницей; оказавшись изолированной от мира благодаря общению с Эйнсоном, Квекво все свои огромные материнские усилия положила на воспитание сына.

Вялым движением вытянувшейся конечности Снок-Снок черпнул пригоршню ила и грязи и плюхнул себе на грудь. Затем, вспомнив об этикете, он торопливо окатил микстурой спину матери.

— Мама, как ты думаешь, мэнлег учит эсоуд? — спросил Снок-Снок, втягивая конечность на место, в свой мягкий бок. Мэнлегами они называли подобных Альмеру, а эсоудом — писк, своего рода язык, используемый для обсуждения энтропийного разрушения солнечной орбиты.

— Трудно сказать. Ты знаешь — этот языковый барьер, — сказала Квекво, щурясь сквозь грязь. — Мы уже пытались говорить об этом, но не очень удачно. Я еще попробую, мы должны вместе попробовать. Это может стать большим потрясением для мэнлега, если он останется неподготовленным и неожиданно начнет разлагаться. Но, может быть, на его планете происходит нечто подобное?

Ему, вероятно, недолго осталось?

Квекво не стала утруждать себя ответом. Снок-Снок улегся и начал думать о временах, которые уже не за горами, когда Дандроф покинет орбиту своего солнца Сафрон Смайлер и перейдет на орбиту Йеллоу Скоупера. Тяжелые настанут времена, и Снок-Снок должен оставаться мужчиной, сильным и выносливым. А там, может быть, придет Уэлком Уайт — счастливая звезда, под которой он родился (и которая объясняет его ленивый и жизнерадостный характер), под Уэлком Уайт он мог бы позволить себе заботы и радости материнства, вырастить и воспитать сына, похожего на него самого.

Жизнь кажется просто замечательной, когда серьезно думаешь о таких вещах. Может, эсоуд и казался кому-то слишком прозаичным, но для Снок-Снока, хотя он и воспитывался простым деревенским мальчиком (то есть без понятия о духовенстве или межзвездных полетах), эсоуд был грандиозным явлением. Даже солнечные лучи, согре-

вавшие 850-фунтовую массу его тела, несли в себе столько поэзии, что словами описать практически невозможно.

Снок-Снок повернулся на бок и испражнился в мусорную кучу, произведя тем самым маленькое подношение своей матери. Делай другим то, что хотел бы, чтобы они делали тебе.

— Мам, а правда, что священники встретили землян благодаря тому, что посмели покинуть миры Трипл Солнц?

— Я вижу, сегодня утром ты крайне разговорчив. Почему бы тебе не пойти и не поболтать с мэнлегом? Ты же знаешь, как тебя занимает его версия происходящего в звездных системах.

— Но чья версия все же правдива — наша или его?

Прежде чем дать ответ, Квекво поколебалась: это было ужасно трудно, и все-таки только этот ответ мог бы выразить ее мировосприятие. Она сказала:

— Правда часто бывает не одна.

Не обратив внимания на реплику матери, молодой утод продолжал:

— Но разве не духовенство, войдя за пределы Трипл Солнц, первым повстречало мэнлегов?

— Почему бы тебе не лежать и не вызревать спокойно?

— Но ты же мне сама рассказывала, как они встретились на планете Градгродд вскоре после моего рождения?

— Прежде всего это тебе рассказывал Эйнсон.

— Но ты мне говорила, что встреча эта принесет несчастье.

Первая неожиданная встреча утодов с людьми произошла через десять лет после рождения Снок-Снока. Как заметил Снок-Снок, столкнулись они на планете, которую его раса называет Градгродд.

Случись это на другой планете или были бы задействованы другие действующие лица, исход мог оказаться иным. Если бы кто-нибудь... Но, как говорится, если бы да кабы... В истории не бывает «если» — разве что для исследователей, изучающих ее. И, несмотря на весь про-

гресс, еще никто не доказал, что случайность не есть статистика. А мы можем лишь констатировать, что отношения людей и утодов пошли по такому-то и такому-то руслу. Эта повесть расскажет о происшедших событиях с как можно меньшим количеством комментариев, оставляя читателю возможность домыслить самому, при этом помня, что сказанное Квекво относится как к людям, так и к совсем им не подобным: правда может иметь столько же обличий, сколько и ложь.

Первым утодам планета Градгродд показалась вполне приемлемой. Утодский межпланетный корабль приземлился на широкой долине, негостеприимной, скалистой, холодной и по большей части заросшей чертополохом по колено высотой. Тем не менее картина эта напоминала погруженную во мрак ночи местность северного полушария. На разведку через люк были посланы два грога. Они вернулись через полчаса, тяжело дышавшие, но невредимые. Все было за то, что место обитаемо.

По выполнении необходимых церемоний преосвященника пригласили на выход.

Я думаю, мы делаем ошибку, — сказал он.

На утодском языке «ошибка» звучит как Градгродд (если неземные звуки вообще можно выразить земными буквами), и с тех пор планета стала известна именно под этим названием.

По-прежнему намереваясь выражать свой протест, преосвященник вышел в сопровождении трех священников. Планета была провозглашена территорией, неоспоримо принадлежащей Трипл Солнцам.

Четыре попа с очень важным видом сновали туда-сюда, расчищая от чертополоха круг на берегу реки. Они работали очень быстро, всеми своими шестью конечностями. Две выкапывали яму и давали просачивавшейся воде заполнять ее тонкой струйкой. Получившуюся грязь остальные перегоняли в ценную патоку.

Рассеянно наблюдая за работой задними глазами, преосвященник стоял на краю растущего кратера и спорил изо всех сил по поводу всех «за» и «против» приземления на планету, не принадлежавшую Трипл Солнцам. Священники, в свою очередь, отчаянно старались его переспорить.

— В Священном Чувстве ясно сказано, — убеждал преосвященник, — что испражнения детей Трипл. Солнц не должны касаться планет, не освещаемых Трипл Солнцами; есть предел всему, даже плодородию.

Он вытянул вверх свою конечность, указывая на большой розовато-лиловый шар величиной с плод ампа, холодно вглядывавшийся в них через гряду облаков.

— Может, это — солнце Сафрон Смайлер? А может, вы решили, что это — Уэлком Уайт? А не приняли ли вы его за Йеллоу Скоупер? Нет и нет, друзья мои, это розовато-лиловое светило чуждо нам, а мы тратили на него столько вещества.

Первый священник сказал:

— Все, что вы говорите, — неопровержимая истина. И будь у нас выбор, мы бы не очутились здесь. Но наш корабль попал в космическую турбулентность, которая отнесла его на несколько тысяч орбит от прежнего курса. Эта планета оказалась для нас просто ближайшим «убежищем».

— Ты, как всегда, прав, — отметил преосвященник. — Но мы не должны были здесь приземляться. Месяц полета — и мы опять оказались бы на Дапдрофе, в Трипл Солнцах. С нашей стороны это в какой-то степени нечестиво.

— Я не думаю, что стоит так волноваться, — вступил в разговор второй священник. У него была серо-зеленая кожа, как у всякого рожденного в разгар эсоуда, и, вероятно, самые свободные манеры из всех. — Вот смотрите. Трипл Солнца, вокруг которых вращается Дапдроф, образуют лишь три звезды из шести в созвездии Хоум. Эти шесть звезд делят меж собой восемь обитаемых планет. Семь из них считали такими же священными, как и Дапдроф, и пригодными к жизни, несмотря на то что некоторые из них, например Бускей, вращаются вокруг одной из трех меньших звезд созвездия. Из этого следует, что не обязательно вращаться вокруг одного из Трипл Солнц, чтобы считаться достойным принять утодов. А теперь мы спрашиваем...

Но преосвященник, который был скорее оратором, чем слушателем, что и приличествовало утоду в его положении, перебил товарища:

— Давайте больше не будем задавать вопросов, друзья. Я просто заметил, что это несколько нечестиво с нашей стороны. Я не собираюсь кого-либо критиковать. Но мы создаем прецедент. — Он машинально почесал своего грога.

С большим терпением в голосе начал свою речь третий священник (которого звали Блу Лугуг):

— Я согласен с каждым словом, произнесенным вами, преосвященник. Но еще не известно, мы ли создали прецедент. Наша история уходит глубоко в века, и быть может, что многие и многие команды оказывались в подобном положении и создавали на чужих планетах болота во славу утодамна. А если мы осмотрели все вокруг, то, быть может, отыщем уже обосновавшихся раньше утодов.

Вы меня совершенно убедили. В век революций чего только ни случалось, — преосвященник вздохнул с облегчением. Он вытянул все свои шесть конечностей, как бы охватывая землю и небо, и подал священникам церемониальный знак.

— Я провозглашаю это место землей, принадлежащей Трипл Солнцам. Да начнется испражнение.

Они были счастливы. Да и кто мог оставаться равнодушным в этот момент? Они были дома, со свободой и плодородием в руках.

Впав в немилость, розовато-лиловый шар исчез. В тот же миг из-за горизонта выпрыгнул и поспешно вскарабкался по небу спутник, окруженный щегольским ореолом из пыли. Привычные к резкой смене температуры, восемь утодов не обратили внимания на наступление холодной ночи. Они принимали ванну в своей только что освоенной луже вместе с обслуживающими их шестнадцатью грогами. Последние цеплялись пальцами-присосками к погруженным в грязь хозяевам.

Постепенно они почувствовали вкус нового мира. Он обволакивал их тела, привнося свой особенный смысл, не поддающийся объяснению.

Над головами высоко в небе мерцало созвездие Хоум Кластер, образуя подобие формы, которую глупейшие из попов называли Грааль. Оно заставляло бушевать моря Смексмера.

— Нам и не следовало беспокоиться, — высказал общую мысль преосвященник. — Трипл Солнца по-прежнему льют свой свет на нас даже здесь. И нет нужды торопиться домой. Может быть, в конце недели мы посадим несколько амповых семян, а потом двинемся в обратный путь.

— Или, может быть, в конце следующей недели, — отозвался третий священник, почувствовав себя очень комфортно в грязной ванне.

Для полного и всеобщего удовольствия преосвященник обратился ко всем присутствующим с короткой проповедью. Они лежали и вникали в нить его рассуждений, потому как она была сплетена его восемью горлами.

А он указывал на то, как ампы и утоды зависимы друг от друга. Как урожай первых влияет на плодовитость вторых и как происходит обратная связь. Он подчеркнул важность слова «урожай», прежде чем остановиться на зависимости и деревьев, и утодов (которые явились проявлением одной сущности) от урожая света, менявшегося в зависимости от того, вокруг которого из Трипл Солнц они обращались в данный момент. Свет этот был солнечным дождем, что придавало ему некоторую абсурдность, впрочем, как и невероятность. Никто из них никогда не должен забывать, что и он — часть этого абсурда и чуда. Никто из них не имеет права вознестись или раздуться от гордости, ибо ведь даже их боги имели форму кала!

Третьему священнику монолог очень понравился. Убедительнее всего звучит то, что лучше всего известно.

Он лежал в пузырящейся грязи и говорил потопленным голосом, потому что над поверхностью лужи виднелся кончик только одного его горла. Одним глазом, который был на поверхности, священник всматривался в темную глубину космоса, такого выпуклого и черного на фоне неба. Да, жизнь была стоящей штукой, даже так далеко от любимого Дандрофа. Если бы настало сейчас время следующего эсоуда, ему непременно пришлось бы поменять пол и стать матерью — он уже заранее определил для себя этот шаг. Но даже это... думай обо всем хорошо, и все действительно будет хорошо. Третий священник думал о своей матери с большой любовью, он столько узнал

от нее. Он стал преклоняться перед ней с тех пор, как она поменяла пол и приняла сан преосвященника.

Вдруг он закричал всеми своими горлами. За кораблем заплясали какие-то огни. Все священники как один посмотрели в ту сторону, куда он указывал.

Но они не только увидели свет. Послышалось продолжительное грозное рычание, и четыре круглых источника ослепляющего света прорезали темноту. Пятый без устали рыскал вокруг, напоминая дрожащую руку. Он остановился на корабле.

— По-моему, к нам приближается какое-то живое существо, — пролепетал один из попов.

В этот момент картина стала более четкой. По направлению к ним через равнину двигались две массивные фигуры. От них-то и исходило грозное рычание. Существа достигли корабля и остановились. Рычание тут же прекратилось.

— Вот это да! Они крупнее нас! — воскликнул первый священник.

Из великанов вылезли фигурки поменьше. В этот миг прожектор, прежде сосредоточивавший свое внимание на корабле, уставился на бассейн. Чтобы избежать ослепляющего света, утоды отвернулись и стали разглядывать выстроившихся в ряд четверых узеньких существ, приближавшихся к краю купели.

— Они, должно быть, очень высокоразвиты, если могут излучать такой свет, — предположил преосвященник.

— Как вы думаете, кто из них живые существа — те двое, огромные, с глазами, или эти четверо тонких? — поинтересовался один из младших священников.

— По-моему, выйти и посмотреть будет достаточно вежливым, — сказал преосвященник, поднимаясь из жижи и направляясь к четырем незнакомцам. Его товарищи встали, намереваясь следовать за ним. Тут они услышали какой-то шум, исходивший от существ, которые начали двигаться в обратном направлении.

— Как интересно! — воскликнул второй священник, стремясь всех обогнать. — Я уверен, что они пытаются говорить, хотя, конечно, на весьма примитивном уровне, но все же!

— Как все же хорошо, что мы здесь оказались, — сказал третий священник. Замечание, само собой, не было адресовано преосвященнику.

— Привет вам, создания! — закричали два священника.

В эту секунду существа обернулись, подняли свое земное оружие и открыли огонь.

Глава 2

Капитан Баргероун занял свою характерную позу. Он стоял спокойно, с вяло опущенными вдоль небесно-голубых шорт руками и с каменным лицом. Для него это было своего рода самоконтролем, который он проводил уже не в первый раз за этот полет, особенно в моменты столкновений с главным исследователем.

— Послушай, Эйнсон, ты хочешь, чтобы я всерьез воспринял весь этот твой бред? — говорил капитан. — Или ты просто всеми силами стараешься отложить отлет?

Главный исследователь Брюс Эйнсон судорожно сглотнул; он был верующим человеком и молил про себя Всемогущего, дабы тот дал ему силы достучаться до стоящего здесь дурня, который ничего не видел дальше своих обязанностей.

— Те двое существ, которых мы поймали прошлой ночью, определенно пытались общаться со мной. А согласно космической исследовательской классификации, если живое существо пытается установить контакт, то его следует отнести как минимум к разряду человекоподобных, невзирая на внешний вид, пока не будет доказано обратное.

— Вот именно, капитан Баргероун, — подтвердил исследователь Фиппс, дергая свои ресницы и сильно нервничая из-за того, что встал на защиту своего начальника.

— Нам не требуется ваших заверений в правдивости всяких банальностей, мистер Фиппс, — резко ответил капитан. — Мне только очень интересно, что вы подразумеваете под попыткой общения. Без сомнения, когда вы перебрасываетесь с этими созданиями капустой, сей акт может классифицироваться как попытка общения.

— Существа не бросали мне капусту, сэр, — прежним спокойным голосом возразил Эйнсон. — Они спокойно стояли по другую сторону решетки и говорили со мною.

Левая бровь капитана на какое-то мгновение взлетела вверх, словно шпага в руках опытного фехтовальщика.

— Говорили? Что, на каком-нибудь земном языке? На португальском? А может быть, на суахили?

— На своем собственном языке, капитан Баргероун. Смесь свиста, хрюканья и писка, порой переходящих в ультразвук. Тем не менее это язык, причем, возможно, более развитый, чем наш.

— На чем вы строите это предположение, Эйнсон?

Главный исследователь не был озадачен вопросом, но его и без того обветренное, в ранах лицо покрыли глубокие морщины.

На наблюдении. Наши люди очень удивились и удивили этих созданий своим появлением и сразу убили шестерых из них. Должно быть, вы читали патрульный отчет. Двое же оставшихся были настолько шокированы происшедшим, что не оказали ни малейшего сопротивления — их связали и доставили сюда, на «Мариестоупс». При данных обстоятельствах заботой любого живого существа станет прошение о помиловании или даже освобождении, если это, конечно, возможно. Одним словом, оно будет умолять. К сожалению, на сегодняшний день мы не встретили больше ни одного разумного существа в нашей части галактики. Но представители всех рас человечества умоляют одним и тем же способом — используя жесты наравне с речью. Эти же не используют никаких жестов. Их язык, вероятно, настолько богат различными нюансами, что отпадает надобность в жестикуляции, даже когда что-то реально угрожает их жизни.

Капитан презрительно фыркнул:

— В таком случае можете быть уверены, что они не молили о пощаде. И вообще, чем их поведение отличалось от действий собак, посаженных на цепь?

— Сэр, мне кажется, что вам следует спуститься вниз и увидеть все своими глазами. Быть может, это даст вам повод думать по-другому.

— Я видел этих грязнуль вчера ночью и не имею ни малейшего желания встречаться с ними еще раз. Естественно, я понимаю, что они — важное открытие для науки; то же самое я сказал командиру патрульной службы. Они будут доставлены в Лондонский зоопарк для экзотических животных. И там вы с ними вдоволь наговоритесь. И, как я вам уже сказал, мы должны немедленно покинуть эту планету, у нас нет больше времени на продолжение исследований. С вашей стороны было бы очень любезным вспомнить, что это корабль частной компании и что у нас есть расписание, которому мы должны следовать. Мы и без того просидели уже целую неделю на этой ужасной планете, не найдя ничего крупнее зернышка риса. И я не могу разрешить еще двенадцатичасовую задержку.

Брюс Эйнсон встал. За его спиной Фиппс сделал какой-то отчаянный жест.

— В таком случае вам придется улететь без меня, сэр. И без Фиппса. К сожалению, мы не были во вчерашнем патруле, и нам необходимо осмотреть место, где вы подобрали этих существ. Вы должны понимать, что экспедиция совершенно потеряет смысл, если мы даже не изучим их среду обитания. Знания важнее расписания.

— Идет война, мистер Эйнсон, и у меня есть приказ.

— В таком случае летите без меня, сэр. Хотя я не знаю, как это понравится Американской космической службе.

Капитан знал, как отступать, делая хорошую мину при плохой игре.

— Вылет через шесть часов, мистер Эйнсон. Что это время будете делать вы и ваш подчиненный, меня не интересует.

— Спасибо, сэр, — ответил Эйнсон, вложив в свой голос столько иронии, сколько посмел.

Эйнсон и Фиппс быстро вышли из кабинета капитана, спустились вниз на лифте и вышли на поверхность планеты под временным названием 12В.

Столовая все еще работала. Повинуясь шестому чувству, двое исследователей, не колеблясь, вошли внутрь, чтобы отыскать там членов исследовательского корпуса, которые принимали участие во вчерашнем происшествии.

В столовой подавали популярные на Земле синтетические блюда. За одним столом сидел молодой крепкий американец, с загорелым свежим лицом, красной шеей и стандартной стрижкой «под бритву». Его звали Хэнк Квилтер. Наиболее наблюдательные друзья говорили, что он далеко пойдет. Он сидел над стаканом синтетического вина (не имеющего ничего общего с обычным виноградным, выращенным на твердой почве и созревшим под воздействием невозобновляемых элементов) и спорил. Его не скрывающее эмоций лицо отчетливо выражало презрение к точке зрения Джингера Дуффилда, тщедушного выскочки.

Эйнсон без церемоний прервал разговор. Осушив свой стакан, Квилтер покорно последовал за ним и Фиппсом, прихватив тощего парня Уолсамстоуна, который тоже был вчера в патруле. Все четверо отправились в автопарк выбирать вездеход. Эйнсон указал на одну машину, и они выехали. Уолсамстоун сидел за рулем, а Фиппс, раздавая оружие, говорил со старшим исследователем.

— Брюс, у нас так мало времени. Что ты надеешься найти?

— Я хочу осмотреть место, где они подобрали этих существ. И, конечно, не прочь найти что-нибудь такое, что могло бы утереть этому Баргероуну нос.

Тут Эйнсон перехватил встревоженный взгляд Фиппса, смотревшего на парней, и резко сказал:

— Квилтер, ты был на дежурстве прошлой ночью. У тебя что, чесотка засела в палец, когда ты держал его на курке? Или ты решил, что прогуливаешься по степям Дикого Запада?

Квилтер оглянулся на начальника.

— Как раз за это сегодня утром меня хвалил капитан, — сказал он и умолк.

Не придавая значения этому своего рода упреку, Эйнсон продолжил речь:

— Возможно, эти животные не производят впечатления разумных, но если вы вообще способны на сочувствие, то их вид был должен подействовать на вас. Они не паниковали и ничего не боялись.

— Что может служить в равной мере доказательством как примитивности, так и разума, — заметил Фиппс.

— М-м... ну да, конечно, я думаю. Все равно... Мне кажется, есть еще один момент, заслуживающий внимания. Каково бы ни было положение этих созданий, оно не похоже на положение других, уже найденных нами, причем более крупных по размерам. Да, я знаю, что мы обнаружили вообще какую-нибудь жизнь всего на паре планет, но — проклятие! — межзвездным полетам нет еще и тридцати лет. Но уже очевидно, что на планете с легкой гравитацией обитают легкие и вытянутые существа, а там, где гравитация тяжелая, — громоздкие и плотные. А эти, похоже, — исключение.

— А, я понял, о чем ты. Эта планета имеет массу не больше Марса, а наша добыча скорее похожа на носорогов.

— Вдобавок, когда мы их нашли, они все валялись в грязи — какой же тут разум!

— Так или иначе, вам не следовало убивать их вот так, сразу. Должно быть, они очень редкие, в противном случае мы бы давно их уже обнаружили на 12В.

— Когда имеешь дело с носорогами, почему-то редко останавливаешься, чтобы подумать, — обиженным голосом пробормотал Квилтер.

— Ну-ну.

Они прогрохотали над неопрятной долиной в полном молчании. Эйнсон попытался восстановить то приподнятое настроение, которое он испытывал, впервые прогуливаясь по этой неисхоженной планете. Созерцание новых миров неизменно доставляло ему несказанное удовольствие. Но на сей раз оно было непоправимо испорчено — и испорчено, как всегда, другими людьми. Как он ошибся насчет корабля частной компании! На космических корпусных судах жизнь была простая и упорядоченная. Но, к сожалению, все корпусные суда сейчас заняты в маневрах, проводимых в Солнечной системе из-за Англо-Бразильской войны. И им хватает дел без таких мирных забав, как исследование космоса. Но тем не менее такого капитана, как Эдгар Баргероун, он не заслужил. Бедняга Баргероун, он не решился улететь и оставить его, Эйнсона, здесь одного. Вдали от людей, общаясь, — он вспомнил фразу, часто повторяемую отцом, — общаясь наедине с природой!

Люди придут и на 12В. И скоро здесь возникнет, как и на Земле, проблема перенаселения. Поэтому-то она и исследовалась — с точки зрения дальнейшей колонизации. Наметили места первых поселений... Через пару лет бедолаги, вынужденные по экономическим причинам покинуть все привычное и родное, будут переведены на 12В (к тому времени планета заимеет приличное колониальное название — Клементина, например, — или какое-нибудь еще столь же дурацки-безобидное.

Да, люди возьмутся за эту нетронутую равнину со всей стойкостью, им присущей, превращая ее в типичный земной ландшафт. Плодовитость — вот проклятие всего человечества, думал Эйнсон. Томящиеся чресла Земли должны в очередной раз извергнуть нежелательных отпрысков на девственные планеты, ожидающие своей участи — впрочем, чего еще им остается ждать?

Течение мыслей Эйнсона было прервано Уолсамстоуном:

— Вот там — неподалеку — река. Мы уже почти на месте.

Они обогнули насыпи гравия, из которых торчали кусты терновника. Над головами сквозь туман светило то самое розовато-лиловое солнце, вызывая слабое свечение у чертополоха, в огромных количествах росшего вдоль всего спуска к реке, а также на другом берегу, насколько хватало глаз, и только одна зацепка — какой-то большой, странный, тупой формы предмет, маячивший прямо перед исследователями.

— Это, — прошептали одновременно Фиппс и Эйнсон, уставившись друг на друга, — эта штука похожа на тех созданий.

— Та грязная лужа, где мы их поймали, как раз напротив, на другой стороне, — пояснил Уолсамстоун. Они продрались сквозь плотные заросли чертополоха и остановились в тени маячившего объекта, странно смотревшегося в этом месте, подобно обломку африканской статуи, лежащему на чьем-то камине где-нибудь в Абердине.

Подхватив свои винтовки, они выскочили из вездехода и зашагали вперед. Подойдя к краю водоема, они оста-

новились и глянули вниз. Одна сторона круга была всосана серыми губами реки. Сама жижа имела коричневато-зеленый цвет, испещренный красным. Пять больших трупов принимали свою последнюю грязевую ванну в беззаботной позе смерти. Шестое тело дернулось и повернуло голову по направлению к людям, чем рассердило облако мух, взвившееся над ним. Квилтер поднял винтовку, обращая свирепое лицо к Эйнсону, который остановил его руку.

— Не убивай его, — сказал Эйнсон. — Он ранен и не причинит нам вреда.

— Мы не можем быть уверены. Так что дай мне его прикончить.

— Я сказал: нет, Квилтер. Мы его засунем в заднюю часть вездехода и доставим на корабль; я думаю, что мертвых мы тоже заберем. Их будет полезно анатомировать. На Земле нам никогда не простили бы, если бы мы упустили такую возможность. Вы с Уолсамстоуном достаньте из ящика сети и оттащите тела к машине.

Квилтер вызывающе посмотрел сначала на часы, потом на Эйнсона.

— Пошевеливайтесь, — приказал Эйнсон.

Уолсамстоун нехотя побрел исполнять приказание; в отличие от Квилтера он не был из тех, кто становится мятежником. Квилтер надул губы и пошел следом. Они вытащили сети и встали на краю, пристально оглядев полузатопленное свидетельство их ночных действий, прежде чем приступили к работе. Вид этой резни охладил Квилтера.

— Несомненно, что мы их остановили, — сказал он.

Хэнк был мускулистым молодым парнем с аккуратно подстриженными волосами и дорогой седовласой мамочкой в Майами, годовой доход которой составляли получаемые ею алименты.

— Да. Иначе мы достались бы им, — согласился Уолсамстоун. — Двух пристрелил я. Должно быть, это те, что ближе к нам.

— Я тоже убил двух, — сказал Квилтер. — Они все валялись в грязи, как носороги. Боже, неужели они пошли на нас!

— До чего грязны, если смотреть вблизи. Ужас. Худшее, что можно найти на Земле. Я вижу, ты уж и не рад, что мы заткнули их?

— У нас не было выбора. Или мы, или они.

— Да, в этом ты прав, — Уолсамстоун потер подбородок и с восхищением посмотрел на своего друга. Надо признаться, Квилтер был настоящим парнем. Уолсамстоун повторил за ним:

— У нас не было выбора.

— Хотел бы я знать, черт возьми, что в них вообще такого хорошего.

— Да я тоже. Хотя ведь мы их действительно остановили!

— Или мы, или они, — повторил Квилтер.

Мухи опять взлетели, когда он плюхнулся в грязь к раненому человекообразному носорогу.

Пока продолжался этот философский диспут, Брюс Эйнсон решительно подошел к возвышавшемуся над ними предмету, который служил указателем места бойни. Эйнсона впечатлила его форма — имитировавшая форму тех созданий. В ней было нечто, воздействовавшее на него эстетически. Это, должно быть, сотня световых лет отсюда; кто сказал, что на свете нет ничего прекрасного? Вот оно.

Он забрался в это замечательное сооружение, которое издавало невероятную вонь, доносившуюся до самых небес, и которая и определяла предназначение предмета. Пятнадцатиминутное исследование не оставило в душе Эйнсона ни малейшего сомнения: это был... выглядело это как перезревший стручок и даже давало ощущение перезревшего стручка, но это был — капитан Баргероун должен увидеть собственными глазами, — это был космический корабль.

Космический корабль, полный дерьма.

Глава 3

Много событий произошло на Земле в 1999 году: двадцатиоднолетняя мать родила пятерых близнецов в Кеннедивилле, на Марсе. Команда роботов была впервые до-

пущена к международным соревнованиям. Новая Зеландия впервые запустила свой корабль-систему. Первая испанская подводная лодка была спущена на воду принцессой. Две однодневные революции произошли на Яве, шесть — на Суматре и семь — в Южной Америке. Бразилия объявила войну Великобритании. Объединенная европейская команда победила команду России по хоккею. Японская кинозвезда вышла замуж за персидского шаха. Все члены бесстрашной техасской экспедиции погибли при попытке пересечь светлую сторону Меркурия в бронемашинах. Организована всеафриканская радиоуправляемая ферма по выращиванию китов. И чуть-чуть с сединой австралийский математик Баззард ворвался в комнату своей любовницы в три часа ночи с криками: «Получил! Получил! Транспонентальный полет!»

Не прошло и двух лет, как первый автоматический транспонентальный двигатель был установлен в ракете, запущен и успешно испытан. Он никогда не вернулся на Землю.

Здесь не место для объяснения вычислений ТП-формулы, тем более что издатель отказался печатать три страницы математических символов. Достаточно сказать, что любимый прием в научной фантастике, к величайшему отчаянию и последовавшему банкротству всех писателей-фантастов, неожиданно стал реальностью. Благодаря Баззарду космические черные дыры стали не препятствием, а своего рода вратами к планетам. В 2010 году было гораздо удобнее и быстрее добираться из Нью-Йорка до Процоина, чем век назад — до Парижа.

На этом закончим скучное отступление о современном прогрессе. Теперь уже вряд ли кому удастся свернуть его с достаточно старой экспонентальной кривой.

Все это доказывает, что в 2035 году полет от B12 до Земли занимал значительно меньше двух недель, что все-таки достаточно для того, чтобы успеть написать письмо. Или, как это было в случае с капитаном Баргероуном, который составлял ТП-телеграмму для сочинения транспонентальных посланий.

В первую очередь он сообщил:

«ТП-позиция 355073x 6915(B12). Ваш номер EX 97747304. Отн.: в соответствии с Вашим приказом. В даль-

нейшем существа, захваченные на борт корабля, называются внеземными пришельцами (сокращенно ВЗП).

ВЗП представлены следующим образом: два живых и здоровых содержатся в № 3. Остальные трупы вскрыты для изучения их строения. Сначала я не думал, что они — больше чем животные, но теперь главный исследователь Эйнсон разъяснил мне ситуацию. Я приказал ему отправиться с партией на место захвата ВЗП.

Там мы нашли свидетельство того, что ВЗП обладают интеллектом, был обнаружен космический корабль. Сейчас он находится в главном грузовом отсеке, после перераспределения груза. Маленький корабль вмещает только восемь ВЗП. Нет сомнений, корабль принадлежит ВЗП. На всем одинаковая грязь. От всего одинаковый ужасный запах. Предположительно ВЗП также исследовали В12.

Приказал Эйнсону и его группе скорее преодолеть языковой барьер. Надеюсь на успех до конца полета.

Эдгар Баргероун, капитан «Мариестоупса».

Г. М. Т. 1750: 6.7.2035».

Все прочие жители «Мариестоупса» были также заняты.

Уолсамстоун писал с великим трудом своей тете в западном предместье Лондона Виндзор:

«Моя дорогая тетушка Фло,

мы возвращаемся домой, и наконец-то я опять увижу Вас. Как Ваш ревматизм? Надеюсь, что уже лучше. В это путешествие у меня не было космической болезни. Когда корабль входит в ТП режим, если Вы знаете, что это такое, то потом часа два чувствуешь себя не очень хорошо. Мой друг Квилт говорит, что это все молекулы в организме перестраиваются по-другому. Но потом все восстанавливается.

Когда мы оказались на одной планете, даже еще без названия, так как мы пришли на нее первыми, мы с Квилтом отправились поохотиться. Все место кишело огромными змеями и грязными животными, каждое размером с корабль. Они живут в грязных ямах. Мы убили несколько десятков. Двое живых сейчас на борту нашей калоши, мы зовем их риномэнами — они очень похожи на носорогов, их имена Герти и Маш. Они ужасно гряз-

ные. Я должен чистить их клетки, но они кусаются. От них столько шума! Еда, как всегда, ужасная. Мало того, что сущая отрава, так еще и порции маленькие. Передавайте пламенный привет кузине Мадж. Думаю, что у нее уже кончились занятия. Кто сейчас в наступлении — мы или бразильцы? Верю, что мы!!!

Надеюсь, что это послание благополучно дойдет до Вас,

Ваш любящий племянник

Родни».

Августус Фиппс был поглощен сочинением любовного послания своей наполовину китайской, наполовину португальской девушке. Над его койкой висело ее игриво посматривающее изображение. Фиппс очень часто обращался к нему, пока писал:

«А Чи, любимая,

эта бесстрашная старая телега сейчас движется по направлению к Макао. Мое же сердце, ты знаешь, стремится постоянно (в самом что ни на есть прямом смысле) в это светлое место, пока ты проводишь там каникулы. Какое блаженство думать, что скоро мы будем совсем вместе, не только в мыслях. Надеюсь, что путешествие принесет нам славу и деньги. И все потому, что в этом закоулке галактики мы отыскали весьма странную форму жизни, и два могучих экземпляра сейчас с нами находятся на корабле. Когда я думаю о тебе, такой стройной, милой, исключительной, меня удивляет, зачем нам нужны на одной планете такие грязные и страшные звери — наука требует жертв!

И — о чудо из чудес! — похоже, что они к тому же обладают разумом, во всяком случае, мой шеф в этом уверен. И сейчас мы заняты тем, что пытаемся с ними говорить. Ну не смейся, пожалуйста, ведь я помню, какая ты насмешница. Как долго я мог бы говорить с тобой, моя милая и страстная, и, конечно, не только говорить! Ты должна позволить мне (две страницы опущены. — *Ред.*).

До встречи — когда мы опять сможем заниматься подобными вещами,

Твой преданный,

преклоняющийся,

пылающий страстью,

Августус».

Тем временем в кубрике «Мариестоупса» Квилтер тоже совершал героические усилия, решая проблему общения со своей девушкой:

«Привет, мой сладкий!

Сейчас, когда пишу тебе это письмо, световые волны со всей скоростью, на какую только способны, несут меня в Додж Сити. Правда, сейчас здесь со мной капитан и ребята, но я уж избавлюсь от них, прежде чем очутиться на 1477 Рэйнбоу.

Несмотря на бравый вид, у твоего парня очень кисло здесь на душе. Эти звери — риномэны, о которых я тебе говорил, — самые грязные существа, которых я когда-либо видел, их невозможно описать. Думаю, из-за того, что я тебе нравлюсь, я всегда гордился тем, что выгляжу совершенно современным и аккуратным, но эти животные — они хуже, чем звери.

Это привело меня к решению покончить с Исследовательским корпусом. По окончании этого полета все бросаю и перехожу в Космический корпус. Там можно выдвинуться. Доказательство — наш капитан Баргероун: появился неизвестно откуда. Его отец — всего лишь какой-то завхоз в жилом доме где-то под Амстердамом. Что ж, это — демократия, думаю, есть смысл и мне попробовать: а вдруг тоже стану капитаном! Почему бы и нет?

Похоже, что все здесь написанное относится только ко мне. Когда вернусь домой, мой сладкий, я все время буду поглощен только тобой.

Твой преданный
Хэнк».

В своей каюте на В-палубе главный исследователь Брюс Эйнсон писал очень серьезное письмо жене:

«Моя дражайшая Энид,

как я молю Бога, чтобы поскорее кончились все твои неприятности с Альмером. Ты все сделала для этого мальчика, никогда не упрекай себя на этот счет. Это наш крест. И лишь небеса знают, что с ним будет. Я боюсь, что его мысли настолько же грязны, как и его привычки. Моя вина в том, что мне приходится отсутствовать так подолгу, особенно когда наш сын — причина стольких проблем. Утешение в том, что это путешествие оказалось весьма

плодотворным. Под моим контролем двое живых существ были доставлены на борт нашего корабля. Мы их называем ВЗП.

Ты куда как больше удивишься, когда узнаешь, что, несмотря на свою странную внешность и привычки, эти создания обладают интеллектом. И, что более того, они принадлежат к расе, путешествующей в космосе. Мы подобрали космический корабль, который, без сомнения, имеет к ним отношение. Хотя они ли управляют им — это еще вопрос. Сейчас я занят тем, что пытаюсь наладить с ним общение, но пока, к сожалению, безуспешно.

Я постараюсь описать тебе этих ВЗП. Команда называет их риномэнами. И пока не пришло на ум ничего лучше — пусть будет так. Риномэны ходят на шести конечностях, каждая из которых заканчивается очень ловкой, широко раздвинутой кистью с шестью пальцами, крайние из которых направлены в противоположные стороны и очень похожи на наши большие. Когда руки им не нужны, они втягивают их в туловище, как черепаха свои ноги, и они становятся совершенно незаметны.

Со втянутыми конечностями риномэны симметричны и по форме напоминают соединенные вместе две дольки апельсина. Одно плавное закругление представляет собой их позвоночник, другое, более крутое, — живот, а еще два отдельных — две головы. Да, да, у наших пленников по две головы. Они заострены кверху и посажены прямо на плечи — никакого намека на шею, хотя могут вращаться во все стороны. На каждой голове — по два маленьких темных глаза с нижним веком, которое поднимается вверх, когда они спят. Под глазами — две одинаковые трубки — сопла: одна — рот, другая — анальное отверстие. На теле у них расположено еще несколько трубок, возможно, это дыхательные горла. Экзобиологи сейчас производят вскрытие нескольких трупов, которые находятся у нас на борту. Когда я получу их отчет, многое прояснится.

Наши подопечные издают звуки очень широкого диапазона. Они начинают со свиста и крика, которые переходят в хрюканье и шлепающие звуки. Боюсь, что все это выдают их горла, и некоторые «слова» выше воспри-

нимаемых человеческим ухом. Мы не можем пока понять ни одного из наших подопечных, хотя речь автоматически записывается на пленку. Но я уверен, что это только следствие шока, полученного ими при пленении, и на Земле, имея в распоряжении больше времени и более подходящие санитарные условия, мы обязательно добьемся каких-либо положительных результатов. Как всегда, эти длительные путешествия ужасно утомительны. Я стараюсь избегать капитана, как могу. Он очень неприятный человек, каждый жест которого напоминает вам о законченной им привилегированной школе и Кембридже. Я полностью посвятил себя нашим ВЗП. Несмотря на все свои неприятности и неприятные привычки, они в какой-то степени восполняют недостаток человеческого общения.

Когда вернусь, у нас будет много о чем поговорить.

Все время думающий о тебе твой муж

Брюс».

Внизу, в главном грузовом отсеке, не обремененные составлением различного рода посланий чернорабочие разбирали по винтикам корабль ВЗП. Ко всеобщему удивлению, он оказался сделанным из дерева породы неимоверной твердости и упругости, такой же прочной, как сталь, дерева, которое внутри было в виде стручка и в котором произрастали различной формы ветки, похожие на рога. На ветках росли какие-то низшие паразитические растения. Одним из триумфов группы специалистов-ботаников стало открытие того, что эти паразиты были не листвой веток-рогов, а самостоятельно произрастали на них. Они также обнаружили, что паразиты выполняют функцию поглотителя диоксида углерода из воздуха и перерабатывают его в кислород. Они счистили кусочки паразитов с веток и попытались вырастить их в более благоприятных условиях — растения гибли. После ста тридцати четырех попыток они по-прежнему умирали. Но ботаники славятся своим упрямством. Внутренности корабля были завалены кучами некоей плотной субстанции, состоявшей преимущественно из грязи и экскрементов. Ни одному здравомыслящему человеку при сравнении этой грязной деревянной утлой лодчонки со сверкающе-чистым «Мариестоупсом» не придет в голову, что оба эти предмета — летающие аппараты,

созданные для одной цели. Естественно, что многие члены команды, особенно те, кто чаще кичился своим здравомыслием, отказывались признавать это странное сооружение чем-либо иным, кроме консервной банки.

Девяносто восемь процентов смеха угасло после следующей находки — двигателя. Это был очень странный искаженной формы предмет, размерами не превышающий риномэна. Он оказался вмонтирован в деревянное дно без каких-либо видимых креплений. Сделан он был из вещества, чем-то напоминавшего фарфор. Двигающихся частей не было. И когда двигатель наконец высверлили из днища и понесли в инженерную лабораторию, за ним шел хнычущий керамист, томимый дикими предчувствиями.

Следующим открытием стали большие орехи, которые крепились к верхушке крыши с прочностью, не одолимой самыми лучшими огнерезами. В конце концов большинство решило, что это и впрямь орехи, и, благодаря волокнистой кожуре, отнесло их к плодам кокосовой пальмы. Но когда установили, что балки, спускавшиеся вниз от орехов, которые ранее определялись как подпорки, соединены с двигателем, несколько мудрецов заявили, что орехи — это топливные баки.

Следующее открытие на время положило конец дальнейшим исследованиям. Один работник, разгребая кучу грязи, нашел в ней погребенного ВЗП. Вся команда собралась и начала весьма эмоционально обсуждать это событие.

— Долго еще мы собираемся заниматься этим, ребята? — кричал стюард Джингер Дуффилд, вскочив на ящик с инструментами и демонстрируя всем свои белые зубы и черные кулаки. — Это корабль компании, а не корпусной, и мы не должны мириться с тем, что нам навязывают. В Правилах ничего не написано о том, что мы должны чистить чьи-то могилы или тому подобное. Я не возьму больше в руки инструмент, пока не получу надбавки, и призываю всех вас присоединиться ко мне.

Его слова нашли отклик в толпе:

— Да, заставим компанию заплатить!

— Кто они тут такие?

— Пускай сами убирают эти вонючие дыры!

— Повысить зарплату! В полтора раза, ребята!

— Заткнись, Дуффилд, ты, проклятый зачинщик!

— Что говорит сержант?

Сержант Уаррик проталкивался сквозь толпу. Он остановился, глядя на Дуффилда, чья тощая, едкая фигура отнюдь не испарилась под его пристальным взглядом.

— Дуффилд, я знаю таких, как ты. Ты должен быть сейчас на Замороженной планете, помогать выигрывать войну. Нам тут не нужны твои фабричные штучки. Слезай с ящика и принимайся за работу. Немного грязи не повредит твоим белоснежным ручкам.

Дуффилд заговорил очень спокойно и даже красиво:

— Сержант, я не нарываюсь ни на какие неприятности. Почему мы должны это делать? Это все, что я спрашиваю. Неизвестно еще, какая зараза затаилась в этой помойной яме. Мы требуем выплаты страховки за работу в ней. Почему это мы должны рисковать своими семьями ради компании? Что она для нас сделала?

Ропот одобрения встретил этот вопрос, но Дуффилд сделал вид, что не заметил его.

— А что они сделают, когда мы прилетим домой? Наверняка выставят напоказ эту вонючую коробку, и все будут приходить и нюхать ее, платя десять толстеньких за раз. Они собираются нажиться на этой штуке и на этих животных, которые жили в ней. Так почему бы нам не взять свой кусок сейчас? Ты бы пошел на С-палубу и привел человека из управления, да держал бы свой нос подальше от этого дела.

— Ты всего лишь отъявленный крикун, Дуффилд, вот в чем твоя проблема, — со злостью сказал сержант. Он выбрался из толпы и направился на С-палубу. Вслед ему по коридору послышались язвительные насмешки.

Двумя часами позже Квилтер, вооруженный шлангом и щеткой, вошел в клетку с двумя ВЗП. Они выпустили свои конечности и перебрались в дальний угол этого замкнутого пространства, наблюдая за Квилтером с надеждой в глазах.

— Последний раз я у вас тут вычищаю, ребята, — говорил он им. — Через час присоединюсь к забастовке, просто чтобы продемонстрировать свою солидарность

с космическим корпусом. И пока я буду занят, можете спать в своем дерьме, сколько вам понравится.

И, будучи в крайне проказливом настроении, он направил на них шланг.

Глава 4

Редактор новостей газеты «Виндзор Секит» нажал педаль видеотелефона и хмуро уставился на появившееся на экране изображение главного репортера.

— Где тебя, Адриан, черти носят? Немедленно отправляйся в космопорт, как тебе было сказано. «Мариестоупс» прилетает меньше чем через полтора часа.

Левая часть лица Адриана Бакера сморщилась, и он стал придвигаться к экрану до тех пор, пока нос его не расплылся и изображение не потеряло четкость.

— Не надо так, Ральф. У меня тут появилось дело по дороге.

— Я не желаю слушать ни о каких посторонних делах, я хочу, мой мальчик, чтобы ты сейчас же был в этом проклятом космопорте.

У Бакера сморщилась правая часть лица, и он заговорил быстрее:

— Послушай, Ральф. Я сейчас в пабе «Голова Ангела», на Темзе. Я тут нашел одну старушку, ее зовут Флоренс Уолсамстоун. Она всю жизнь прожила в Виндзоре и помнит время, когда Грейт-парк был парком и все такого рода. У нее есть племянник — Родни Уолсамстоун, рядовой с «Мариестоупса». Она мне только что показывала письмо от него, в котором он описывает неземных животных, которые были обнаружены и которых они везут домой. И я подумал, если мы поместим ее портрет с отрывками из его письма — ну понимаешь: Местный Парень Помогает Захватить Этих Чудовищ — это будет — ...

— Хватит, достаточно. Это самое большое событие за последние десять лет, а ты хочешь затмить его каким-то фактом весьма местного значения. Верни старушке письмо, поблагодари за предложение, заплати за нее, наделай

ей комплиментов, а потом немедленно шагай в этот чертов космопорт и возьми интервью у Баргероуна, иначе я из твоей кожи воздушного змея сделаю.

— Хорошо, Ральф. Пускай будет по-твоему. Было время, когда ты прислушивался к советам.

Отключив связь, Бакер добавил:

— А у меня и сейчас есть один, очень недурной.

Он выскочил из будки и протиснулся сквозь грузную и пьяную массу мужчин и женщин к высокой даме, задвинутой в самый угол бара. Она подняла к губам стакан с темно-коричневой жидкостью, при этом жеманно отодвинув мизинец.

— Ваш редактор в восторге? — спросила она, слегка шепелявя.

— Не пойму, какая муха его укусила. Видите ли, мисс Уолсамстоун, я очень извиняюсь, но мне необходимо немедленно ехать в космопорт. Возможно, мы возьмем у вас интервью немного позже. У меня теперь есть ваш телефон, так что не утруждайте себя, звоня нам, — мы сами вас найдем, хорошо? Был рад с вами познакомиться.

Когда Бакер допил свой стакан, она сказала:

— Вы должны позволить мне заплатить за это, мистер...

Вы очень любезны; ну, если вы так настаиваете, мисс Уолсамстоун... О, вы очень любезны. Ну, прощайте.

И он начал пробираться между полными желудками. Она опять позвала его. Он в ярости оглянулся из середины толпы.

Поговорите с Родни, если увидите его. Он будет несказанно рад сказать вам что-нибудь. Он очень хороший мальчик.

Он прокладывал себе дорогу к двери, неустанно бормоча: «Простите, простите», — как проклятие.

Залы ожидания в космопорте были забиты до отказа. Обыкновенные и необыкновенные люди заняли все крыши и окна. На гудронированном шоссе было огорожено канатами место, где стояли представители правительств, в том числе министры марсианских дел и различных ведомств. Среди них — директор лондонского Экзоопарка. За заграждением маршировал известный всем полко-

вой ансамбль в яркой старинной форме, под звуки увертюры Саппэ «Лайт Кэвэлри» и популярных ирландских мелодий. Мороженое было съедено, газеты распроданы, карманы обчищены. «Мариестоупс» проскользнул сквозь дождевые облака и приземлился на крылья свода на дальней стороне поля.

Заморосил дождь.

Ансамбль исполнял очень жизнерадостную мелодию XX века под названием «Сентиментальное путешествие», не придавая, впрочем, общей картине более светлых красок.

Как и все долго ожидаемые события, это потеряло элемент новизны из-за скучности процесса ожидания. Обеззараживание днища корабля заняло еще какое-то время.

Наконец люк открылся, и небольшая круглая фигура выглянула, была приветствована и скрылась обратно. В тот момент тысяча детей спросила, был ли это капитан Баргероун, а тысяча родителей велела им не задавать таких глупых вопросов.

Из люка выдвинулся, как ленивый язык, трап и лег на землю. С разных сторон к кораблю начал съезжаться всякий транспорт: три автобуса, два грузовика, «скорая помощь», различные машины для багажа, чья-то личная машина и военные автомобили. И вот на трапе появилась цепочка людей с опущенными головами, которая тут же нырнула в автомобильное убежище. Толпа приветственно закричала для того она здесь и собралась.

В зале ожидания джентльмены от прессы подсинивали слегка воздух дымком тоже уставшей аппаратуры, покуда капитан Баргероун не был отдан им на растерзание. Он оборонительно заулыбался, а тем временем вокруг шипели и дико плясали яркие вспышки. За его спиной стояли несколько офицеров, он говорил довольно спокойно, даже обыденно, в очень английской манере (Баргероун был французом) о том, какое пространство было преодолено, сколько планет повстречалось им на пути и как преданна ему была команда, если не считать ту злополучную забастовку на обратном пути, за которую, он надеется, коекого хорошенько взгреют, и закончил тем, что на очень симпатичной планете, которую Американская космическая

исследовательская служба решила назвать изысканным именем Клементина, они захватили двух и убили несколько больших животных, очень их заинтересовавших.

Кое-что он описал более подробно. Существа имеют по две головы, в каждой из которых находится мозг, общий вес которого 2000 г, что на четверть больше, чем у человека. Эти животные — ВЗП, или риномэны, как называет их команда, — орудуют шестью конечностями, которые заканчиваются, несомненно, подобиями человеческих рук. К несчастью, забастовка помешала дальнейшему изучению этих замечательных созданий, но есть основания предполагать, что они обладают собственным языком и должны, несмотря на ужасный внешний вид и грязные привычки, быть отнесены к более или менее — конечно, никто не может быть уверен, и исследования могут отложить точный ответ на несколько месяцев, — разумным существам наряду с человеком, к тому же, возможно, имеющим свою цивилизацию на планете, пока нам неизвестной. Двое из них захвачены живыми и направлены в Экзозоопарк для изучения.

Когда речь закончилась, Баргероуна окружили репортеры.

— Вы говорите, что эти носороги не живут на Клементине?

— У нас есть повод так считать.

Какой повод?

(Улыбочку для «Сабад Таймс», пожалуйста.)

Мы думаем, что они прибыли туда так же, как и мы.

— Вы имеете в виду — на космическом корабле?

Да, в своем роде. Но они могли быть доставлены туда и как экспериментальные животные, или специально свезены, как свинья капитана Кука на Таити, ну или где там это было?

(Если можно, профилем, капитан.)

— Ну а их корабль вы видели?

— Э-э, вообще-то мы думаем, что... э-э... захватили их корабль.

— Так расскажите же, капитан! Что за тайны? Вы захватили их корабль или нет?

(Пожалуйста, вот так, сэр.)

— Мы считаем, что да. Определенно то, что назначение его именно таково, но в действительности его двигатель не ТП, хотя и очень интересный, и, конечно, звучит это глупо, но видите ли, корпус корабля сделан из дерева. Дерева очень высокой плотности.

Лицо Баргероуна было каменным.

— Послушайте, капитан, вы шутите...

В этой толпе фотографов, фоторепортеров и репортеров Адриан Бакер никак не мог подобраться поближе к капитану. Он протолкнулся к высокому нервному человеку, стоявшему за Баргероуном и хмуро смотревшему в одно из длинных окон на суетящуюся под дождем толпу.

Сэр, будьте добры, скажите, что вы думаете об этих существах, которых вы доставили на Землю? — спросил Бакер. — Животные они или люди?

Едва прислушиваясь, Брюс Эйнсон пристально посмотрел поверх толпившихся на улице. Ему показалось, что он заметил промелькнувшую тень своего никчемного сына Альмера, который с присущим ему подлым выражением лица продирался сквозь груды людей.

— Свиньи, — проговорил Эйнсон.

— Вы имеете в виду, что они внешне походят на свиней или ведут себя как свиньи?

Исследователь уставился на репортера.

— Сэр, меня зовут Бакер, я из «Виндзор Секит». Нам будет очень интересно узнать все, что вы могли бы сказать об этих созданиях. Вы считаете их животными, я правильно понял?

— А к кому, мистер Бакер, вы относите человека, человеческий род — к цивилизованным существам или животным? Хоть одна новая раса оставалась после общения с нами неиспорченной или даже не стертой с лица Земли? Возьмите полинезийцев, чукчей, американских индейцев, тасманцев...

— Да, сэр, я понял вашу точку зрения, но скажите, пожалуйста, эти существа...

— О, у них есть разум, как и у любого млекопитающего, а эти — млекопитающие. Но их поведение, или отсутствие поведения, ставит нас в тупик, так как мы подходили к ним с антропоморфическими мерками. Есть

у них или нет понятие об этике, совести? Поддаются ли они дурному влиянию, как эскимосы или индейцы, или сами могут оказывать его? Нам нужно задать себе еще много вопросов, требующих глубоких исследований, прежде чем мы сможем в точности охарактеризовать этих риномэнов. Вот мое мнение по данному вопросу.

— Это очень интересно. Вы говорите, что мы должны развивать новый способ мышления, я правильно понял?

— Нет, нет, я не думаю, что это вопрос для обсуждения с представителями прессы; но человек слишком уповает на свой интеллект, нам необходимо научиться по-новому чувствовать, более благоговейно. Я уже достиг некоторого прогресса с этими двумя несчастными созданиями – установление доверия, знаете, после того, как мы пристрелили их товарищей и пленили их самих. А что с ними будет теперь? Их собираются выставить напоказ в Экзозоопарке. Его директор, сэр Михали Пацтор, – мой старый друг, и я, я пожалуюсь ему.

Вот черт! Но люди хотят увидеть этих зверей! Откуда мы знаем, что у них такие же чувства, как у нас?

— Ваша точка зрения, мистер Бакер, — вероятно, точка зрения проклятого большинства. Извините, но мне еще нужно позвонить.

Эйнсон выбежал из здания, но толпа мгновенно окружила его и держала крепко. Он стоял совершенно беспомощный, когда мимо медленно проехал грузовик, сопровождаемый громкими приветствиями, криками и возгласами зрителей. Сквозь прутья решетки, закрывавшей заднюю сторону кузова, на людей смотрели двое ВЗП. Они не произносили ни звука. Они были большие серые существа, такие одинокие и в то же время привлекающие внимание.

Их пристальный взгляд остановился на Брюсе Эйнсоне. Но они ничем не дали понять, что узнали его. Внезапно он почувствовал озноб и, повернувшись, начал прокладывать себе дорогу сквозь плотную массу серых плащей.

Корабль разгружали. Краны запускали свои громадные клювы в его чрево и вынимали их с сетками, полными картона, коробок, ящиков и канистр.

Лихтеры роились вокруг металлического сооружения, высасывая из его пищеварительного тракта разные нечистоты. Корпус покрылся маленькими сгустками людей. Большой кит «Мариестоупс» стоял на привязи, совершенно беспомощный, вдали от родных звездных глубин.

Уолсамстоун и Джингер Дуффилд следовали за Квилтером к одному из выходных люков. Квилтер нес сумку и через полчаса собирался сесть на ионосферный реактивный самолет до США в другой части порта. Они приостановились на пороге и, забавно вытянув шеи, втягивали странно пахнущий воздух.

— Ну надо же, худшая погода во всей Вселенной, — жалобно проговорил Уолсамстоун. — Я вам точно говорю, что буду здесь стоять, пока дождь не кончится.

— Возьми такси, — посоветовал Дуффилд.

— Не стоит. До дома моей тетки всего полмили. А мой велосипед — в офисе ПТО. Я поеду на нем, когда дождь прекратится, если он вообще когда-нибудь остановится.

— А что, в ПТО тебе свободно разрешают оставлять велосипед между полетами? — поинтересовался Дуффилд.

Не желая быть втянутым в то, что обещало превратиться в очень английский разговор, Квилтер переложил поудобнее на плечах свою сумку и предложил:

— Слушайте, ребята, пойдем в летный буфет и выпьем замечательного теплого британского синтпива перед моей дорогой.

— Мы должны отметить твой уход из Исследовательского корпуса, — сказал Уолсамстоун. — Пойдем, Дуффилд?

— А они поставили тебе в книжке о зарплате штамп об увольнении и вычеркнули тебя официально из списков? — спросил Дуффилд.

— Я нанимался по одноразовой системе, — пояснил Квилтер. — Все закончено, старый барачный буквоед. Ты когда-нибудь расслабляешься?

— Ты знаешь мой девиз, Хэнк. Следуй ему и никогда не проиграешь: «Если смогут, они тебя обманут». Я знал

одного парня, который забыл отметить свой 535-й у начальника снабжения перед демобилизацией, и его вернули еще на пять лет. Сейчас он служит на Хароне, помогает выигрывать войну.

— Ты идешь пить пиво или нет?

— Пожалуй, да, — сказал Уолсамстоун. — Может, мы тебя больше никогда не увидим, после того как эта птичка из Додж Сити доберется до тебя. Судя по тому, что ты мне о ней рассказывал, я бы сбежал от подобной девчонки куда глаза глядят.

Он уверенно шагнул под замечательный моросящий дождик, а за ним, оглядываясь через плечо на Дуффилда, двинулся Квилтер.

— Джингер, идешь ты или нет?

Тот хитро посмотрел на него:

— Я, дружище, не покину корабль, пока не получу забастовочные деньги, — сказал он.

Исследователь Фиппс пришел домой. Он уже обнял своих родителей и теперь вешал пальто в прихожей. Они стояли сзади, ухитряясь выражать недовольство, даже когда улыбались. А ворчливое доброжелательство этих потертых жизнью, ссутулившихся стариков было давно и хорошо известно их сыну. Они по очереди произносили два монолога, которые никогда не переходили в диалог.

— Пойдем в гостиную, Гусси. Там потеплее, — сказала мать. — Ты можешь замерзнуть после корабля. Сейчас принесу чай.

— У нас тут были проблемы с центральным отоплением, вообще-то сейчас оно не требуется: на носу июнь, но было необычайно прохладно для этого времени года. Такой сложной задачей стало найти кого-нибудь, кто что-либо починил бы. Не знаю, что происходит с людьми — всем абсолютно наплевать друг на друга.

— Расскажи ему, Генри, о новом докторе. Ужасно грубый человек. Ни образования, ни манер — совершенно. И грязные ногти — подумать только, обследовать больного руками с грязными ногтями.

— Конечно, во всем виновата эта проклятая война. Она родила на Земле совершенно новый тип человека. Бразилия ни единым поводом не дает думать о ее усталости, а тем временем правительство...

— Генри, бедный мальчик не хочет слушать о войне сразу после возвращения домой. Они даже начали вводить ограничения на продукты! Они пичкают нас одной пропагандой, по телевизору ничего, кроме пропаганды, не показывают. Вдобавок снизилось качество товаров в магазинах. На прошлой неделе я вынуждена была купить новую кастрюлю...

— Устраивайся здесь поудобнее, Гусси. Конечно, во всем виновата война. Не представляю, что с нами со всеми станется. Новости из сектора 160 совсем неутешительные, правда?

Фиппс отвечал:

— Там, в галактике, никто не интересуется этой войной, все это для меня, честно говоря, как снежный ком на голову.

— Но в тебе не пропал патриотизм, Гусси? — заволновался отец.

— А что такое патриотизм, если не продолжение самовлюбленности? — спросил Фиппс, радуясь виду на мгновение замершей отцовской груди.

Натянутую паузу своим замечанием прервала мать:

Как бы то ни было, дорогой мой, ты почувствуешь разницу, пока будешь в отпуске в Англии. Кстати, как долго ты будешь здесь?

Этот маленький вопрос застал его, увлеченного родительскими разговорами, врасплох, и Фиппс почувствовал какую-то неловкость из-за того, что мать с отцом с нетерпением ждали ответа. Он знал это сдерживаемое стариками чувство. Они ничего от него не хотели, кроме его присутствия и исполнения им роли слушателя. Они ничего от него не хотели, кроме его жизни.

— Я здесь пробуду не больше недели. Та очаровательная девочка, наполовину китаянка, которую я встретил в прошлый свой отпуск, А Чи, сейчас на Дальнем Востоке — у нее выезд на пленэр. В следующий четверг я вылетаю к ней в Макао.

Дальше идет по обычному сценарию. У отца определенно затрясется голова, у матери подожмутся губы, как будто она держит косточку. Не дав им опомниться, Фиппс поднялся.

— Я пока пойду наверх и распакую свой чемодан, если вы оба не против.

Глава 5

Пацтор, директор лондонского Экзозоопарка, был замечательным тоненьким человеком без седины в волосах, несмотря на свои пятьдесят два года. По происхождению он был венгром, в двадцать пять лет возглавил антарктическую экспедицию, в 2005 году продолжил устанавливать зоологический купол Теллуса на астероиде Аполло, а в 2014 году написал сценарий самого популярного видеоспектакля года «Айсберг для Икаруса». Спустя несколько лет он принял участие в первой экспедиции на Харон, во время которой была составлена карта и совершено приземление на эту тогда только что открытую очередную планету Солнечной системы. Харон так безжалостно замораживает на расстоянии трех тысяч миллионов миль за орбитой Плутона, что по праву заслуживает названия планеты Вечной Мерзлоты. Этим прозвищем наделил его Пацтор.

После того успеха сэр Михали Пацтор был назначен директором лондонского Экзозоопарка, а в данный момент пытался исполнять обязанности виночерпия для Брюса Эйнсона, предлагая ему выпить.

— Ты же знаешь, Михали, я не пью, — сказал Брюс, укоризненно покачав головой.

— С этих пор ты — известный человек, ты должен выпить за свой успех, как мы пьем за него, все напитки абсолютно синтетические, и, знаешь, безалкогольный пончик тебе тоже не повредит.

— Ты меня давно знаешь, Михали. Я лишь выполняю свои обязанности.

— Да, я давно тебя знаю, Брюс. Я знаю, что тебя мало волнует чужое мнение или чужое рукоплескание, и с какой жадностью ты ловишь малейший намек на одоб-

рение твоей собственной совести, — мягко проговорил директор, пока бармен мешал ему коктейль под названием «Транспонентальный».

Они сидели в гостиной отеля, принадлежавшего Экзозоопарку. На стенах красовались изображения экзотических животных, уставившиеся на смесь ярких униформ и цветных платьев.

— У меня нет недостатка в пикантных комплиментах из твоего колодца мудрости, — парировал Эйнсон.

— Ты никогда не признаешься в недостатке чего-либо, — сказал директор. — Мне следовало бы довести это до твоего сведения раньше, и хотя сейчас не время и не место, позволь мне закончить. Ты — смелый, знающий, значительный человек. Это ты доказал не только всему миру, но и самому себе. Теперь ты можешь позволить себе расслабиться, отпустить своего сторожа. И ты не только можешь, ты обязан это сделать сейчас, иначе будет поздно.

Каждый человек имеет право для себя иметь что-то личное, только свое, а твоя душа просто погибает от удушья.

— Ради Бога, хватит! — воскликнул Эйнсон, прерывая товарища, то ли смеясь, то ли сердясь. — Ты говоришь, как один из несуществующих героев из пьес твоей юности! Я есть то, что есть, я не изменился. Вот идет Энид, время сменить тему разговора.

Среди множества ярких платьев кобровый с капюшоном костюм Энид Эйнсон смотрелся столь же жизнерадостно, сколь смотрелось бы солнечное затмение. Тем не менее она широко улыбалась, подходя к мужу и Пацтору.

— Замечательная вечеринка, Михали. Как я сглупила, когда не пошла в прошлый раз, когда Брюс приехал домой. У вас здесь к тому же такая приятная комната!

— В военное время, Энид, мы стараемся хоть немного развеселить друг друга, и твое явление очень помогло нам.

Совершенно довольная, она засмеялась, но все же принялась спорить:

— Ты мне льстишь, Михали, как всегда.

— А что, твой муж никогда тебе не льстит?

— Ну, я не знаю... Я не знаю, если Брюс — я имею в виду...

— Вы, оба, кончайте дурачиться, — сказал Эйнсон. — Этот шум может лишить остатка ума. Мне уже надоела эта ерунда, удивляюсь, как ты, Энид, еще можешь это выносить. Давайте поговорим о деле. Я приехал сюда, чтобы официально передать в твое распоряжение наших ВЗП, этим я и хочу заняться. Мы можем обсудить это в каком-нибудь мирном, спокойном месте?

Аккуратные брови Пацтора взлетели вверх и затем нахмурились:

— Ты хочешь заговорить мне зубы и отвлечь от бармена? Ну, я думаю, мы можем проскользнуть к новому ограждению для ВЗП, если тебе это так нужно. Твои подопечные уже там, а портовые служащие, наверное, нам не попадутся на пути.

Эйнсон повернулся к своей жене и положил руку ей на плечо:

— Ты пойдешь с нами. Здешнее возбуждение вредно для тебя.

— Ерунда, мой дорогой, мне здесь очень хорошо. — И она высвободилась от его хватки.

— Но ты должна же показать хоть небольшой интерес к созданиям, которых мы привезли.

— У меня нет никакого сомнения, что я буду выслушивать рассказы о них в течение нескольких недель! — Она взглянула на глубокие каньоны, прорезавшие его лицо, и произнесла тем же шутливым покорным голосом: — Ну хорошо, я пойду с вами, ты не можешь прожить без меня ни одной минуты. Но ты должен принести мою шаль — на улице уже слишком прохладно.

Эйнсон покинул их без особого желания. Пацтор подмигнул Энид и налил два бокала.

— Я не знаю, Михали, стоит ли мне еще пить. Думаю, не будет ничего хорошего, если я опьянею!

— Посмотри на людей. Вон миссис Фраер. Теперь, когда мы остались наедине, Энид, вместо того, чтобы пофлиртовать с тобой, как я намеревался, я должен задать вопрос о твоем сыне, об Альмере. Чем он сейчас занимается, где он?

Он уловил волнение, пробежавшее по ее лицу.

Отвернувшись, она ответила:

— Не надо, пожалуйста, не надо портить вечер, Михали. Так хорошо, что Брюс вернулся! Я знаю, что ты считаешь его ужасным, странным чудовищем, но это даже близко не правда.

— Как Альмер?

— Он в Лондоне, не принимает участия во всем этом, не знаю.

— Вы слишком суровы с ним.

— Михали, пожалуйста!

— Брюс слишком суров с ним. Ты знаешь, я говорю это как старый друг и как крестный отец Альмера.

— Он сделал что-то отвратительное, и отец выгнал его из дома. Тебе известно, что они никогда не ладили, и, хотя я ужасно жалею мальчика, куда как спокойнее, когда их нет вместе. — Она подняла глаза на Михали и добавила: Не думай, что я не пытаюсь оказывать какого-либо противодействия, я оказываю. Уже годы длится моя борьба с ними.

— Я никогда не видел лица, менее настроенного на борьбу. Что же Альмер совершил такого ужасного на свою голову?

— Спроси Брюса, если так жаждешь узнать.

— В этом замешана какая-то девчонка?

— Да, это все из-за одной девчонки. А вот и Брюс.

Пока главный исследователь закутывал в шаль плечи своей жены, Михали вывел их из холла через дверь. Они спустились вниз по устланному коврами коридору и вышли в вечерние сумерки. В зоопарке было спокойно. Только один или два лондонских скворца отправлялись спать в свои гнезда, и ранчстедский зауропод, вытянув шею из подогреваемого бассейна, тупо глазел на проходивших. Не доходя до метанового дома млекопитающих, Пацтор свернул и повел своих спутников к новому блоку, сконструированному в современном стиле из песчаных армированных пластиковых щитов, слегка выделанных несущими вертикалями. Когда они зашли в боковую дверь, зажегся свет. Армированное искривленное стекло отделяло от них двух ВЗП. Существа повернулись на свет и

взглянули на людей; Эйнсон сделал нерешительный приветственный жест, но никакой заметной реакции не последовало.

— По крайней мере, у них просторное помещение, — сказал он. — А публика будет здесь толпиться целый день, прижимая свои звериные носы к стеклу?

— Посетители будут допускаться в этот блок только с четырнадцати тридцати до шестнадцати часов, — ответил Пацтор. — Утром ученые будут изучать наших гостей.

А гости сидели в просторной двойной клетке, разделенной перегородкой на две части, сообщающиеся через низкую дверь. В дальнем конце клетки стояла широкая, низкая кровать, подбитая пластиковой пленкой.

На одной из других стен висели желобы, полные пищи и воды. ВЗП стояли посреди комнаты. Они уже наделали огромные кучи грязи вокруг себя. Три ящерообразных существа торопливо перебежали комнату и вскочили на ВЗП. Они быстро добрались до складок кожи и исчезли в них. Эйнсон указал:

— Вы видите это? Они по-прежнему здесь. Очень похожи на ящериц и всегда держатся вблизи этих инопланетян. Еще двое таких же сопровождали умирающего ВЗП, которого мы взяли с собой на «Мариестоупс». Вероятно, они однодомные или даже симбионты. Глупец капитан услышал о них из моих докладов и хотел было уничтожить, считая их опасными паразитами, но я настоял на своем.

— А кто это был? Эдгар Баргероун? — спросил Пацтор. — Смелый человек, с неба звезд не хватает. Он, наверное, все еще придерживается геоцентрической концепции Вселенной.

— Он хотел, чтобы я заговорил с этими ребятами до того, как мы прилетим на Землю. У него нет ни малейшего представления о проблеме, коснувшейся нас.

Энид, которая тем временем пристально смотрела на пленников, взглянула на Эйнсона и спросила:

— И ты можешь общаться с ними?

— Это не так легко, как может показаться неспециалисту, моя дорогая. Я тебя обо всем проинформирую в другой раз.

— Ради Бога, я не ребенок. Ты будешь общаться с ними или нет?

Главный исследователь засунул руки в боковые карманы униформы и обратился к своей жене. Его манера напоминала обращение к пастве с кафедрального возвышения:

— Несмотря на то что задействованных в одно и то же время кораблей редко бывает больше десятка, за четверть века человечество умудрилось исследовать около трехсот похожих на Землю планет. На них, Энид, иногда находили формы жизни, иногда нет. Но нигде не могли обнаружить существо, хоть немного разумнее шимпанзе. И вот эти создания с Клементины. У нас есть причины предполагать, что они обладают разумом, идентичным разуму человека. Но наиболее убедительный довод — это... э-э... устройство, предназначенное для межпланетных путешествий...

— Но тогда зачем из этого делать тайну? — спросила Энид. — Существуют элементарные тесты для подобных ситуаций, почему бы ими не воспользоваться? У этих созданий есть письменность? Они разговаривают друг с другом? Соблюдают они между собой какие-то правила? Способны ли они повторить что-то или объясняются жестами? Воспримут ли они элементарные математические концепции? Каково их отношение к произведениям искусства и, разумеется, существуют ли у них свои виды творчества? Как они...

— Да, да, моя дорогая, мы с тобой полностью согласны: существуют тесты. Я не сидел сложа руки во время полета и провел их.

— Ну и что же? Каковы результаты?

— Противоречивые в том смысле, что оказались неэффективными и неполными — одним словом, слишком углубленными в антропоморфизм.

Это как раз то, в чем я сейчас пытаюсь разобраться. Пока мы не сможем точнее определить степень их разумности, мы не сможем начать общение с ними.

— Но в то же время, — прибавил Пацтор, — вам будет очень сложно определить уровень их развития до установления контакта.

Эйнсон отмахнулся от такого довода жестом практичного человека, отвергающего софизм.

— Сперва нам необходимо определить их разум. Существует такой маленький паучок argyroneta aquatica; обладает он разумом, потому что может сплести ныряющий конус и жить под водой? Нет. Очень хорошо, теперь, эти неуклюжие создания, возможно, не более разумны лишь из-за того, что могут построить космический корабль. И в то же время они могут быть настолько высокоразвиты и быть продуктом такой древней цивилизации, что все, над чем у нас работает сознание, они получают через наследственность или работу подсознания, освобождая сознание для размышлений над другими предметами — причем способы размышления находятся за пределами нашего понимания. Если это так, то общение между нашими видами практически невозможно. Помните, насколько просто одно из словарных определений разума: «Обмен информацией», а если мы не будем получать информацию от них, а они — от нас, то мы вправе охарактеризовать ВЗП как неразумных животных.

— Все это для меня ужасно запутанно, — сказала Энид. — Теперь ты так все усложнил, тогда как в твоих письмах все было так понятно. Ты говорил, что эти создания попробовали заговорить с вами с помощью всяких хрюканий и свистов; ты говорил, что у каждого из них по шесть замечательных рук; ты говорил, что они прибыли на как там ее... на Клементину в космическом корабле. Определенно, ситуация ясна. Они разумны, не на примитивном уровне животных, а достаточно, чтобы создать цивилизацию и язык. Единственная проблема — это перевести их шумы и свисты на английский.

Эйнсон повернулся к директору:

— Но ты-то понимаешь, что это не так просто, да, Михали?

— Брюс, я прочел все твои сообщения. Я знаю, что они — млекопитающие, с дыхательной системой и пищеварительным трактом, похожим на наш собственный; с мозгом весом в человеческий, обладающие руками, способные воспринимать мир так, как воспринимаем его мы — теми же основными чувствами. Если откровенно, Брюс, я

понимаю, что выучить их язык или научить их нашему будет непросто, но мне все же кажется, что ты преувеличиваешь сложности.

— Серьезно? Подожди, понаблюдаешь за этими ребятами какое-то время, и у тебя создастся иное впечатление. Говорю тебе, Михали, я пытаюсь представить себя на их месте, и, несмотря на их отвратительные привычки, я почувствовал сочувствие к ним. Но единственное мое ощущение среди моря разочарования — это то, что, если они вообще обладают хоть какой-то долей разума, они должны иметь совершенно отличные от нашего представления о мире. Действительно, представь себе, они... — он показал стоявших за стеклом существ, — держали себя со мной совершенно равнодушно.

— Посмотрим, что скажут лингвисты, — сказал Пактор. — И еще, Брайан Латтимор из Американской космической консультативной Службы — очень сильный человек, надеюсь, что тебе он понравится, — завтра прилетает из Штатов. Думаю, что его мнение будет полезным.

Это не было утешительным для Брюса Эйнсона, он решил, что для него на сегодня достаточно.

— Десять часов, — сказал он. — Уже время, Энид, пора домой. Ты знаешь, на Земле придерживаюсь режима. Вечер был очень славный, Михали. Увидимся в конце недели.

Они радушно пожали друг другу руки. Побуждаемый одной из причин всех своих несчастий, которая не давала ему подняться выше своей нынешней синекуры, сэр Михали полюбопытствовал:

— Кстати, дружище, что такого натворил Альмер с этой девчонкой, что ты вышел из себя и выгнал его из дома?

Брюс почувствовал во рту привкус пыльного кирпича.

— Ты бы лучше поинтересовался у него самого. Вероятно, он удовлетворит твою любознательность. Мы с ним больше не видимся, — сдержанно проговорил он. — Но разберемся с этим сами.

Челнок внутрирайонной линии устремился в темноту, неуверенно цепляясь за нитку рельсов.

Энид закрыла глаза и пожалела, что не проглотила антивом перед тем, как отправиться в путь. Она относилась к плохим путешественникам.

— Тебе бы следовало позаботиться, — сказал ей муж.

— Я не подумала, Брюс.

Помолчав, Эйнсон спросил:

— О чем вы разговаривали с Михали, пока я ходил за шалью?

— Я не помню. О ерунде какой-то. Почему ты спрашиваешь?

Сколько раз вы виделись, пока я был в полете?

Она вздохнула. Шум проносящегося ветра торопливым потоком потопил этот негромкий звук.

— Ты всегда меня об этом спрашиваешь, Брюс, после каждого путешествия. Перестань ревновать, или ты действительно подкинешь мне эту идею. Михали очень милый, но для меня он ничего не значит.

Перемещаясь над пригородным Лондоном, челнок доставил их на большой закругленный выступ Внешнего Кольца. Их часть недавно отстроенного терминала была заполнена народом, так что они хранили молчание, пробираясь к экспрессу, который доставил бы их домой. Но в монобусе молчание для обоих стало тягостным. Каждый чувствовал себя неуютно от молчания другого, боясь неизвестных мыслей.

Энид заговорила первая:

— Я очень рада, что наконец-то и ты добился успеха, Брюс. Нам нужно устроить вечеринку. Я ужасно горжусь тобой, ты знаешь!

Он погладил ее по руке и примирительно улыбнулся, как мы улыбаемся, прощая ребенка.

— Боюсь, что времени для вечеринки не будет. Теперь начнется настоящая работа. Мне надо будет целыми днями находиться в зоопарке, консультируя команды исследователей. Едва ли они справятся без меня.

Она смотрела перед собой. В действительности она не была разочарована, ей следовало ожидать такого ответа. И даже теперь, вместо того чтобы демонстрировать гнев, она пыталась говорить с ним приветливым тоном, задавая один из своих глупых «научных вопросов»:

— Мне кажется, что ты очень надеешься на то, что эти существа заговорят с нами?

— Похоже, что правительство куда как в меньшем восторге, чем я рассчитывал. Конечно, я понимаю, эта гнусная война... В конце концов, могут возникать вопросы более важные, чем языковый фактор.

Она уловила какую-то неясность в его словах, что бывало, когда он в чем-нибудь сомневался.

— Какие еще вопросы?

Он уставился в мелькающую за окном темноту.

— ВЗП раненый показал очень высокую сопротивляемость смерти. Когда его анатомировали на «Мариестоупсе», тело разрезали уже практически на кусочки, прежде чем он умер. У них громадная сопротивляемость боли. Они ее не чувствуют. Они... не чувствуют боли! Подумай! Все это есть в репортажах, похоронено в таблицах, записано технически. Я уже теряю терпение. Но когда-нибудь кто-нибудь да обратит внимание на важность этих фактов.

И опять она почувствовала, что на его губы лег камень молчания, когда он уставился в окно, глядя сквозь нее.

— Ты видел, как резали это существо?

— Да, разумеется.

Она подумала о вещах, которые люди совершали с такой очевидной легкостью.

— Ты можешь себе представить? — продолжал Эйнсон. — Никогда не чувствовать никакой боли, — ни физической, ни душевной.

Они опускались на уровень местного движения. Его меланхолический взгляд остановился на темноте, скрывавшей их дом.

— Какое преимущество для человечества! — воскликнул он.

После ухода Эйнсона и его супруги сэр Михали Пацтор еще долго стоял на том же месте, с пустой, которая вдруг неожиданно заполнилась идеями, головой. Он стал ходить взад-вперед, как маятник, под внимательным взором двух чужеземцев за стеклом. Этот взгляд вскоре остановил его. Он сел на корточки, балансируя и плавно покачиваясь, и стал рассматривать их, скрестив руки на груди, а потом обратился к ним с речью:

— Дорогие мои питомцы, я понимаю все проблемы, хотя не наблюдал вас раньше, я действительно понимаю, несмотря на такой короткий срок. Более того, я понимаю, что до сегодняшнего момента вы сталкивались лишь с весьма ограниченным типом человеческого сознания. Я знаю космонавтов, мои пузатые друзья. Я сам был космонавтом и знаю, как длинные световые годы завораживают и формируют несгибаемый ум. Вы столкнулись с людьми жесткими, не способными на чувства, с людьми, не обладающими даром сопереживания, не готовыми запросто прощать и понимать, потому что они не обладают понятием о разнообразии человеческих характеров, с людьми, которые, будучи не способны заглянуть в себя, не могут проникнуть в душу других.

Короче говоря, мои дорогие говнотопы, если вы цивилизованны, то вам предстоит противостоять совершенно цивилизованным людям. Если вы больше, чем животные, то в этом случае пройдет не так много времени, прежде чем мы начнем понимать друг друга. И затем настанет время, когда между нами начнут возникать слова.

Один из ВЗП выпустил свои конечности, поднялся и подошел к стеклу. Сэр Михали Пацтор принял это как предзнаменование.

Обойдя сзади ограждение, он вошел в переднюю маленькую комнату клетки. Нажав кнопку, привел в движение пол, на котором стоял, и пол продвинулся вперед, в клетку, перемещая перед собой низкий барьер, что придавало директору вид заключенного, занимающего в зале суда скамью подсудимых. Механизм остановился. Теперь Пацтор оказался тет-а-тет с ВЗП, хотя кнопка, на которой лежала его правая рука, гарантировала ему безопасность.

ВЗП издали тонкий свист и прижались друг к другу. От них исходил запах, хотя и не такой противный, как можно было ожидать, но все же очень мешавший. Михали наморщил нос.

— С нашей точки зрения, — сказал он, — цивилизация измеряется расстоянием, на которое человек отдаляет свои испражнения.

Один из ВЗП вытянул конечности и почесался.

— У нас на Земле нет цивилизации, которая не опиралась бы на письменность. Даже аборигены изображают свои надежды на скалах. А у вас есть страхи и надежды?

Конечность убралась на место, оставив лишь ладонь, походившую на татуировку на теле.

— Невозможно представить какое-либо существо крупнее блохи без своих страхов и надежд или некоего их эквивалента, основанного на болевых ощущениях. Они проводят нас через жизнь, дают нам знания о внешнем мире. Если я понял отчет о вскрытии одного из ваших друзей правильно, вы не испытываете боли. Должно быть, это совершенно видоизменяет ваше представление о мире.

Тут появилось одно из ящероподобных существ. Оно торопливо пробежало по спине своего хозяина и прижало блестящий нос к складке его кожи. Потом замерло и стало почти незаметным.

— Хотя что такое внешний мир? Так как мы познаем его только через наши чувства, мы никогда не сможем узнать его таким, каким он есть на самом деле, не разбавленный; а то, что мы знаем, — это внешний мир плюс чувства. Что такое улица? Для маленького мальчика — это мир, полный тайн. Для военного стратега — это серия защищенных и незащищенных позиций. Для влюбленного — храм, где живет его возлюбленная, а для проститутки — рабочее место. Для городского историка улица — серия водяных знаков во времени, для архитектора — договор, подписанный между искусством и необходимостью, для художника — приключения в перспективе и в цвете, для путешественника — место, где можно найти стакан вина и теплую постель, а старик-горожанин воспринимает ее как памятник своим прежним глупостям, надеждам и подвигам. Для автомобилиста...

Смогут ли наши с вами внутренние миры найти общий язык, мои загадочные сфинксы, или же им суждено разойтись, как в море кораблям? Не сможем ли мы найти ключи друг к другу еще до того, как научимся выражать свои насущные желания? Или же вы придерживаетесь, как и главный исследователь, обратной точки зрения: прежде чем начать говорить, мы должны увидеть хотя бы вашу внешнюю окружающую среду?

Кажется, я немного сошел с ума, ибо не может быть, чтобы вы, двое заброшенных созданий, не являлись только началом дальнейших вопросов. Возможно, нам никогда не удастся установить контакт с вами двумя. Но вы сами — свидетельство тому, что где-то, скорее всего не так уж далеко от Клементины, существует планета, заселенная подобными вам. И если бы мы добрались до нее и увидели вас в естественной обстановке, мы смогли бы гораздо лучше понять вас, угадать, о чем с вами нужно беседовать. Здесь нам требуются не только лингвисты, но и пара космических кораблей, которые исследовали бы миры поблизости от Клементины. Нужно поговорить об этом с Латтимором.

ВЗП никак не прореагировали.

— Я предупреждаю, что человек — существо упрямое. Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Если вам есть что сказать, что передать, то лучше говорите сейчас.

Они закрыли глаза.

— Вы потеряли сознание или предались молитве? Последнее было бы более благоразумным, поскольку вы попали в руки к человеку.

Философия была не единственным занятием для вернувшихся с «Мариестоупса» в ту первую ночь: кое-кто занялся разрушением домов.

Как потом объясняла на суде его защита, Родни Уолсамстоун ничего не мог поделать. Это был не столь уж редкий случай в последнее время, когда из самых глубин космоса каждый месяц возвращались корабли.

В эти ужасные — адвокат не преувеличивал — путешествия отправлялись обыкновенные смертные, на которых, как на Родни Уолсамстоуна, космос действовал подавляюще. Десять лет назад это явление получило название синдрома Бестара (в честь прославленного психодинамика).

В открытом космосе человеку резко недоставало окружавших его мозг сигналов и предметов. Можно было не согласиться с французским философом Дойчем, для ко-

торого космос и мозг представляли собой противоположные полюса нераздельного целого, что оказывало величайшее давление на любого человека во время космического полета и оставляло чувство голода в отношении всего привычного окружения. Это чувство при возвращении на Землю не могло удовлетвориться разрешенными законом способами. Если бы это действительно было так, усовершенствованию следовало бы подвергнуть не ум человека, а закон: к человеку, побывавшему в первозданных глубинах, закон должен был бы применяться менее приземленный (смех в зале).

Какой символ имеет большую власть над человеческим разумом, кроме как дом, кров гостеприимного мира, самой цивилизации? Поэтому в данном случае разрушительства, хотя в нем, к сожалению, пострадал хозяин дома, следует видеть поиски символа этим не лишенным геройства обвиняемым. Конечно, он признает, что тогда был в состоянии алкогольного опьянения, но синдром Бестара позволяет...

Судья, уважавший точку зрения защиты, тем не менее сказал, что ему надоели матросы, возвращавшиеся на Землю и особенно в Англию как на кусок самого дикого космоса. Тридцать дней, проведенные обвиняемым вдали от баров и развлечений, могли бы дать почувствовать, что между Землей и космосом есть значительная разница.

Суд сделал перерыв на ленч, и плачущую мисс Флоренс Уолсамстоун отвели в ближайший кабинет.

— Хэнк, солнышко, но ты ведь не собираешься серьезно вступать в Космический корпус? Правда? Ты же не улетишь опять в космос?

— Зайчик, я же сказал, что только на целевые полеты, как в Исследовательском корпусе.

— Мне никогда не понять вас, мужчин, живи я хоть тысячу лет. Что там такого, скажи, что так притягивает тебя? Какая от этого польза?

— О черт, это способ зарабатывать деньги. Получше, чем сидеть в конторе, не правда ли? Я парень хоть куда,

дружок, — по-моему, ты этого еще не оценила, — сдал все экзамены, но здесь, в Америке, ужасная конкуренция.

— Но какая тебе от этого польза — вот что я хочу знать.

— Я уже говорил тебе: я могу дойти до капитана; а теперь, может, пока оставим этот разговор, а?

— Я и не хотела начинать его.

— Ты не хотела? А кто же, по-твоему, его начал? Иногда мне кажется, что мы с тобой говорим на разных языках.

— Дорогая, дорогая! Любовь моя, не пора ли нам вставать?

— М-м-м?

— Уже десять часов, любовь моя.

— М-м-м. Еще рано.

— Я хочу есть.

— Ты мне снишься, Гусси.

— Мы собирались сесть на одиннадцатичасовой паром до Гонконга, ты помнишь? Ты хотела сегодня порисовать, забыла?

— М-м-м. Поцелуй меня еще раз, дорогой.

— М-м-м. Любовь моя.

Глава 6

Главный хранитель был уже седым человеком с редкими волосами, которые он часто причесывал, дабы они виднелись с обеих сторон из-под его заостренной шапочки. С незапамятных времен он работал под началом Пацтора, а еще раньше с ним случилось несчастье, когда он однажды утром спускался по отвесной ледяной скале Росс Айс Шепф. По невероятному совпадению его звали Росс, Йак Эдвард Росс. Он щеголевато поприветствовал вошедшего Брюса Эйнсона.

— Доброе утро, Росс. Ну как тут дела сегодня? Я опоздал.

— Сегодня утром какая-то большая конференция, сэр. Она только началась. Конечно, там сэр Михали и

три лингвиста: д-р Бодли Темпл и двое его коллег и статистик — я забыл его имя — такой маленький человечек с бородавчатой шеей, вы его узнаете, и еще одна дама — кажется, тоже ученая, — да этот оксфордский философ опять, Роджер Виттгенбагер, наш американский друг Латтимор, писатель Джеральд Боун, кто же еще?

— Боже мой, это же около дюжины! Какого черта здесь делает этот Джеральд Боун?

— Как я понял, сэр, он друг сэра Михали. Мне кажется, он ничего себе. Вообще-то мой читательский вкус предпочитает более серьезную литературу. Я редко читаю романы, но иногда, когда неважно себя чувствую, особенно, если вы помните, когда у меня был бронхит прошлой зимой, я углубился в парочку его лучших романов и, должен сказать, был приятно поражен «Многими избранными». У главного героя случается нервное расстройство...

— Ах да, я вспомнил сюжет, Росс, спасибо. Ну а как там наши двое ВЗП?

— Если честно, сэр, я полагаю, они помирают от скуки, — кто обвинит их в этом?

Когда Эйнсон вошел в кабинет за клеткой с ВЗП, конференция уже заседала. Подсчитав головы, кивнувшие ему в знак приветствия, Эйнсон определил, что всего присутствовало четырнадцать мужчин и одна женщина. Хотя все они были совершенно не похожи друг на друга, их что-то объединяло, быть может, обладание властью.

Это ощущение больше всех производила миссис Вархун, которую он увидел, потому что она как раз излагала стоя свое мнение, когда вошел Эйнсон.

Миссис Вархун и имел в виду главный хранитель. Хотя ей было едва за сорок, она пользовалась известностью как ведущий научный сотрудник в космоклетике, новой специальности философско-научного направления, которая занимается тем, что отделяет зерна от плевел в захламленной куче фактов теории, которая представляла собой основную добычу космических исследователей и исследовательских полетов. Эйнсон взглянул на нее с одобрением. Подумать только, а ведь она смогла

выйти замуж за какого-то старого высохшего тупицу-чиновника, нет, это просто невероятно! Она обладала привлекательной фигурой, а в тот день надела модный костюм в стиле люстры с бирюшами на груди, талии и бедрах; выражение ее лица было необычно серьезным, хотя и недостаточно умным, в то время как Эйнсон знал, что она способна переспорить даже старину Виттгенбагера, оксфордского философа и ученого мужа видеотехники.

Сравнивая Энид с миссис Вархун, Эйнсон неизменно отдавал предпочтение второй. Он не должен был копаться в своей душе, выискивая истинное свое отношение к жене, к этому бедному созданию, или к кому бы то ни было еще, но Энид действительно была весьма жалким представителем своего вида. Ей нужно было выйти замуж за какого-нибудь лавочника в суетливом провинциальном городке, в округе Бэнбери, восточном Дерехаме. Да, следовало бы...

— ...Вы видите, что мы уже сдвинулись с мертвой точки и можем говорить о кое-каком прогрессе за эту неделю, хотя, конечно, у нас появляются трудности и препятствия, неизбежные в этой ситуации, но очень сдерживающие работу, — как мне кажется, директор первым сказал о них. Начнем с того, что у нас нет сведений о происхождении этой формы жизни и мы не можем отнести ее к тому или иному стереотипу.

Голос миссис Вархун отбивал приятное стаккато. Оно остановило ход мыслей Эйнсона. Заставило сосредоточиться на том, что она говорила. Если бы Энид хоть немножко пошевелилась, когда готовила завтрак, он успел бы к началу речи.

— Коллеги, мы с мистером Борроузом исследовали космический корабль, найденный на Клементине. Мы еще не совсем готовы, чтобы предоставить полный технический отчет по этому поводу, — но так или иначе, вы получите несколько рапортов из других источников. Мы уверены, что этот корабль был сделан для захваченных нами существ, быть может даже ими самими. Вы помните, что восемь представителей этого вида было найдено неподалеку от корабля. Еще одно, уже мертвое, тело было отыс-

кано в самом корабле. Внутри также видны девять коек, или ниш, которые, судя по их форме и размерам, могли служить койками. Из-за того, что эти койки расположены в одном направлении, причем, как мы склонны думать, скорее в вертикальном, чем в горизонтальном, и разделены, как мы теперь знаем, линиями для горючего, мы не смогли в них сразу разгадать койки. Здесь, кстати, можно упомянуть еще одну неприятность, с которой мы постоянно сталкиваемся. Мы не можем точно сказать, что является доказательством, а что нет. Ну, скажем, мы можем задать себе вопрос, имея в виду то, что мы настаиваем на утверждении, что существующие виды совершают космические полеты, но можно ли расценивать космические полеты как доказательство высшей степени развития культуры, разума?

— Это самый принципиальный вопрос, который я услышал за последнее время, — вставил наконец Витгенбагер, кивнув шесть раз головой с пугающей уверенностью куклы с часовым механизмом. — Если его задать толпе, не ждите от нее иного ответа, точнее сказать, ее ответы можно будет свести в один — положительный. Мы, сидящие здесь, можем считать себя более просвещенными и выбрали бы для примера высшего разума работы философов-аналитиков, в которых логика изливается сплошным потоком, не смущаемая проявлением эмоции. Но толпа — и кто из нас в конечном счете будет спорить с ней, — несомненно, да простят меня за эти слова, выдвинет тот тезис, который занимал бы руки наравне с умом. Не сомневаюсь, что среди такого рода произведений космический корабль покажется им достаточно подходящим.

— Я бы их поддержал, — отозвался Латтимор.

Он сидел за Пацтором и внимал речам коллег, посасывая дужку своих очков.

— Я, должно быть, и сам присоединился бы к ним, — прокудахтал Виттгенбагер, по-прежнему кивая головой.

— Но возникает следующий вопрос. Допустим, мы признаем эту форму жизни, такую неэстетичную и неказистую во всех своих привычках, обладающую высшим разумом, допустим, мы откроем их планету и тут придем

к выводу, что их... э-э-э, их способность к собственно космическим путешествиям контролируется деятельностью разума в такой же степени, как и у наших северных морских котиков в океане. Надеюсь, вы меня поправите, если я ошибусь, сэр Михали, но мне кажется, что котик arctocephalus ursinus зимой мигрирует на много тысяч миль из Берингова моря к побережью Мексики, где я их видел собственными глазами, плавая в Калифорнийском заливе.

Так вот, если мы действительно придем к такому выводу, то должны будем не только признать ошибочными наши предположения относительно их разума, но и призадуматься над тем, можно ли считать наши космические полеты исключением из инстинктивного поведения, и — точно так же как, вероятно, котик думает, что его путешествие зависит лишь от его собственного желания, — не может ли оказаться, что и нами движет что-то неуловимое свыше?

Три репортера в последних рядах что-то строчили в своих блокнотах, подтверждая, что завтрашний номер «Таймс», содержащий длинноты конференции, поместит это в центре всеобщего внимания под заголовком: «Космические полеты: пример человеческой миграции?»

Поднялся Джеральд Боун. Лицо писателя светилось от только что прозвучавшей мысли, как у ребенка при виде новой игрушки.

— Я вас правильно понял, профессор Виттгенбагер, в том, что наш столь высоко превозносимый разум, единственное, чем мы отличаемся от животных, на самом деле, возможно, не более чем слепое побуждение, ведущее нас путем, предопределенным свыше, а вовсе не выбранным нами?

— Почему нет? Со всеми нашими претензиями на искусство и гуманитарные науки наша раса, по крайней мере со времен Ренессанса, направляет все свои усилия на увеличение численности и расширение своего ареала обитания.

Закусив удила, старый философ не собирался останавливаться.

— На самом деле мы можем уподобить наших лидеров пчелиной матке, которая готовит свой улей для роения и

не знает, для чего она это делает. Мы карабкаемся в космос, не зная, зачем мы это делаем. Что-то побуждает...

Но ему не было суждено продолжить. Латтимор первым выпустил откровенное:

— Чушь, — и доктор Бодли Темпл со своими ассистентами подняли шум неодобрения. И тут вся комната культурно освистала профессора.

— Абсурдная теория...

— Экономические способности, свойственные...

— Даже техническая аудитория едва ли...

— Я считаю, что колонизация других планет...

— Никто не может отбросить научные дисциплины...

— Прошу всех соблюдать порядок, — прервал всех директор.

В последовавшем временном затишье раздался очередной вопрос Джеральда Боуна:

— Где, в таком случае, нам искать истинный разум?

— Возможно, когда мы обратимся к нашим богам, — ответил Виттгенбагер, не до конца смущенный создавшейся вокруг него атмосферой.

— Сейчас мы выслушаем лингвистов, — отрезал Пацтор, и с места поднялся доктор Бодли Темпл, поставив правую ногу на стоявший впереди стул и облокотившись на нее правой рукой. Наклонившись вперед, он всем своим видом выражал полную готовность и рвение и не переменил положения до конца речи.

Это был маленький старичок, весьма задиристого вида, с пучками серых волос, торчавших прямо из середины лба. У него была репутация серьезного, одаренного богатым воображением ученого. Он разделял ее с несколькими самыми аккуратными жилетами во всем Лондонском университете. Тот, что был на нем в тот момент и противостоял внушительному напору живота, был сшит из старинной парчи с изображением бабочки ивовой переливницы на пуговицах.

— Вы знаете, какая задача стоит перед моей группой, — начал он голосом, который век тому назад Арнольд Беннетт отнес бы к берущим начало из пяти городов. — Мы пытаемся изучать язык пришельцев, не зная, есть ли таковой у них. Но это единственный способ про-

верить. Можно говорить о некотором прогрессе, который мой коллега Уилфред Брегнер продемонстрирует нам через пару минут.

А я пока сделаю кое-какие общие замечания. Наши пришельцы, эти двое ребят с Клементины, не понимают, что такое письмо. У них нет письменности. Это ни в коей мере не относится к их языку вообще — многие языки африканских негров были впервые записаны лишь белыми миссионерами. Примерами могут служить языки эфик и йоруба из группы суданской, к слову практически не упоминаемые сегодня. Я говорю все это вам, друзья, потому что до тех пор, пока не появится идея получше, я буду относиться к пришельцам как к паре африканцев. Это может дать свой результат и уж куда как лучше, чем относиться к ним как к животным. Вы, может быть, помните, что первые исследователи Африки считали негров гориллами... Если мы все же обнаружим, что они действительно имеют язык, предлагаемый мною подход мог бы избавить нас от ошибок, допущенных романцами.

Я уверен, что у наших толстяков есть язык, — и вы, господа из прессы, можете процитировать меня в данном случае, если пожелаете. Вы бы только послушали, как они пыхтят вместе. И это не просто пыхтение. Мы это поняли из наших записей и распознали 500 различных звуков, хотя, возможно, многие из них одинаковые, но воспроизведены в разных тонах. Вероятно, вам известно, что существуют земные языковые системы. Такие, как, э-э, сиамская и кантонезийская, которые используют шесть акустических тонов. А от этих ребят можно ожидать и еще больше, судя по тому, как легко они варьируют звуковым спектром.

Человеческое ухо не воспринимает вибрации с частотой больше чем примерно 24000. Эти же парни способны, по нашим исследованиям, производить колебания частотой в два раза больше — как наша земная летучая мышь или рангстедианская кошка. Итак, еще одна проблема: если мы хотим войти с ними в контакт, мы должны сделать так, чтобы они не выходили за пределы воспринимаемой нами длины волн. Исходя из этого они, вероятно, должны

изображать своего рода пиджин — язык, который был бы нам понятен.

— Я протестую, — выпалил статистик, которому до сих пор приходилось довольствоваться тем, что сидеть молча и чесать свой язык о зубы. — Вы теперь кричите и приводите нас к выводу, что мы стоим по развитию ниже их?

— Ничего подобного я не говорил. Я только утверждал, что их диапазон звуков гораздо выше и шире, чем наш. А теперь мистер Бребнер продемонстрирует вам несколько фонем, которые мы предварительно выделили.

Мистер Бребнер поднялся и встал, покачиваясь с боку на бок от приземистого Бодли Темпла. Ему было около двадцати пяти — стройная фигура, светло-русые волосы; костюм с откинутым капюшоном. Его лицо залилось тонким румянцем от смущения перед публикой, но говорил он хорошо.

— Вскрытие умершего чужеземца многое нам раскрыло об их анатомии. Если бы вы прочли довольно длинный отчет, то узнали бы из него, что наши друзья обладают тремя отверстиями, через которые они и производят столь характерный шум. Все эти шумы являются составляющими их языка, как мы предполагаем, если у них вообще есть язык.

Во-первых, на одной из голов есть своего рода ротовое отверстие, которое связано с органами обоняния; и хотя оно выполняет дыхательные функции, главная его роль заключается в поглощении пищи и воспроизведении того, что мы называем звуками.

Во-вторых, у наших друзей есть шесть дыхательных отверстий. По три с каждой стороны, расположенные на теле повыше шести конечностей. В настоящее время мы их характеризуем как ноздри. Они представляют собой щели губоцветочной формы и, несмотря на то что они никак не соединены с голосовыми трубками, как ротовые отверстия, эти ноздри производят широкий спектр звуков.

В-третьих, наши подопечные издают определенные наборы звуков через прямую кишку, расположенную на второй голове.

Их вид речи состоит из звуков, выдаваемых всеми этими отверстиями по очереди, или любыми двумя вместе, или тремя, а то и всеми восемью одновременно. Потом вы увидите, что те несколько звуков, которые я вам продемонстрирую, относятся к самым легким. Магнитофонные записи всего диапазона звуков, конечно, доступны для вас, но они еще не вполне доработаны.

Первое слово — это инннорррр-инк.

Чтобы произнести это слово, Уилфорд Бребнер вывел в передней части своего горла какой-то легкий храп, расширив его тонким писком, представленным здесь как «инк» (все формы чужеземного языка, напечатанные в этой книге, следует воспринимать как нечто очень приблизительное).

Бребнер продолжил свое изложение:

— Инннорррр-инк — слово, зарегистрированное нами несколько раз в различных контекстах.

Доктор Бодли Темпл выделил его впервые в прошлую субботу, когда пришел к нашим друзьям со свежей капустой. Второй раз мы отметили его в субботу, когда я достал пачку жевательной резинки и дал по пластику доктору Темплу и Майку. Мы не слышали его до вторника после полудня, когда оказалось, что у них нет еды. Главный хранитель, Росс, вошел в клетку, где находились в это время и мы, когда оба существа хором произнесли этот звук.

Поэтому нам кажется, что это слово должно быть выражением негативных эмоций, так как произносилось, когда они отказывались от капусты, когда им не была предложена жевательная резинка, которую они могли принять за еду, и когда они увидели Росса, который мешает им, убирая клетку.

Тем не менее вчера Росс принес им ведро речной грязи, которую они любят, и мы опять услышали «инннорррр-инк», несколько раз в течение пяти минут. Исходя из этого мы считаем, что это слово относится к какой-то разновидности человеческой деятельности: возможно, ношение чего-либо, в дальнейшей работе мы уточним его значение. Из этого примера вы могли заметить, через какой процесс отбора проходит у нас каждый звук.

Ведерко с речной грязью выделило для нас еще одно слово. Оно звучит как «уип-буит-бион» (короткий свист в сопровождении двух надутых губных звуков). Мы его услышали также, когда им были предложены грейпфруты, овсянка с кусочками банана — блюда, по отношению к которым они проявляли некоторый интерес и энтузиазм, и еще когда мы с Майком уходили вечером.

Мы считаем, это своего рода знак одобрения.

Еще нам кажется, что мы знаем и знак неодобрения, хотя слышали его дважды. Один раз он был сопровожден жестом неодобрения, когда один из смотрителей задел нашего друга струей воды из шланга. В другой раз — мы предложили им рыбу, приготовленную немного сырой. Как вы можете понять, они скорее всего вегетарианцы. Звук был...

Бребнер извинился, посмотрел на миссис Вархун, выдыхая серию обескураживающих звуков, похожих на треск выходящих газов, завершая вдохом при широко раскрытых губах:

— Бббр-бббр-бббр-бббр-аааах.

— Действительно, звучит недоброжелательно, — произнес Темпл.

Еще не прошла волна изумления, как раздался вопрос одного из репортеров:

— Доктор Темпл, это все, что вы можете нам показать из вашего прогресса?

— Вам была представлена приблизительная картина того, чем мы занимаемся.

— Но у вас нет ни одного отдельного слова. Почему вы не сделали так, как сделал бы любой, даже непрофессионал в этом деле? Пусть они посчитают, назовут свои части тела и ваши. Тогда вы по крайней мере будете знать, с чего начать, вместо этих ваших абстрагированных «ношений чего-либо».

Темпл посмотрел на бабочек на своем жилете, пожевал губами и потом сказал:

— Молодой человек, непрофессионал, конечно, и может думать так. Но я отвечу непрофессионалу и вам тоже, что составление своего рода словаря возможно, если ваш противник-чужеземец готов начать с вами разговор. Эти

два парня ни в коей мере не заинтересованы в общении с нами.

— Почему бы вам тогда не занять этим компьютер?

— ...Ваши вопросы становятся все глупее. Видите ли, для такой работы необходим разум. Какого черта здесь вообще нужен компьютер? Он не умеет думать, не умеет различать фонемы, которые почти не имеют разницы для нас. Все, что нам нужно, — это время.

Вы себе не можете представить, не может и ваш гипотетический непрофессионал, какие трудности стоят перед ними и нами, когда нам приходится думать категориями, которыми никто еще из людей не думал до нас. Задайте себе вопрос: что есть язык? И ответом будет: язык — человеческая речь. Поэтому мы не просто исследуем, но мы изображаем что-то новое — нечеловеческую речь.

Репортер угрюмо кивнул. Доктор Темпл был раздражен и, пыхтя, сел; встал Латтимор. Он сдвинул на кончик носа очки и заложил руки за спину.

— Как вам известно, доктор, я новичок в этом кругу, поэтому надеюсь, что вы поймете, что я задаю свой вопрос от чистого сердца. Моя позиция такова. Я скептик. Я знаю, что мы исследовали всего триста планет во Вселенной и осталось еще неисследованными миллионов эдак несколько, но я все же считаю, что триста — это уже что-то. Ни одна из них не произвела на свет форму жизни, обладающую хотя бы половиной того разума, который имеется у моей кошки.

Это подсказывает мне предположение, что человек уникален во Вселенной.

— Должно быть, это останется лишь предположением.

— Я тоже так думаю. Сейчас я не намерен восстанавливать ряды доказательств отсутствия иной разумной жизни во Вселенной — человек всегда был одинок и никогда не страдал от этого; с другой стороны, если вдруг где-то все же объявится какой-нибудь разум, я его поприветствую с удовольствием не меньшим, чем приветствую другого человека, с условием, если тот будет хорошо себя вести.

Но что за бредовая идея пришла кому-то в голову — притащить с собой пару переросших боровов, валяющихся

в собственных испражнениях, чего не позволила бы себе последняя свинья на Земле, будь у нее такая возможность, и настаивать на доказательствах их разумности...

Чушь какая-то. Вы сáми только что сказали, что эти боровы не выказывают ни малейшего интереса к общению с нами. Замечательно, в таком случае, не явный ли это признак отсутствия у них даже намека на разум? Кто в этой комнате может сказать честно, что хотел бы иметь этих свиней в своем собственном доме?

В зале опять поднялось волнение. Все вертелись и спорили, скорее не с Латтимором, а друг с другом. В конце концов голос миссис Вархун раздался над всей этой суматохой:

— Лишь сочувствие, мистер Латтимор, могу испытывать к вашей позиции, и я очень рада, что вы согласились присутствовать на нашем собрании. Но отвечу на ваши вопросы очень кратко: как жизнь принимает множество различных форм, так и мы должны признавать, что и разум может принимать не одну форму. Мы не можем постичь другую форму разума. Мы только знаем, что она расширит границы нашей мысли и понимания так, как не смогло бы ничто другое. Поэтому, если мы думаем, что нашли такой разум, мы должны проверить это, если даже на попытку уйдут годы.

— Именно это я и хотел сказать, мадам, — не сдавался Латтимор. — Если бы разум был, нам не потребовались бы годы для того, чтобы обнаружить его. Мы узнали бы его сразу, будь он даже в форме реки.

— А как же вы тогда объясняете космический корабль на Клементине? — спросил Джеральд Боун.

— Я не обязан это объяснять. Эти большие свиньи сами должны быть способны объяснить это. Если они его построили, почему они не нарисовали его, когда мы им дали карандаши, бумагу?

Теперь вопрос задал Бребнер:

— А их язык, как вы объясните его?

— Мне понравились ваши животные имитации, мистер Бребнер, — добродушно заметил Латтимор. — Но если честно, со своей кошкой куда как легче разговаривать, чем с вашими боровами.

Эйнсон заговорил первый раз. Он говорил резко, раздраженный тем, что какой-то выскочка смеет умалять его открытие.

— Все это хорошо, мистер Латтимор, но вы многое легко обходите. Мы знаем, что ВЗП обладают определенными привычками, которые весьма неприятны по нашим понятиям. Но друг с другом они ведут себя не как животные, они друзья, товарищи. Они общаются. И что вы можете возразить на присутствие космического корабля?

— Возможно, это и есть корабль. Мы не знаем. Может быть, они — просто живой скот, который взяли с собой настоящие космические путешественники, чтобы потом съесть. Я не знаю, но вы тоже не знаете, вы избегаете очевидных объяснений. Откровенно говоря, если бы я был ответственным за эту операцию, я бы выразил вотум недоверия капитану «Мариестоупса», а особенно главному исследователю за то, что они вытащили на всеобщее обозрение такие сырые факты исследования.

В комнате начал просыпаться вулкан. Лишь лица репортеров немного повеселели. Сэр Михали наклонился вперед и объяснил Латтимору, кто был Эйнсон.

Лицо Латтимора вытянулось:

— Мистер исследователь Эйнсон, боюсь, что я должен принести вам свои извинения за то, что не узнал вас. Если бы вы пришли до начала собрания, мы могли бы быть представлены.

— К несчастью, этим утром моя жена...

— Но я продолжаю настаивать на том, что уже сказал. Отчет о случившемся на Клементине поражает своим дилетантством. Условленная вами неделя для разведки на планете истекла к тому времени, как вы обнаружили этих животных около космического корабля. И вместо того, чтобы отступить от расписания, вы просто перебиваете почти всех их; делаете несколько снимков места и убираетесь восвояси. Но этот корабль, может быть, всего лишь своего рода грузовик для скота, а скот выпустили поваляться; тем временем в каких-нибудь двух милях в долине мог быть настоящий корабль, с настоящими двуногими,

как мы, людьми, — как говорит миссис Вархун, — за общение с которыми мы бы отдали все на свете.

Я очень сожалею, мистер Эйнсон, но ваши доводы здесь больше и больше вязнут, просто из-за вашей плохой работы на месте.

Эйнсон густо покраснел. Что-то ужасное случилось в комнате. Все были против него. Все — он знал это, не глядя на них, — сидели молча в одобрении сказанного Латтимором.

— Вам легко тут сейчас так говорить, — сказал он. — Похоже, вы не осознаете беспрецедентность происходившего. Я...

— Я очень хорошо осознаю всю беспрецедентность этого события. Я говорю о том, насколько все это было беспрецедентно, и поэтому вы обязаны были быть более внимательным. Поверьте мне, мистер Эйнсон. Я читал фотостаты отчета экспедиции и внимательно рассматривал сделанные фотографии, и у меня появилось ощущение, что все это выглядело скорее как большая увеселительная охота, чем экспедиция, оплачиваемая государством.

— Я не был ответствен за убийство ВЗП. С ними столкнулся патруль, поздно возвращавшийся на корабль. Они хотели познакомиться с пришельцами поближе, но те напали на них, и матросы были вынуждены стрелять в целях самозащиты. Вам следует перечитать отчет.

— Эти боровы не кажутся такими уж порывистыми. Мне не верится, что они напали на патруль. Я думаю, что они пытались убежать.

Эйнсон огляделся в поисках поддержки:

— Я обращаюсь к вам, миссис Вархун. Разумно ли пытаться предположить, как эти существа вели бы себя в естественной для них обстановке, глядя на их безразличное поведение в заключении?

Миссис Вархун почувствовала немедленную симпатию к Брайану Латтимору, она любила сильных мужчин.

— А какие у нас есть еще факты для их обвинения? — спросила она.

— У вас есть отчеты, вот что. Полный набор для вашего изучения.

Латтимор возобновил атаку:

— В этих отчетах, мистер Эйнсон, пересказ того, что вам сообщил начальник патруля. Он надежный человек?

— Надежный? Да, он достаточно надежный. Знаете ли, мистер Латтимор, в этой стране идет война, и мы не всегда можем выбрать тех людей, которых хотели бы.

— Понимаю. А как звали этого?

— А действительно, как звали его? Молодой, мускулистый, довольно замкнутый. Неплохой парень. Хорттон? Халтер? В более спокойной ситуации он бы сразу вспомнил. Наблюдая за своим голосом, Эйнсон сказал: — Вы найдете его имя в письменном отчете.

— Хорошо, хорошо, мистер Эйнсон. Очевидно, у вас есть свои ответы. Я говорю о том, что вам следовало бы возвратиться с бóльшим количеством ответов. Видите ли, вы здесь своего рода ключевой человек, не так ли? Вы — главный исследователь. Вы были специально подготовлены для такого рода ситуации. Я бы сказал, вы наделали нам много сложностей, представив недостаточные или даже противоречивые данные.

Латтимор сел, оставив Эйнсона стоять.

— Сама природа данных противоречива, — начал Эйнсон. — Ваша задача разобраться с ними, а не отвергать их. И нам не надо какого-то упрека. Если у вас есть какие-либо жалобы, то они должны быть обращены к капитану Баргероуну. За все дело был ответствен капитан Баргероун, а не я. А да, того парня, который был начальником патруля, звали Квилтером. Я только что вспомнил.

Джеральд Боун заговорил сидя.

— Вероятно, — сказал он, — в этой выдающейся компании мне следует сказать, что я — всего лишь писатель. Но одна вещь, касающаяся вас, меня серьезно обеспокоила.

Мистер Латтимор говорит, что вам следовало бы возвратиться с Клементины с бóльшим количеством ответов. Может быть, это и так. Но мне кажется, что вы вернулись с несколькими предположениями, которые были всеми приняты, так как исходили от вас, хотя и не были подтверждены как факты.

Эйнсон сжал кулаки и стоял с сухими от волнения губами, ожидая, что случится. Он снова был уверен, что все до одного хищнически впивались в его слова.

— Мы знаем, что ВЗП были найдены у реки на Клементине. Все также, кажется, согласны, что они не аборигены этой планеты. Насколько я понимаю, это предположение исходило от вас. Так ли это?

Этот вопрос помог Эйнсону. Он мог на него ответить.

— Предположение действительно мое, мистер Боун, хотя я назвал бы это скорее заключением, чем предположением. Я могу это запросто объяснить даже непрофессионалу. Эти ВЗП принадлежат кораблю, будьте в этом уверены. Их экскрементами корабль был переполнен, просто забит. По нашим подсчетам, это где-то тридцатидневное скопление. В качестве дополнительного свидетельства выступает внешняя форма корабля, напоминающая самих этих существ.

— Вы бы сказали, что «Мариестоупс» имеет форму обыкновенного дельфина. Но это ничего не говорит о проекте инженеров, создававших его.

— Будьте так любезны, выслушайте меня до конца. Мы не обнаружили другого вида млекопитающих на В12 — Клементине, как ее теперь называют. Мы не обнаружили животных больше, чем двухдюймовая бесхвостая ящерица, и насекомых, превышающих размерами обыкновенную землеройку. В течение недели, производя стратосферные съемки дня и ночи, мы обследовали планету весьма тщательно, от полюса до полюса.

За исключением рыбы в морях, мы пришли к выводу, что на Клементине нет формы жизни, заслуживающей нашего внимания, кроме этих великанских созданий, весящих двадцать земных камней. И они сидели группой около космического корабля. Ясно, что это абсурд — считать их местными обитателями.

— Вы нашли их у реки. Почему бы не предположить, что они — водные животные, бóльшую часть времени проводящие в море?

Эйнсон открыл и тут же закрыл рот.

— Сэр Михали, эта дискуссия затрагивает вопросы, которые непрофессионал едва ли — я имею в виду, нет никакой надобности удовлетворять...

— Верно, — согласился Пацтор. — Тем не менее я думаю, у Джеральда интересная точка зрения. Вам не

кажется, что следует проработать версию, что эти ребята, может статься, водные обитатели?

— Как я уже сказал, они пришли из корабля. И это конечный вывод, это мое мнение как очевидное, — произнося это, Эйнсон обвел воинственным взглядом аудиторию; когда он встретился глазами с Латтимором, тот заговорил:

— Я бы сказал, у них есть признаки морских животных, исключительно как непрофессионал конечно.

— Возможно, они водные на своей собственной планете, но это не может иметь никакого отношения к тому, что они делали на Клементине, — сказал Эйнсон. — Что бы вы ни говорили, их корабль — это космический корабль, а следовательно, у нас в руках разумные существа.

Михали пришел к нему на помощь и объявил следующий доклад, но было очевидно, что вотум недоверия был выражен главному исследователю Эйнсону.

Глава 7

Солнце, подчиняясь неумолимому закону природы, уплывало за горизонт в свои покои. В это время сэр Михали Пацтор, надев свой обеденный костюм, вышел встречать приглашенного на обед гостя.

Минул уже месяц с того дня, когда произошло это печально памятное собрание в зоопарке, где Брюс Эйнсон получил своего рода интеллектуальную пощечину.

И ситуация с тех пор вряд ли изменилась к лучшему. Доктор Бодли Темпл записал огромное количество фонем, произносимых инопланетянами, но ни одной из них не был найден точный эквивалент в английском языке. Латтимор развил и конкретизировал в различных печатных изданиях свою точку зрения, которую он высказывал на том собрании. Джеральд Боун — предательски, как считал Пацтор, — написал об этом собрании злобную сатирическую заметку для журнала «Панч».

Однако это все мелочи. Главное то, что дело не двигалось с места. Не двигалось главным образом потому, что инопланетяне, запертые в своей гигиенической клетке,

не проявляли к людям никакого интереса и не выражали никакого желания вступить с ними в контакт. Их недружелюбие имело отрицательное воздействие на людей, работающих с ними, время от времени гнетущая тишина в помещении нарушалась взрывами жалобных сентенций, как будто эти люди, подобно коммунисту-миллионеру, ощущали потребность объяснить кое-какие деликатные моменты в своей деятельности.

Безразличие инопланетян к людям вызывало сильное раздражение и у обычных посетителей зоопарка.

Инопланетянин, обладающий интеллектом, — неважно, какую он имел внешнюю форму, — мог бы вызвать обильный интерес у человека разумного — homo sapiens. Общение с ним отвлекало бы человека от мрачных мыслей о мировых катаклизмах, о проигрываемой войне с Бразилией, о резко возросших налогах — следствии войн и возросших межпланетных перевозок. Постепенно толпы людей, стоявшие часами в очереди, чтобы посмотреть на инопланетян, к полудню стали редеть (и действительно, пришельцы почти не двигались и внешне мало отличались от земных бегемотов, да к тому же им нельзя было бросать орехи — а вдруг окажется, что это совершенно разумное существо). И люди опять потянулись к вольеру номер III, где содержались животные — обитатели Солнечной системы, которые ежечасно предавались групповым совокуплениям.

Так получилось, что Пацтор подумал о совокуплении как раз в тот момент, когда он проводил в свою скромную столовую свою гостью, миссис Хилари Вархун; во всяком случае, если не думал, то вспоминал со странной улыбкой, каким фантазиям он предавался за полчаса до прихода миссис Вархун. Но нет, не так сильно на него подействовали чары этой женщины, да и мистер Вархун, по слухам, был слишком влиятельным и мстительным человеком. К тому же сэр Михали не чувствовал в себе достаточного потенциала, чтобы решиться сорвать этот запретный плод, хотя слово «запретный» и является одним из наиболее заманчивых в английском языке.

Она села за стол и перевела дух.

— Как приятно хоть немного расслабиться. У меня сегодня был отвратительный день.

— Много суеты?

— Я проделала большую работу. Но я ничего не довела до конца. Я испытываю гнетущее ощущение провала.

— Ты, Хилари? Ты вовсе не походишь на неудачника.

— Я имела в виду не столько в личном плане, сколько в общечеловеческом. Хочешь, чтобы я поразмышляла вслух на эту тему? Я бы хотела поразмыслить вслух.

Он вскинул руки в шутливом протесте:

— Я всегда считал, что цивилизованное общение подразумевает поощрение собеседника к высказыванию вслух. И я всегда с неизменным интересом слушаю тебя.

На столе стояли три шаровидные духовки для приготовления пищи. Как только она начала говорить, он открыл холодильник, стоявший по правую руку от него, и начал перекладывать его содержимое в эти духовки: на первое будет подан лосось из Женевского озера, затем бифштекс из мяса антилопы канны, доставленного этим утром из Кении, с гарниром из экзотической спаржи, выращиваемой на Венере.

— Когда я говорю о своем ощущении всеобщего провала, — сказала миссис Вархун, усиленно налегая на сухое шерри, — я отлично осознаю, что это звучит довольно претенциозно. «Кто я такой, чтобы противопоставлять себя столь многим?» — как однажды сказал Шоу, правда, в другом контексте. Просто встает все та же старая проблема определений, которая с появлением этих инопланетян предстала в новом драматическом ракурсе. Вероятно, мы не сможем наладить с ними контакт, пока не договоримся между собой, каковы же основные признаки цивилизации. И не надо изображать учтивость на своем лице, Михали, я знаю, что в понятие цивилизации не входят обычаи лениво дремать в куче собственных экскрементов — а впрочем, будь здесь сейчас какой-нибудь гуру, он, возможно, доказал бы обратное.

Возьми любой критерий, которым мы определяем уровень цивилизации, и ты увидишь, что с точки зрения разных культур он обладает существенными недостатками. Например, такая проблема, как преступность. Более

столетия минуло с тех пор, как мы осознали, что преступление — это симптом душевного или телесного заболевания. И как только мы этим стали руководствоваться в своей практической деятельности, уровень преступности впервые упал до очень низкой отметки. А ведь когда-то, несмотря на довольно высокий уровень развития цивилизации, пожизненное заключение было обычным делом, головы летели, как лепестки. Конечно, доброта, или там сочувствие, или милосердие — это еще не признаки цивилизации, хотя война и убийство — это явные признаки ее недостатка.

Что же касается искусства, которое мы так нежно лелеем, то все прекрасное не было чуждо и доисторическому человеку.

— Эти аргументы мне знакомы со студенческой скамьи, — сказал сэр Михали, подавая лосося на стол. — И тем не менее мы готовим пищу и едим согласно строгим правилам, пользуясь специальной кухонной утварью. — Он налил еще вина. — Мы все еще выбираем свои любимые вина и судим и рядим, руководствуясь этим выбором. — Он придвинул ей плетеное блюдо, полное теплых хрустящих булочек. — И мы еще все сидим вместе, мужчина и женщина, и просто беседуем.

— Я не отрицаю, Михали, что у тебя отличный стол и ты не уложил меня пока прямо на пол. Но все эти яства — и это не простые слова — просто анахронизм. Правительство, мягко говоря, не приветствует употребление подобной пищи и всячески пропагандирует новые, безвредные, полученные искусственным путем продукты питания и напитки. Кроме того, все, чем ты меня сейчас потчуешь, это конечный результат целого ряда процессов, имеющих лишь отдаленное отношение к настоящей цивилизации, я имею в виду рыбаков, надрывающих спину в своих лодках, фермеров, поливающих потом свои пастбища, рыболовный крючок во рту рыбы, выстрел в голову животного, организации, которые занимаются разделкой, консервированием, упаковкой, транспортировкой и финансами, — Михали, ты просто смеешься надо мной!

— Хо-хо! Ты говоришь об этой довольно четкой организации без всякого почтения. Я же приветствую орга-

низованность. Да здравствует организованность! И позволь мне напомнить тебе, что новые пищевые синтетические культуры — это великолепный результат той самой организованности. В прошлом столетии, как ты сама говоришь, людям не по душе были тюрьмы, тем не менее они существовали; в этом столетии мы стали организованными, и у нас нет больше тюрем. И в прошлом столетии люди ненавидели войну, однако они развязали три войны мирового масштаба в 1914, 1939 и 1969 годах; в этом столетии мы организовались и теперь ведем наши войны на Хароне, самой отдаленной планете, не нанося вреда Земле. Если это не цивилизация, то во всяком случае неплохой ее суррогат, и я с готовностью это принимаю.

— Что мы все и делаем. Иначе как суррогатом это и не может быть, суррогатом для нужд человека. Заметь, что бы мы ни делали, все это за счет кого-либо или чего-либо.

— Я с благодарностью принимаю их жертвы. Как тебе лучше сделать бифштекс?

— Пожарь его подольше, пожалуйста. Я содрогаюсь от мысли, что это настоящие плоть и кровь какого-то животного. Все, что я пытаюсь сказать, это то, что наша цивилизация, видимо, основана не на подробностях и добродетелях наших, а на наших пороках: на страхе — если не на нашем собственном, то на страхе других людей — или на жадности. Можно, я налью тебе еще вина? И не исключено, что у других разумных существ совершенно иное представление о цивилизации. Быть может, оно основано у них на сочувствии к другим формам жизни, сопереживании с ними, гармоничном сосуществовании. Возможно, эти инопланетяне...

Он нажал кнопку на тумбе плиты. Стеклянно-фарфоровое полушарие соскользнуло в бронзовое полушарие плиты. Он извлек оттуда бифштексы. Опять эти инопланетяне! Сегодня вечером миссис Вархун просто не в форме! Из кухонного комбайна выползли две теплые одноразовые тарелки, и он, сохраняя угрюмое молчание, подал ей следующее блюдо, не слушая, что она там говорит. Просвещенный эгоизм, подумал он, это все, что можно и нужно ожидать от человека; альтруист — это непре-

менно или какой-нибудь ненормальный, или просто негодяй. И, видимо, с такими людьми, как миссис Вархун, поскольку они не могут это принять как должное, тоже не все в порядке, и их, как преступников и всяких одержимых, следует направлять в центры психотерапии. Как только начинаешь сомневаться в самих основах бытия, таких как право человека есть хорошее свежее мясо, если он может себе это позволить, сразу попадешь в затруднение, даже если все это ты воспринимаешь как какое-то нравственное озарение.

— С точки зрения каких-либо других живых существ, — продолжала миссис Вархун, — наша культура может показаться сущим сумасбродством, что, возможно, как раз и мешает нам понять, как же, собственно, общаться с этими инопланетянами. Да, именно наше сумасбродство, а не их какие-то там несовершенства мешают нам наладить контакт.

Это интересная теория, миссис Хилари. Думаю, вскоре у тебя появится широкая возможность применить ее на практике.

— О, неужели? Не хочешь ли ты сказать, что какой-либо корабль где-то во Вселенной обнаружил несметное количество инопланетян?

— Нет, дело обстоит совсем иначе. Вчера утром я получил от Латтимора длинное письмо. Поэтому, отчасти, я и пригласил тебя сегодня вечером к себе. Американцы, как ты знаешь, очень заинтересовались нашими инопланетянами. Весь этот месяц они нескончаемым потоком шли в наш зоопарк. Они убеждены — и я уверен, что это Латтимор убедил их, — что дела у нас продвигаются не столь успешно, как этого можно было ожидать. Латтимор сообщает, что их новый научно-исследовательский межзвездный корабль «Ганзас» получил новое назначение, хотя об этом еще не объявлено официально. Исследование этим кораблем созвездия Рака пока откладывается. Вместо этого он будет направлен на Клементину на поиски родной планеты наших космических пленников.

Миссис Вархун медленно положила нож и вилку и удивленно подняла брови:

— Что?

— Латтимор будет участвовать в полете в качестве консультанта. Встреча с тобой произвела на него большое впечатление, и он серьезно надеется, что ты согласишься лететь с ними в должности главного космографа. Прежде чем говорить непосредственно с тобой, он попросил меня замолвить о нем словечко.

Миссис Вархун опустила плечи и чуть склонила голову.

— Господи, — тихо проговорила она. Щеки ее покраснели; в тусклом свете она выглядела моложе.

— Он говорит, что ты будешь не единственной женщиной в экспедиции. Он также назвал примерную цифру должностного оклада, и она просто сказочная. Тебе стоит согласиться, Хилари. Это отличное предложение.

Она поставила локоть на стол и склонила голову на руку.

Он подумал, что это несколько картинный жест, хотя видел, что она искренне тронута и взволнована. В голове у него опять зашевелились грешные мысли.

— Космос! Ты же знаешь, что я нигде не была дальше Венеры. И ты также отлично знаешь, что это разрушит мою семейную жизнь. Альфред никогда бы мне этого не простил.

— Жаль-жаль. Я всегда был уверен, что твой брак — это лишь формальность.

Ее отсутствующий взгляд остановился на помещенной в рамку инфракрасной фотографии с видом ущелья Покорителей на Плутонии. Она допила свое вино.

Это не имеет значения. Я не могу — а возможно, и не хочу — расторгать его. Отправиться в дальний вояж на «Ганзасе» означало бы полный разрыв с прошлым. ...Слава Богу, что по крайней мере в этой сфере мы более цивилизованны, чем наши предки, и у нас нет сложных бракоразводных законов. Должна ли я лететь на «Ганзасе», Михали? Пожалуй, должна, не так ли? Ты знаешь, что ты один из немногих, к чьим советам я охотно прислушиваюсь.

Изящный изгиб ее руки, тусклый блеск волос в свете свечи все же подвигли его к активным действиям. Он встал, обошел вокруг стола и положил свои руки на ее обнаженные плечи.

— Тебе это необходимо, Хилари. Ты отлично знаешь, что это не только великолепная возможность испытать свои профессиональные качества; в наше время только тогда можно считать, что ты состоялся как личность, если ты прошел испытание дальним космосом.

— Да, Михали, я знаю цену твоим словам. Помнится, ты обещал сводить меня на новый спектакль. Не пора ли нам поторопиться?

Отстраняясь от него, она повернулась на стуле, и он вынужден был отступить. С предельной учтивостью, какую только он мог изобразить, Михали предложил идти пешком, так как театр был совсем рядом, а в это военное время после наступления темноты просто невозможно поймать такси.

— Я пойду и наложу новую косметику и приготовлюсь к выходу на улицу, — сказала она, удаляясь в маленькую туалетную комнату, коими в эти времена могло похвастаться большинство дорогих квартир. Оказавшись в безопасности за запертой дверью, она внимательно осмотрела в зеркале свое лицо. Не без удовольствия она заметила разлившийся по щекам слабый румянец. Уже не в первый раз Михали позволял себе нечто подобное. Но так как всем известно, что у него есть любовница с роскошными восточными глазами, она (Хилари) не собирается ему уступать. Она не хочет лишь на время служить ему заменой, пока та находится в отъезде.

Мужчинам можно позавидовать. Им легче удовлетворять свои прихоти, чем женщинам. Но в данном случае у нее появилась возможность удовлетворить более сильное желание, нежели просто каприз: это желание увидеть далекие планеты. И то, что на борту «Ганзаса» будет такой очаровательный мужчина, как Латтимор, Брайан Латтимор, делало это предложение более заманчивым.

Грациозно поднимая сначала левую руку, затем правую, она убедилась, что еще не успела вспотеть, но она на всякий случай освежилась дезодорантом.

Единственным источником ощутимого запаха на теле человека являются эти маленькие подмышечные железы. Впрочем, и некоторые другие железы также иногда издают запах. У японцев и китайцев нет этих специфических

желез, а если и есть, то это уже воспринимается как патология. Странно, подумала она, надо будет спросить об этом у Михали — он должен знать. Как известно, его любовница не то японка, не то китаянка.

Так, перескакивая с одной мысли на другую, она ощутила перед зеркалом лицо и вскоре заметила, что щеки ее несколько побледнели. Она решила, что это скорее всего не от волнения, а от того, что она съела большое количество мяса. Растянув красные губы в хищной улыбке, как это ей всегда нравилось делать, она внимательно осмотрела свои ровные беленькие зубки.

— Р-р-р, ух ты, маленькое плотоядное животное, — прошептала она.

Затем Хилари слегка коснулась себя горлышком флакона с великолепными духами, содержащими серую амбру, представлявшую собой непереваренные останки осьминогов, извлекаемых из кишечника кашалота. Приподняв волосы, она надела и застегнула свою уличную маску и величаво вышла к Пацтору.

Тот уже надел свою маску. Вместе они вышли на улицу.

С началом войны город постепенно приходил в упадок. Если в крупных городах других стран многие городские проблемы были или уже решены, или для решения их разрабатывались соответствующие законопроекты, то Лондон буквально задыхался под тяжестью этих проблем.

Переполненные мусором и шлаком контейнеры стояли вдоль всего тротуара, а водосточные желоба были забиты нечистотами. Острая нехватка неквалифицированной рабочей силы парализовала город. По этой причине некоторые улицы были закрыты для проезда транспорта, так как их дорожные покрытия пришли в полную негодность, а производить ремонтные работы было некому. Однако большинство населения не выражало по этому поводу никакого сожаления, так как ходить по улицам, свободным от громыхающего, дымящего транспорта, было не столь опасно и противно.

Шагая рядом с миссис Вархун, Михали с сардоническим смешком вознес хвалу цивилизации за такой «подарок», как индивидуальные уличные маски. Лишь они одни

спасали людей от отравления выхлопными газами, выделяемыми несметными полчищами автомобилей.

Огромные щиты закрывали пепелище, где сгорел дотла целый квартал деловых учреждений, пока к месту пожара пробирались через завалы пожарные машины. На щитах были начертаны различные призывы к населению, как-то: проводить свой отпуск дома, так как это, с одной стороны, просто здорово, а с другой стороны, отвечает национальным интересам; что из будущей собственной смерти можно уже сейчас сделать деньги, если завещать свое тело какой-то там химической корпорации; что эпидемия гонореи вышла из-под контроля и кривая роста подтверждала это. Плакат чуть меньших размеров, выпущенный Министерством продуктов питания и сельского хозяйства, гласил, что мясо животных, животные белки и жиры вызывают преждевременное старение, тогда как в искусственных продуктах полностью отсутствуют вредные для человека элементы: и для лучшей наглядности в одном направлении был изображен пожилой мужчина, страдающий от сердечного приступа, а в другом — молодая жизнерадостная девушка, уплетающая какое-то блюдо из искусственного продукта.

К счастью, большая часть этого города была окутана ночным мраком, так как ввиду нехватки электроэнергии не горели огни рекламы и уличные фонари.

— Находясь здесь, я с трудом могу представить себя на другой планете, — сказала Вархун.

— Конечно, отсюда трудно разглядеть Вселенную, — громко ответил Пацтор, стараясь перекричать шум улицы.

— Через два-три столетия человек изменит свой взгляд на жизнь, будет жить по другим законам. Ощущение Вселенной будет присутствовать в его искусстве, архитектуре, обычаях — буквально во всем.

— А пока мы еще находимся в подростковом возрасте, а город представляет собой игровую площадку для наших диких игр.

Она показала рукой на витрину магазина, где стоял огромный мотоцикл, выполненный в форме космического корабля и сверкающий, как Эльдорадо.

— Это место, где над нами постоянно совершают обряды посвящения, где мы подвергаемся испытаниям огнем, толпой и выхлопными газами. Мы еще недостаточно цивилизованы, чтобы иметь дело с твоими инопланетянами.

«Боже мой, — с ужасом подумал Михали, — да ведь она пьяна! Ведь мы пили настолько много настоящего вина, а она скорее всего привыкла к искусственным винам...»

Она продолжала говорить, даже когда он с силой схватил ее за руку, чтобы она не споткнулась о рулон старых газет, валявшихся на тротуаре.

— Мы неправильно начали с ними работать, Михали. Мы пытались заставить их принять наши правила игры, вместо того чтобы попытаться понять их правила. Быть может, «Ганзас» найдет их планету и у нас появится возможность вступить с ними в контакт на языке, понятном им.

Ну а пока мы не имеем ни малейшего понятия об их духовных ценностях, их языке. Может быть, нам следует уважать их потребность в собственных экскрементах? Почему бы не позволить им накапливать свои испражнения, как они этого хотят? И ты знаешь, я предполагала так сделать. Но от них распространяется страшное зловоние, и бедный старина Бодли со своими ребятами вынужден будет работать в таких условиях...

Он вздохнул с облегчением, когда они наконец добрались до театра.

Они смотрели веселый детектив времен холодной войны, немузыкальная версия «Вестсайдской истории». Актеры играли в старинных, смешных костюмах того времени. И было Пацтору и миссис Вархун весело — пьеса им, наверное, нравилась, однако в мыслях она все время возвращалась к тому предложению, которое ей сделали, — лететь на «Ганзасе» в далекое путешествие в космос. Чтобы на время не ввязываться с ней в спор, Пацтор, как только начался антракт, ринулся в переполненный людьми бар. Когда они вышли из театра, она заявила, что ей пора домой, и он, энергично работая локтями, стал проталкиваться сквозь толпу вечерних туалетов и военных мунди-

ров к подъемному механизму, доставившему пассажиров на эстакаду пригородного поезда. Пока они сидели в душном помещении театра, пошел дождь, и воздух стал чуть свежее и чище. С железнодорожной эстакады на них летели маслянистые дождевые капли, и она продолжала ранее начатую тему разговора; миссис Вархун не мешал дождь.

— Ты помнишь высказывание Виттгенбагера, что интеллект — это, возможно, не что иное, как инстинктивное стремление человека в космос.

— Я думал над этим, — ответил он, продолжая прокладывать дорогу локтями.

— Не кажется ли тебе, что я просто подчинюсь инстинкту, если соглашусь лететь на «Ганзасе»?

Он оглянулся на нее. Она стояла перед ним, высокая, стройная, сквозь стекла маски были видны ее большие яркие глаза.

— Что с тобой происходит сегодня, Хилари? Что ты хочешь от меня услышать?

— Ну, например, ты бы мог мне сказать, для чего я отправляюсь в космос. То ли я это делаю для того, чтобы оторваться от земной колыбели, проверить свой характер на прочность, достичь совершенства, или я просто бегу от своего неудачного брака, вместо того чтобы попытаться спасти его?

Какой-то мужчина, стоявший рядом в толпе, уловив ее последние слова, взглянул на нее с интересом.

— Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы ответить на такой вопрос, — сказал он.

— Никто не знает меня, — отрешенно сказала она со странной улыбкой.

Наконец они добрались до дверей подъемника. Она на прощание коснулась его руки и пошла вовнутрь; чтобы толпа не затащила его вслед за ней, ему пришлось приложить значительные усилия.

Двери захлопнулись, и капсула подъемника поползла наверх. Он проследил, как огни его достигли эстакады монорельсовой дороги и остановились там. Капля дождя попала ему прямо в глаз. Он отвернулся и медленно пошел домой по пустеющей улице.

У себя в квартире, расположенной над сооружениями Экзозоопарка, он, предаваясь размышлениям, медленно ходил из угла в угол. Затем он убрал со стола остатки ужина и, бросив одноразовую посуду в утилизатор, меланхолично наблюдал за тем, как она исчезает в языках пламени. Закончив уборку, он вновь принялся ходить по комнате.

Конечно, в том, что наплела тут Хилари, есть рациональное зерно, хотя еще несколько часов назад он воспринимал это лишь как плод воспаленного воображения.

Может быть, очистительная правда для неразумного человечества, которую оно постоянно ищет, это то же самое, что грубая трава для собаки, вызывающая у нее очистительную рвоту? Состоятельны ли афоризмы, которые слишком часто он повторял, что цивилизация определяется расстоянием между человеком и его испражнениями?

А пожалуй, ближе к истине будет утверждение, что цивилизация — первичное определение культуры — предполагает потребность в уединении. Удалившись однажды от суматохи общего костра, человек придумал комнаты, за стенами которых и происходила большая часть его практической деятельности.

Размышление возникло из самой простой абстракции, высокое искусство возникло из народных промыслов, любовь из секса, индивидуализм — из коллективного сознания.

Но нужны ли эти стены, когда ты соприкасаешься с другой культурой? И сейчас, когда они вплотную столкнулись с этими гуманоидами, может быть, одной из непреодолимых трудностей и является то, что они вряд ли осознают, сколь сильное влияние на них оказывают стереотипы их культуры?

Пацтор подумал, что он совсем недурно поставил задачу и, черт побери, он сейчас сам попробует ее решить.

На лифте он спустился на первый этаж. Экзозоопарк был окутан темнотой, лишь одновременно пронзительное и низкое кудахтанье камнегроза в блоке Хай-Г иногда трясло эту темноту.

Человек, сам стремясь к культуре, становится ее пленником, стремится держать вместе с собой в неволе и других животных тварей...

Когда он вошел и включил неяркий свет, оба гуманоида, по-видимому, спали. Прошмыгнула одна из ящериц и спряталась в складке на теле риномэна, но тот даже не пошевелился.

Пацтор открыл боковую дверь и вошел внутрь клетки. Отодвинув ограждение, он подошел к своим пленникам. Те открыли свои глаза, смотря на Пацтора с выражением бесконечной усталости и скуки.

— Не беспокойтесь, ребята. Извините, что потревожил вас, но одна дама, которая больно близко к сердцу принимает ваши проблемы, невольно подсказала мне, каким еще образом можно попытаться решить нашу задачу.

Смотрите, ребята, это моя попытка наладить с вами дружеский контакт. Видит Бог, я искренне этого желаю.

Спустив брюки и присев на корточки, директор Экзозоопарка испражнился прямо на пластиковый пол.

Глава 8

— Как все-таки предусмотрительно вы поступили, когда нарекли эту планету Градгроддом, — сказал третий священник.

— Я уж столько раз называл тебе причины, в силу которых нам не следовало оставаться дольше на Градгродде, — сказал, отозвавшись, преосвященник (беседуя, оба утода бок о бок прижимались друг к другу).

— А я все еще не верю — и буду стоять на своем — что сооружение из металла может выдержать межпланетное путешествие. Я успел достаточно изучить структуру металлов, пока был священником-учеником. К тому же форма любой металлической конструкции не годится для космического корабля. Я знаю, мне не следует выражаться столь категорически в присутствии вашего преосвященства (за что и приношу глубочайшее извинение), но у каждого из нас должна быть своя позиция.

— М-да... Ноют мои косточки — а это значит, что Трипл Солнца не светят больше в этих небесах. Кстати, эти создания и вовсе не позволяют нам взглянуть на небеса.

Говоря так, преосвященник повернул одну из своих голов — так удобнее было наблюдать за одним из тонких созданий, которое отдавало естественный долг природе в двух шагах от утодов.

Это создание было явно не из тех, кто давеча приволок ту длинную штуковину, выплюнувшую струю ледяной воды. Преосвященник также не припомнил, чтобы это существо было среди других своих собратьев, вооруженных сложными машинами (несомненно, жалкая пародия на духовенство); они долго и настойчиво старались побудить его и третьего священника к общению.

Тонкое существо тем временем распрямилось и натянуло одежды на нижнюю часть тела.

— Как интересно! — воскликнул третий священник. — Это подтверждает наши догадки!

— В общем, да. Как мы и думали, у них две головы, как и у нас, только одна приспособлена для испражнений, а другая — для говорения.

— Нет, но что самое смешное — эта их пара тонких ножек торчит прямо из нижней головы! Да, похоже, что вы правы, родитель: вопреки всякой логике, нас действительно забросило далеко от Трипл Солнц, потому что такие нелепые существа просто не могли бы появиться под благодатным излучением. Зачем, по-вашему, он совершает ритуальное испражнение именно здесь?

Преосвященника этот вопрос явно поставил в тупик.

— Он вряд ли считает это местом священного заседания. Возможно, он только продемонстрировал нам, что не только от нас зависит плодородие. Но с другой стороны, это могло быть всего лишь проявлением любопытства. Вот тебе и еще одно доказательство того, что мысли тонконогих настолько чужды нам, что не поддаются переводу. И, кстати, раз уж мы об этом заговорили, мне не хочется тебя расстраивать. Нет, как преосвященнику, мне полагается молчать о таких вещах.

— Но, пожалуйста! С тех пор как мы остались вдвоем, вы поведали мне столько тайн из кладези вашей мудрости,

которых я никогда не узнал бы в другой ситуации. Продолжайте же, прошу вас.

Чуждое существо все еще стояло рядом, пяля на них глаза. Не обращая на него внимания, преосвященник заговорил вполголоса, потому что ему предстояло затронуть весьма опасную тему. Один из грогов сполз было к его животу, но он водворил его на место. Так решительно, что даже сам себе удивился.

— Мне не хочется, чтобы мой рассказ слишком взволновал тебя, сын мой, хотя он ударяет по самым основаниям нашей веры: ты помнишь, как тонконогие подкрались к нам в темноте, пока мы лежали в грязи?

— Еще бы, хотя это было, кажется, так давно!

— Тонконогие подошли тогда и тут же заставили наших сотоварищей вступить в стадию разложения.

— Я помню. Я тогда еще перепугался и подполз поближе к вам.

— А почему?

— Потом, когда нас посадили в ящик на колесах, я был настолько подавлен стыдом за то, что не был избран продолжить цикл утодампа, что ни о каких впечатлениях и речи быть не могло.

Тонконогое существо подавало какие-то сигналы ртом верхней головы, но они поменяли уровень слышимости (что и подобало при обсуждении вещей чрезвычайной важности) и с того момента о нем забыли.

Преосвященник продолжал:

— Сын мой, мне трудно это описать, ибо в нашем языке просто нет обозначений для некоторых понятий. Эти существа действительно столь же чужды нам мыслями, сколь и своей формой. Некоторое время для меня (как и для тебя) было позором то, что нас с тобой не избрали для перемены стадии, но теперь... давай предположим, Блу Лугуг, что у этих существ нет понятия о выборе и... и наши товарищи поменяли стадию случайно.

— Случайно?! Как, однако, нечестиво вы выражаетесь, преосвященник! Падение листа или дождевой капли, может, и происходит... э, случайно, но у высших форм жизни... сам факт, что все живые существа проходят жизненные циклы, отрицает всякую случайность.

— Все это справедливо — для мира Трипл Солнц. Но эти тонконогие создания Градгродда, возможно, живут по иным законам.

Тут тонконогое существо покинуло их. Как только оно исчезло, свет в их комнатке погас. Не придав ни малейшего значения подобной мелочи, преосвященник продолжал:

— Так вот о чем я: вполне возможно, что эти существа и не собираются быть нам полезны. К ним, наверное, применимо слово еще из Революционной эпохи: эти тонконогие могут быть п л о х и м и. Тебе рассказывали об этом слове, когда ты учился?

— А, это такая болезнь? — осведомился священник, сосредоточенно роясь в памяти и припоминая то, чему его когда-то учили.

— Да, это весьма особенное заболевание. Но сдается мне, что для этих тонконогих быть плохим и быть больным — не одно и то же.

— А, вот почему вы не захотели вступить в контакт?

— Ну конечно нет. Я так же не готов общаться с чужаками, не покрытыми грязью, как и они не готовы к беседе со мной, не покрытым этой кожурой, что у них на теле. Когда до них дойдет эта простая истина, мы, может, и попробуем с ними поговорить — хотя, как я подозреваю, возможности их мозга так же ограничены, как и диапазон их голоса. Но в нашей судьбе ничего не изменится, пока они не поймут, что у нас есть определенные требования.

— Эта... эта способность быть плохим. Я огорчен тем, что вам приходится об этом думать.

— Сын мой, чем больше я размышляю о случившемся, тем крепче моя уверенность.

Блу Лугуг, вот уже сто восемьдесят лет известный как третий священник, тревожно умолк, припоминая все слышанное когда-то о плохом.

Это слово было в ходу в Революционную эпоху. Утоды проживали обычно одиннадцать сотен лет, а эпоха эта завершилась без малого три тысячи поколений назад. Однако зерна, посеянные ею, дали буйные ростки и глубокие корни, и память о давно минувшем была все еще жива.

Как раз в начале той удивительной эпохи родился Манна Варун. Примечательно то, что он вырос в период самого пика энтропийного разрушения солнечной орбиты — как раз тогда Дапдроф, сменив Сафрон Смайлер на Йеллоу Скоупер, потерял свою маленькую луну — Вобек, которая отправилась вращаться по собственной, новой орбите.

Со временем у Манны Варуна появились ученики и последователи. Они сообща покинули привычные грязевые ванны и перекочевали в пустоши, там провели они много лет, совершенствуя древнейшие ремесла и умения утодов. Кое-кто вскоре покинул его, но на смену им пришло вдвое больше других.

Так прошло сто семьдесят пять лет, согласно древней священной истории.

За это время они произвели, по словам Манны Варуна, «промышленный переворот». Открыли и использовали новые свойства новых металлов, научились придавать им желаемые формы. Вскоре революционеры, гнушаясь ходить, как положено, на своих шестерых, передвигались в пыхтящих многоногих машинах, а самые ленивые даже летали в крылатых ящиках по воздуху. Так гласят древние легенды — хотя они, что греха таить, всегда немного склонны к преувеличению.

Но когда революционеры вернулись «в мир», дабы научить народ жить по своим новым правилам, всех очень удивила одна необычная вещь. Дело в том, что они проповедовали — и демонстративно практиковали на самих себе — странный принцип, который они называли «чистотой».

Большинство слушателей (опять же если верить древним хроникам) восторженно восприняло почти все нововведения. Особенно всем понравилась идея о том, что пора бы облегчить Материнство, упразднив умососание. Несправедливо, что матери обречены все пятьдесят лет детства своего отпрыска натаскивать его в истории своего народа, законах и хороших манерах. Эту рутинную работу, рассуждали они, вполне может взять на себя какой-нибудь механизм. Но настоящая революция была не в этом, а в той самой чистоте, о которой пойдет сейчас разговор.

Постичь чистоту было ужасно трудно, потому что это новшество ударяло по всем законам бытия. Получалось, что нужно было навсегда покинуть теплые грязевые купели, в которых и возникли когда-то утоды, забыть об уютных мусорных кучах и даже о грогах — охотниках за паразитами и извечных спутниках утодов.

Манна и его сподвижники доказывали на собственном примере, что вполне возможно жить и без всей этой ненужной роскоши (или «мрази», как они выражались). Чистота, по их словам, была свидетельством того прогресса, а грязь, по меркам новой эпохи, была «плохой».

Таким образом, революционеры обратили необходимость в добродетель; ведь в пустошах, где они работали вдали от грязевых болотцев и амповых деревьев, не было и намека на грязь. В такой суровой обстановке, надо полагать, и зародился их аскетизм.

Дальше — больше. Манна Варун развил свою теорию, ополчившись на древние верования утодов. В этом его поддержал его лучший и самый способный ученик по имени Гризизз. Этот Гризизз опровергал всеобщее убеждение в том, что амповые деревья вдохнули душу в младенческие тела утодов; более того — он отрицал, что стадия разложения следовала непосредственно за стадией телесной. Вернее, он не отрицал, что тело после стадии разложения обращается в грязь и таким образом возвращалось снова в ампы, но он возражал против того, что то же самое происходит и с душой. Этому он не представил доказательств, и неудивительно — ведь то была просто бредовая идея, измысленная с целью отвратить утодов от их естественного образа жизни и привычек. И тем не менее у этой идеи нашлись почитатели.

Бунтари выработали свои законы, систему дозволенного и запрещенного (все это казалось диким утодам, все еще жившим по старинке). Но со временем они набирали силу и обретали власть. Их города на пустошах сверкали по ночам ослепительными гирляндами огней. Они обрабатывали землю своими странными методами и выращивали странные же плоды.

Они меняли пол от случая к случаю, совершенно не заботясь о воспитании детей, и жили в свое удовольствие,

делая еще многое-многое другое. Правда, было как-то незаметно, чтобы они стали от всего этого счастливее, — да они и не проповедовали счастье. Их больше заботили права и обязанности и различие между «плохим» и «хорошим».

Однако одно изменение бунтарей буквально сразило всех наповал. Известно, что утоды — народ весьма поэтичный, о чем свидетельствует его богатое наследие сказок, историй, песен, басен и прочего. Как раз оно и пострадало первым, когда революционеры встроили механизмы в амповое зерно и послали его высоко и далеко за небеса Его пассажиром был Манна Варун.

С незапамятных времен из амповых зерен делали лодки, в которых можно было перемещаться в менее заселенные края Дапдрофа. Но перемещение в менее заселенные миры казалось чем-то из ряда вон выходящим. Прослышав о такой возможности, даже самые консервативные умы признали, что в этой «чистоте» что-то есть.

Пятнадцать миров, вращавшихся вокруг Хоум Кластера — скопления из шести планет, — были отлично видны (каждый в свое время) и почитаемы. И ради того, чтобы посетить их, наверное, стоило отказаться от «мрази».

И ручеек спешивших в города сменился бурным потоком.

Но вскоре произошло нечто странное. Кто-то пустил слух о том, что достаточно почтенный Манна Варун выставляет себя в обществе не тем, кто он есть на самом деле. Шептались, к примеру, будто он тайком нежится в грязевой ванне. Правда ли, нет ли, но слух ширился, обратился в ком, обрастая новыми подробностями, а сам Манна Варун не мог его опровергнуть, ибо был далеко.

Многие ждали с минуты на минуту, что верный Гризизз выступит в защиту своего патрона, с негодованием отметая мерзкую сплетню. И в конце концов Гризизз действительно выступил. Запинаясь и обливаясь слезами, он подтвердил ходивший в народе слух. Манна, с его слов, был великим грешником, тираном и грязекупальщиком. У него

и в помине не было всех тех добродетелей, которые он требовал от остальных. Вопреки всем усилиям, прилагаемым (в частности) его верным другом и учеником Гризиззом, Манна постепенно стал «плохим». И теперь, раз уж эта история всплыла на поверхность, нужно было принять срочные меры: прежде всего, в интересах всего народа, удалить Манну Варуна.

Все это весьма печально, но долг настоятельно требовал оградить все хорошее от разрушительного влияния «плохого».

Никому из утодов, само собой, новость не понравилась. Потому для встречи великого пророка и реформатора на космодроме собралась огромная толпа.

Однако еще до приземления летательного ковчега разразились беспорядки. Молодой утод с сияющей, но морщинистой кожей, что сразу же выдавало ревнителя гигиены и члена реформистского комитета, вскочил на возвышение. Размахивая всеми конечностями, он громосвистом заявил, что Манну Варуна оболгал коварный ренегат Гризизз и что-де все гризиззиане — предатели.

И вот тут случилось непредвиденное и невероятное. Как раз в этот момент, когда в небе показался ковчег Манны Варуна, явился утод со странной металлической трубкой и с ее помощью отправил Гризизза на следующую стадию цикла утодампа.

— Да, Гризизз, — вслух произнес третий священник.

— С чего это вдруг ты припомнил это презренное имя? — осведомился преосвященник.

— Я все думаю о революционной эпохе. Гризизз был первым из всех утодов, кто перешел на следующую стадию цикла не по доброй воле, — отвечал Блу Лугуг, вернувшись к действительности.

— Да, мрачное было время. Но раз эти тонконогие тоже любят чистоту, может быть, и они перемещают живых существ по этому жизненному циклу не по доброй воле? А мы просто случайно попались им под руку?

Блу Лугуг втянул все конечности, закрыл глаза и горла и вытянулся так, что со стороны стал напоминать земную колбасу. Эта поза была самой удобной для возвышенных размышлений.

Ничто, как ему казалось, не оправдывало пессимизма преосвященника. Конечно, долгое пребывание в этом месте может наскучить (ведь не зря же необходимо менять обстановку каждые пять лет), к тому же сердце разрывалось, глядючи, как эти существа обходились со знаками собственного плодородия. Но существа все-таки время от времени действовали по-доброму: поставляли пищу и вскоре перестали приносить нежелательные предметы. Со временем они смогли бы научиться и другим «хорошим» вещам.

Но, с другой стороны, не нужно забывать и о «плохом». Вполне возможно, что в тонконогих созданиях коренится тот же опасный вирус, что мучил всех в Революционную эпоху на Дандрофе. Однако существа живут по некому подобию цикла утодампа, и за это важное и замечательное качество они уже заслуживали уважения.

К тому же вот еще что: вся Революционная эпоха могла бы показаться всего лишь мгновенной вспышкой пламени, ведь она длилась только 500 лет, полжизни одного утода; а вся история утодампа насчитывала сотни миллионов лет. И то, что происходило с тонконогими, могло быть простым совпадением с теми давними событиями.

Те, кто употребляет эти ужасные выражения вроде «плохой» и «случайная жертва» — слова безумия, — сами безумствовали в некотором роде. Вот и преосвященник...

При этой мысли священник содрогнулся. Его привязанность к преосвященнику усугублялась еще и тем, что старший утод, будучи еще противоположного пола, нянчил и воспитывал его, как и всякая любящая мать.

Но пора было подумать о возвращении на Дандроф; а это значило, что придется вступить в переговоры с чужаками. Преосвященник был категорически против этого (из соображений этикета) и был совершенно прав. Но нужно же было как-то действовать.

Наверное, стоило подкараулить одно из этих существ и попробовать втолковать ему что-нибудь. Это было бы не так трудно: священник запомнил каждое предложение, сказанное тонконогими в его присутствии. Для него они были совершенно лишены смысла, но в разговоре могли бы пригодиться.

Изогнув одно из горл, он произнес:

— Уилфред, глянь-ка, не завалялось ли у тебя в кармане моей отвертки!

— Это еще что такое? — удивился преосвященник.

— Так, ничего. Болтовня тонконогих.

Снова воцарилось тревожное молчание. Третий священник принялся размышлять о революционной эпохе, стараясь восстановить ее связь с текущими событиями.

Со смертью Гризизза и возвращением Манны Варуна волнения только усилились. Как раз тогда все «плохое» цвело пышными цветами. Еще несколько утодов были не по доброй воле препровождены на следующую стадию цикла. Вернувшийся Манна, конечно, был раздосадован расколом в лагере его сторонников и начал «закручивать гайки». Теперь всем в обязательном порядке предписывалось забыть о грязевых ваннах, вместо этого в каждое жилье подавалась вода. Производство кожных масел было запрещено — и так далее и так далее.

Но Гризизз и его последователи все-таки успели посеять семена раздора и недовольства, которые давали хорошие всходы. Многие потянулись обратно к грязевым ваннам своих предков, покидая города и пустоши. А города постепенно пустели и превращались в руины — оставшиеся жители не переставая воевали друг с другом. И все сожалели об этом, потому что любовь и доверие к Манне Варуну оставались неизменными.

В частности, его путешествие к звездам долго и широко обсуждалось и снискало всеобщие похвалы. Он сообщил много нового о соседних небесных телах, которые все вместе получили название Хоум Кластер, а в особенности о трех солнцах — Уэлком Уайте, Сафрон Смайлере и Йеллоу Скоупере, — вокруг которых Дапдроф вращается по очереди. Эти солнца, как и другие близлежащие планеты и светила, были так же знакомы (в то же время загадочны) для утодов, как и Циркумполярные горы в северной части Шункшуккуна на Дапдрофе.

Так что все несчастья и печали Революционной эпохи меркли перед предложенной ею возможностью посетить и исследовать соседние миры. И утоды решили, что как раз этого им и недоставало всю предыдущую жизнь.

Ревнители гигиены тут же прибрали к рукам новые открытия. Всем вновь прибывающим в города предлагалось поучаствовать в межпланетных полетах при двух условиях: либо они полностью подчинялись жесткой защите и дисциплине Манны Варуна, либо отправлялись в шахты — добывать топливо и материалы для космических ковчегов. И большинство выбирали второе.

Работать в шахте было сравнительно легко для утода. Все охотно взялись за добычу руды, и скоро сам процесс создания космического ковчега стал своеобразным жанром народного творчества. А межзвездные путешествия превратились в нечто само собой разумеющееся — в особенности тогда, когда обнаружилось, что в семи вновь открытых мирах можно обосноваться так же уютно, как и на Дапдрофе.

Вскоре утоды мирно и счастливо зажили в новых мирах — на Баскей, Клабшабе и других, где быстро наладили систему утодампа. А тем временем клан ревнителей гигиены раскололся на враждующие секторы — на тех, кто призывал вытягивать все конечности, и тех, кто считал это неприличным. Дело кончилось тремя атомными войнами хороших манер, и родная планета утодов подверглась самой что ни на есть негигиеничной бомбардировке, благодаря ей с лица Дапдрофа полностью исчезли леса и болота, с такой любовью выращенные и обустроенные. И климат тоже резко изменился. Несколько суровых зим, последовавших за этим, быстро довершили дело, ввергнув в стадию разложения почти всех уцелевших утодов — ревнителей гигиены обеих партий. А Манна исчез, и о его судьбе до сих пор не могут сказать ничего наверняка. Но легенда гласит, что прекрасное амповое дерево, выросшее на руинах крупнейшего из городов на пустошах, есть следующая стадия его существования.

И мало-помалу на Дапдрофе установились прежние порядки. Многие утоды вернулись с соседних планет, и Дапдроф снова был заселен. Все трудились без устали, возвращая планете ее прежний облик. Были заново созданы болотца и грязевые ванны, посажены амповые деревья. Громадные города были предоставлены сами себе

и разрушительной системе силы времени. Все старательно забыли об этикете и чистоте; в общем, воцарились мир и грязепорядок.

Но, как бы то ни было, промышленная революция принесла свои плоды, и не все из них можно и нужно было искоренить. Межпланетные путешествия были теперь под заведованием духовенства, потому что это был лучший способ обратить их на службу народу. Священники упростили весь процесс до ритуала и следили за тем, чтобы технические навыки и знания о путешествиях переходили от матери к сыну наряду с историей, законом и хорошими манерами.

Теперь все это осталось далеко позади, но тем не менее хранилось в памяти каждого утода. Блу Лугугу преподали в свое время учение Манны и прочих Ревнителей Гигиены, и теперь он по праву гордился собой — ведь он был наигрязнейшим и наиздоровейшим среди священников своего поколения. Он догадался, что слова преосвященника, скажем так, совсем не приличествующие духовному лицу, были вызваны попытками тонконогих осквернить его тело этой самой чистотой; чистота пагубно влияла на его мыслительные способности. Определенно пора было что-то предпринять.

Глава 9

Еще в XIX веке один американский мудрец выдвинул лозунг, столь успешно украшавший в дальнейшем обертки всех сильнодействующих снотворных таблеток: «Людские массы проживают жизнь, полную тихого отчаяния».

Зоро, безусловно, попал в точку, отметив, что беспокойство и даже страдание развиваются в груди тех, кто больше всех озабочен демонстрацией собственного счастья; и все же такова человеческая натура, что противоположность правде является правдой в неменьшей степени, и атмосфера, обычно вызывающая страдание, может стать залогом вполне счастливой жизни.

Ворота тюрьмы Сент-Албан распахнулись и выпустили тюремный автобус. Вывернув из-под алюминиевой вывес-

ки «Понять — значит простить», он направился в сторону Гетто Голубых.

Это было одно из наиболее распространенных названий данного района большого города. Аборигены называли его Живодерней, Юбургом, Страной Чудес, Городом Сосунков или какими-либо еще менее привлекательными словами, приходившими им в голову. Зона эта была основана отцами города, просвещенными в достаточной мере, чтобы понять тот факт, что некоторые люди, далекие в своих помыслах от совершения преступлений, оказываются неспособными существовать в рамках цивилизации; и это означает, что они не разделяют стремлений и чаяний большинства своих собратьев. Они не видят смысла в ежедневной работе с десяти до четырех ради привилегии содержать в брачных узах женщину и энное количество детей. Этой компании мужчин, состоявшей в одинаковом соотношении из гениев и неврастеников (зачастую под одной и той же анатомической оболочкой), было позволено обосноваться в Голубом Гетто, которое из-за отсутствия какого бы то ни было надзора со стороны закона вскоре превратилось в родной дом преступников. В пределах этого дикого человеческого заповедника величиной с квадратную милю сформировалось уникальное общество. Оно смотрело на чудовищную машину цивилизации по другую сторону своих стен с такой же смесью ужаса и морального осуждения, с какой эта машина взирала на своих отщепенцев.

Тюремное такси остановилось в конце крутой кирпичной улицы. Из него выбрались два освобожденных заключенных — Родни Уолсамстоун и его бывший сокамерник. В тот же момент такси развернулось, показывая автоматически закрывающуюся на ходу дверь, и скрылось.

Уолсамстоун огляделся, испытывая чувство неловкости. Тоскливо-респектабельные игрушечные домики по обеим сторонам улицы сутулили свои тонкие плечики за удобренными собаками оградами, отворачивая взгляд от полосы мусора, которая начиналась там, где кончались их владения.

За мусором возвышалась стена Голубого Гетто. Часть ее была действительно стеной, а часть состояла из неболь-

ших старых домов, в которые вливался цемент до тех пор, пока они не затвердели.

— Что это? — спросил Уолсамстоун.

— Это оно и есть, Уол. Это свобода. Здесь мы сможем жить спокойно — никто не будет нас валять в дерьме.

Утренние солнечные лучи, подобно старому шутнику с зубами улитки, отбрасывали прозрачно-золотые преломляющиеся тени на негостеприимном склоне Гетто, Юбурга, Парадиза, Горы Бомжей, Странной Улицы, Флопперов. Тид направился туда и, увидев, что Уолсамстоун колеблется, схватил его за руку и потащил.

— Я должен написать моей старушке тете Фло и Хэнку Квилтеру о том, что я делаю, — сказал Уолсамстоун.

Он стоял на перепутье между старой и новой жизнью и потому испытывал естественный страх. Тид, хотя и был его ровесником, обладал гораздо большей уверенностью в собственных силах.

— Ты сможешь подумать об этом после, — сказал Тид.

— На космическом корабле были и другие блоки...

— Как я говорил тебе, Уол, только сосунки позволяют вносить себя в списки экипажей. У меня есть кузен Джек, он записался на Харон, и его высадили на этот жалкий шар для резни с бразильцами. Вперед, Уол, вперед.

Грязная рука сжала неопрятное запястье.

— Может быть, я глупо веду себя. Возможно, в тюряге у меня все перемешалось, — сказал Уолсамстоун.

— Тюряги для этого и существуют.

— Моя бедная старая тетушка. Она всегда была так добра ко мне.

— Не заставляй меня всхлипывать. Ты же знаешь — я тоже буду добрым.

Отказавшись от желания самоутвердиться в грязной драке, Уолсамстоун поддался, подобно заблудшей душе, ведомой на Авернус. Однако этот подъем на Авернус оказался не из простых: нигде не было широко распахнутых врат. Им пришлось карабкаться по куче булыжников и мусора в направлении затверделых домов.

В одном из последних виднелась дверь, со скрипом распахнувшаяся, когда Тид толкнул ее. Солнечный лучик проскользнул внутрь вслед за их недоверчивыми взглядами. За дверью возвышалась выдолбленная из твердого цемента разновидность трубы со ступеньками сбоку. Взбираться по ней Тид начал, не сказав больше ни слова. Уолсамстоун, не имея выбора, последовал за приятелем. В полумраке со всех сторон он увидел крошечные гроты, некоторые не больше открытого рта, с цистами и пузырями, комками и пятнами, образовавшимися еще в жидком цементе.

Труба вывела парней к слуховому окну. Тид улыбнулся и повернулся, чтобы помочь Уолсамстоуну.

Они сели на корточки на подоконник, от которого начинался насыпной склон, возведенный, вероятно, в качестве оборонительного вала, поскольку никакого другого видимого значения, кроме как места для выращивания петрушки, высокой травы и бузины, он не имел.

Эту первозданность нарушали тропинки, часть из которых обегала верхние окна затверделых домов, а часть спускалась вниз, в Гетто. Там уже копошились люди, нагишом бегал ребенок лет семи, выкрикивая приветствия соседям из-под своей газетной шапочки.

Старинные фасады врастали в землю, обносившиеся и в то же время величественные, с налетом старой грязи и свежего солнца.

— Мой дорогой старый лачужный город! — воскликнул Тид.

Он побежал по одной из дорожек, скрывая колени под пеной цветов.

Поколебавшись одно мгновение, Уолсамстоун бросился вслед за своим любовником.

Энид наблюдала со сжатыми руками, как стоявший в другом конце зала Брюс Эйнсон поднимал свой плащ с видом явного отчаяния. Брюс хотел, чтобы она первая прервала молчание, с тем чтобы он мог сорваться: «Не говори ничего!», — но ей было нечего сказать. Он украдкой взглянул на нее, и луч сочувствия пронизал его самоуверенность.

— Не беспокойся, — сказал он.

Она улыбнулась, сделав неопределенный жест. Он вышел, закрыв за собой дверь.

Бросив десять жетонов в щель опускающегося механизма, он поднялся до уровня местного транспорта. Двигающееся кресло, на которое он вскарабкался, вынесло его в зону безостановочного сообщения и закрепилось на одном из роботов-моноавтобусов. По мере того как робот набирал скорость в направлении Нового Лондона, Брюс все больше погружался мыслями в сцену, которую только что устроил Энид, прочитав новости в газете.

Да, он поступил плохо. Он вел себя так, потому что в такой ситуации не видел смысла в благородстве.

Можно считать себя моралистом с благими намерениями, с развитым чувством самоконтроля, быть разумным и невинным, как вдруг потоком дней выносится из-под привычного течения событий какая-нибудь грязная, отвратительная штука, с которой тебя сталкивают лицом к лицу и заставляют расхлебывать. Так зачем же метать бисер перед свиньями?

Теперь возбуждение, сотрясавшее все его существо, проходило — он переложил часть груза на Энид. С Михали ему следует вести себя приличнее.

Но почему жизнь так отвратительна и запутанна? Смутно он понимал, что являлось одним из двигателей, пронесших его через годы учебы, необходимые для получения диплома главного исследователя. Он надеялся найти в глубине световых лет, вне досягаемости земных взоров, мир, для обитателей которого ежедневное существование не представляет насилия над душой. Он хотел знать, как этого многого можно достичь.

Теперь ему казалось, что такого случая больше не представится никогда. Доехав до огромного нового Внешнего Кольца, опоясывавшего Большой Лондон, Эйнсон пересел на районную линию и направился в квартал сэра Михали Пацтора. Через десять минут он уже прорывался сквозь заслон в лице секретарши директора.

— Я сомневаюсь, мистер Эйнсон, что он сможет принять вас сейчас, не назначив встречу заранее.

— Он должен увидеть меня, моя дорогая девочка; пожалуйста, доложите обо мне.

С сомнением покусывая ноготок своего маленького пальчика, девушка исчезла во внутреннем офисе. Через минуту, не говоря ни слова, она провела Эйнсона в комнату Михали. Эта секретарша вызвала у Эйнсона чувство раздражения. Он всегда очень старательно улыбался ей и кивал, но ответное приветствие казалось ему исключительно искусственным.

— Мне очень жаль отвлекать тебя, особенно когда ты занят по горло, — сказал он директору.

Михали не поспешил разуверить друга. Он занял твердую позицию у окна и спросил:

— Что привело тебя сюда, Брюс? Как Энид?

Не обратив внимания на неуместность последнего вопроса, Эйнсон сказал:

— Я думаю, ты должен сам догадаться, почему я здесь.

— Лучше, если ты все объяснишь сам, Брюс.

Вытащив из кармана газету, Эйнсон бросил ее на стол Пацтора.

— Ты просто обязан увидеть это. Этот чертов американский корабль «Ганзас», или как там его, отправляется на следующей неделе на поиски наших ВЗП.

— Надеюсь, им улыбнется удача.

— Неужели ты не понимаешь всей несправедливости этой ситуации? Меня не пригласили участвовать в экспедиции. Каждый день я ждал от них хотя бы слова, но оно так и не последовало, они так ничего и не сказали. Может ли здесь быть ошибка?

— По-моему, Брюс, в таких делах ошибок не бывает.

— Понимаю. В таком случае, это публичное оскорбление. — Эйнсон стоял, глядя на друга. А был ли тот в действительности другом? Не бросался ли он этим словом на протяжении всех лет их знакомства? Он восхищался многими чертами характера Пацтора, его успехами как драматурга и как начальника первой экспедиции на Харон, он восхищался им как активным человеком. Теперь он взглянул глубже и увидел всего лишь актера, активного человека лишь с точки зрения драматурга, подделку, которая наконец-то открыла свое настоящее лицо тем спокойствием, с которым он встретил несчастье друга, сидя в своем безопасном кресле директора Экзозоопарка.

— Михали, хотя я старше тебя всего на год, я пока не собираюсь занять спокойную должность на Земле; я активный человек, все еще способный действовать. Думаю, без ложной скромности могу заявить, что им нужны такие, как я, на форпостах Вселенной. Именно я обнаружил ВЗП, и если это забыли другие, то я не забыл. Я должен быть на борту «Ганзаса», когда тот на следующей неделе отправится в транспонентальный полет. Ты мог бы подергать ниточки и устроить меня туда, если бы захотел. Я умоляю тебя сделать это для меня и клянусь, что больше ни о чем никогда не попрошу. Я просто не смогу перенести позора забвения в такой важный для меня момент.

Лицо Михали исказилось:

— Не хочешь выпить, Брюс?

— Конечно нет. Почему ты всегда настаиваешь на этом предложении, зная, что я не пью?

— Ты должен извинить меня, если я осушу рюмку. Хотя обычно так рано этого не делаю.

Подойдя к паре маленьких дверей, вделанных в стену, он сказал:

— Не знаю, станет ли тебе легче или наоборот, если я скажу то, что ты не одинок в своем несчастье. Здесь, в Экзозоопарке, у нас тоже есть свои разочарования. Мы не достигли ожидаемого успеха в общении с этими несчастными пришельцами.

— Я думал, что один из них резко начал извергать английские выражения?

— С извержением все в порядке: залпы беспорядочных фраз с удивительно точной имитацией различных голосов, которые они слышали. Я без труда узнал себя. Конечно, мы все это записывали. Но, к сожалению, прогресс был достигнут слишком поздно, чтобы спасти дело. Я получил приказ из Министерства внеземных дел о немедленном прекращении всех наблюдений над ВЗП.

Хотя Эйнсон был раздражен тем, что его заставили отвлечься от собственного горя, известие поразило его.

— Клянусь Вселенной! Они не могут просто прекратить исследования. В них мы коснулись наиболее важных проблем, с которыми когда-либо сталкивалось человече-

ство. Они... я ничего не понимаю. Они не могут просто взять и прекратить все это.

Пацтор глотнул немного виски.

— К сожалению, такая позиция министерства вполне объяснима. Меня настоящее положение дел шокирует в не меньшей степени, чем тебя, Брюс, но я вижу, что лежит под этим. Не только общество, но даже министра не так-то легко убедить, что задача установления контакта с чужой расой — или даже оценки чужого разума — не решается за пару месяцев. Брюс, я скажу прямо: тебя считают треплом, и прошел слух, правда, легкий, как дуновение ветерка, — что мы виноваты в равной степени. Этот ветерок облегчил работу министра — вот и все.

— Но не может же он остановить Бодли Темпли и всех остальных.

— Я был у него вчера вечером. Он остановил все. Сегодня ВЗП перейдут в отдел экзобиологии.

— Экзобиологии! Но почему, Михали, почему? Здесь кроется какая-то тайна!

— Доводы министра излучают оптимизм, который мне лично кажется безосновательным. Через пару месяцев «Ганзас» отыщет гораздо больше этих ВЗП — фактически целую планету. И тогда будут найдены ответы на большинство основных вопросов, например насколько разумны эти существа, после чего станут предприниматься гораздо более эффективные попытки установления контакта.

Эйнсона затрясло. Это подтвердило все его опасения о расстановке сил вокруг. Ничего не видя, он принял из рук Пацтора сигару и вобрал ее аромат всеми своими легкими. Постепенно сознание его прояснилось, и он сказал:

— Допустим, что все это так. Но решение министра должно же на чем-то основываться.

Директор выпил еще немного.

— Вчера я сделал для себя такой же вывод. Министр представил мне довод, который, хотим мы или нет, следует принимать.

— Что же это за довод?

— Война. Сидя здесь, мы чувствуем себя в безопасности и почти забываем об этой бесконечной отвратитель-

ной войне с Бразилией. Они захватили квадрат 503, и наши действительные потери, видимо, значительно превышают официально объявленные. Что сейчас больше всего интересует правительство в ВЗП — это их нечувствительность к боли. Власти хотят знать, циркулирует ли в артериях этих существ некая совершенная болеутоляющая субстанция, которая, безусловно, может иметь важное значение.

— Итак, следуя рассуждениям власть предержащих, мы должны разобрать эти создания по винтикам. Использовать их с максимальной пользой!

Эйнсон потер лоб. Война! Очередное безумие! Эта мысль никогда не приходила ему в голову.

— Я знал, что это случится! Я знал! Итак, они собираются вспороть живот нашим двум ВЗП. — Его голос походил на скрип двери.

— Они собираются сделать самые безопасные сечения: погрузить электроды в мозг для обнаружения реакции на боль, немножко перегрева здесь, переохлаждения там. Короче говоря, они попытаются выяснить, действительно ли ВЗП не чувствуют боли, и если это так, то обусловлено ли это генетически или присутствием неких антител. Я высказался против опытов, хотя с тем же успехом мог бы и промолчать. И растерян я не меньше тебя.

Эйнсон сжал кулаки и яростно потер ими около своего желудка.

— За всем этим стоит Латтимор. С первого взгляда я понял, что он мой враг! Тебе никогда не следовало позволять этого...

— Брюс, перестань дурить! Латтимор с этим никак не связан. Неужели ты не понимаешь, что это закон подлости: всегда, когда имеешь дело с чем-нибудь важным, случается чертовщина. Ультиматум предъявляет как правило тот, у кого власть, а не знания. Порой я думаю, что люди и впрямь сошли с ума.

— Они все спятили. Вообрази — не упрашивать меня на коленях полететь на «Ганзасе»! Я обнаружил этих существ, я знаю их! Я необходим «Ганзасу»! Михали, ты должен сделать все, что в твоих силах, ради старого друга.

Пацтор мрачно покачал головой.

— Я ничего не могу сделать для тебя. Я уже объяснил, почему в настоящий момент не пользуюсь популярностью. Ты должен сам сделать все возможное, как и любой на твоем месте, только учти, что война продолжается.

— Теперь ты используешь тот же самый предлог! Люди всегда были против меня, всегда — мой отец, моя жена, мой сын, теперь ты. Я думал лучше о тебе, Михали. Это публичное оскорбление, если я не буду на борту «Ганзаса», когда он войдет в вакуум, и тогда я не знаю, что сделаю, Михали.

Михали неуютно поежился, обхватив стакан виски, и уставился в пол.

— В действительности ты и не ожидал от меня ничего большего, Брюс. В глубине души ты понимаешь, что и ни от кого нельзя никогда ожидать большего, чем получаешь.

— Разумеется, не стану ожидать на будущее. Ты ведь не удивляешься тому, что люди становятся все более и более ожесточенными. Мой Бог, ради чего же тогда стоит жить?

Он встал, отряхивая пепел с сигареты в утилизатор:

— Не провожай меня.

Он вышел в состоянии, близком к стрессу, обогнал секретаршу, делавшую вид, будто происходящее совершенно ее не интересует. Конечно, его утешало, что он заставил этого маленького притворщика венгра почувствовать, как глубоко могут страдать некоторые люди, не позируя ни перед кем.

Постепенно он вернулся к своим прежним мыслям. Поисками новых планет, со всеми неизбежными восторгами и разочарованиями, занимаются не только для того, чтобы в один прекрасный день обнаружить такую цивилизацию, для любого самого чувствительного представителя которой жизнь не являлась бы тяжким бременем. Нет, здесь была и другая сторона медали!

Ты отправляешься в путешествие еще из-за того, что жизнь на Земле среди подобных тебе — настоящий ад.

Нельзя сказать, чтобы на космических кораблях все обстояло так уж замечательно — например, этот проклятый Баргероун, главный виновник случившегося, — но

там каждый по крайней мере знал свое место, свои обязанности, за невыполнение которых нес заслуженное наказание. Быть может, в этом заключается секрет особого духа, наполнявшего сердца всех великих исследователей!

Неведомые пространства не таят тех опасностей, которые подстерегают в кругу друзей и близких. Уж лучше зло неизвестное, чем хорошо знакомое!

Он приближался к дому с чувством злого удовлетворения. Ведь он всегда знал, что все обернется именно так!

Когда главный исследователь ушел, сэр Михали Пацтор допил стакан, поставил его на место и тяжелой походкой подошел к двери, открывавшейся в небольшую смежную комнату.

На закругленной ручке кресла сидел молодой человек, нервно пожевывая сигару. Он был стройным, с опрятной бородкой, которая делала его несколько старше своих восемнадцати лет. Его обычно сообразительное лицо сейчас, когда он повернулся к Михали с немым вопросом, было тяжелым и мрачным.

— Твой отец ушел, Альмер, — сказал Михали.

— Я узнал его голос — как всегда, слишком многозначительный.

Они вернулись в кабинет.

Альмер выбросил сигару в утилизатор, стоявший на столе, и спросил:

— Зачем он приходил? Что-нибудь насчет меня?

— Не совсем. Он хотел, чтобы я засадил его на борт «Ганзаса».

Глаза их встретились. Молодое угрюмое лицо просветлело; затем они оба рассмеялись.

— Что отец, что сын! Я надеюсь, ты не сказал ему, что я пришел с точно такой же просьбой?

— Нет, конечно. Он и так получил сегодня больше чем достаточно поводов для расстройства.

Говоря это, Михали рылся в столе.

— А теперь не обижайся, если я тебя быстренько выпровожу, дружище. У меня много работы. Ты по-прежнему уверен, что хочешь вступить в исследовательский корпус?

— Ты же знаешь, дядя Михали. Я чувствую, что не могу больше оставаться на Земле. Родители создали для меня такие условия, что по крайней мере в ближайшее время мне здесь делать нечего. Я хочу выбраться отсюда куда-нибудь далеко-далеко, в космос.

Михали сочувственно кивнул. Ему часто приходилось выслушивать подобные откровения, и никогда, никогда он не отговаривал лишь потому, что когда-то и сам испытывал подобное. Когда ты молод, еще не понимаешь, что душа твоя стремится не покинуть мир, в котором ты существуешь, а обрести бесчисленные новые миры, в самых отдаленных галактиках. Он выложил на стол какие-то документы.

— Здесь различные бумаги, которые тебе потребуются. Один мой друг, Брайан Латтимор, из Американской консультативной космической Службы, все объяснил Дэвиду Песталоцци, который в этот раз займет место капитана на «Ганзасе». Поскольку твоего отца хорошо знают, тебе разумнее лететь под другим именем. Так что теперь ты — Самюэль Мелмос. Надеюсь, возражений не будет?

— С какой стати я стал бы возражать? Я очень благодарен тебе за все, а к своему собственному имени у меня нет особой привязанности.

Он с триумфом помахал сжатыми над головой кулаками.

Как легко испытывать восхищение, когда ты молод, подумал Михали. И как сложно установиться настоящей дружбе между двумя поколениями — конечно, можно общаться, но это сродни тому, как два различных биологических вида подавали бы друг другу сигналы с противоположных краев пропасти.

— А что произошло с той девушкой, Альмер?

— Это! — На мгновение он опять стал угрюмым. — От нее мне были одни неприятности.

— Надеюсь, Альмер, ты простишь мое любопытство, но не она ли стала причиной того, что тебя выгнали из дома? Чем же вы таким занимались, что отец не смог тебя простить?

Альмер тревожно посмотрел на Михали.

— Не бойся, ты можешь мне доверять, — с нетерпением сказал тот. — Я человек широких взглядов, человек от этого мира, в отличие от твоего отца.

Альмер улыбнулся:

— Как это забавно, я всегда думал, что вы с отцом имеете много общего: у вас есть опыт космических путешествий, и вы оба не признаете здоровую синтетическую пищу, все еще питаетесь всякими старомодными блюдами вроде — б-р-р! — мяса животных. Но если это тебе интересно, ночью перед последним полетом отец неожиданно зашел ко мне в комнату, когда я был в постели со своей девушкой. Когда он открыл дверь, я целовал ее между бедрами. Увидев это, он чуть не вылез из кожи вон. Тебя это тоже шокирует?

Не глядя на него, Михали покачал головой и сказал:

— Дорогой мой Альмер, меня шокирует, что ты не делаешь никакой разницы между мной и твоим отцом. Что касается питания: неужели ты не видишь, как с каждым поколением мы больше и больше удаляемся от природы? Это пристрастие к синтетическим блюдам — очередной пример отказа человека от его собственной природы. Мы состоим из духовного и животного начал, и отказываться от одной части своего существа — значит обеднить другую.

На мой взгляд, пещерные люди использовали тот же аргумент при приготовлении своей пищи. Но мы живем во Вселенной Баззарда, и нас призывают мыслить соответствующим образом. Ты должен понимать, дядюшка, что мы зашли уже слишком далеко, чтобы продолжать споры о том, что «естественно», а что — нет.

— Неужели? Почему же тогда питание «кусочками животных» вызывает у тебя отвращение?

— Потому что это не наследственная предрасположенность... ну это просто отвратительно.

— Пожалуй, Альмер, тебе лучше сейчас идти. Я должен передать двух пришельцев вивисекторам. Желаю удачи.

— Не унывай, дядюшка, мы привезем тебе новых для твоих экспериментов!

И с этим легкомысленным выражением поддержки, засунув документы в карман и помахав на прощание, Альмер Эйнсон скрылся.

Если рассматривать нашу планету в увеличенном временном масштабе из космоса, она, вместе с населяющими ее народами, представляет собой целостный организм. Организм, подвергаемый постоянным беспорядочным конвульсиям. Копошась, подобно микробам в артериях, человеческие пылинки прокладывают себе дорогу и концентрируются в различных точках, покуда эти точки не превращаются в подобие воспаленных на теле ран.

Воспаление усиливается, сохраняя видимость легкого недомогания до тех пор, пока не происходят необратимые изменения. Пылинки расселяются в разные стороны от эпицентра, на первый взгляд сохраняя упорядоченность. А центр скопища, гнездилище инфекции, напоминает теперь прыщ. Он должен лопнуть, если уже не лопнул, и вытечь наружу. И, как будто под действием некоего высвободившегося сокрушительного давления, люди-пылинки разлетаются по всем сторонам и направлениям, вероятно для того, чтобы потом осесть в другом эпицентре. Между тем извержение высвобождает сгустки материи, предлагая космическому наблюдателю убраться с дороги и заняться своими делами.

Именно такой стручок изверженной материи под названием «Ганзас» был украшен выгравированными с обеих сторон буквами высотой в три ярда и окрашенными глюцинированным бериллием. Каждый мог отчетливо прочитать их с любой точки плато Солнечной системы, однако для наблюдателя где-нибудь в глубине Вселенной, если бы он вдруг там оказался, буквы эти были бы едва различимы, ибо корабль отправлялся в транспонентальный полет.

Транспонентальность — одна из идей, будораживших ум человека, как только он обрел дар речи, а скорее всего и раньше, поскольку о всемогуществе наиболее страстно мечтает наименее могущественный. Ибо, образно выражаясь, транспонентальный полет является прямой противоположностью путешествию: под неподвижным кораблем в заданном направлении вращается Вселенная.

Более четкое объяснение этого принципа дал в своей лекции на Всемирном конгрессе 2033 года доктор Часисси:

«Как ни удивительно это может показаться тем из нас, кто воспитывался на уютной точной физике Эйнштейна, переменной величиной в новых уравнениях Баззарда является Вселенная. Можно сказать, расстояние упраздняется как явление. Наконец мы признаем факт, что расстояние является лишь математическим понятием, реально не существующим во Вселенной Баззарда».

Говоря о ТП-полете, нельзя допускать существование Вселенной вокруг космического корабля. Скорее, космический корабль существует вокруг Вселенной.

Древние мечтания о господстве человека стали реальностью, гора покорно подошла к Магомету.

Пребывая в счастливом неведении относительно своего неоправданного превосходства над Вселенной, Хэнк Квилтер развлекал новых товарищей баснями о своем последнем прощании.

— Конечно, Хэнк, ты счастливчик, — сказал человек по прозвищу Улей, которое он получил за не сходившую с его физиономии слащавую улыбку. — Я бы лопнул от зависти, если бы не знал, что ты сочинил половину своих баек об этой девчонке.

— Если ты мне не веришь, я заставлю тебя убедиться силой.

— Правда входит через одно место, — кто-то сострил.

— Ну так покажите, как она вбивается по-другому, — усмехнулся в ответ Квилтер.

Поскольку его истории были приукрашены лишь в малой степени, он позволил подвергнуть их сомнению — другое дело, если бы он врал напропалую.

— Я вам расскажу еще одну забавную штуку, — сказал он. — За день до отлета я получил письмо от одного парня, с которым мы вместе кантовались на «Мариестоупсе», классный такой парень — Уолсамстоун, британец. В первую очередь на Земле он напился и стал бузить. Его взяли на месте и дали срок. Судя по его словам, он тогда попсиховал. Как бы то ни было, в тюрьме он встречает голубого, и тот переделывает его на свой лад, делает своим. Отсидев, Уол отправляется в Геттовиль за своей любовью. Сейчас они как два голубочка!

От такой мысли Квилтер разразился хохотом.

Бородатый юнец под именем Самюэля Мелмуса, до сих пор хранивший молчание, спокойно заметил:

— Мне это не кажется таким уж смешным. Всем нам необходима какая бы то ни было любовь, как это следует из твоих рассказов. Я бы подумал, что твой друг заслуживает жалости.

Квилтер перестал смеяться и взглянул на Мелмуса, отерев рот рукой:

— Послушай, Мак, что ты пытаешься мне вдолбить? Я смеюсь только над забавными вещами, происходящими с людьми. И с какой стати Уолу нужна твоя чертова жалость? У него же был выбор, правда? Он мог заняться после тюряги всем чем угодно, не так ли?

Мелмус был сейчас похож на своего отца, носившего другую фамилию, — такой же упрямый, обиженный.

— Но ты же сказал, что его совратили.

— Хорошо, хорошо, его совратили. А теперь скажи-ка мне, всех нас не совращают периодически то одним, то другим? Когда мы отказываемся от своих правил, так ведь? Но если эти правила сильнее, то мы не поддаемся, верно? Так что это личное дело самого Уола.

— Но если бы с ним рядом оказался друг...

— Ни друзья, ни совращенцы, ни враги здесь ни при чем... Все так, как я сказал. Это его личное дело. И за все, что с нами случается, мы отвечаем сами.

— Ну, это уж бред, — запротестовал Улей.

— Вы все больные — вот в чем ваша проблема, — сказал Квилтер.

— Улей прав, — вставил Мелмус.— Мы все проходим эту жизнь с большим грузом проблем, чем она может вместить.

— Слушай, парниша, тебя никто не просил высказываться. Придержал бы ты при себе свое мнение, — сказал Квилтер.

— Что я и делаю.

— Я откажу себе в удовольствии заткнуть тебе глотку. У меня полно своих забот, да и потом я считаю, что у нас есть свобода слова. Я делаю то, что мне хочется, понял?

В этот момент включился громкоговоритель:

«Внимание. Рядовой Хэнк Квилтер, № 307, Хэнк Квилтер, № 307, немедленно пройдите в кабинет консультанта полета на палубе сканирования, кабинет консультанта полета на палубе сканирования. Конец связи».

Квилтер с ворчанием отправился выполнять приказ.

Консультант полета Брайан Латтимор не любил свой кабинет, располагавшийся на палубе сканирования. Призванный установить гармонию между ним и Вселенной Баззарда, кабинет был отделан в так называемом Ур-органическом стиле, с барельефами из пластика различных оттенков, покрывавшими стены, пол и потолок. Рисунок отделки представлял собой поверхности кристаллов оксида молибдена, увеличенных в 75000 раз.

Но консультант полета Брайан Латтимор очень любил свою работу. Раздался стук в дверь, и мистер Латтимор дружеским кивком головы предложил вошедшему рядовому Квилтеру занять кресло.

— Квилтер, вы знаете, зачем мы собираемся наполниться вакуумом. Мы отправляемся на поиски планеты этих пришельцев, которых называют, кажется, риномэнами. Моя задача — заранее продумать некоторые вопросы тактики нашего поведения при обнаружении этой планеты. Сейчас я просматриваю список экипажа и наткнулся на ваше имя. Ведь вы были на «Мариестоупсе», когда обнаружили первую группу риномэнов?

— Сэр, я тогда состоял в Исследовательском корпусе. Я был одним из тех, кто буквально наткнулся на них. Я убил трех или четырех, когда они пошли на меня. Видите ли...

— Это очень интересно, Квилтер, но нельзя ли немного помедленнее.

Латтимор слушал подробный рассказ Квилтера, уставившись в окружавшие его молибденовые кораллы, машинально кивая и ковыряя в носу.

— Вы уверены, что эти существа собирались напасть на вас и атаковать? — спросил он, надевая очки, чтобы лучше видеть Квилтера.

Тот поколебался, прикинул, какой может оказаться реакция Латтимора, и ответил правдиво, как только мог:

— Скажем так, сэр. Они двинулись нам навстречу, а мы их опередили.

Латтимор улыбнулся и снял очки.

Отпустив рядового, он нажал на кнопку, вошла миссис Вархун, в ярком костюме с неглубоким вырезом, который ей очень шел, со счастливым блеском в глазах, который говорил о том, как ей нравилась свобода во Вселенной Баззарда.

— Сказал Квилтер что-нибудь интересное? — Она села за стол, стоявший рядом со столом Латтимора.

— Косвенно. Внешне его отношение вполне цивилизованное. Мы знаем о риномэнах, как он их называет, очень мало, и пока не выяснится, являются ли они просто необычными свиньями или же чем-то большим, мы оставляем им шанс. Но в душе своей он уверен, что это крупная дичь, поскольку сам отстреливал их как крупную дичь. Ты знаешь, если даже они окажутся блестящими мыслителями и все такое прочее, наши с ними взаимоотношения все равно будут чертовски сложными.

— Да. Ибо в том случае, если они окажутся блестящими мыслителями, их способ мышления должен резко отличаться от нашего.

— И не только это. Философы, живущие в грязи, никогда не смогут добиться признания на Земле, ибо грязь производит на толпу куда большее впечатление, чем философия обитающих в ней.

— Но, к счастью, здесь мы можем не обращать внимания на мнение толпы.

— Ты так думаешь? Хилари, ты до сих пор изучала космос теоретически, а у меня уже есть опыт транспонентальных полетов, и я знаю, что за странная атмосфера возникает на корабле. Это похоже на гротескную версию «К востоку от Суэца» Киплинга. Как там говорится? «Перенеси меня куда-нибудь к востоку от Суэца, где добро становится злом и где не властны десять заповедей...»

Когда ты вступаешь на планету, лежащую под чужим солнцем, добро очень мало отличается от зла. И ты чувствуешь своего рода свободу, можешь делать все что угодно, потому что на Земле никто тебя не осудит за это, и это «все что угодно» — неотъемлемая часть всех желаний толпы.

Миссис Вархун положила на стол кончики четырех гибких пальцев.

— Это выглядит очень низко.

— Черт, но подсознательные стремления человека действительно низки. Не думай, что я обобщаю. Я слишком часто видел такое состояние, одолевающее человека. Возможно, исключением был один Эйнсон. И я ощущаю это в себе.

— Боюсь, что теперь я тебя не понимаю.

— Не обижайся, я чувствую, что твоему Квилтеру очень понравилось стрелять в наших друзей. Охотничий инстинкт! Если бы я увидел их, пасущихся в степи, с удовольствием сам пустил бы пулю.

Голос миссис Вархун стал заметно жестче:

— Что же ты собираешься делать, если мы найдем планету ВЗП?

— Ты знаешь что: следовать логике и разуму. Но это лишь деловая маска. И я услышу, как моя другая половина зашепчет: «Латтимор, эти существа не чувствуют боли, разве может их душа быть развитой настолько, чтобы, не испытывая страданий, оценить какой-нибудь аналог поэм Байрона или Второй симфонии Бородина?» И я скажу сам себе: каковы бы ни были ее прочие заслуги, если она не может переживать боль, это выше моего понимания.

— Но в этом и кроется загадка, потому-то мы и должны попытаться понять, что... — Она выглядела очень привлекательно со сжатыми кулачками.

— Я все это знаю. Но ты говоришь с точки зрения интеллекта. — Латтимор откинулся в кресле. Ему нравилось подавлять Хилари своей мужской логикой. — Но я слышу также голос Квилтера, голос толпы, вопль, идущий не просто из глубины сердца, а из кишок. Он говорит мне, что какими бы талантами ни обладали эти существа, они все равно стоят ниже всех быков, зебр или тигров. Во мне действует первобытный инстинкт, как и в Квилтере, заставляющий выстрелить.

Теперь она уже барабанила кончиками всех восьми пальцев, но все-таки нашла силы рассмеяться ему в лицо.

— Брайан, ты играешь в интеллектульную игру с самим собой. Я уверена, что даже этот простой Квилтер

представил оправдание своим действиям. Значит, даже он чувствует вину за содеянное. А ты как человек более интеллектуальный сможешь обезопасить себя заранее, используя самоконтроль.

— «К востоку от Суэца» интеллектуал может найти для себя гораздо больше оправданий, чем кретин.

Увидев на ее лице досаду, он смягчился:

— Впрочем, как ты выражаешься, я скорее всего просто играю сам с собою. Или с тобою.

Как бы машинально, он положил свою руку на ее пальцы, будто это были молибденовые кристаллы. Она высвободила их:

— Я хочу сменить тему, Брайан. У меня есть полезное, на мой взгляд, предложение. Как ты думаешь, ты сможешь найти мне добровольца?

— Для чего?

— Для того чтобы высадиться на незнакомую планету.

Далеко, на чужой планете под названием Земля, третий священник, которого звали Блу Лугуг, пребывал в состоянии умственного расстройства. Он лежал, привязанный к скамье множеством крепких холщевок, которые полностью опоясывали то, что от него осталось. Несколько проводов соединяли его тело и конечности с целым рядом периодически издававших бульканье машин. Один особый провод был подключен к особому инструменту, с которым работал особый человек в белой одежде; когда человек пододвинул рукой печень, в мозгу третьего священника произошло что-то непонятное, не поддающееся описанию. Это было самое ужасное ощущение из всех, которые он когда-либо испытывал. Теперь он понял, как прав был преосвященник, относя к этим тонконогим эпитет «плохой».

Перед ним возвышалось нечто плохое-плохое-плохое, сильное, здоровое и гигиеничное, и постепенно уничтожало его разум.

Непонятное ощущение повторилось.

На месте чего-то восхитительного, набиравшего силу, воспоминаний или ожиданий — кто знает — развернулась пропасть, которую уже ничто не могло заполнить.

Один из тонконогих заговорил. Задыхаясь, священник повторил:

— Реакции мочевого пузыря тоже нет. У него нет реакции на боль во всем теле.

Он все еще цеплялся за надежду, что, услышав, как он воспроизводит их речь, они окажутся достаточно разумными, чтобы прекратить экзекуцию.

Какая бы там каша ни варилась в их безмозглых головенках, они отнимали у него шанс войти в стадию кэрриона; ибо две его конечности уже были отпилены — уголком своего замутненного глаза он заметил жбан, в который их поместили, — и полное отсутствие амповых деревьев ставило крест на возможности продолжения жизненных циклов. Впереди была пустота.

Он закричал, подражая им, но, забыв об ограниченности человеческих возможностей, ушел в верхний регистр, и звуки получились искаженными. Его осьминожные конечности были усеяны, как пиявками, множеством крошечных инструментов.

Ему требовалась поддержка преосвященника, его божественной матери и отца в одном лице. Но тот, очевидно, подвергался такому же медленному расчленению. Грогов там не было — он уловил их горестные возгласы из другого конца комнаты в ультразвуковом диапазоне. Затем его опять охватил приступ тупой беспомощности, и он перестал слышать — но что-то у него пока еще оставалось... что? И это тоже ушло.

Несмотря на головокружение, он разглядел, как к фигурам в белом присоединилось еще несколько. Ему показалось, что он узнал одну из них. Она очень походила на ту, что совсем недавно ежедневно надоедала ему.

Человек то что-то кричал, и, превозмогая усиливающееся головокружение, священник попытался повторить, показывая, что узнал его:

— Я не могу вынести вида этого, что вы делаете — это нельзя было делать никогда!

Но тонконогий, если даже это был он, не признался. Он обхватил руками переднюю часть своей верхней головы и быстро вышел из комнаты, практически как если бы...

Тупое ощущение возникло еще раз, и белые фигуры с интересом взглянули на свои приборы.

Директор Экзозоопарка лежал на кушетке и через соску поглощал раствор глюкозы. В чувство его приводил бывший ученик, а теперь член Исследовательского корпуса с дипломом исследователя. Гусси Фиппс, прилетевший из Макао, был уютным человеком.

— Вы изменили своей стойкости, сэр Михали. Вам следует переключиться на синтетическую пищу — это пойдет вам на пользу. Хорошо же впадать в расстройство при виде вивисекции! Сколько вы их сделали собственными руками?

— Знаю, знаю, не напоминай. Меня просто смутило именно это существо, которое постепенно разделывали на мелкие кусочки на камне, а оно не показывало никаких признаков боли или ужаса.

— Что скорее ему в помощь, чем во вред.

— Боже, я все понимаю! Но эта его ужасающая кротость! В какой-то момент я почувствовал, что присутствую на генеральной репетиции встречи человека с любой какой бы то ни было новой цивилизацией. — Он неопределенно показал на потолок. — Или, может быть, я хочу сказать, что под научным этикетом вивисекции я разглядел в человеке сохранившуюся с древних времен жажду крови. Для чего существует человек, Гусси?

— Такой взрыв пессимизма очень похож на вас. Мы движемся прочь от первобытного, грязного, животного начала к светлому духовному. Это долгий путь, но...

— Да, этот ответ я часто давал сам. Быть может, мы не столь совершенны сейчас, но будем когда-нибудь в будущем. Но правда ли это? Не в грязи ли наше место? Не было бы более здоровым и разумным оставаться в ней? Не ищем ли мы постоянно одного оправдания своим поступкам? Подумай только, как в нас по-прежнему много примитивных инстинктов, в которых мы не видим ничего плохого: вивисекция, расторжение брака, косметика, охота, войны, обрезание — хватит, не могу больше. Когда мы чего-то достигаем, это всегда страшно фальшиво —

как те фантазии с синтетической пищей, вдохновленные помешательством на диете в прошлом столетии и боязнью тромбоза. Мне пора в отставку, Гусси, на какие-нибудь более легкие вершины, где светит солнце, пока я еще не слишком стар. Я всегда считал, что количество мыслей в голове человека обратно пропорционально количеству окружающего его солнечного света.

Зазвенел дверной колокольчик.

— Я никого не жду, — сказал Пацтор с несвойственной ему раздражительностью. — Гусси, посмотри, кто там, и выпроводи их поскорее. Я хочу, чтобы ты рассказал мне все о Макао.

Фиппс ушел для того, чтобы вернуться с плачущей Энид Эйнсон.

Яростно досасывая глюкозу, Пацтор принял менее удобную позу, убрав с кушетки одну ногу.

— Михали, Брюс исчез! — прорыдала Энид. — Я уверена, он что-нибудь с собой сделал. О, Михали, его было невозможно успокоить. Что же мне делать?

— Когда ты видела его в последний раз?

— Он не мог перенести того, что его не взяли на «Ганзас». Я знаю, он покончит с собой. Он часто говорил, что сделает это.

— Энид, когда ты видела его последний раз?

— Что же мне делать? Надо сказать бедному Альмеру!

Пацтор поднялся с кушетки и, подходя к видеотелефону, взял Фиппса за локоть.

— Гусси, поговорим о Макао в другой раз.

Пока он звонил в полицию, Энид по-деловому всхлипывала перед ним.

А Брюс Эйнсон был уже вне досягаемости земной полиции.

В день запуска «Ганзаса» стартовало еще одно судно, о котором сообщалось гораздо меньше. Системный корабль начал свой путь через всю эклиптику с маленького космодрома на восточном побережье Англии. Системные корабли отличались от прочих тем, что вместо транспонентального двигателя в них в качестве топлива все еще

использовалось большое количество ионов. Они выполняли различные функции в пределах Солнечной системы, а берега Британии в последнее время покидали в качестве военного транспорта.

«И. С. Брюннер» не являлся исключением. Это был транспортный корабль, до отказа набитый свежими силами для Англо-Бразильской войны на Хароне. В составе этого подкрепления под фамилией Б. Эйнсона числился никого не интересовавший стареющий клерк.

Харон, угрюмый пария семьи Солнца, известный среди солдат как планета Вечной Мерзлоты, был открыт в телескоп лунной обсерватории Уалкинса-Прессмана. А потом, через два десятилетия участники первой экспедиции на Харон (среди которых был блестящий венгерский драматург и биолог Михали Пацтор) обнаружили, что планета имеет форму идеального бильярдного шара около трехсот миль в диаметре (307,558 миль по данным последнего издания Бразильского военного справочника и 309,567 миль — его британского аналога). Это был гладкий, скользкий, белый, однородный в химическом отношении шар. Достаточно плотный, хотя и поддающийся скоростному бурению.

Сказать, что Харон лишен атмосферы, значило бы допустить неточность. Гладкая белая поверхность и была атмосферой, которую сформировал холод длинной и невообразимо утомительной вечности, кативший этот пустынный морг вдоль орбиты, по какой-то случайности опоясывавшей звезду первой величины по имени Солнце.

Исследование проб атмосферы показало, что она состоит из плотной неизвестной смеси инертных газов, которую невозможно получить в условиях земных лабораторий.

По данным сейсмографов, под этой поверхностью лежало каменное и лишенное какой бы то ни было жизни ядро настоящего Харона, имевшего двести миль в поперечнике.

Планета Вечной Мерзлоты была идеальным местом для ведения войн.

Несмотря на все преимущества, которые они приносят торговле, войны действуют разрушающе на человеческое тело, поэтому ко второму десятилетию двадцать первого

века для войн было создано множество правил, условий и ограничений, которые можно было бесконечно усовершенствовать, подобно игре в бейсбол или законодательному проекту. Из-за перенаселенности Земли все войны перенеслись на Харон, который был расчерчен огромными линиями параллелей и меридианов в подобие космической доски для игры в дротики.

На Земле мир должен был поддерживаться любыми способами, и потому зачастую составлялись списки желающих повоевать на Хароне, причем наиболее престижными считались экваториальные районы, куда поступало чуть больше света. Англо-Бразильская война, тянувшаяся с 1999 года, занимала секторы 159—260, по соседству с явано-гвинейским конфликтом. Она называлась Продолжительным конфликтом.

Продолжительный конфликт велся при многочисленных и сложных правилах.

К примеру, строго ограничивались орудия уничтожения. Также закрывался доступ к Харону некоторых высококвалифицированных специалистов, которые могли бы создать неоправданное преимущество для одной из сторон.

Штрафы за нарушение этих правил устанавливались очень высокие. И, несмотря на все предосторожности, враждующие стороны несли большие потери.

Потому-то на Хароне требовался цвет английской молодежи, не говоря о тех, кто уже вступил в пору зрелости.

Воспользовавшись этим, Брюс Эйнсон записался в качестве человека, не занимающего никакого положения, и незаметно выскользнул из поля зрения общества.

Несколько сот лет назад он скорее всего вступил бы в Орден крестоносцев.

Во время светового десятичасового перелета, разделявшего Землю и Харон, он мог бы с презрением размышлять о красивой ремарке сэра Михали о том, что количество мыслей в человеческой голове обратно пропорционально количеству солнца вокруг него. Он мог бы заняться подобными размышлениями, если бы это было возможно в набитом до отказа «Брюннере». Но Эйнсон вместе со своими товарищами высадился на планету Вечной Мерзлоты уже с замороженными воспоминаниями.

Глава 11

Если вы интеллектуал, один из способов доказать обратное — это ходить взад-вперед по палубе сканирования, неряшливо закатав рукава своей рубахи. Вложив в зубы свежую крепкую сигару, вы прогуливаетесь и громко смеетесь над своими шутками или же смеетесь над шутками своего собеседника. Таким образом, матросы, приходя сюда для того, чтобы поглазеть на Вселенную, видят, что и вам ничто человеческое не чуждо.

Латтимор подумал, что второй штурман Марсель Глит, с которым он беседовал в эту минуту, совершенно не справляется со своей ролью. Смеяться над тем, что сказал Глит, было верхом неприличия. Глит был обвенчан с серьезностью, и их брак походил скорее на похоронную процессию.

— ...вполне возможно, — говорил тот, — что созвездие с указанными координатами может оказаться родиной наших пришельцев. Вокруг шести звезд образуется около пятнадцати планет, и по мнению Меллора из Георазведки, с которым я разговаривал в прошлую вахту, похоже, что по крайней мере шесть из них земного типа.

Латтимор подумал, что посмеяться здесь было действительно не над чем, хотя зрители были — несколько матросов гоготали около главной доски объявлений над обращением миссис Вархун.

— Поскольку все шесть земных планет расположены на расстоянии двух-трех световых лет от Клементины, — продолжал Глит, — представляется вполне разумным продолжить поиски там. Еще одно их неоспоримое преимущество в том, что они отстоят друг от друга всего на несколько световых дней.

Здесь можно вставить хотя бы одобрительную усмешку.

Глит продолжал свои рассуждения, но вахтенный гонг напомнил ему о цели посещения палубы сканирования, и он направился в навигационный отсек. Латтимор отвернулся и стал смотреть в иллюминатор, прислушиваясь к комментариям трех человек, разговаривающих сзади.

— «Вклад в будущее человечества!» Это мне нравится. — воскликнул один из них, прочитав объявление.

— Да, но заметь, что после взывания к твоим лучшим чувствам они в оправдание предлагают пожизненную пенсию, — заметил один из его товарищей.

— За такую плату я не дал бы замуровать себя заживо на пять лет на чужой планете, — сказал третий.

— А я бы согласился, чтобы избавиться от вас, — отпарировал первый.

Латтимор согласился с мыслью, что это обычный древний способ подшучивания через оскорбления. Он часто размышлял над этим словесным насилием, воспринимаемым людьми как остроумие, — вне сомнения, тем самым человек очищался от ненависти к своим собратьям. Его совсем не трогали замечания в адрес миссис Вархун. Как бы она ни была холодна, в ее идее заключалось рациональное зерно, ибо существует много различных типов мужчин, в частности и такие, что могли бы откликнуться.

Он смотрел во Вселенную, которую «Ганзас» окружал в данный момент. На фоне утробной темноты мерцало несколько близких и туманных огней. Они напоминали пчелиные соты, как их видит пьяная пчела крупным планом — нечетко, с искажениями в оптическом нерве. Но, как говорят ученые, оптический нерв человека не приспособлен к восприятию реальности.

Поскольку истинную природу Вселенной могли описать лишь транспонентальные уравнения, получалось, что это неясное мерцание, похожее на ухмыляющегося мелкого рачка с усом голубого кита, и было тем, что в действительности представляют собой звезды.

«Платон, — подумал Латтимор, — понему тебя нет здесь сейчас!»

Он оторвался и направил свои мысли в кухню. Что бы вы ни говорили, ничто так не способствует установлению гармонии между человеком и Вселенной, как хороший синтетический бифштекс.

— Но, Михали, — продолжала Энид Эйнсон, — с тех пор как Брюс познакомил нас, я всегда думала, что ты тайно привязан ко мне. Я имею в виду твои взгляды и

что ты согласился стать крестным отцом Альмера — ты всегда заставлял меня считать, что... — Она сжала руки. — А ты лишь забавлялся.

Он был настроен очень официально — скала, о которую разбивались волны ее пафоса.

— Быть может, я отношусь ко всему с естественной учтивостью, Энид, но ты увидела в ней больше, чем есть на самом деле. Единственное, что я могу сделать, так это сердечно поблагодарить тебя за столь лестное предложение. Но...

Неожиданно она вскинула голову. Теперь была очередь разгневаться — довольно унижений. Она сделала властный жест.

— Ты можешь больше ничего не говорить. Я скажу лишь, что мысль о твоей воображаемой привязанности — как часто я, глупая, представляла, что только дружба с Брюсом удерживала тебя от ухаживаний, — была единственным, что в эти годы поддерживало меня.

— Постой, я уверен, что ты преувеличиваешь...

— Сейчас говорю я! Теперь я вижу, что все твои шурымуры, этот поддельный венгерский шарм ничего не значат. Ты всего лишь подделка, Михали, романтик, питающий отвращение к романам, донжуан, который боится женщин. Прощай, Михали, и будь ты проклят! Из-за тебя я потеряла и мужа, и сына.

Она хлопнула дверью.

Михали трясло. Он приложил руки к пылающим щекам и старался не смотреть на себя в зеркало.

Самым ужасным было то, что, не испытывая ни малейшего физического интереса к Энид, он восхищался ее силой духа, и, зная, каким сложным человеком был в действительности Брюс, он действительно поддерживал ее теплыми взглядами и случайными рукопожатиями — лишь для того, чтобы показать, что кто-то в этом мире способен оценить ее добродетели.

Вот уж действительно — остерегайтесь жалости!

— Дорогой мой, она уже ушла?

Он услышал требовательный голос своей любовницы из гостиной, примыкавшей к залу. Конечно, она подслушала всю сцену с Энид. Не было сомнений, что вернув-

шаяся с пленэра на Персидском заливе или где-нибудь еще очаровательная А Чи проявит к инциденту большой интерес.

На следующую вахту после того, как Брайан Латтимор почувствовал себя мелким ракообразным, к миссис Вархун пришел доброволец. Это событие повергло ее в невероятное возбуждение, и Латтимор поспешил не упустить случая обхватить ее за полные плечи.

— Спокойно, Хилари! Ужасно видеть хорошенького космографа в таком волнении. Вы хотели получить волонтера, вот и получили. Теперь идите и поразите его.

Немного смутившись, миссис Вархун высвободилась. Что за сильные животные эти мужчины! Одному Богу известно, на что будет похож этот, если при очередной посадке он метафорически перенесется к востоку от Суэца. По крайней мере у женщины есть свои средства защиты: она всегда может сдаться.

— Это особый волонтер, мистер Латтимор. Говорит ли вам что-нибудь имя Самюэля Мелмуса?

— Абсолютно ничего. Хотя, стоп! Боги и печные горшки! Это же сын Эйнсона! Вы имеете в виду — он и есть волонтер?

— На рабочей палубе он не пользуется популярностью и чувствует себя одиноко. Один его приятель по имени Квилтер поставил ему синяк.

— Опять Квилтер? Он там, кажется, заводила. Надо поговорить с капитаном.

— Я хочу, чтобы вы постояли со мной, покуда я излагаю дело этому молодому Эйнсону, конечно, если вы не очень заняты.

— Хилари, я готов постоянно стоять рядом с вами.

Ур-органический стиль (как и все прочие названия течений в искусстве, неточный по причине своей бессмысленности) придавал кабинету миссис Вархун невыносимо капризный вид. По потолку, полу и стенам пролегали переплетающиеся друг с другом увеличенные во много раз волокна тканей. В центре сидел одинокий Альмер Эйнсон с зеленым фонарем под одним глазом и го-

ловой, практически слившейся со вздувшейся шеей. Увидев входивших миссис Вархун и Латтимора, он встал навстречу.

«Бедняга, — подумал Латтимор, — только женщина или эвкалипт могли заключить, что парень решил замуровать себя на чужой планете из-за такой ерунды, как синяк. Вся его жизнь, и жизнь его родителей, и родителей его родителей, и так далее вплоть до тех первых спятивших умников, которые решили, что их не устраивает жизнь животных, были прелюдией к принятию им такого решения. Подбитый глаз послужил лишь поводом. А кто, кроме самого Бога, может поручиться, что этот повод был случайностью? Быть может, ребенку пришлось спровоцировать насилие, чтобы удостовериться в том, что внешний мир есть сплошная агрессия».

Какой-то частью сознания Латтимор подумал (и не без удовлетворения): «Меня неправильно воспитывали, иначе этот мальчик, поднявшийся с видом осужденного на казнь, не смог бы вызвать подобной цепочки рассуждений».

— Садитесь, мистер Мелмус, — сказала миссис Вархун приятным голосом, который Латтимор нашел неприятным. — Это консультант полета мистер Латтимор. Он также хорошо знаком с проблемой общения, которая перед вами возникнет, и может дать кое-какие советы.

— Здравствуйте, сэр, — молодой Эйнсон улыбнулся подбитым глазом.

— Сначала о программе-максимум, — начала миссис Вархун и с очаровательной самоуверенностью вставила фразу из военного жаргона, — обрисую обстановку, как говорится. Мы выйдем из ТП-полета около созвездия, содержащего по меньшей мере пятнадцать планет, шесть из которых, по данным видеообзора с «Мариестоупса», обладают атмосферой, близкой к земной. Как вы знаете, наших пришельцев нашли неподалеку от космического корабля — и мы надеемся в ближайшее время определить, принадлежал ли он им или же какому-нибудь другому виду, так или иначе с ними связанному. Присутствие корабля предполагает отлаженность космического сообщения в пределах созвездия. В таком случае нам потребуется обследовать все населенные планеты.

Еще на Земле было решено установить на первой планете автоматический пост наблюдений.

А теперь у меня возникла идея, которую одобрил капитан Песталоцци. Она заключается в том, чтобы оставить на наблюдательном посту человека. Поскольку мы сможем обеспечить его пищей и всем необходимым, а судя по нашим пленникам, аборигены не должны относиться к нам враждебно, он сможет чувствовать себя в безопасности. Итак, вы согласились стать этим волонтером.

Они улыбнулись друг другу с облегчением. Но разглядел ли этот мальчик, спросил себя Латтимор, ложь, скрытую в словах миссис Вархун? Кто знает, какие опасности могут таиться на родной планете этих риномэнов и не живет ли там некая разновидность фермеров, для которых они служат аналогом наших селекционных датских ландграйских свиней?

И кто знает, в какого дьявола может превратиться этот современный святой Антоний в незнакомом, чуждом его природе окружении? В отличие от других, от этого зла невозможно было оградиться.

— И естественно, мы проследим, чтобы вы были хорошо вооружены, — сказал он вслух и по взгляду миссис Вархун понял, что она восприняла это как маленькое предательство.

Сжав губы, она повернулась к Эйнсону:

— Теперь о том, что от вас требуется. Мы надеемся, что вы научитесь общаться с ними.

— Но ведь специалисты на Земле не смогли ничего добиться. Как же вы хотите, чтобы я...

— Мы вас научим, мистер Мелмус. До нашего выхода из ТП еще целых восемь дней по земному исчислению, и за это время можно горы свернуть. На Земле задача могла казаться невыполнимой, но на родной планете этих существ она может значительно облегчиться. Наши пришельцы могут проявить гораздо большую общительность у себя дома.

Мы думаем, что их реакцию парализовало увиденное на Земле, начиная от наших звездных кораблей и так далее. Вы, вероятно, знаете, что мы произвели вивисек-

цию шести тел разных возрастов. Анализ их костных тканей заставляет думать, что они живут несколько сот лет, и в пользу этого говорит их нечувствительность к боли.

Если все это так, то у них должно быть продолжительное детство.

Здесь я подхожу вплотную к следующему вопросу. Любой биологический вид способен чему-либо научиться в начальный период всей своей жизни, в младенчестве, и мы думаем, что это правило должно соблюдаться во всех галактиках.

На Земле дети, по каким-либо причинам не научившиеся говорить до двенадцати-тринадцати лет, уже теряют шанс навсегда. Это подтверждается многими примерами, например в Индии, когда дети вырастали среди обезьян или волков. Если упущено в детстве, им уже не суждено обрести дара речи.

Поэтому я считаю, что возможность выучить наш язык имеют только детеныши этих существ. Одна из наших задач — поселиться как можно ближе к одному из таких младенцев.

Мы не отрицаем, что установить контакт с ними может оказаться невозможным. Но такой вывод должен иметь подтверждение.

Высадив вас, корабль займется обследованием остальных планет созвездия: безусловно, мы возьмем с собой на Землю несколько этих существ или даже создадим базу на одной из других планет — это будет уточняться по ходу дела. Как бы то ни было, вы — мой проект номер один.

Минуту Альмер молчал, он думал о том, как велика воля случая. Совсем недавно он был неотъемлемым звеном в цепочке личных взаимоотношений, состоявшей из его отца, матери, его девушки и в меньшей степени — дяди Михали. Теперь, когда он обрел кажущуюся свободу, его интересовал лишь один вопрос:

— Как долго я буду находиться на этой планете?

— Не больше года, это я обещаю. — Миссис Вархун с облегчением заметила, как расправились его брови.

Опять все трое переглянулись, улыбаясь, но во взглядах мужчин чувствовалась неловкость.

— Как ты сам ко всему этому относишься? — с сочувствием спросила миссис Вархун Альмера Эйнсона.

«Ради дьявола, скажи ей, что понимаешь, как далеко от желудка ты вытянул свою шею, — подумал Латтимор, играя метафорой, которая пришла ему в голову несколько дней назад. — Скажи, что не можешь так дорого заплатить за необходимый тебе катарсис. Или обратись за помощью ко мне, и я скажу это за тебя».

Молодой человек действительно посмотрел на Латтимора, но в его взгляде были скорее гордость и возбуждение, чем призыв к помощи.

«Хорошо, — решил Латтимор, — значит, мой диагноз был полной нелепицей; он — скорее победитель, чем побежденный. Человек, который отвечает за себя сам».

— Это назначение делает мне честь, — сказал Альмер Эйнсон.

Глава 12

Вселенная заняла свое обычное положение, подобно собаке, на которую шикнули. Теперь уже не «Ганзас» окружал ее, а она обволакивала огромный корабль, который задним ходом приземлялся на планету. Планету окрестили Песталоцци, в честь капитана, хотя, как заметил штурман Глит, существуют и более приятные имена.

На Песталоцци все было чудесно.

В приземных слоях воздуха содержалось необходимое количество кислорода и отсутствовали какие бы то ни было вредные для земных легких испарения. Не нашлось даже бактерии или вируса, с которыми в случае необходимости не справился бы медицинский отсек.

«Ганзас» приземлился вблизи экватора. Днем температура поднималась не выше двадцати градусов Цельсия, а ночью не опускалась ниже девяти.

Период обращения вокруг оси составлял двадцать четыре часа девять минут, что вполне соответствовало зем-

ному. Это означало, что здесь любая точка экватора движется быстрее, чем на Земле, и весь мир обладает гораздо большей массой.

На корабле после дневной суеты объявились часы отдыха. Большая часть команды сбрасывала вес, ибо на Песталоцци все утяжелялось в три раза.

Наградой за эти неудобства послужила встреча с местными жителями.

В первые два дня после приземления, когда еще проводился анализ состава атмосферы, солнечной радиации, радиоактивности, магнетизма и прочих характеристик, «Ганзас» выпускал на разведку небольшой разведывательный катер, который также был призван снять космофобию.

В одну из таких высадок за рулем сидел Улей, четко следовавший инструкциям Латтимора. Последний пребывал в состоянии дикого возбуждения, которое передавалось сидевшему рядом рядовому Хэнку Квилтеру.

Вцепившись в поручень, они не отрывали глаз от расстилавшейся под ними желто-коричневой равнины, которая походила на грудь несущегося им навстречу непонятного животного...

«Животного, которое мы должны будем приручить и обуздать, — думал Латтимор, пытаясь разобраться в смятении, охватившем его сердце. — Как выражалось большинство писак прошлого столетия — не боги горшки обжигают! Они угадали очень многое. Потому что ощущение всеми своими клетками действия чужой гравитации, стремление подчинить себе землю, никогда не испытывавшую до сих пор воли человека, и желание быть первым, — все это от одной яблони яблоки».

Это было похоже на возврат к детству, далекому первобытному детству. Когда-то, давным-давно, ты покинул лавандовые заросли Сада и ступил на terra incognita. Сейчас это повторялось, вплоть до каждого листочка лаванды.

Он очнулся.

— Тормози, — скомандовал он, — впереди незнакомцы.

Они зависли над широкой равнинной рекой с зеленым руслом. Поблизости работали или отдыхали в тени деревьев отдельные группы риномэнов.

Латтимор и Квилтер переглянулись.

— Опускаемся, — приказал Латтимор.

Улей посадил катер с большей нежностью, чем если бы это была женщина.

— На всякий случай возьмите с собой винтовки.

Они захватили винтовки и осторожно спустились на землю. При такой силе тяжести можно было запросто сломать лодыжки, несмотря на самодельные подпорки до бедра, которые они все надевали под брюки.

Примерно в восьми ярдах к западу виднелась роща деревьев. Туда-то они и отправились, пробираясь между рядами каких-то культурных растений, напоминавших салат, но только с более крупными и жесткими, как у ревеня, листьями.

Деревья оказались гигантских размеров, но распознать их можно было только по бесформенным стволам, которые подпирали расстилавшуюся листву. Их контуры напоминали тела риномэнов с двумя заостренными головами. В некоторых местах прямо в воздух отходили корни, напоминая растопыренные пальцы. На концах этих корней обильно и как-то странно шелестели мелкие листики, и их движение поразило видавшего виды Латтимора.

Из щетинистых зарослей выпорхнула и направилась в сторону низких холмов на противоположном берегу реки четырехкрылая птица, похожая на бабочку размером с орла. Под деревьями стояло около шести риномэнов, наблюдавших за приближавшимися тремя мужчинами со вскинутыми винтовками. Латтимор узнал запах и снял с винтовки предохранитель.

— Я не ожидал, что они такие большие, — сказал Улей тихо. — Они собираются напасть на нас? Мы не сможем бежать — быть может, лучше вернемся к катеру?

— Они того гляди бросятся, — отирая рукой мокрые губы, сказал Квилтер.

Латтимор был уверен, что мягко покачивавшиеся головы незнакомцев выражали лишь любопытство, но ему стало легче от того, что Квилтер, как и он, контролировал ситуацию.

— Улей, не останавливайся.

Но тот обернулся через плечо и вскрикнул.

— Эй, они заходят с тыла!

Семеро незнакомцев, двое из которых были серого цвета и крупнее остальных, приближались к катеру, всем своим видом выражая любопытство. Они уже находились от него на расстоянии ярда, когда Улей опустил винтовку и выстрелил с бедра.

Он попал со второго раза. Все трое услышали, как пуля из калифорния разорвалась с силой, эквивалентной массе семнадцать тысяч тонн. Один из серых свалился с рваной раной на гладкой спине.

Остальные бросились к товарищу, и тут опять раздался выстрел из винтовки Улея.

— Прекратить! — крикнул Латтимор, но его голос заглушил выстрел Квилтера слева. А впереди у небольшого существа оторвались голова и плечи.

У Латтимора напряглись незнакомые мышцы лица и шеи. Он увидел, что остальные болваны не делали никакой попытки к бегству, не показывая ни гнева, ни ужаса. Они ничего не чувствовали! Если они сами не понимали всего могущества человека, их следовало научить. Еще не было вида, который не понимал, что такое человек и сила его оружия.

Для чего они еще годились, кроме как для мишеней?

Латтимор вскрикнул и вскинул свою винтовку, почти беззвучную и автоматически стреляющую пулями калибра 0,5 практически без отдачи. Его выстрел раздался одновременно с выстрелом Квилтера.

И так они стреляли, плечом к плечу, до тех пор, пока не разнесли всех незнакомцев на мелкие клочья. Теперь уже Улей призывал их остановиться. На лицах Латтимора и Квилтера были одинаковые выражения.

— Если бы мы низко летели на катере, то вспугнули бы их и били по отличной движущейся мишени. — Латтимор протер кончиком рубашки очки. Квилтер обтер сухие губы тыльной стороной ладони.

— Кто-то же должен научить их бегать, — согласился он.

А тем временем миссис Вархун в изумлении стояла перед олицетворением совершенства. Катер капитана, на

который ее пригласили, спустился, чтобы исследовать разбросанные руины в центре экваториального континента.

Здесь они нашли свидетельства уровня развития обитателей планеты.

Шахты, литейное производство, рафинадные заводы, фабрики, лаборатории, пусковые установки — все это было на стадии домашнего производства.

Промышленные процессы низводились до уровня народного творчества, космические корабли изготавливались в домашних условиях.

Прогуливаясь среди не обращавших на них внимания фыркавших туземцев, люди пришли к выводу, что попали в наидревнейшую цивилизацию.

Капитан Песталоцци остановился и зажег сигару.

Дегенераты, — сказал он. — Это же очевидно — дегенераты, деградирующая раса.

— Мне это не кажется очевидным, — возразила миссис Вархун. — Мы находимся слишком далеко от Земли, чтобы решить, очевидно это или нет.

— Да вы только посмотрите на них, — ответил капитан.

Он не испытывал к миссис Вархун сочувствия: она казалась ему слишком умной, и, когда отошла от него, он почувствовал только облегчение.

Именно после того пререкания она наткнулась на олицетворение совершенства.

Перед ней возвышалось несколько разбросанных зданий, скорее свободных с точки зрения стиля, чем заброшенных. Стены имели наклон внутрь, к резным крышам, они были из кирпича или же очень правильных камней, не связанных никакими растворами. Мысль о том, диктовался такой стиль утроенной гравитацией или же причудливой выдумкой архитектора, миссис Вархун решила оставить на потом. Она не любила делать поспешных выводов в отличие от капитана. Мысль о нем все не оставляла Хилари, когда она вошла в здание, внешне ничем не отличавшееся от остальных, и увидела статую.

Это было само совершенство.

Хотя совершенство — холодное слово. Здесь вместе с отрешенностью чувствовалась теплота.

С подступившим к горлу комком она обошла статую. Одному Богу известно, почему та стояла в этой вонючей лачуге.

Это было изображение одного из туземцев, бесспорно созданное его собратом. Оставалось загадкой, появилось оно на свет вчера или тридцать шесть веков назад. Эта мысль мелькнула у нее в голове несколько раз, и, задумавшись, она вдруг поняла, почему именно тридцать шесть веков.

Столько лет было сидячей статуе фараона восемнадцатой египетской династии, на которую она часто приходила любоваться в Британский музей. Как и многие другие, эта статуя была выдолблена из темного гранита, но какие-то необъяснимые черты, которые она улавливала и в том, что видела сейчас, делали ее особенной.

Незнакомец твердо стоял на шести конечностях, одну голову чуть-чуть приподняв над другой. Его большое симметричное тело заключалось между гладкими изгибами позвоночника и параболой живота. Она почувствовала, что находиться с ним под одной крышей было святотатством, ибо он олицетворял красоту. И впервые в жизни она ощутила всеми фибрами души, что такое красота.

Это союз человечности с геометрией, частного с общим, духа с телом.

Миссис Вархун вздрогнула. Инстинктивно она не хотела прикасаться к столь глубоким вещам, которые открывались перед ней.

Она поняла, что перед ними — цивилизованная раса, пришедшая к зрелости по пути, отличному от того, который выбрал человек. Эта раса с самого начала (или, быть может, за редкими исключениями) не вступала в конфликт с природой и окружающей средой. Они как бы символизировали друг друга. И потому противоборство с гранитом для существа, которое одновременно являлось философом и скульптором, духом и ремесленником, было противоборством с естественным покоем (или апатией, как сказали бы многие). Тогда как для человека это была борьба с враждебными силами.

В глубине души миссис Вархун понимала, что человеку никогда не удастся понять эту форму жизни, ибо то равновесие, в котором эта форма пребывала, исключало агрессию или подчинение. Поскольку они не испытывают ни боли, ни страха, они навсегда останутся чужды человеку.

Она обхватила грудь статуи, прислонилась виском к гладкому боку.

Она плакала.

Ибо все впечатления, охватившие ее при первом осмотре статуи, которые шли от разума, исчезли, оставив место чисто женским чувствам, от которых впоследствии ей было бы сложнее отказаться.

Она почувствовала в статуе человечность. Вот что напоминало в ней ту египетскую фигуру. Несмотря на абстрактность, в ней сохранились человечность или те качества, которые люди вкладывают в понятие человечности. Это было тем необходимым, что потеряло человечество. Она плакала над этой своей и общей потерей.

В то же мгновение ее меланхолию нарушили отдаленные крики. Послышались выстрелы и вопли туземцев, затем свист. Капитан Песталоцци либо попал в беду сам, либо готовил ее другому.

Очнувшись, она убрала волосы со лба и пошла к выходу, не оглядываясь на статую. «Как глупо я себя вела», — решила она.

Через четыре дня «Ганзас» уже отправлялся на следующую планету.

После событий первого дня все, за исключением весьма истеричной миссис Вархун, согласились с тезисом, что риномэны были дегенератами, хуже животных, и таким образом представляли собой справедливую добычу естественных высоких духовных устремлений человека. Одно- или двухдневная охота не причинила бы особого вреда.

Правда, тщательное обследование Песталоцци показало, что ней обитает всего несколько сот тысяч этих шестипалых, заселяющих пространство вокруг луж и искусственных болот; это выглядело так, как будто бы они оскорбляли старого Адама в своем Эдеме. Несколько

особей было схвачено и доставлено на борт «Ганзаса», вместе с предметами творчества тысячелетней давности, образцами растительной жизни и статуей миссис Вархун.

К сожалению, на планете оказалось мало других форм жизни: несколько видов птиц, шестиногие грызуны, ящерицы, панцирные мухи, рыбы и ракообразные в реках и океанах, интересная землеройка, обнаруженная в арктических регионах, опровергнувшая тезис о том, что небольшие теплокровные животные не приспособлены к холодным условиям. И немного еще. Постепенно отдел экзозоологии занимал весь корабль.

Они собирались стартовать, как только вернется разведка.

Миссис Вархун, корабельный священник, адъютант, Латтимор, Квилтер (который только что получил повышение на должность помощника Латтимора) отправились попрощаться с Самюэлем Мелмусом, или Альмером Эйнсоном, в отстроенном для него форте.

— Я надеюсь, все будет хорошо, — сказала миссис Вархун.

— Не бойся. У него достаточно оружия, чтобы перестрелять здесь все живое, — утешил ее Латтимор. Его раздражала победа над этой женщиной. С того первого дня на Песталоцци, когда она вдруг разговорилась и забралась к нему в постель, ее не покидали беспокойство и слезливость. Латтимор был достаточно гибким во взаимоотношениях с женщинами, но любил, чтобы знаки его внимания воспринимались с благодушием.

Он стоял у ворот форта, опершись на набедренные костыли, и чувствовал, в общем, гармонию со Вселенной. Остальные могли прощаться сколько угодно с Эйнсоном-младшим, но с него лично довольно общения с этим семейством.

Форт был обнесен проволокой высотой восемь футов, которая ограждала участок площадью около двух квадратных акров. По территории пробегал ручеек, и, за исключением помятой травы и поврежденных строительством форта деревьев, здесь все представляло собой типичный уголок Песталоцци. Около ручейка была выкопана

заводь, от которой шла дорожка к одному из низких домов туземцев. Вдоль заводи располагались салатные и растительные грядки, и весь вид очень живописно оттенялся разросшимися деревьями.

Под деревьями был установлен автоматический пост наблюдений с устремившейся в эфир радиомачтой. Рядом с ней стоял сборный восьмикомнатный домик, ставший резиденцией Эйнсона. Две комнаты относились к жилым, в остальных должна была храниться необходимая аппаратура для записи и интерпретации языка риномэнов, оружие, медицинские и прочие средства, электростанция и пищевой синтезатор, работавший на воде, песке, камнях — на всем, чем угодно.

За работой людей с некоторого расстояния, втянув свои конечности, наблюдала взрослая самка с детенышем. «Пожелаем им всем удачи и поскорее уберемся отсюда ко всем чертям», — подумал Латтимор.

— Надеюсь, мой сын, ты обретешь здесь мир, — сказал священник, пожимая Эйнсону руку. — Помни, что на протяжении всего года твоего одиночества Бог всегда будет с тобой.

— Удачи в работе, Мелмус, — сказал адъютант. — Увидимся через год.

— Пока, Сэм, извини за тот синяк. — Квилтер похлопал Эйнсона по плечу.

— Ты уверен, что тебе больше ничего не потребуется? — спросила миссис Вархун.

Ответив как можно более в тон их речам, Альмер повернулся и захромал по направлению к своему новому дому. Они оснастили его хитроумными костылями для противостояния гравитации, но к ним еще следовало привыкать. Он лег на кровать, заложив руки за голову, и стал слушать, как они отъезжали.

Глава 13

«Ганзас», а точнее, люди, работавшие на нем, сделали очень много интересных находок. Редко когда ученым удавалось собрать столь разнообразный материал.

До момента старта корабля группа, которая работала со штурманом Марселем Глитом, закончила расчеты, которые показали чрезвычайно большую эксцентричность орбиты планеты Песталоцци.

В этот период ночь на Песталоцци была довольно яркой и пестрой. Когда окрашенное в шафрановый цвет солнце закатилось на горизонт на западе и украшенные тени прорезали сумерки, на юге показалась яркая желтая звезда. Для невооруженного глаза ее твердый диск был неразличим, но она с честью выполняла роль местной луны. Еще до того, как движение планеты перенесло ее за линию горизонта, на арену вышло следующее светило. Эта желанная белая звезда блистала до самого утра, тускнея, лишь когда шафрановое солнце опять набирало силу.

Глит, его товарищи и компьютеры установили, что белое, желтое и шафрановое солнца образуют триединую систему, в которой соперничают друг с другом.

Раз в много лет они сходятся достаточно близко, чтобы оказать влияние на орбиту Песталоцци. Испытывая силу притяжения двух других солнц, планета выходит из-под контроля своего прежнего светила и начинает вращаться вокруг нового. Когда через несколько лет эти космические тела опять сойдутся вместе, планета перейдет к третьему солнцу, а затем вернется к первому, как бы исполняя флирт в танце «Извините».

Это открытие дало пищу как философам, так и математикам. Помимо прочего, оно объясняло толстокожесть риномэнов, ибо только перепад температур, который им приходилось выдерживать, не говоря о катаклизмах, связанных со сменой орбиты, повергал человека в глубокое изумление.

Как заметил Латтимор, это астрономическое явление в конечном итоге служило ключом к объяснению флегматичности и невосприимчивости к боли населявших планету гуманоидов. Они развились в таких условиях, которые могли бы уничтожить жизнь на Земле в самом зародыше.

Продолжая разведку, «Ганзас» приземлялся на остальных четырнадцати планетах шестизвездного созвез-

дия. На четырех из них оказались вполне подходящие для человека условия, причем на трех — вовсе идеальные.

Эти равнинные планеты, представлявшие собой огромную потенциальную ценность для человека, получили название Генезис, Экзодус и Намберс (никто не согласился с именем Леватикус, предложенным священником).

На этих и еще четырех планетах, где те или иные условия оказались неприемлемы для человека, были обнаружены гуманоиды. Несмотря на малочисленность, они проявляли еще большую стойкость к окружавшим их условиям.

К несчастью, не обошлось без инцидентов. На Генезисе на борт корабля была допущена группа риномэнов. По настоянию миссис Вархун их провели на коммуникационную палубу, где она попыталась завязать беседу, частично с помощью звуков и знаков, а частично — видеокартинок, которые Латтимор и Квилтер показывали на экране. Она имитировала звуки гуманоидов, а те имитировали ее голос. Все шло как нельзя лучше, как вдруг заключенные палубой ниже риномэны, как назло, дали о себе знать.

Можно только догадываться, о чем шел разговор, но пришельцы обратились в бегство. Квилтер храбро попытался встать у них на пути, но был сбит с ног и сломал руку.

Риномэны столпились в лифте и все были перебиты. Это несчастье всех глубоко разочаровало.

На одной из наиболее суровых планет, где, по всеобщему мнению, человек не долго смог бы продержаться, произошло нечто еще хуже.

Эту планету назвали Ганзас. Поскольку ее посещали последней, до нее уже докатился слух о человеке, как и следовало ожидать.

На отдаленном скалистом плато северного полушария жило свирепое существо, в обиходе прозванное щетинистым медведем. Он напоминал бы детеныша полярного медведя, если бы не полосатая шкура с чередующимися участками щетины и длинного белого меха. Ноги у него были мохнатыми, клыки острыми, а сам он —

коварным. Хотя обычно он охотился на маленького китарогатика, обитавшего в умеренных водах морей Ганзаса, он не брезговал и шестипалыми риномэнами, вторгшимися в его дом.

Неудивительно, что этот исключительно редкий враг воспитал в местных риномэнах драчливость. Как бы то ни было, первые земляне, открывшие огонь по гуманоидам, были встречены ответным огнем. «Ганзас» оказался под неожиданной бомбардировкой из укрепленной в скале позиции.

Прежде чем врага обезвредили, прямое попадание в открытый люк одной из личных кают принесло большие разрушения.

Потребовалось пять дней непрерывной посменной работы инженеров для восстановления разрушенного, а затем еще неделя терпеливой и кропотливой проверки корпуса на прочность.

К концу работ миссис Вархун невероятно развеселилась.

— Что бы мне ни приходило в голову, когда я наткнулась на ту статую, это было какое-то умственное затмение, — говорила она, обняв колени Брайана Латтимора. — Ты знаешь, я была так изумлена в тот день. Мне казалось, будто в каком-то месте эволюционной кривой человек свернул не в ту сторону.

— Всегда доверяй своим первым впечатлениям, — посоветовал Латтимор. Теперь, после того как он ее приручил, можно было и пошутить.

— Как только мы доставим этих пришельцев на Землю и выучим их английскому, я буду чувствовать себя лучше. Я слишком серьезно отношусь к своей профессии — наверное, это признак незрелости. Но нам предстоит такой огромный обмен информацией... Ох, Брайан... Я слишком много говорю, правда?

— Я люблю тебя слушать.

— Здесь так уютно, на этой шкуре, — и она с удовольствием стала теребить кончиками пальцев чередующиеся полосы меха и щетины.

Латтимор наблюдал за ее красивыми ловкими пальцами с бесстрастной жадностью. Он сказал:

— Завтра мы наполняемся вакуумом, чтобы лететь на Землю. И я не хочу терять связь с тобой, Хилари. Ты не можешь рассказать о своих отношениях с сэром Михали Пацтором?

Она выглядела смущенной, хотя, возможно, пыталась заставить себя покраснеть. Но прежде чем она смогла ответить, в дверь комнаты Латтимора постучали, и вошел Квилтер с винтовкой Латтимора. Он дружески кивнул вскочившей миссис Вархун, которая поправляла плечевой ремень.

— Она вся вычищена и готова к дальнейшим действиям. — Он положил винтовку на стол, хотя его взгляд был все еще прикован к миссис Вархун. — Кстати, о действиях. У нас возникнут неприятности на рабочей палубе, если не будут приняты какие-нибудь меры.

— Какие неприятности? — лениво спросил Латтимор, надевая очки и предлагая обоим сигары.

— Примерно то же, что случилось у нас на «Мариестоупсе». Все эти риномэны у нас на борту здорово срут. Люди отказываются убирать это без дополнительной платы. А что действительно взбесило их — это что сегодня утром на палубе Г сломался пищевой синтезатор, и им дали мясо животных. Повара думали, что никто не заметит, но несколько парней сейчас в лазарете с холестериновым отравлением.

— Кто так управляет кораблем! — не без удовольствия воскликнул Латтимор, ибо, чем больше он слышал о промахах других, тем выше ценил свои заслуги. С другой стороны, миссис Вархун это не понравилось, главным образом потому, что ей не нравились возникшие между Брайаном и Квилтером приятельские отношения.

— Мясо животных не ядовито, — сказала она. — В отдаленных районах на Земле некоторые народы постоянно употребляют его в пищу. — Ей не хватило смелости сказать, что оно понравилось ей самой во время уединенного обеда с Пацтором в его квартире.

— Да, но только мы более цивилизованы, чем они. Квилтер втянул всеми легкими дым сигары. — Потому парни собираются устроить забастовку, не желая убирать это говно.

Миссис Вархун увидела на их лицах сардонические усмешки, такие же как та, что периодически появлялась на лице мистера Вархуна. Как откровение, она вдруг увидела, как глубоко ненавидит это обезьянье мужское превосходство, и память о нежной, благородной статуе с Песталоцци укрепила ее в своей ненависти.

— Вы все одинаковы, мужчины! — закричала она. — Вы оторвались от реальной жизни так, как ни одна женщина не смогла бы оторваться. Хорошо ли, плохо ли, но мы — плотоядные животные, и всегда ими были. Мясо животных не ядовито — если вы почувствовали себя плохо, съев его, это ваш ум отравляет вас. А экскременты — неужели вы не понимаете, что для наших бедных пленников это символ плодородия и что испражнениями они торжественно возвращают земле взятые у нее и использованные минеральные соли. Боже мой, что же здесь такого отвратительного? Неужели это омерзительнее земных религий, занимающихся человеческими жертвоприношениями выдуманным идолам? Проблема нашей культуры в том, что она основана на страхе перед грязью, ядом, экскрементами. Вы думаете, что экскременты — это плохо, но гораздо ужаснее ваш страх перед ними!

Она бросила сигару и загасила ее каблуком, как бы снимая маску искусственности. Латтимор приподнял бровь.

— Что с тобой, Хилари? Никто не боится этих вещей. Нам они просто надоели. Как ты говоришь, это отходы. Хорошо — и поступай с ними, как с отходами, не надо вставать на колени перед ними. Неудивительно, что эти чертовы риномэны не сдвинулись с места, раз вся их жизнь посвящена преклонению перед собственными экскрементами.

— Кстати, — вставил разумный Квилтер, привыкший к непоследовательному поведению женщин, — наши парни возражают не против того, чтобы выгребать это лопатами. Им не нравится работа без дополнительной платы.

— Но вы оба совершенно не понимаете, что я имею в виду, — с жаром произнесла миссис Вархун, запуская в волосы свои хорошенькие пальчики.

— Хватит, Хилари, — резко сказал Латтимор. — Кончай этот приступ увлечения натурализмом.

На следующий день отремонтированный «Ганзас» покинул запретную планету вместе со всем своим грузом живых организмов, их страхами и надеждами, успехами и неудачами, и взял транспонентальный и трансцендентальный курс на планету Земля.

Глава 14

Старик Альмер все еще не мог до конца проснуться. Он с силой сопротивлялся попыткам Снок-Снока Карна поднять его, пока молодой утод не приподнял его своими четырьмя ногами и не потряс.

— Ты должен полностью проснуться, мой дорогой мэнлег. Возьми костыли и подойди к двери.

— Мои старые кости не гнутся, Снок-Снок. И это мне даже нравится, покуда я могу спокойно лежать в горизонтальном положении.

— Ты готовишься к стадии кариона, — сказал утод. С годами он научился пользоваться только дыхательным и звуковым горлами, так, что они с Эйнсоном могли поддерживать беседу. — Когда ты вступишь в карион, мы с матерью посадим тебя под ампами, и в следующий свой цикл ты станешь утодом.

— Большое спасибо, но ведь ты не для этого разбудил меня. Что случилось? Что тебя беспокоит?

Даже через сорок лет общения с Эйнсоном Снок-Снок не понимал значения этой фразы и потому пропускал ее мимо ушей.

— Сюда идут мэнлеги. Я видел, как они пробирались на своих четырехколесных круглых существах к нашей навозной куче.

Эйнсон пристегнул ножные помочи.

— Люди? Я не верю в это, после стольких лет...

Подхватив костыли, он спустился по коридору к выходу. Со всех сторон его окружали двери, которые уже столько времени никто не открывал и которые хранили оружие и амуницию, записывающую аппаратуру и сгнившие запасы.

Они интересовали его не больше, чем автоматический пост наблюдений, давным-давно снесенный могущественными дапдрофскими штормами и гравитационными толчками.

Гроги устремились вперед Снок-Снока и Эйнсона и плюхнулись в навозную кучу, в которой нежилась Квекво. Снок-Снок и Эйнсон в нерешительности остановились в дверном проеме, выглядывая через проволоку. К воротам подскочил четырехколесный вездеход.

«После сорока лет, — думал Эйнсон, — сорока лет мира и спокойствия, хотя не все они были так уж благополучны, им потребовалось явиться и потревожить меня!

Они могли бы дать мне умереть спокойно. Я смог бы это сделать еще до начала следующего эсоуда и не возражал бы, чтобы меня похоронили под амповыми деревьями».

Он свистнул своему грогу и остался ждать на месте.

Из вездехода выпрыгнули три человека.

Повинуясь подсознательной мысли, Эйнсон вернулся в коридор и толкнул дверь в небольшую оружейную комнату, привыкая к свету. Повсюду лежал толстый слой пыли. Он открыл металлическую коробку и вынул винтовку, поблескивавшую матовым светом; но где же была амуниция?

Он с отвращением оглядел окружавший его беспорядок, бросил оружие на грязный пол и, шаркая, вернулся в коридор. Он слишком долго наслаждался на Дапдрофе покоем, чтобы теперь стрелять из ружья.

Один из людей, высадившихся из вездехода, был уже почти у входной двери. Двух других он оставил у входа в форт.

Эйнсон дрогнул. Как он обращался к себе подобным? К этому парню не так-то просто обратиться. Хотя, вероятно, он был чуть старше Эйнсона, его не коснулись сорок лет утроенной гравитации. Он был одет в форму, — безусловно, служба поддерживала его тело в хорошем состоянии, что бы там ни было с разумом. Его лицо имело такое откормленное и в то же время ханжеское выражение, как будто он только что отобедал вместе с епископом.

— Вы — Самюэль Мелмус с «Ганзаса»? — спросил солдат, принимая нейтральную позу на укрепленных против гравитации ногах, заслоняя собой дверь. Его вид изумил Эйнсона: две одетые конечности выглядят странно, если ты к этому не привык.

— Мелмус? — спросил солдат.

Эйнсон не понимал, что тот имел в виду, он не мог подобрать подходящий ответ.

— Ну, ну, ведь ты же — Мелмус с «Ганзаса», не так ли?

Слова опять повисли в воздухе.

— Он ошибся, — решил Снок-Снок, ближе подходя к незнакомцу.

— Ты не мог бы приказать своим животным не выходить из лужи? Ты — Мелмус, я узнаю тебя. Почему ты мне не отвечаешь?

В мозгу Эйнсона зашевелились обрывки старых фраз.

— Похоже на дождь, — сказал он.

— Ты можешь говорить! Боюсь, тебе пришлось слишком долго ждать освобождения. Как ты, Мелмус? Ты не помнишь меня?

Эйнсон безнадежно уставился на фигуру военного. Он никого не мог вспомнить с Земли, кроме своего отца.

— Я боюсь... Прошло столько времени... Я был один.

— Сорок один год. Меня зовут Квилтер, Хэнк Квилтер, капитан межзвездного корабля «Хайтейл»... Квилтер. Ты помнишь меня?

— Прошло столько времени.

— Я когда-то поставил тебе синяк. Все эти годы меня мучила совесть. Когда меня направили в этот военный сектор, я не преминул заглянуть к тебе. Я рад, что ты не держишь на меня зла, хотя это большой щелчок по носу — сознавать, что тебя просто забыли. Как тут было, на Песталоцци?

Он хотел быть радушным по отношению к этому парню, который, казалось, хотел ему добра, но не мог вести нормальную беседу.

— Э-э... Песта... песта... я был заперт все эти годы здесь, на Дандрофе. — Затем он подумал о чем-то, что

беспокоило его — быть может, в течение лет десяти, но очень давно. Он оперся на дверной косяк, прокашлялся и спросил:

— Почему они не приехали за мной, капитан... э-э, капитан?..

— Капитан Квилтер. Хэнк. Я в самом деле удивляюсь, почему ты не узнаешь меня. Я очень хорошо тебя помню, хотя за это время один дьявол знает, через что я прошел... Ну это дело прошлое, а твой вопрос требует ответа. Можно мне войти?

— Войти? Да, вы можете войти.

Капитан Квилтер заглянул за спину старого калеки, принюхался и покачал головой. Очевидно, старик стал совсем местным и приглашал свиней в дом.

— Может быть, лучше тебе пройти в вездеход? У меня есть бутылка виски, которая тебе может оказаться полезной.

— Хорошо. А могут Снок-Снок и Квекво пойти с нами?

— Ради Бога! Эти двое? От них несет... Может быть, ты привык к ним, Мелмус, но я еще нет. Позволь предложить свою руку.

Эйнсон с гневом отбросил руку обидчика и поплелся на своих костылях.

— Я не задержусь, Снок-Снок, — сказал он на только им двум понятном языке. — Мне надо кое-что выяснить.

С удовольствием он заметил, что пыхтел гораздо меньше капитана. Они оба отдохнули в вездеходе под взглядами двух рядовых, выражавших скрытый интерес. Как бы извиняясь, капитан предложил бутылку и, когда Эйнсон отказался, выпил ее сам.

Воспользовавшись паузой, Эйнсон попытался приготовить какую-нибудь дружелюбную фразу. Но все, что он смог выдавить, было:

— Они так и не приехали за мной, капитан.

— В этом некого винить, Мелмус. Поверь мне, здесь ты был далеко от всех проблем. На Земле творилось черт знает что. Пожалуй, я расскажу об этом. Ты помнишь продолжительные конфликты на Хароне, которые велись

по старой системе? Так вот, там вышла из-под контроля Англо-Бразильская война. Британцы стали нарушать тогдашние военные законы. Обнаружилось, что они тайно доставили одного высококвалифицированного специалиста — главного исследователя, — который мог бы создать для них неоправданные преимущества в конфликте, применив на месте свои знания. Знаешь, я все это учил в школе военной истории, но мелкие детали все равно забываются. Как бы там ни было, этого парня, исследователя, вернули с Харона на Землю для того, чтобы предать суду, и тут же пристрелили. Бразильцы сказали, что он покончил самоубийством. Британцы — что его убили бразильцы; в это вовлекли и Штаты — оказалось, что рядом с тюрьмой нашли американский револьвер, в общем, не успел никто глазом моргнуть, как началась допотопная война, прямо на Земле.

Старик Эйнсон полностью растерялся, он ничего не мог сказать в ответ.

— Вы решили, что меня застрелили? — спросил он.

Квилтер глотнул виски.

— Мы не знали, что с тобой случилось. Мировая война началась на Земле в 2037 году, и о тебе в некоторой степени забыли. Хотя в этом секторе космоса бои тоже велись, особенно на Намберсе и Генезисе. Они практически уничтожены. Клементине тоже здорово досталось. Вам еще повезло, что здесь использовалось только обычное оружие. Неужели вы здесь ничего не видели?

— Сражения на Дапдрофе?

— Сражения на Песталоцци.

— Здесь не было сражений, я ничего не знаю об этом.

— Должно быть, вас в этом полушарии пронесло. Северное полушарие все обуглено — я видел, спускаясь.

— Вы так и не приехали за мной.

— О черт, ведь я объясняю, не так ли? Выпей, это встряхнет тебя. О тебе очень мало кто знал, и я думаю, что большинство из них уже умерли. Я пыжился изо всех сил, чтобы вытащить тебя. Теперь у меня свой корабль, где я — капитан, и я с радостью отвезу тебя домой. Правда, от Великобритании остались лишь куски,

но тебя с удовольствием примут Штаты. Это будет что-то вроде платы за тот синяк, хорошо? Что скажешь, Мелмус?

Эйнсон приложился к бутылке. Он мог с трудом принять идею возвращения на землю. Там ему многого будет не хватать. Но его долг — стремиться вернуться туда.

— Я вспомнил, капитан. У меня есть все записи и словари, и все остальное.

— Что — остальное?

— Ну, теперь вы забываете. То, за чем меня сюда высадили. Я кое-что выучил из утодианского языка, на котором разговаривают эти... пришельцы.

Квилтер почувствовал себя очень неловко. Он вытер губы кулаком.

— Может быть, мы заберем это в следующий раз?

— Еще через сорок лет? Ну уж нет. Я не собираюсь возвращаться на Землю без этого груза. Это дело всей моей жизни, капитан.

— Да, конечно, — вздохнул Квилтер. А как часто, подумал он, дело всей жизни не представляет ценности ни для кого, кроме того, кто занимался им. Ему не хватило мужества сказать этому старому бедняге, что пришельцы уже практически вымерли, уничтоженные тяготами войны, на всех планетах созвездия Шести Звезд, за исключением нескольких жалких сотен, еще теплившихся в южной части Песталоцци. Это было тем, что называется «несчастный случай».

— Мы возьмем все, что ты захочешь, Мелмус, — тяжело сказал он. Он встал, поправляя форму, и сделал знак двум стоявшим как истуканы солдатам.

— Бонн, Уилкинсон, подгоните вездеход к дверям лачуги и заберите вещи мистера Мелмуса.

Все происходило слишком быстро для Эйнсона. Он почувствовал, что вот-вот расплачется. Квилтер потрепал его по спине.

— Все будет хорошо. Тебя наверняка поджидает пачка кредиток в каком-нибудь банке. Я прослежу, чтобы тебе выплатили все, до последнего цента. Ты будешь радоваться, когда выберешься из этой чертовой гравитации.

Закашлявшись, старик пошатнулся на костылях. Как он мог сказать «прощай» дорогой старушке Квекво, которая потратила столько сил, чтобы передать ему часть своей мудрости, и Снок-Сноку... Он начал плакать.

Квилтер тактично отвернулся и принялся рассматривать жесткую весеннюю листву.

— Я не привык к такому напитку, капитан Принтер, — через минуту прервал молчание Эйнсон. — Вы, кажется, сказали, что Англия уничтожена?

— Не беспокойся об этом, Мелмус. На Земле сейчас чудесно, я клянусь. Жизнь все еще несколько регламентирована, но все разногласия между народами улажены, по крайней мере на данный момент. Все отстраивается заново и с бешеной скоростью — война, конечно, дала огромный толчок техническому прогрессу. Я хотел бы оказаться сейчас моложе лет на двадцать.

— Но вы сказали, что Англия...

Сейчас они осушают половину Северного моря, чтобы засыпать промежутки между разъединенными кусками пахотным слоем, и начинают перестраивать Лондон конечно поскромнее, чем было.

Квилтер с чувством обхватил сгорбленные плечи Эйнсона, думая, какой отрезок истории заключается в этом узком пространстве.

Старик яростно тряхнул головой, сбрасывая слезы.

— Проблема в том, что за все эти годы я потерял чувствительность. Не думаю, чтобы я когда-нибудь смог с кем-нибудь войти в контакт.

Квилтер проглотил подступивший к горлу комок. Сорок лет! Неудивительно, что этот старик чувствует себя подобным образом. А ведь всякие мерзавцы смогут упиваться этой историей!!

— Ну, все это чепуха. Мы с тобой скоро будем на короткой ноге, так ведь, Мелмус?

— Да, да, конечно, капитан Квилтер.

Наконец военная машина удалилась прочь от форта. Оба утода стояли с выпущенными конечностями у края навозной кучи и наблюдали за вездеходом. Только

когда тот скрылся из виду, они переглянулись и сказали что-то друг другу на языке, недоступном человеческому уху.

Молодой утод вошел в опустевшее здание и принялся искать оружие. По приказу того, который говорил о смерти многих утодов, солдаты оставили винтовки и боеприпасы на месте.

Снок-Снок повернулся с чувством глубокого удовлетворения и, не останавливаясь, вышел за ворота форта. Небольшую часть своей жизни он провел терпеливым пленником. Теперь настало время думать о свободе.

Время, когда и его остальные братья думали о свободе.

СОДЕРЖАНИЕ

САД ВРЕМЕНИ

Роман. *Перевод Н. Самариной*

КНИГА ПЕРВАЯ

I. Постель из красного песчаника 7
II. Вверх по энтропическому склону 23
III. Амниотическое Яйцо 30
IV. Лишь нечто большее, чем смерть 46
V. Новости разного рода 57
VI. Циферблат 66
VII. Десятый взвод 75
VIII. Напутствие Вордсворта 85

КНИГА ВТОРАЯ

I. В чужом саду 95
II. Великий Викторианский дворец 111
III. Под кринолинами королевы 121
IV. Луч, оказавшийся безвредным 130
V. За гранью времен 137
VI. Поколение Гималаев 144
VII. Когда мертвый оживает 152
VIII. Распад 162
IX. Всегалактический Бог 169

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ПЛАНЕТА

Рассказы. *Перевод Б. Конского*

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ПЛАНЕТА 183
ОСТОРОЖНО: СУТАНЫ! 235
СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ УБИЙСТВА 293

НА БЕЛОЙ ПОЛОСЕ

Роман. *Перевод Н. Самариной*

Глава 1 351
Глава 2 361
Глава 3 368
Глава 4 377
Глава 5 386
Глава 6 400
Глава 7 416
Глава 8 429
Глава 9 440
Глава 10 453
Глава 11 465
Глава 12 472
Глава 13 480
Глава 14 486

Литературно-художественное издание

Брайан Олдисс
БОЛЬШЕ ЧЕМ СМЕРТЬ

Ответственный редактор
Геннадий Белов

Художественный редактор
Вадим Пожидаев

Технический редактор
Татьяна Тихомирова

Корректоры
Неля Йовчак
Галина Горянова
Галина Тимошенко

Верстка
Алексея Соколова

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано к печати
с оригинал-макета 24.01.97.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Гарнитура «Петербург».
Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Изд. № 255.
Заказ № 698.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 57.

БРАЙАН УИЛСОН ОЛДИСС (р. 1925) – один из наиболее именитых и часто переиздающихся английских фантастов. Олдисс – это целая эпоха фантастической литературы. Многие ныне работающие писатели считают Олдисса своим учителем, Мастером, показавшим новый путь развития фантастики. Олдисс – не только писатель, он также и редактор, критик, составитель сборников, участник множества энциклопедических и библиографических проектов. Замечательный фантаст удостоен самых престижных литературных премий – "Хьюго", "Небьюла", Всемирная премия фантастики, Мемориал Кэмпбела. Из-под пера Олдисса вышли такие известные во всем мире романы, как "Теплица", "Серобородый", "Босиком в голове".

БРАЙАН ОЛДИСС

Больше чем смерть

Насколько велика ответственность каждого конкретного человека перед лицом Мировой Истории? Насколько широко можно трактовать понятие "Время"? Как устоять перед соблазном вседозволенности и не упасть в пропасть Гордыни и Безверия? Ответы на эти вопросы раскрываются лишь в процессе личного духовного опыта, после череды тяжких испытаний и непоправимых ошибок. Цвет твоей Мечты должен оставаться незамутненным дурной пеленой лукавой Иллюзии, иначе с тобой может случиться нечто

БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ СМЕРТЬ

4 600202 000929